

ВАДИМ ПАНОВ
ХАОСОВЕРШЕНСТВО

природные катаклизмы... энергетический коллапс... закат
цивилизации...

ЧТО ДАЛЬШЕ?
Загляни www реальное будущее!

НОВЫЙ РОМАН
из цикла «Анклавы»

более 3 000 000 читателей

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ!

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9, ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс», «Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс», «Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография» 143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2

Зак. 2076 Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

©«ЕСЛИ», 2010

ФАНАСТИКА № 10 (212)

ISSN 1680-645X

ЕСЛИ

51 Стивен БАКСТЕР

ЗЕМЛЯ-2

Эта планета стала приютом для колонистов, спасшихся с Земли. Но и на новой родине их потомков ждут суровые испытания.

197 Майк РЕЗНИК

ОХОТНИКИ ЗА СУВЕНИРАМИ

Врага надо знать в лицо. Если вы таковое найдете.

3 Сергей СИНЯКИН

УКУС, УДАР, ОПЛЕУХА И МНОГИЕ ДРУГИЕ

Звезды на небе разглядывать - это не деньги считать. Но и из астрономов порой выходит толк.

17 Крис БЕКЕТТ

АТОМНАЯ ИСТИНА

Когда-то очкариков дразнили. Теперь человек, желающий смотреть на мир невооруженным глазом, - изолят-одиночка.

33 Тимур АЛИЕВ, Евгений ГАРКУШЕВ

МУЛЬТИТРЕГЕРЫ

Провозглашена эра новых людей с мультиспособностями. Гай Юлий Цезарь нервно курит...

139 Джон ШИРЛИ

ПРАВА АНИМУСА

Думаете, войны затевают сами люди?

155 Иэн МАКХЬЮ

НЕСПЯЩИЕ В ДОМЕ ЙЕ

А уснуть в этом доме или просто расслабиться - смерти подобно.

169 Бенджамин КРОУЭЛЛ

БОЛЬШОЕ ВЕДРО

Нерасхожееместилище пространства и времени.

127 Матвей ГРИБКОВ

ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

НА ГРАНИ СЕКРЕТНЫХ МАТЕРИАЛОВ

НФ-сериалы все активнее захватывают зрительские предпочтения.

133 Сергей ЦВЕТКОВ

ЭЛЕМЕНТАРНО, ЗРИТЕЛЬ!

Чем фантастичнее преступления, тем фантастичнее методы их раскрытия. Сложнее ли стало сыщикам на стыке жанров?

130 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Кристофер Нолан подарил нам путешествие по снам и один из лучших фантастических фильмов последних лет.

247 Николай КАЛИНИЧЕНКО

МЕТОД БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТИ

...или история о том, как братья по разуму обернулись Чужими.

255 РЕЦЕНЗИИ

Сегодня в нашем читательском меню почти все жанровые направления - и космоопера, и фэнтези, и абсурдистская НФ, и приключенческая, и «интеллектуальная проза для избранных»...
Читайте на здоровье!

261 Сергей ШИКАРЕВ

ПОГРУЖЕНИЕ В БУДУЩЕЕ

Западные и отечественные критики на редкость единодушны в оценке этого романа: автор создал удивительно достоверный образ будущего.

267 КУРСОР

Называем лауреатов «Еврокона», премии критиков «Филигрань» и Sidewise Awards.

263 Аркадий ШУШПАНОВ

ПИРОГ ДЛЯ ЗВАННЫХ ГОСТЕЙ

Быть может, ознакомившись с этим интернет-голосованием,

отечественные режиссеры, рискнувшие снимать жанровое кино, узнают, чего ждет от них зритель.

269 ПЕРСОНАЛИИ

В жизни они самые обыкновенные люди... Во всяком случае до тех пор, пока не сядут за клавиатуру.

СЕРГЕЙ СИНЯКИН **УКУС, УДАР, ОПЛЕУХА И МНОГИЕ ДРУГИЕ**

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

По профессии я юрист.

Правильнее будет сказать, был им до прошлого понедельника. В понедельник меня вызвал директор фирмы, посидел, горестно и жалостливо глядя на меня, полистал какие-то бумаги, что лежали перед ним, и сказал:

- Три последних иска вы проиграли, Игорь Михайлович. Я правильно

излагаю?

- Были тому причины, - вяло возразил я.

Что тут говорить, наверху уже приняли решение, и менять его никто не собирался.

Ежу понятно: на кой черт им держать юриста, который не может защищать интересы предприятия? Положа руку на сердце, я бы такого не пожалел. Поэтому я совершенно не удивился, когда директор сказал:

- Я вызвал вас, Игорь Михайлович, чтобы сообщить вам пренеприятнейшее известие...

- ...фирма в моих услугах больше не нуждается, - развел руками я. - Угадал?

- Вы читаете мои мысли, - ухмыльнулся директор. - Разумеется, все, что вам причитается по условиям контракта, вы получите. И даже маленькую премию, которой вы, конечно, не заслужили. Ее вы тоже получите.

К юристам и компьютерщикам надо относиться с той же осторожностью, как к главному бухгалтеру. Нельзя их обижать. Особенно при увольнении. А здесь я был сам виноват, хотя объективные обстоятельства все же имелись. Но спорить с работодателем себе дороже, особенно когда он все уже решил.

Из офиса я вышел безработным.

Можно было спокойно попить пивка в баре на Лермонтова. Впрочем, я и в рабочее время себе в этом не отказывал. Уютно было в баре, народ не мельтешил, случайные люди туда не забредали, администрация к ним относилась строго. Бармен при виде меня прямо расцвел. А как же - завсегдадай!

- О-о, Михалыч! Горло решил промочить?

- Праздник у меня сегодня, - сказал я, протягивая руку за кружкой с пенящимся золотым напитком.

- День рождения? - сообразил бармен.

- Бери выше, - сказал я и, поскольку на лице бармена проступило недоумение, пояснил: - Сегодня я избавился от оков, именуемых капиталистическим трудом.

- Свое дело завел? - по-своему понял меня бармен.

- Возможно, я поступлю именно так, - согласился я. - Для себя я пока не решил.

Присев за столик, я вздохнул. Даже открой я свое собственное дело, всю жизнь мне пришлось бы ишачить на других. Такова уж судьба юриста. Танцует девочку тот, кто платит за столик. А финансовое благополучие юриста напрямую зависит от проблем, которые возникают у людей. Личную независимость юристу могут гарантировать только выигрыш в казино или приличное наследство, оставленное заботливым родственником, поменявшим земную

прописку на небесную.

Пиво закончилось, новую кружку я заказывать не стал, а вышел на улицу.

Свободного времени было завались, я даже не знал, как теперь сумею его потратить.

Посидел в скверике, глядя, как наглые воробьи воруют хлебные крошки прямо со столиков летнего кафе. Это они считали, что воруют, на самом деле просто таскали бесхозное. Возбуди против них кто-нибудь дело, я бы развалил его в суде, даже особо не напрягаясь. К сожалению, дела против воробьев никто не возбуждал.

Заняться мне было особо нечем, день стоял солнечный, вот я и решил заглянуть в гости к Казимирычу.

Казимирыч - мой одноклассник, можно сказать, друг детства. Вместе на пустыре мячик пинали. А потом после школы черт меня понес в юристы, а Казимирыч учился очень хорошо, в астрономический кружок ходил, поэтому подался учиться на астронома и, к слову сказать, выучился. У него, как у сторожа, была ночная работа, он в телескоп звезды разглядывал, а потом описывал свои наблюдения в научных трудах. По мне, так все эти науки скучны, как диалектический материализм или нормы гражданского права. Но тут уж ничего не поделаешь: вначале мы выбираем работу, а потом она определяет всю нашу жизнь. Правда, зарабатывал он, как это точнее сказать... короче, на хлеб хватало, масло было по праздникам, а икра - только в том случае, если на банкет пригласили или кто-то более зажиточный и удачливый в гости зашел. Я к таковым пока не относился.

И тут надо сказать, что если бы Казимирыча не оказалось дома, жизнь моя пошла бы по совершенно иному руслу. Но Казимирыч был дома. И он совсем не удивился моему визиту, словно мы накануне о встрече договаривались.

- А-а, - сказал он. - Заходи, Игорёк, заходи. Как жизнь? Все людей сажаешь?

Если некоторым людям что-то втемяшется в голову, то потом эту темяшку ничем не изгонишь. В представлении Казимирыча юрист обязательно сажает людей в тюрьму. То есть юрист сажает, адвокат защищает. И не объяснишь ему, что юристы разные бывают, адвокаты тоже юристы, а к правоохранительным органам я не имею никакого отношения. Адвокат с ними чаще общается, чем простой российский юрист.

Посидели мы с ним на кухне, распили бутылочку коньяка под воспоминания о нашем розовощеком и безоблачном детстве, потихоньку спустились на грешную землю и вернулись к насущным проблемам.

- Уволили? - удивился Казимирыч. - За что?

Эх, голова твоя научная! Это у тебя каждый день одни и те же звезды

на небе, а мне судьба каждый день что-то новенькое подкидывала. Смотрю я на Казимирыча, а он от коньячка размяк, личико у него совсем благодушным стало, сидит и время от времени лысину потирает. Я вам так скажу: есть люди, которые от рождения лысые. Сначала рождаются такими, потом их мама каждый месяц наголо стрижет, а когда человек некоторую самостоятельность приобретает, поздно становится - лысина уже захватывает большую часть головы и отдавать завоеванные рубежи не собирается. Казимирыч как раз из таких был. Наличие лысины он пытался компенсировать редкой бороденкой и при этом носил очки в круглой оправе. Гарри Поттер, достигший пенсионного возраста.

- И что ты собираешься делать? - спрашивает он меня.

- Месячишко посижу дома, отдохну от мирской суеты, - сказал я. - Потом работу начну искать. «Бьет меня жизнь, что оглобля...»

- Кстати, - оживился Казимирыч. - Погоди-ка!

И включил телевизор, что стоял у него на холодильнике. Телевизор посипел немного и выдал картинку: два мордovorота в трусах расхаживали по рингу и поочередно отвечивали друг другу звонкие оплеухи.

- Казимирыч, - удивился я. - Ты что, боксом увлекся?

- Да нет, - отозвался друг детства. - Тут другое. Понимаешь, ну, нравится мне, когда два миллионера друг друга по морде бьют.

- Да, - сразу понял его я. - Спорт сейчас - занятие для богатых. В футболе бешеные бабки платят, там вообще двадцать два миллионера друг за другом по полю гоняются, из-за одного мячика увечье нанести готовы!

- Тоже интересно, - сказал Казимирыч, снял очки и, близоруко щурясь, принялся протирать линзы носовым платком.

Я сразу понял, что есть у него ко мне разговор. Он еще в детстве, если попадал в затруднительное положение, сразу принимался протирать стекла очков.

- А что, Туз, - спрашивает Казимирыч, - частная собственность и в самом деле неприкосновенна?

Надо же, допекло мужика, если он меня детским прозвищем называть стал.

- А как же! - отозвался я. - До первой революции. А там, сам понимаешь: кто был никем... А ты что, частной собственностью обзавелся?

- Есть мысли, - сказал Казимирыч.

Ну, посидели мы, еще по рюмочке приняли, Казимирыч болеть за одного из боксеров стал, раздухарился, даже движения его начал повторять. Потом вдруг посмотрел на меня и сник, словно воздушный шарик иголкой прокололи.

- Слушай, Туз, - сказал он. - Заработать хочешь?

- От денег только идиоты отказываются, - согласился я. - А сколько?
- Ну, - Казимирыч снова за очки схватился и давай линзы чистить. - Я об этом не думал... Скажем, миллиард на двоих?

- Деревянными?

- Зачем? - Казимирыч нацепил очки на нос и строго посмотрел на меня. - В баксах.

- Грешно смеяться над безработным, - хмуро сказал я. - Тебе, Казимирыч, хорошо: у тебя наука есть, умному человеку там всегда найдется на кусок хлеба с маслом. А что делать простому российскому юристу, которого лишили работы? Безработным быть глупо, а в грузчики подаваться нет особого желания.

- Слушать умных людей, - сказал товарищ.

- Ну, предположим, - согласился я. - Предположим, я тебя послушаю. И что мы будем делать? «Альфа-банк» грабить? Абрамовича в заложники возьмем?

- Это несерьезно, - хихикнул Казимирыч. - Все гораздо проще. Тебе можно доверять?

- За других не поручусь, - я внимательно разглядывал его возбужденное личико. - Но лично тебе ничего не грозит. Можешь мне верить, Сынок!

То, что я тоже назвал его детским прозвищем, Казимирыча сразу успокоило. Он вздохнул, решительно выключил телевизор и придвинулся ко мне, разливая коньяк по рюмкам.

- Ладно, Туз, - сказал он. - Слушай.

План был настолько прост и примитивен, что я сразу поверил: у нас получится.

Даже обидно стало, что мне это самому в голову не пришло. Конечно, некоторые сомнения имелись, идею Казимирыча следовало отшлифовать и с источниками права состыковать.

- А где гарантии? - сказал я. - До сих пор ведь ничего не случилось.

- Ну, знаешь, - Казимирыч развел ладошки в стороны. - Я тоже не Господь Бог. Но я тут обобщил данные за определенный период, по статистике получается, что время подошло. Конечно, тут все на счастливый случай рассчитано, но сам понимаешь: шансы увеличиваются пропорционально количеству собственности, зарегистрированной на тебя. А уж что именно тебе за столбить надо, я подскажу, можешь не сомневаться. Конечно, есть риск пролететь, но в случае удачи у каждого из нас нос в табаке и на столе полное изобилие. Да что стол - любые бабы сами на шею вешаться станут. Яхту и поместье на Гавайях хочешь?

- Ну, если бабы... - примирительно проворчал я. - Да еще поместье на Гавайях...

И начал действовать.

Право собственности я оформил на редкость легко. Оказывается, в

Нью-Йорке давно такая фирма существовала, оформляя в собственность любую недвижимость - от квартиры в каждом городе мира до звезды, удаленной от Солнца на миллионы световых лет. Помнится, я еще поинтересовался, есть ли на звезды спрос. Удивительно, но определенный спрос был. Некоторые клиенты таким образом о своих далеких потомках заботились. Но это их личное дело. Я даже не уверен, будут ли у меня отдаленные потомки. Так зачем мне их благополучие? Самому бы пожировать!

Свои приобретения я назвал Плевок, Толчок, Укус, Оплеуха, Удар и Громила, исходя из их предполагаемой опасности. Разумеется, названия были неофициальными, для меня, в документах нью-йоркской фирмы, которая занималась недвижимостью, они имели вполне пристойные названия.

- Что дальше? - спросил я Казимирыча.

- Ждать, - лаконично, в духе Атоса из «Трех мушкетеров», отозвался тот.

Ждать так ждать.

Через некоторое время я об этой своей собственности даже забыл. Что толку от булыжника, летающего в космическом пространстве за миллионы километров от Земли?

Первым на земном небосклоне засветился Укус.

Помните, все газеты писали о том, что в сторону Земли движется маленькая планета, с которой наша планета неминуемо столкнется, если не принять мер? Речь шла именно об Укусе. Я, конечно, встрепнулся, но Казимирыч меня охладил:

- Помалкивай, вероятность столкновения невелика.

И даже выступил в газетах с пространными статьями, убедительно и с выкладками доказывая, что астероид Эрос, так официально именовался Укус, пройдет мимо Земли.

Теперь вы уже поняли, на чем мы с Казимирычем собирались заработать? А все просто: мы решили наложить контрибуцию сразу на все население Земли. Миллиард, конечно, маловато, но большие деньги - большие трудности, вот мы и не стали рисковать: миллиард - это сумма, которую отдать не особенно жалко, коли речь идет о самом существовании жизни на Земле.

Вторым засветился Плевок.

Он именно засветился, поскольку был виден с Земли невооруженным глазом: этакое светлое пятнышко, плывущее среди звезд.

Казимирыч и на этот раз удержал меня от активности.

- Дохлый номер, - сказал он. - Мимо пролетит!

- Что-то я тебя не пойму, - вздохнул я. - Самое время народ на испуг брать, а ты мне советуешь не суетиться. На кой дьявол тогда мы все затеяли?

- Для того чтобы заработать, - сказал старый школьный товарищ. - А

ты хочешь все испортить.

И снова выступил в газетах, доказывая, что Плевок с Землей не столкнется. Ему вторили зарубежные астрономы, только во всех оптимистических прогнозах в их выступлениях проглядывала тревога: мол, столько непредсказуемого происходит в космосе, как бы чего не случилось... В качестве примеров приводили случаи столкновения Земли с метеоритами в далеком прошлом, оценивали Укус и Плевок в килотоннах. Выходило, что в случае столкновения население Земли сыграет в ящик, прикажет долго жить, споет последнюю песнь - выберет, значит, конец в соответствии со своим положением.

Я еще тогда заметил, что в этом научном хоре имеется определенная слаженность. Неужели Казимирыч с другими астрономами договорился? Впечатление создавалось такое, что все они просто запугивали человечество. Такое уже однажды было, когда писали про планету Нибиру, мол, приблизится она на положенное расстояние - и хана всем, сливайте воду, заканчивайте историю человечества. А потом Нибиру как-то незаметно исчезла, растворилась в небесном пространстве. Интересно, а была ли она на кого-нибудь оформлена? И кто на ней сорвал свой, подозреваю, весьма немаленький куш?

Разумеется, своими мыслями я с Казимирычем делиться не стал.

Через полгода вблизи Земли появилась Оплеуха. По сравнению с другими моими булыжниками Оплеуха имела малый размер. Поэтому засекали ее поздно, предпринять что-либо против нее не сумели, вот планетка и свалилась на голову жителя Северного Китая. Колыхнуло, конечно, всех, но китайцам досталось больше.

- Сынок, - сказал я другу Казимирычу. - И как это понимать? Бабки прямо из рук уплыли. Второго такого шанса может и не быть. Где гарантии, что какая-нибудь планетка на Землю грохнется? И потом, я, Казимирыч, свою собственность утратил. Соб-ствен-ность! Понимаешь?

- Понимаю, - говорит Казимирыч. - Но гарантии дает страховой полис. А у нас все рассчитано на случай.

Помахал назидательно пальцем и сказал:

- Заметь - рассчитанный случай. Понял, Туз?

Ни черта я не понял, но от спора с ним воздержался. И, признаюсь, последний год Казимирыч в своем научном сообществе немалый вес приобрел, к нему прислушивались, к нему обращались по разным астрономическим вопросам. Казимирыч изменился - и лысина стала благообразнее, и осанка появилась, голос сделался звучным, а кругленькие очочки сменились респектабельной оправой с дымчатыми линзами. Я даже подумывать стал, а не динамит ли меня бывший школьный товарищ? Заставил зарегистрировать на себя космические булыганы, а сам только и делает, что опровергает их возможность падения на Землю. Только в одном не сходилось: я в этой схеме был

явно лишним. Получалось, что Казимирыч просто использует ситуацию, чтобы прибавить себе научного авторитета.

- Жди, - сказал Казимирыч. - И постарайся не афишировать знакомство со мной.

Ждать - не бежать, от этого особо не устанешь. И насчет того, чтобы знакомство не афишировать, так слава богу, Казимирыч не кинозвезда и не Алла Пугачева, не Глюкоза какая-нибудь, чтобы таким знакомством на каждом углу хвастаться. Жрать, конечно, хочется, но я терплю. В долги влез, но это мне уже привычно было. Жду, как Казимирыч приказал.

Сам я уже подумывать стал, не пойти ли на поклон в адвокатскую контору. Больших дел мне, конечно, тамошние зубры не доверят, но ведь еще и государственная защита есть для безденежных клиентов. При определенном усердии на пиво заработать можно.

Хорошо, что я холостяк. Жена бы уже пилить начала, песнь завела про бездарность, которая копейку в дом не может принести. Но на этом фланге у меня все спокойно. Нет, жена у меня была когда-то, и женились мы, как говорится, по большой и чистой любви, только не вынесла она тягот супружества, покинула меня ради более удачливого бизнесмена. К тому времени мы уже так часто цапались, что ее уход я воспринял с внутренним ликованием и даже бутылочку коньячка себе позволил по случаю намечающегося безбрачия. С тех пор я в чьи-то супруги не рвусь, мне и так хорошо.

Жизнь моя текла размеренно и привычно, я уже про нашу с Казимирычем идею забывать стал. Люди предполагают, а располагает, само собой разумеется, природа. Против природы не попрешь.

И тут на небосклоне появился Громила. Ярко так появился, с сиянием и подмигиванием. И звонит мне Казимирыч:

- Ну, - спрашивает, - Туз, ты готов?

- Я как пионер, - говорю я. - Всегда готов. А не облажаемся?

- Девяносто против десяти, - говорит Казимирыч. - На такие шансы даже последний неудачник ловить станет. Читай газеты, Туз! Дальше ты уж сам, прояви свои юридические познания, не все же людей за решетку сажать!

Опять он со своими понятиями!

Я, конечно, промолчал и занялся тем, что он мне советовал: принялся газеты читать и телевизор внимательно проглядывать, особенно если новости показывали. И тут появляется заметка небольшая, даже не подписана автором, а там говорится, что Громила обязательно столкнется с Землей.

Через несколько дней один авторитетный профессор из Америки выступил по телевизору: мол, рад бы вас, сограждане, порадовать, но нечем - все мои расчеты говорят о том, что летящий астероид столкнется с нашей планетой, и разрушения будут такими, что

цивилизацию просто сотрет с лица Земли, а при самом благоприятном исходе отбросит нас к каменному веку.

Тут, смотрю, и Казимирыч с товарищами из Пулково высказался. Сухо так, с расчетами, выкладками, словом, академично, как он это умеет, Казимирыч доказал, что всем нам через девять месяцев будет хана. Одна надежда на атом: необходимо разнести астероид на мелкие кусочки и все будет о'кей!

Выступили и авторитетные военные из России, Штатов и Китая: какие проблемы, покажите нам цель! А чего ее показывать - вон она, на небосклоне тусклой звездочкой сияет.

И тут появился я.

С достоинством и гордым непониманием происходящего.

То есть как это - разнести на мелкие кусочки? Это вам не халям-палям, это чья-то собственность, вы сначала у собственника спросите, а потом уж ракеты в сторону астероида пускайте. Если собственник будет не против. А собственник - я. И не сомневайтесь, я буду против уничтожения моей собственности. А она, как известно, священна и неприкосновенна. И чтобы вопросов не было, вот, пожалуйста, документики разные, подтверждающие право собственности.

Разумеется, сначала всерьез меня не приняли.

Некоторые стали говорить, что перед лицом опасности я должен проявить человеческую солидарность. Мол, что толку во владении собственностью, если она вот-вот собственника жизни лишит? На это я ответил юридическими нормами и статьями. Жить, конечно, хочется, но не в нищете.

Народ взвился, тут вообще разговоры пошли, что раз собственник против уничтожения собственности, то, может, сначала самого собственника того... На это я заметил, что все будет передано по наследству, а у меня, слава богу, родители живые, два брата и пять племянников. Но раз вы так радикально ставите вопрос, то я не против: забирайте этот проклятый астероид и делайте с ним, что хотите. Но сначала собственнику заплатите.

Вот оно что! Ладно, говорят: создадим комиссию, которая вашу собственность оценит, и человечество компенсирует вам убытки. Я вздыхаю: это хорошо, говорю, что вы насчет убытков вспомнили, только зачем оценивать? Миллиард в долларах - и забирайте вы мою ценность в общеземное пользование.

Тут Казимирыч со своими друзьями-астрономами опять оживился: мол, вы торгуйтесь, да побыстрее, астероид Громила приближается к поясу повышенной опасности, если его там не перехватить, обломки на Земле такое устроят!

Представители ООН со мной поторговались и согласились, что миллиард долларов за астероид Громилу - нормальная цена, особенно если ее на все страны разбросать. Израильтяне тут же принялись

намекать: мол, раз владельцем является житель России, то Россия и должна выплатить большую сумму. Наши, конечно, возражать стали: хватит, мы и так человечество который раз спасаем, а если учесть, что Россия всему миру своим примером постоянно показывает, что так жить нельзя, то не худо было бы ее освободить от уплаты оброка.

А Казимирыч со своими друзьями все нагнетает обстановку - два месяца осталось, полтора...

Короче, плюнуло человечество, обозвало меня нехорошими словами и выплатило через ООН миллиард в конвертируемой валюте. Ровно через неделю в сторону астероида стартовали сотни ракет, ударили по нему всей мощью человеческого гения - только пар в космосе полетел, а от астероида мелкие обломки остались. А я сел подсчитывать прибыли и убытки.

Через некоторое время мне с прежней работы позвонили. Не хотите ли вернуться? Я говорю - подумаю, а сам понимаю, что кое-кто к кассе тайком подобраться хочет. А мне это ни к чему, у меня Казимирыч на хвосте. И тут я понимаю, что в покое меня не оставят. Пошел к старому знакомому из уголовников, он мне паспорт на чужую фамилию выписал, необходимые визы проставил. Пора, думаю, на крыло подниматься.

Недели через две приезжает ко мне Казимирыч. Заметьте, сам приехал.

- Ну, Туз, доволен? - спрашивает. - Давай бабки делить!

- А, Казимирыч, - отвечаю ему. - Это хорошо, что ты приехал, а то я думал, мне одному расплачиваться придется!

- За что? - удивляется он. - Ты, Туз, не дури, поровну не получится, столько людей в деле участвовало, значит, по справедливости делиться будем.

Знаю я, как другие люди справедливость понимают!

- По справедливости, - говорю, - так по справедливости. С вас и ваших коллег тридцать миллионов, и ни центом меньше.

- Как?! - Казимирыч даже коньяком подавился. - Ты, Туз, мозги мне не пудри!

- Арифметику знаешь? - говорю ему.

- Я не только арифметику, - гордо говорит Казимирыч, - я и высшую математику знаю...

- И арифметики хватит, - в тон ему отвечаю я. - Про налоги что-нибудь слышал?

- Ну... - мямлит Казимирыч, и в увеличенных очками глазах его мелькает понимание.

- Вот тебе и ну, - передразниваю я. - Налоговая инспекция на хвост тут же села. Тринадцать процентов с миллиарда - это сколько будет?

- Да, ты прав, Туз, - сделав нехитрые подсчеты, согласился Казимирыч. - Но все равно еще восемьсот семьдесят миллионов

остается.

- Я тоже так думал, - вздохнул я. - Но ты о «крыше» забыл. Ты мне как сказал? Идея - твоя, а заботы - мои. Тем более что я все на себя оформлял. Вот и пришлось подстраховаться: они меня от линчевания берегли, от наемных убийц спасали... как ты думаешь, должен я им ответить или нет?

- Должен, должен, - с раздражением согласился Казимирыч. - И сколько ты отвалил?

- Как полагается, - сказал я. - Двадцать процентов от суммы сделки. И учти, это еще по-божески, другие бы с меня две шкурки содрали и третьей не дали бы отрасти...

- Еще двести, - быстро сообразил Казимирыч. - Надеюсь, это все?

- Да ты что? - удивился я. - Это только начало. Сам понимаешь: надо было чиновников подмазать, чтобы у них шарики в голове крутились в нужную сторону. Кстати, наши самыми дешевыми оказались - в ООН вообще козлы сидят: генсеку дай, замам дай, председателям комитетов - скажите какие цацы! - а тоже выдели...

- Сколько? - прошипел Казимирыч, и видно было, как на багровой его лысине вскипает пот.

- Пятнадцать процентов от общей суммы, - сказал я.

- Та-ак, - было видно, как Казимирыч решает простейшую задачу. - Получается сорок восемь процентов от суммы. Остается...

- Ты, Казимирыч, про банки забыл, - опередил его я. - Сколько я деньги по банкам гонял, чтобы укрыть от постороннего взгляда. Чуть сам их не потерял...

- Сколько? - снова прошипел мой детский товарищ.

- Десять процентов от суммы, - вздохнул я.

- Итого получается пятьдесят восемь процентов, - кивнул Казимирыч. - Надеюсь, сорок два процента ты сохранил?

- Я тоже так думал, - снова вздохнул я. - Но тут, Казимирыч, такая штука получилась. Ты что-нибудь слышал об ответственности владельца источника повышенной опасности?

- Короче, юрист, - Казимирыч налил сразу полстакана коньяку и хлопнул его в два глотка. - Не на лекции!

- Про храм Христа Спасителя слышал?

Казимирыч кивнул.

- Обломком его зацепило, - хмыкнул он. - Вот ведь случай: Москва цела, а храм опять в щепки!

- Хорошо, что Москва цела, - строго заметил я. - За храм с меня православная церковь двести миллионов взяла - как с владельца источника повышенной опасности.

- Это как? - Казимирыч принялся сосредоточенно протирать очки.

- А вот так, - вздохнул я. - Чей обломок был? А того, кто раньше всем объектом в целом владел. Я тебе по-простому объясню: вот едешь ты

на машине с прицепом на юг. Машина твоя, прицеп тоже твой...

- Прицеп не мой, - возразил Казимирыч. - Я его всегда у соседа беру. У Эдика Амбарцумяна.

- А ты представь, что и прицеп твой, на твои кровные куплен, - сказал я. - И вот ты становишься в горах на ночевку, а у твоего прицепа отказывают тормоза, он катится с горы и сталкивается с чужим «жигуленком». Кто владелец причины аварии? Ты, Казимирыч, и будешь ты платить по полной программе. Теперь понимаешь?

- Я понимаю, - горько сказал Казимирыч, - что на нашей идее наварились все, кроме меня. Поймай, там еще двести с копейками остается...

- А крушение поезда в Англии? - я неторопливо взял в руки бутылку и принялся разливать коньяк по стаканам. - А склады в Словакии? Радоваться надо, что большинство обломков в атмосфере сгорело!

- Так-таки ничего и не осталось? - Казимирыч сверлил меня взглядом не хуже следователя прокуратуры, с которым я сталкивался, когда работал в «Православном альянсе». - Совсем ничего?

- Ну, кое-что осталось, - признался я. - Но тебя же это не устроит.

- На безрыбье и рак - рыба! - сказал Казимирыч. - Так сколько?

- Двадцать один, - сказал я.

- Двадцать один миллион, - заискрился Казимирыч. - Так это совсем неплохо. На двоих-то, а?

Быстро он о своих товарищах забыл! Да и были ли они, товарищи, посвященные в замысел от начала и до конца?

- Двадцать миллиончиков на двоих совсем неплохо, - признал я. - Но ты меня не понял, Сынок. Остался ровно двадцать один доллар. И тридцать миллионов долгов. Но вы ведь мне не поможете их гасить, верно?

После этих моих слов на Казимирыча лучше было не смотреть. Он стал похож на спущенную резиновую куклу. Признаться, особой жалости я к нему не испытывал. Он и в детстве старался нас всех надурить, поэтому, обманывая его, я просто восстанавливал справедливость. Конечно, он не юрист, где Казимирычу сообразить, что с момента продажи планетоида ООН я перестал быть его владельцем и, следовательно, не должен никому и ничего, снеси Громила хоть весь Нью-Йорк или, скажем, Париж.

- Вот ведь как получилось, - прошептал Казимирыч, достал носовой платок и промокнул лысину. Он всегда отличался аккуратностью. - Вот ведь как... Слушай, Туз, ну если ты меня обманул...

- Стал бы я тебя обманывать, - с ласковой укоризной сказал я. - Ты же меня сколько лет знаешь!

- В том-то и дело, - хмуро пробормотал Казимирыч.

- Ладно, - утешил я его. - В другой раз умнее будем - сорвем куш, чтобы всем хватило. Даже аборигенам в Австралии.

- Другого раза не будет, - пробурчал Казимирыч, глядя куда-то внутрь себя. - Такой шанс выдается раз в одиннадцать тысяч лет. Столько мы с тобой при всем желании не проживем.

Он потоптался у входа и как-то робко поинтересовался:

- Ну, я пойду?

Я смотрел в окно, как Казимирыч идет через двор. Поначалу шаги его были слепы и беспомощны, но постепенно мой школьный товарищ обретал уверенность в себе, выпрямлялся и вскоре уже ступал по земле как истинный хозяин жизни. Ну и правильно - ведь у него оставались телескоп, звезды, наука и авторитет ученого с мировым именем, созданию которого в немалой степени способствовал я. А что оставалось мне? Жалкие полмиллиарда долларов, утраченное уважение к человечеству и полная уверенность, что с этой самой частной собственностью и соблюдением законов человечество окончательно сошло с ума.

Но как бы то ни было, следовало спешить - самолет в Австралию отлетал из международного аэропорта «Внуково» всего через три часа, и надо было успеть сделать все, чтобы мое появление в южном полушарии прошло относительно незаметно. Как вы понимаете, лишняя популярность в моем случае абсолютно ни к чему.

КРИС БЕКЕТТ
АТОМНАЯ ИСТИНА

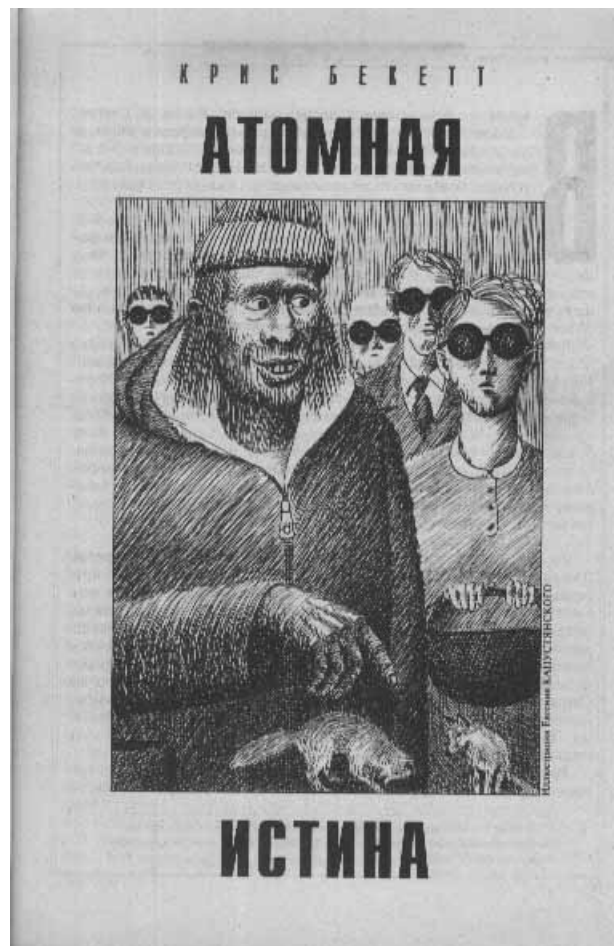

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Выйдя из вращающихся дверей «Ригби, Ригби & Стайл», Дженни Филипс угодила прямо в грязную морось и влажные огни ноябрьской лондонской ночи. Была пятница, и она задержалась на работе, убирая свой стол перед недельным отпуском. Завтра в это же время вместе с Беном она будет ужинать уже на Ямайке - под пальмами и звездами.

Дженни отчаянно хотелось немедленно позвонить ему, войти в какое-то соприкосновение. Однако она знала, что Бен занят и улаживает собственные дела на своей работе, к тому же он прямо сказал ей о том, что не хочет, чтобы его беспокоили до того, как он окончательно освободится. Подобные вещи иногда весьма раздражали его. Но Бен обещал позвонить сразу же, как покончит со всеми делами, и ей приходилось довольствоваться этим.

Дженни оглядела оживленную улицу, прикинула, насколько силен дождь, подняла воротник, раскрыла розовый в белый горошек зонтик, ну и, конечно, возложила на нос большие круглые очки. Хорошенькая, изящно одетая, двадцативосьмилетняя... доверенное лицо старшего партнера одной из городских юридических фирм. Очки превращали ее в некое подобие плодовой мошки, однако ей это было безразлично - как и всем остальным на улице. Шли активные разработки глазных имплантов, однако проблемы безопасности еще не были полностью

разрешены, и малый, но неприемлемый процент лабораторных животных оставался слепым - так что в текущий момент все носили «мушиные глазки».

То есть почти все. В бургер-баре, соседствовавшем с офисом Дженни, Ричард Пегг соскользнул с табурета, опустил в карман потрепанный блокнот, застегнул молнию на слишком большом для него анораке*¹, доходившем почти до колен, и надвинул шерстяную шапку на самые уши. Он принадлежал к числу тех немногих, еще не достигших семидесятилетия лондонцев, так и не обзаведшихся комплектом лупоглазых приспособлений. Даже бездомные, ночевавшие в дверях магазинов, таковыми владели, однако Ричард вышел под дождь на улицу, не прикрывая лица и глаз. Истина заключалась в том, что он не нуждался в очках, наделявших его фантомами, видениями и голосами. Просто ему приходилось принимать таблетки, чтобы вся эта мусть не лезла в голову.

Ричарду, как и Дженни, было двадцать восемь лет, однако он никогда не работал. В очередную поездку по музеям Ричард отправился с одним только блокнотом и карандашами из своей крохотной - в одну спальню - квартиры в Суррее. Сам для себя он называл это занятие «Исследовательской работой» и пытался отыскать тайный смысл бытия посредством окаменелостей и иероглифов, кристаллов и клинописных табличек. На этот раз он заполнил еще один блокнот своим плотным почерком, тремя различными цветами выделяя ключи к загадкам, мистериям и тайным заговорам, густо усыпая страницы заглавными буквами, подчеркиваниями и знаками восклицания.

Оставив бургер-бар, Ричард также оказался перед моросью и электрическими огнями: оранжевыми, белыми, зелеными, красными, голубыми. Однако если Дженни воспринимала повседневность как должное, перед Ричардом ежедневная рутина всегда ставила бесконечную последовательность тревожных вопросов. Что такое дождь? Что суть машины? Что есть электричество? Что за странная штука - пространство, существующее между одним объектом и соседствующим с ним? И что представляет собой воздух? И что означают все эти огни - что, в самом деле, означают они в своей непрестанной смене зеленого на янтарный, потом на красный, повторяющейся снова и снова?

Однако Ричард мог видеть Электрического Человека - четырехметровая, очерченная белым огнем фигура которого как раз возвышалась над снующими внизу людьми и машинами.

¹ * Анорак - традиционная эскимосская одежда, в настоящее время - водонепроницаемая ветрозащитная куртка с капюшоном, надеваемая через голову. (Прим. перев.)

Электрический Человек взирал прямо на Ричарда лампочками своих глаз, потому что знал - в отличие от всех остальных, Ричард способен видеть его. Прикусив губу, постаравшись поглубже укрыться в недрах своего анорака, и избегая глядеть на Электрического Человека, Ричард направился в сторону станции.

- Атомная истина, - пробормотал он себе под нос, стараясь свести воедино плоды дневных трудов. - Атомная истина. Скрытая правителями мира. Скрытая от мировых лидеров, потому что никто из них не обладает атомными глазами. Они не могут видеть ее, не могут видеть ее в правильной атомной форме. Не могут, насколько это известно мне.

Он громко рассмеялся на ходу, открывая щербатый рот. Люди начали оборачиваться, но он пренебрег их мушиными взглядами.

- Привет, Сью, это Дженни! - Изыщная женщина, ожидавшая впереди него на пешеходном переходе, когда светофор сменит красный глазок на зеленый, воспользовалась паузой и вызвала через очки одну из своих старших подруг, с которой прежде работала вместе. - Бен слишком занят, чтобы говорить, а я просто должна была кому-то позвонить. Я так волнуюсь и нервничаю! Наш первый совместный отпуск. Как по-твоему, все сложится благополучно?

Благодаря мушиным глазам, Дженни могла слышать свою подругу и видеть ее перед собой. Ричард, конечно же, не мог ни видеть, ни слышать ее, однако он собирал в своей памяти все доносящиеся до него обрывки разговора, укладывая их на хранение с той же почтительностью, с которой копировал иероглифы в Британском музее. Манера людей разговаривать друг с другом, чувствовать себя при этом непринужденно, умение их разделять темы и притягивать чужое внимание были для него такой же тайной, как и надписи на саркофагах, хранивших мумии фараонов: тайной, подобно иероглифам, чреватой таинственным смыслом.

- Привет, Сью, это Дженни! - пробормотал он.

Ричард рассмеялся. Фраза показалась ему забавной. А потом попытался просто повторить имя:

- Дженни, Дженни, Дженни.

Оно прозвучало ласковой песней... сладкой ласковой песней.

- Дженни, Дженни, Дженни.

Дженни перевела свои мушиные глаза на низкую прозрачность. Она еще могла видеть мир таким, как видел его Ричард - огни автомобилей, такси, бурые веера воды, разлетающиеся из-под колес, витрины магазинов, превратившиеся в пещеры, залитые желтым светом, - однако все это утешительным образом было охвачено некоей рамкой. Пользование мушиными глазами придавало миру уют, словно глядишь

на него изнутри автомобиля. Эти очки превращали улицы города в разворачивающийся на экране фильм, в пейзаж за окном.

Внизу поля зрения Дженни - как бы перед нею в пространстве - находилась клавиатура с рядом иконок, позволявших управлять видеосистемой очков. Возле верхнего края поля помещался блок аксессуаров - с часами и разнообразной информацией того рода, которую люди находят утешительной, - подобно многочисленным лезвиям швейцарского перочинного ножа, даже если никогда не пользуются ими: такими, как температура воздуха, индекс Доу-Джонса, календарь на пять лет, телепрограмма на ближайший вечер, местное время в Сиднее и Гонконге...

Над блоком аксессуаров одно за другим проплывали объявления: «*Когда детективы плачут*, увлекательный новый роман Элгара Винтертона, теперь в формате очков у Финлея и Барнса всего за 2,99 фунта... *Фрузли*, великолепная новая закуска от Нэцко. Если вы здоровы, это не значит, что можно обойтись без...»

Конечно, Дженни и не думала обращать внимание на объявления.

- Бен потратил столько денег на эту поездку, - обратилась она к Сью. - Ты просто не поверишь! Гидроцикл, дайвинг и рафтинг и... словом, он заказал для нас уйму всего. Меня беспокоит, что он сделал слишком много и что мне будет сложно... то есть, я хочу сказать, что ему не обязательно...

Мимо в противоположном направлении рука об руку прошла молодая пара. Пребывая в физическом контакте, благодаря очкам они в этот самый момент находились в совершенно разных мирах. Он моргал, листая Сеть. Она оживленно трещала в пространство.

Сью смотрела на свою подругу Дженни. Мушиные глаза передавали не визуальное изображение, для которого требовалась бы камера, а виртуальное, где движения и мимика воссоздавались по работе лицевых мускулов. И теперь виртуальное лицо Сью взирало на свою дорогу Дженни суженными и встревоженными глазами.

- Просто попробуй... попытайся порадоваться впечатлениям, Дженни!
- сказала она. - Хватай и наслаждайся, пока можешь!

Сью помедлила, желая сказать больше, однако так и не сумела подобрать нужных слов. Она была на девять лет старше Дженни, и возраст сделал ее более жесткой.

- Радуйся жизни, Дженни, дорогая, - закончила она наконец. - Не каждый день тебе предлагают слетать на Ямайку, оплатив при этом расходы.

Общение посредством очков парадоксальным образом позволяло видеть собеседников без очков. Однако Ричард видел остальных людей только в мушиных глазах, потому что сам никогда не пользовался ими и не посещал чужие дома, где люди снимают очки,

чтобы усесться перед телевизором. И так, он обитал в мире человекоподобных плодовых мошек. Увидев его нагое лицо, они отворачивались.

- Дженни, - прошептал Ричард. - Дженни.

И рассмеялся, но без насмешки, а с восхищением.

Дженни закончила свой разговор со Сью. Она пересекла оживленную улицу, затем заметила нужную иконку и дважды моргнула. Открылось почтовое окошко, и она принялась просматривать непрочитанные сообщения. Одно из них пришло из книжного клуба для обладателей очков, в который она была записана, и требовало срочного ответа - иначе ей придется заплатить за ненужную книгу.

Она моргнула, отправляя сообщение. Находящаяся примерно в полумиле релейная станция приняла сигнал, вытряхнула содержимое из цифрового кода и перевела его в крошечные вспышки света, отправив их в подземное путешествие со скоростью 300 000 километров в секунду по стекловолокну на спутниковую станцию, располагавшуюся на корнуоллском побережье, где вспышки вновь преобразовали в радиосигнал и, вставив как одну-единственную струйку в никогда не пересыхающий поток, отправили в космос. Висевший в пятистах километрах над головой спутник принял отправленный Дженни сигнал вместе с сотнями тысяч других, усилил его и вернул назад на Землю.

- 101011101001010010100010111010111010100101010010101000... - вещал вниз спутник, несший свою одинокую вахту на самом краю пустоты.

- ...10001010100011101... - уносилось вниз к деловитой поверхности планеты.

- Спасибо, - проговорил спутник от лица Дженни. - Прошу вас не отправлять мне со скидкой очковое издание книги «Когда детективы плачут».

Спутниковая тарелка на мысе Кейп-Код приняла сигнал и отослала его своим путем.

Ричард бросил взгляд в узкий боковой переулок и заметил двух лис. Они свалили стопку деревянных подносов на заднем дворе ресторана и теперь бойко хватали куски недоеденных мяса и рыбы. Под светом городских электрических фонарей зверьки казались бледными и бесцветными и ничуть не напоминали лис из детских сказок - с их веселыми мордочками и хитрющими глазами. Никто, кроме Ричарда, даже не заметил их.

- Эй, смотрите-ка! Лисы! - громко проговорил он, останавливаясь в надежде на то, что Дженни может обернуться и посмотреть.

Он успел понять, что она встревожена, и подумал, что зверьки могут

отвлечь ее. Женщины ведь любят животных, не так ли? Он нисколько не сомневался в том, что им нравятся подобные вещи.

- Посмотрите-ка! - снова позвал Ричард. - Две лисы! Прямо посреди города!

Позади лис и над ними маячил Шакалья Голова - дух-покровитель собак, лис и прочих псов. Шакалья Голова не отводил от него сверкающих глаз, но Ричард, ничего более не говоря, отвернулся. По своему опыту он знал, что подобных Шакальей Голове - в очках или без очков - не видит никто из людей, и потому сконцентрировал свое внимание на лисах.

- Две лисы! - вновь воскликнул он.

Мужчина в коричневом дождевике бросил на Ричарда вопросительный взгляд, но поленился поворачивать голову в указанном направлении. Даже при беглом взгляде на Ричарда становилось понятно, что с ним не все в порядке. Громоздкий анорак... прямые нечесанные волосы... двухдневная щетина на подбородке... и никаких мушиных глаз.

- Две лисы!

И снова никто не обратил внимания. Ощущение усталости и одиночества овладело Ричардом. Они так заняты своими очками... в этом вся проблема... они разговаривают с какими-то далекими людьми о вещах, совершенно непонятных ему - непостижимых, как ни пытайся понять.

Тут он заметил, что Дженни идет впереди него. Ричард видел, как ее зонтик - розовый в белый горошек - подпрыгивает над толпой, и бросился догонять. Ему было приятно находиться вблизи нее. Это как-то согревало Ричарда.

- Дженни, - сказал он самому себе, - Дженни, Дженни, Дженни.

И снова от удовольствия усмехнулся щербатым ртом.

- Дженни, Пенни, Хенни, - проговорил он вслух.

«Зеро, единственный йогурт, содержащий менее одной десятой калории на порцию...»

Дженни шла быстро, прогоняя на ходу в памяти все, что ей следовало сделать до завтра. Бен рассердится на нее, если в последнюю минуту все окончится тем, что она примется за розыски забытой, но нужной вещи. Бен ненавидел беспорядок. Он ненавидел любую неэффективность. Дженни и сама была очень успешным доверенным лицом и расходовала свое рабочее время именно на устройство весьма впечатляющего порядка. Однако по какой-то неведомой причине Бен рождал в ней ощущение собственной неловкости и некомпетентности.

«Роковое лето, душераздирающая повесть об обреченной любви, в годы глобальной войны...»

Провайдер, предлагавший Дженни книги для очков, знал, что ей 28 лет, она одинока и принадлежит к перспективному средне-верхнему

административно-профессиональному классу. Кроме того, было известно, что она предпочитает обезжиренный йогурт и невысокого шиба романы, и потому провайдер по многу раз на дню предлагал ей новые диетические продукты и легкие романчики, помимо прочих предметов, которые, как правило, интересовали перспективный средне-верхний административно-профессиональный персонал.

«Неужели один фунт в день такая уж высокая плата за пожизненную охрану?..»

«Одинока, бездетна и не влюблена? Самое время подумать о плате за школу! Обратитесь в *Школьное планирование*. Просто потому, что жизнь так коротка...»

Но если Дженни относилась к «перспективному средне-верхнему административно-профессиональному персоналу», то к какому разряду населения принадлежал Ричард? Он не мог назвать себя даже типичным членом слоя - «хронически безработного/претендующего на социальное пособие», - образованного людьми с низким доходом, которые тем не менее в целом составляли вполне определенный и доходный рынок. Дело в том, что в возрасте одного года его усыновила и вырастила благополучная семья профессионалов, к тому же он никогда не ассоциировал себя с прочими претендентами на пособие, жившими в стороне от заселенных кварталов в районах социальной застройки. Однако, поскольку Ричард не обладал мушиными глазами, компьютером, телефоном и кредитной карточкой, он просто не мог оставить в публичном домене достаточно глубокий след, который позволил бы обоснованно отнести его к какому-либо социальному слою.

Ричард представлял собой изолят - одиночку. Приемные родители так и не научились любить этого странного ребенка-интроверта. Он ушел от них в семнадцать и теперь практически не поддерживал никаких контактов, хотя они купили ему крохотную квартиру в Гилдфорде, а мать по-прежнему присылала ему деньги и посылки с продуктами.

Трое молодых людей в костюмах - явно биржевые торговцы из Сити - крупными шагами нагнали сначала Ричарда, а потом Дженни. Все они были в очках и пользовались при этом опцией под названием БКВ - или Ближнее консенсуальное видение, - позволяющей обладателям мушиных очей ретранслировать принимаемые ими сигналы по открытому каналу, чтобы слышали окружающие. Это позволяло всей троице одновременно переговариваться с коллегой - четвертым молодым биржевиком по имени Фредди, виртуально присутствовавшим при переговорах.

- Фредди, тупой ублюдок. А ты действительно потерял вчера 90 тыщ за один час?

- *Фредди, тупой ублюдок*, - пробормотал Ричард себе под нос, укладывая в памяти на хранение для последующего исследования эту странную и абсолютно восхитительную комбинацию дружелюбия и оскорбления. - *Фредди, тупой ублюдок*, - произнес он погромче.

Ричард рассмеялся. Один из молодых людей повернулся и ожег его яростным взглядом.

Ричард, конечно же, не мог видеть Фредди или слышать его ответ. Однако Дженни, из чисто спортивного интереса, включила движением век БКВ в своих очках, чтобы поглядеть на него (принцип этот как раз и породил весь мушино-очковый бум: тот, кого здесь нет, всегда кажется куда более интересным, чем тот, кто на самом деле присутствует).

- Угу, потерял, как раз 90 тыщ, - говорил Фредди. - А вот на прошлой неделе зацепил 50. Хороший торговец умеет рисковать, дети мои. Смотрите на старого доброго дядю Фредди и учитесь.

«Еще один хвастливый мальчишка в строгом костюме - такой же, как и его друзья», - заключила Дженни, переводя взгляд на часы в блоке аксессуаров, после чего запросила в Интернете расписание поездов. Результаты высветились в левой стороне ее поля зрения. Она моргнула сперва на папку «транспортная информация», а потом на «ж/д». Появившееся окошко потребовало, чтобы она назвала начальную и конечную станции предполагаемого путешествия. Дженни пробормотала названия станций, моргнула и получила расписание двух следующих поездов. Особенного запаса времени у нее не было, поэтому, на ходу оплатив проезд - на что потребовалось только четыре движения век, - она прибавила шагу.

И тут перед ней возник знаменитый ведущий ТВ-шоу Джонни Лэм, прямо со своей знаменитой фразой на устах: «Давайте войдем!». В данный момент он приглашал ее войти в один из магазинов сети, торговавшей модными аксессуарами. Дженни улыбнулась. Магазины лишь недавно начали пользоваться БКВ для привлечения внимания прохожих, и столкнуться вдруг нос к носу на улице со знаменитостью было еще непривычно. Так что она прошла прямо сквозь Джонни Лэма, попутно отключив при этом БКВ.

Ричард, конечно же, никак не мог заметить кратковременного появления Джонни Лэма, однако он увидел, что Дженни прибавила шагу, и поспешил следом за ней. Они уже подходили к станции. Нащупав в кармане билет - картонный обратный билет, действительный не в часы пик и купленный за наличные, - он вошел в вестибюль вокзала.

Двое полицейских, Кеннет и Честити, дежурили под табло отправления. Вооружившись особыми профессиональными очками со специально упроченной поверхностью, прибором ночного видения и

доступом к конфиденциальной личной информации, они высматривали в толпе нелегалов.

Каждая идентификационная карта содержала крошечный передатчик, который могли обнаружить сенсоры, расположенные на улицах и в общественных местах. Очки Кена и Чес рисовали узкие зеленые гало над головами людей, располагавших непросроченными документами, и огромные красные стрелы, указывавшие на лиц, таковыми не располагавших, - например, нелегальных мигрантов или беглых заключенных. Было забавно видеть, как какой-нибудь нелегал пытается незамеченным укрыться в толпе под огромной красной стрелой, прыгающей над его головой.

Голову Дженни, конечно же, окружало гало. Ричард же был помечен янтарным вопросительным знаком. Загогулина эта указывала на то, что он располагает подлинной идентификационной картой, однако или отягощен криминальным прошлым, или имеет какие-то другие проблемы, по каковой причине его следовало допросить в случае сколько-нибудь подозрительного поведения.

А он и ведет себя подозрительно, подумал констебль Кеннет Райт, толкая в бок свою партнершу. Даже очков на нем нет!

- И какой неандерталец будет в наше время ходить с босым лицом? - спросил он.

Действительно, зрелище могло показаться непристойным. Чес мрачно кивнула и вызвала дело Ричарда, посмотрев прямо на янтарный вопросительный знак над его головой и дважды моргнув.

- Психически нездоров. Диагноз: шизофрения. Три раза лежал в госпитале. Три года назад получил предупреждение за отсутствие идентификационной карты, - зачитала она выдержки из дела.

Приходилось против желания признать, что на преступление века эти прегрешения никак не тянули.

- Должно быть, оставил свою карту дома из принципа, - вздохнул Кен.
- Из какого-нибудь дурацкого и никому не понятного принципа. И очки не носит по той же причине. Не стоит его останавливать, Чес. Сегодня-то карта при нем.

Однако Честити сочла предложение Кена нарушением бдительности. Мир этот, конечно же, несовершенен - приходилось признать, что в нем существуют и либералы, и кровоточащие сердца, и борцы за права человека, - однако разве можно позволить потенциальному смутьяну беспрепятственно бродить по городу, если по долгу службы ты имеешь полное право остановить его, допросить и, по крайней мере, дать понять, что за ним наблюдают?

- Простите, мистер Пегг, - сказала она, делая шаг вперед (Честити обожала возможности, предоставляемые этими новыми технологиями; обращение по имени сразу же ставило подозрительных лиц на место).
- Не назовете ли вы мне причину, заставляющую вас отказаться от

мушинных глаз?

Ричард моргнул, бросив тревожный взгляд в сторону удалявшейся Дженни, которую, возможно, ему более не придется увидеть.

Итак, почему он не носит очков? Объяснить трудно, почти невозможно. Понятно было только одно: если он заведет очки, то утонет в них.

- Разве уже существует закон, требующий, чтобы люди обязательно носили их в городе? - пробормотал Ричард, вновь посмотрев на Дженни, вместе с розовым зонтиком самым жестоким образом садившуюся на тот самый поезд, которым он рассчитывал уехать.

Тон его ни в коей мере не понравился Честити.

- Пока еще нет, - сказала она, - но скоро будет, как и относительно идентификационной карты. И раз уж мы коснулись этой темы, мне хотелось бы посмотреть на вашу...

Тут коллега ткнул ее в бок. На противоположном конце вестибюля над толпой запрыгала крупная красная стрела, указывавшая вниз - на молодого выходца из Малави по имени Гладстон Мулузи, виза которого закончилась на предыдущей неделе.

- Добыча! - выдохнула Чес.

- Еще бы! - согласился Кен.

- Значит, я могу идти? - спросил Ричард, с тоской глядя на священный теперь поезд, внутри которого находилась сейчас милая и сладкая Дженни.

- Ступайте, - отрезала Чес, не отводя глаз от новой жертвы.

Ричард бросился к поезду и успел вскочить в вагон за миг до того, как сомкнулись двери. После этого он прошел три вагона в поисках Дженни, переступая через чемоданы и грубо расталкивая людей, укладывавших свои пожитки на багажные полки. Некоторые пассажиры готовы были вскипеть, поскольку ему даже в голову не пришло произнести эти два слова: «извините» или «простите».

Но кого это волновало? Только не Ричарда. Он и не замечал общей реакции на себя. Главное было в другом: вот она, Дженни, сидящая в одиночестве в рядке обращенных вперед сидений. Приблизившись, Ричард с бьющимся сердцем впервые обратился к ней со словами:

- Эти места свободны?

- Да, свободны, - ответила Дженни.

Голос ее был полон музыки. Ричард рассмеялся. Дженни коротко улыбнулась и посмотрела в сторону, посчитав его странным, но безвредным, удивившись тому, что на нем нет очков, и с неудовольствием отметив кислый запах заношенной одежды. Старший брат Дженни был аутистом, так что ко всяким странностям она успела привыкнуть и потому отреагировала на Ричарда без враждебности и

недружелюбия, каковые испытали бы на ее месте многие. Кроме того, в данный момент ей было абсолютно не до него. А запашок можно было и потерпеть.

Тут поезд тронулся с места, и, глянув на иконку непрозрачности, она уморгала ее до восьмидесяти процентов. На улице очки приходилось держать почти прозрачными, чтобы не попасть под машину и не сталкиваться с другими людьми. Но теперь смотреть вперед был обязан машинист. Дженни более не нуждалась в реальности и могла соответствующим образом снизить ее вклад в поток нервных сигналов, достигающих зрительной коры ее мозга. Предметы и люди в физическом мире сразу стали водянистыми и призрачными. Мир очков, напротив, обрел реальность и сделался красочным и осязаемым.

«Какая жалость, что кроме зрения нельзя отключить и запах», - подумала она, бросив взгляд на Ричарда и морща нос.

Ричард неуместным образом рассмеялся, и Дженни снова поглядела на него, точнее на призрачный силуэт, который она могла воспринимать двадцатью процентами своего зрения, пытаясь понять, что же так развлекло этого человека. Он смотрел не на нее - на что-то такое, что было за окном. Это показалось ей симпатичным, и Дженни улыбнулась.

Устроившись на своих местах, почти все в вагоне прикрутили на семьдесят пять - девяносто процентов прозрачность своих мушиных глаз. Послышался негромкий общий ропот - пассажиры стали вызывать мужей, жен, детей, приятелей и подруг, передавая весть о том, что уже находятся в пути.

Дженни глянула на часы в блоке аксессуаров.

«Скоро позвонит Бен, - подумала она. - Лучше не буду никого вызывать, а то он не сможет пробиться».

Дело было в том, что когда ее номер оказывался занятым, у него слишком быстро заканчивалось терпение.

Поэтому, моргнув на почту, Дженни отправила сообщение боссу: *Не забудьте переговорить с мистером Джексонном из Службы обработки данных до начала утренней планерки!*

Она уже оставила такую запись в его ежедневнике, однако шеф настолько уже привык ко всякого рода напоминаниям, что часто просто забывал посмотреть туда. Поддерживая порядок, она напоминала ему в течение дня. Однако в отношении Бена Дженни ощущала себя круглой душой.

Ропоток голосов в вагоне начинал стихать, звонки один за другим заканчивались, и пассажиры погружались в собственные мушиные миры. Одни смотрели телепрограммы. Другие читали газеты и книги. Студентка из Канады продолжила партию в шахматы, которую играла со своей подругой, находившейся дома - по ту сторону Атлантики. Мальчишка из Уокинга погрузился в «стрелялку». Рыжеволосая

адвокатша принялась изучать собственный банковский счет. Страховой агент нырнул в сетевое порно, перед этим дважды проверив - точно ли отключено его БКВ (на прошлой неделе его откровенно осмеяла группа нахальных школьников).

За окном промелькнула стройплощадка, освещенная ледяными галогеновыми огнями. Экскаваторы и краны были вовсю заняты делом, и впереди их ждала целая ночь.

«ГКВ Лондон, - гласили окружавшие строительство гигантские плакаты. - Мы строим мечту».

Сооружалась совершенно новая передающая станция, которой предстояло кольцом окружить город, создавая новое Городское консенсуальное видение. После завершения строительства всех станций каждый из лондонцев, обладавший мушиными очками, получал возможность поселиться в виртуальном городе - одном из нескольких, наложенных на реальный город из кирпича и камня.

В Лондонском Тауэре возникнут привидения; неведомая рука станет чертить по небу письма; на каждом перекрестке появятся виртуальные полицейские-бобби... Станет видимым прошлое; и будущее восстанет, как феникс, из бетона и асфальта; и люди, при желании, смогут благополучно оставаться дома, высылая гулять на улицы города свои цифровые аватары.

Дверь в конце вагона отъехала в сторону, пропуская контролера. Предоставляемые железнодорожной компанией спецочки показывали ему огромный билет над головой каждого пассажира в вагоне - за исключением одного-единственного, - и контролер с первого взгляда видел, что билеты эти находятся в полном порядке. Лишь у Ричарда над головой парила пустота. Инспектор коротко посмотрел на предъявленную картонку.

- Должно быть, забыли сегодня дома очки, сэр? - любезным тоном поинтересовался он, нащупывая в кармане почти ненужный компостер.

Удивленная раздавшимся рядом голосом контролера, Дженни даже чуть вздрогнула. Не только для нее, но почти для каждого в этом вагоне - с его белыми огоньками, синими сиденьями и алюминиевыми багажными полками - контролер представлял собой всего лишь мутное сновидение. А старые гаражи и обветшавшие фабрики, отлетавшие назад за темным окном, имели слишком мало значения, чтобы обращать к ним очки, отрегулированные на прозрачность менее тридцати процентов.

Лишь Ричард в полном одиночестве находился в мире атомов... мире материи и пространства.

«Однажды они попросту перестанут что-либо видеть, - размышлял Ричард. - Мир существует только ради меня».

Он усмехнулся.

«Настанет день, инопланетяне вторгнутся на Землю, и только я смогу их увидеть. Так, как вижу лис и мышей, шныряющих по железнодорожному полотну. Как увидел того оленя».

Воспоминание это обладало властью над ним. Однажды он проснулся в два часа ночи, ощутив внезапную потребность подойти к окну своей маленькой спальни и выглянуть наружу. На улице было пусто, и огни светофоров переключались с красного на янтарный, а потом на зеленый, подчиняясь собственному ритму - тайному и известному только им самим.

Но посреди дороги трусил белый олень - белый-белый, с огромными раскидистыми рогами, он миновал ночной магазин с рекламой очковых карт, притихший паб, магазинчик, в котором продавали уцененные поздравительные открытки и нераспроданные книги, темную прачечную. Проследовав мимо, олень обогнул угол и исчез из вида.

Потом на мостовой появилась одинокая машина, мчавшаяся слишком быстро; взвизгнув тормозами, она обогнула угол, проскочила на красный свет и рыкнула, исчезнув в кварталах города. А потом тишина воцарилась снова, и ничто более не двигалось, кроме этих огней, каждые несколько минут сменявших зеленый на желтый и красный...

- На спине его был всадник, - вслух произнес Ричард в железнодорожном вагоне, внезапно припомнив этот факт. - И он держал...

Тут он умолк, потому что Дженни смотрела на него и улыбалась.

Очаровательную улыбку не портили даже мушиные глаза. И наполняла ее нежная радость.

Ричард ответил на нее своей щербатой ухмылкой.

- Привет, милый! - шепнула Дженни трехмерному изображению своего приятеля Бена, висевшему как раз там, где сидел Ричард. - Как прошел сегодняшней день? Я так жду нашего совместного отпуска!

Конечно же, Ричард не мог видеть нахмурившегося Бена, посоветовавшего Дженни не быть глупой девочкой и не сходить с ума невесть из-за чего.

Окончив разговор, Дженни переключилась на совсем непрозрачные девяносто пять процентов, чтобы посмотреть новую документальную ленту под названием «Джейни», повествующую о повседневной жизни такой же, как она, молодой секретарши.

«Помни, что меня показывают по национальному телевидению, - говорила Джейни своему приятелю Рею. - Люди по всей стране видят меня в своих очках. Так что говори мне правду. И что ты в самом деле собрался делать?»

Согласно последнему опросу, девять из одиннадцати миллионов

владельцев мушиных очков сходились на том, что Рей недостаточно хорош для нее, однако Джейни самым трагическим, героическим и сумасшедшим образом оставалась с ним.

Дженни подумала о Бене и его остром языке. Он и в самом деле смущал ее, заставлял чувствовать себя маленькой, глупой и беззащитной. Как-то у них сложатся отношения на Ямайке? Будет ли им хорошо? Может ли она на это рассчитывать?

Ричард тем временем разглядывал за окном заброшенный индустриальный пейзаж. «Никто не видит этого. Никто, кроме меня одного».

Мимо пролетали разрушенные фабрики, склады, локомотивные депо.

«Понятно, кто вот-вот явится», - подумал он с внутренним вздохом.

И конечно, тут же явился Стальной Человек - железнорукий, удерживаемый магнитными силами в оранжевом городском небе. И конечно, он немедленно заметил Ричарда и уставился на него своими жгучими и внимательными глазами.

Ричард в смущении отвернулся, подобно дитяти, избегающему смотреть на взрослого, уже отправившего ребенка в кровать. Он сгорбился на своем сиденье, дергаясь и поджимая Тубы, а потом принялся подчеркнуто внимательно рассматривать почерневшие от дыма стены викторианских доходных домов, плети будлей, обвивавших трубы, старые доски объявлений, оклеенные выгоревшими и отстающими объявлениями о забытых продуктах (никто более и никогда не станет подклеивать сморщенные бумажные листки; всякий, кто пожелает подать объявление, может повесить его в небе, прибегнув к услугам Городского консенсуального поля).

- Если бы все это было устроено не для меня, - вслух произнес Ричард Пегг, глядя в непрозрачные очки, закрывавшие глаза Дженни, и старательно избегая взгляда Стального Человека. - То едва ли...

Он умолк.

Из-под мушиных очков Дженни выкатилась слеза... большая, подкрашенная тушью. Растроганный и потрясенный Ричард завороченно следил за тем, как она скатывалась вниз по правой щеке.

Вернув очкам прозрачность, Дженни принялась рыться в сумочке.

Но Ричард опередил ее: выудив растрепанный пакетик с салфетками из правого кармана своего анорака, он протянул его девушке.

Сняв с глаз очки, Дженни с улыбкой приняла салфетки.

- Спасибо, - проговорила она, извлекая одну из них и промокивая глаза, - огромное вам спасибо. Вы очень любезны.

Ричард рассмеялся.

- Там был невидимый человек, - продолжил он изложение заветных мыслей.

- Простите?

- На спине того оленя ехал невидимый человек... невидимка с рогами

на голове.

Обыкновенно он никому не рассказывал о таких вещах, но Дженни явно была достойна высшего доверия.

- Вау, - отозвалась Дженни. - Похоже, это было действительно нечто особенное.

Ричард рассмеялся.

- Конечно, - проговорил он. - Потому-то Необходимость и разбудила меня. Момент атомной истины.

Дженни с улыбкой вернула ему салфетки. А потом снова полились слезы, и Ричард опять предложил пакетик и в очаровании, полный неосознанной им нежности, следил за тем, как Дженни снова промакивала глаза.

- Вот что скажу вам, - хлюпнула носом Дженни. - Я решила хорошенько провести время на Ямайке, что бы там ни твердили предчувствия. И я буду счастлива, несмотря ни на что. - Она улыбнулась. - Как по-вашему, можно мои слова назвать атомной истиной?

Ричард громко рассмеялся.

Из дальнего конца вагона донесся чей-то смех, не имевший ничего общего с Ричардом или Дженни, не имевший ничего общего с тем, что физически присутствовало вокруг.

- Спасибо, - снова произнесла Дженни. - Вы были очень добры ко мне.

Слезы ее высохли. Вернув Ричарду пакетик с салфетками, она улыбнулась ему еще раз и спрятала глаза под мушиными очками.

Ричард устроился поудобнее на своем сиденье, стараясь не смотреть на Ночного Человека, огромной совой парившего над темными полями и угрюмо взиравшего на него большими огненными глазами. Без унылого Ночного Человека вполне можно было обойтись, все-таки день прошел на редкость удачно.

Перевел с английского Юрий СОКОЛОВ

© Chris Beckett, Atomic Truth. 2009. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2009 году.

**ТИМУР АЛИЕВ, ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ
МУЛЬТИТРЕГЕРЫ**

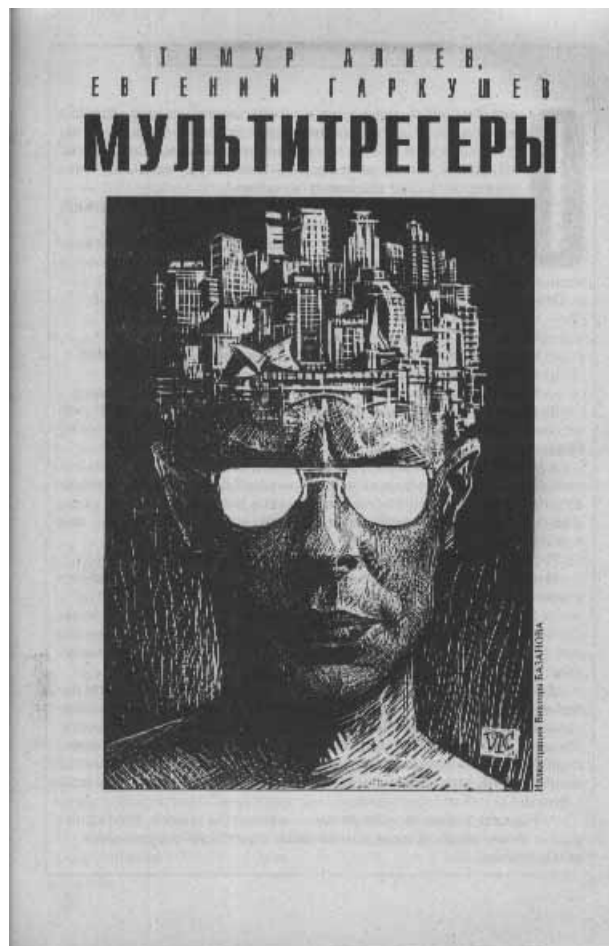

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Огни большого города ярко сияли где-то вдалеке, изредка взблескивая, преломленные едва заметной трещиной на линзе очков. Я никуда не спешил, и все же два типа, идущие навстречу, мне не понравились. Активисты, не иначе. А что может быть хуже активиста-мультика?

- Привет, - поздоровался со мной один из них, рыжий, с торчащими дыбом волосами.

- Добрый вечер, - с нейтральной интонацией ответил я.

- Разрешите задать вам вопрос? - приступил к делу второй молодой человек, брюнет.

- Отчего нет? Спрашивайте.

- Что у вас на носу?

- Не понял.

- Какое устройство вы используете для корректировки зрения?

- А вы с какой целью спрашиваете?

- Можно подумать, вы не знаете, - фыркнул рыжий.

Знаю, отчего же не знаю? Патруль мультиков только и делает, что цепляется к прохожим, стремясь уличить их во всех смертных грехах. И часто удается - был бы человек, а статья найдется.

Я скосил глаза в сторону, размышляя, успею ли убежать. Узкая

полоска старомодного асфальта между домами была почти не освещена. Крупные световые инфотабло с проспектов редко заглядывали сюда, а пара рекламных фонарей скорее создавала причудливые тени, чем освещала проулок.

Парни, которые меня остановили, явно ожидали подвоха.

Нарукавные рации-повязки, кроссовки на роликах, наносети в чехлах. Нет, убежать не стоит.

- Если вас так волнует устройство, которым я пользуюсь, и ваши базы данных не позволяют его идентифицировать, сообщу, что это диоптрический увеличитель, - я решил сымпровизировать на ходу.

Лица ребят, на первый взгляд, не блистали интеллектом, на настоящих инноваторов они не тянули. Максимум, активисты цезаристов. Так что у меня имелись приличные шансы запудрить им мозги. Правда, меня несколько смущал брюнет. Задав вопрос, он словно спрятался за спину рыжего и будто даже смотрел в сторону, но по его напряженной спине было видно: он внимательно прислушивается к беседе.

- Простое какое-то устройство, - проворчал рыжий, протягивая руку к моим очкам и явно намереваясь стянуть их с моего носа. - Примитивное.

- Полегче на поворотах, - я попятился. - Он настроен на мои биоритмы. Снимешь, вся настройка полетит. Два часа потом возиться. Жалобу подам за самоуправство.

- Жалобу, - скривился брюнет.

- Ну, если вы по-другому не понимаете?

Рыжий между тем разглядывал очки.

- Тонкая техника, - заметил он. - А с виду почти обычные стекляшки - я такие у своей бабушки помню.

- В этом вся фишка - под старину, - небрежно бросил я. - Стиль ретро. Мультик почти поверил.

- Хочу себе такой же. Ты где его брал?

- Налоговую декларацию тоже тебе подавать? - поинтересовался я.

- Сказать жалко, что ли?

- В Сети посмотришь. Может, тот портал уже и закрылся. Увеличителю год. Старенький...

- Действительно древность, - согласился рыжий. - Менять пора.

- Ты, видать, любитель старины? - поинтересовался брюнет.

- Есть немного, - как бы смущенно признал я.

- Так недолго и в лапы отщепенцам попасть. Они любят таких заманивать. Кстати, мне почему-то лицо твое знакомо. Не в ориентировках ли я его видел?

- А ты проверь, - поморщился я. - Только поторопись, недосуг мне.

- Ладно, иди уж...

Я и пошел. Незачем лишний раз давать им возможность узнать мой

профессиональный скилл. Тут уже не отделаешься пустыми угрозами и блефом. Очки запотели, но я не хотел на виду у патрульных снимать их и протирать стекла. Мультики никогда бы не поверили, что такой дорогой гаджет производится без антизапотевающего покрытия.

- Пойдите!

Крик раздался сзади, и я слегка вздрогнул. Первой реакцией вновь оказалось желание задать стрекача. До арки-металлоискателя оставалась всего пара шагов, а за нее патрульных сразу не пропустят. Пока искин арки распознает гостей, я успею скрыться в лабиринтах офисных стоэтажек. Сами по себе мультики, конечно, не страшны, но незачем попадать к ним на заметку как потенциальному антику. Не пользуешься мультифункциональными гаджетами и имплантированными мультиустройствами - значит, враг общества. А быть врагом общества всегда плохо...

- Пепел Клааса стучит в мое сердце! - продолжил преследователь.

- Что вы сказали? - с оттенком недоумения поинтересовался я, обернувшись.

- Пепел Клааса стучит в мое сердце, - снова повторил брюнет. - Я свой.

- Не понимаю. Какой еще «свой»?

- Все вы понимаете, - усмехнулся тот. - Я просто подошел, чтобы предупредить - не рискуйте больше с очками. Не все такие дубины, как мой напарник. И не всегда с ними в паре ходит традиционалист.

- Не понимаю, о чем вы.

- Что же вы остановились на пассворд?

- Какой еще «пассворд»?

- На «пепел».

- Я остановился, поскольку вы кричали «пойдите». Последнюю фразу я вовсе не расслышал, - мой тон стал ледяным.

- Ладно, не настаиваю. Но будьте внимательны. Бдительны! Словом, будьте... Кстати, если бы я хотел доставить вам неприятности, то просто проверил бы мобильный идентификатор, которого у вас нет.

На душе у меня стало тоскливо. Действительно ли второй патрульный из антиков или он провоцировал меня? Но откуда ему известен пароль на этот месяц? Неужели у нас завелся «крот»? Занятно...

* * *

Кабинет Дантиста находился на шестидесятом этаже. Не слишком высоко, поэтому дорогому скоростному лифту с компенсатором я предпочел бесплатный муниципальный. К сожалению, он оказался под самую завязку загружен социальными роликами о вреде примитивного отношения к вещам.

Ты - то, чем ты пользуешься. Будь инновационным, - навязчивый долби-звук, казалось, ввинчивался в каждую косточку, заставляя ее вибрировать в такт голосу.

Цезаристы были достойными преемниками своих предшественников пропагандистов - их агитация отличалась назойливостью и была всепроникающей. Подъем в лифте занял около двух минут, и за это время я успел привести мысли в порядок, отгородившись от рекламы ментальным щитом. Когда дежурный на этаже радушно здоровался со мной, я был уже практически весел и жизнерадостен.

- Здравствуйте, господин... - тут он замялся, глядя на экран перед собой. Сканер имени ничем не мог помочь ему, ведь у меня не было при себе идентификатора. Нехорошо, молодой дежурный легко мог насторожиться. - Вы к кому?

Необходимости в присутствии человека на этаже не было. Электроника легко справлялась с обязанностями консьержа, просто само существование живого портье существенно повышало престижность бизнес-центра.

- Добрый вечер, Роман, - мне сканер не требовался, в отличие от нынешней молодежи я имел хорошую память на имена. - Я, как обычно по средам, к дантисту.

То, что я без труда назвал его имя, сразу успокоило парня, решившего, видимо, что его прибор барахлит, не поддерживает двустороннюю связь. Досадно, конечно, но случается часто.

- Рад вас видеть, - Роман снова широко улыбнулся. - Слышали новости о новом указе президента?

С тех пор как климат стал более или менее регулируемым, характер вежливых разговоров между незнакомыми людьми сместился из области погоды в сферу политики.

- О статусе инноваций? - уточнил я. Мне не очень хотелось болтать с ним, но приличия требовали.

- Он самый, - закивал Роман. - Ох, и прижмем мы сейчас вражин! Я сам давно хочу записаться в добровольную дружину.

- Так вроде бы указ пока не принят. Ходят разговоры, что будет объявлен референдум, - осторожно заметил я, благоразумно решив не уточнять, кого имел в виду дежурный под «врагами». - Да и вы вроде бы не подросток, чтобы подаваться в патрульные.

- Мне всего двадцать пять, - с некоторой обидой в голосе заметил Роман. - Да и возраст не главное в этом деле, важно душевное единение. Ведь так?

- Конечно. Так и есть, - с готовностью подтвердил я.

- Вот и я говорю, - удовлетворенно заметил дежурный. Он хотел сказать что-то еще, но я уже уходил по коридору. Остановливать меня портье не решился.

По большому счету, парень был прав. В правительстве давно

обсуждался законопроект о стратификации населения по так называемому модернизационному критерию. Те жители страны, что активно поддерживали усилия государства по внедрению инноваций, получали ряд социально-экономических привилегий. Зато пассивно относящиеся к нововведениям и тем более противодействующие им лишались каких-либо дотаций и даже частично поражались в гражданских правах. Закон усиленно лоббировался мультиками, и термин «обсуждался» вряд ли можно было применять к нему. Вся политическая верхушка поддерживала его единогласно, задержка была лишь стандартно-процедурной.

* * *

Дантист открыл дверь, едва я подошел к ней. Видимо, сработало емкостное реле.

- Доктор, кажется, у меня снова воспалилась десна, - сказал я, держась за щеку и подбородок.

Круглое добродушное лицо Дантиста исказилось в фальшивой гримасе сочувствия к моей боли.

- Проходите, проходите в кабинет! - приторно-участливо предложил он. - Я сейчас включу аппаратуру.

Вздумай кто подслушать наш разговор, он бы непременно решил, что под словом «аппаратура» речь идет о зубоврачебном оборудовании. На самом деле Дантист запускал сразу два независимых друг от друга устройства. Первым была действительно нанобормашина, а вот второе с давних пор носило название «глушилка».

Дантист всегда отслеживал свою квартиру на наличие «жучков», но тем не менее до входа в его кабинет мы говорили исключительно на зубные темы. Встроенные стенные экраны в кабинете позволяли общаться на любые темы. «Воспаление десны» же означало, что у меня крайне серьезный разговор. Обычно в таких случаях он включал еще одну степень защиты.

- Что стряслось? - на сей раз тревога в голосе Дантиста не была напускной.

Я полулежал в зубном кресле, он присел на стульчик рядом со мной. Нанобормашинки едва слышно жужжали, обрабатывая челюсти какого-то бедолаги, скелет которого уже давно был экспонатом медкабинетов. Последним его владельцем стал наш Дантист, активно эксплуатировавший его в деле конспирации.

- Дантист, среди нас завелся «крот», - я внимательно смотрел на его реакцию. - Дело такое, что нельзя доверять даже проверенным товарищам.

- С чего ты взял? - поморщился доктор. Реакция была нормальной -

любители поискать врагов внутри своей организации уже успели достать. Очередные возможные проверки не радовали никого.

Я пересказал ему историю моей недавней встречи с патрульными.

- Крайне странное совпадение, что в нашем переулке прямо накануне очередного сбора вдруг оказываются двое мультиков из патруля, которые останавливают именно меня. Тебе так не кажется?

- Если их цель - совещание и они так много знают о нас, то гораздо логичнее было бы дождаться сбора и накрыть всех нас скопом, - резонно заметил Дантист, скептически качая головой. - Может, это был наш агент?

- Исключено. Я помню всех наших.

- Ты, кстати, не проверял, он тебе «жучков» не повесил? - вдруг всполошился Дантист.

Я отрицательно помотал головой:

- Вряд ли. Сканер молчит. Да и я такие вещи чувствую. Ты лучше загляни в Сеть, посмотри - что там по сбору?

Дантист сунул руку под свой стул, вытянул оттуда старенький коммуникатор и защелкал по клавишам, входя в Сеть.

- Что, пользуешься мультизадачниками? - улыбнулся я.

- Да какой там мультизадачник? - слегка смутился Дантист. - Разве что в Сеть выхожу с него, а звонить-фотать - ни-ни. Телевизора и вовсе нет. Ты же сам знаешь, обычного мобильного сейчас не достать, раритеты, бешеных денег стоят, - начал жаловаться он. - Прimitивнее коммуникатора ничего не найдешь.

Дантист вошел на форум любителей фаянсовых унитазов. На текущий месяц этот сайт стал местом нашей коммуникации. К сожалению, дольше нескольких недель скрываться на подобных форумах не получалось. Какие бы экзотические интересы мы ни придумывали, сайт неизбежно привлекал внимание. Казалось бы, кто может зайти на интернет-страницу болельщиков женской ватерпольной команды из Кокчетава? Но нет, всего через полгода после регистрации там уже околачивалось более полутысячи посторонних. Они все время пытались влезть в закрытые разделы, а это совсем ни к чему...

Форум унитазов, однако, пока еще держался. И в разделе «контакты» для зарегистрированных пользователей мигало всплывающее объявление: «Площадь Дружбы, возле фонтана, 21:00». Это и было объявление о начале сбора Организации.

Именно так - с большой буквы. И это не потому, что мы хотели придать себе солидности. Напротив, мы обезличили нашу группу, стремясь к полной анонимности, как любые подпольщики.

До встречи с соратниками оставалось около часа.

- Ну что, пойдём? - спросил я.

- Подожди, Нано. Скажу пару слов. Ты должен поддержать меня на сегодняшнем обсуждении. Мне кажется, что наша встреча станет

определяющей. Мы должны дать ответ правительству. Иначе последствия станут необратимыми.

- Правительству? - скептически сощурился я. - Именно так? И никак иначе?

- А ты что предлагаешь?

- Полагаю, правительству нет дела до нашего ответа.

- Но есть дело до наших возможных действий! - воскликнул Дантист. - Мы можем сколько угодно вести агитацию за простоту и естественность, твердить, что в мире не осталось простых предметов, что люди занимаются всем сразу. На наши доводы всем плевать - и простым людям, и правителям. Но если мы заявим, что изменим методы борьбы, что будем твердить не о возвращении к корням, а об опасности мультифункциональности - это может сработать. Сейчас «мульти» в моде, но ситуацию можно изменить.

- Наверное, - не стал спорить я.

- Значит, ты меня поддержишь?

- Почему нет?

- Ну и отлично! - он довольно засмеялся.

Стало легче на душе и у меня. Было бы совсем нехорошо, если бы «кротом», сдавшим нашу организацию, стал Дантист. Я слишком хорошо к нему относился. Но сейчас понял - не он.

Казалось бы, приличный человек остался приличным - что такого? А как приятно...

* * *

Из квартиры мы выходили порознь. Очки я сунул в карман, для маскировки нацепил на голову кепку-фонарь и двинулся пешком в сторону центра города. Чтобы не попасть в метропробку, пошел поверху. Если не шествовать по проспектам, а передвигаться дворами, идущий на «своих двоих» человек не вызовет подозрений - мало ли, может, только что из метро вышел на поверхность.

Конечно, можно было остановить одно из офисных такси, медленно скользящих по дороге. В последние несколько лет этот вид транспорта приобрел широкую популярность, и даже я им время от времени пользовался. Но у меня оставалось не так много времени, пешком все-таки гораздо быстрее. По дороге я обогнал не один автоофис.

Клерк, совмещающий обязанности таксиста - казалось бы, идиотское сочетание. Словно морская свинка - и не морская, и не свинка. А вот выходит такой работник из дома, садится за руль, включает на лобовом стекле офисную панель - и решает свои рабочие задачи, и везет по кругу пассажиров. Пусть медленно везет, пусть плохо решает - но ведь выполняет мультизадачу! А если еще и улицу подметает?

Тогда и зарплата ему втрое идет, ударнику-многостаночнику! Точнее, мультизадачнику.

В свое время я и сам едва не стал передовиком-мультизадачником. Подвизался на ниве шпионских технологий. Тогда я был молод и верил в прогресс, в успехи инноваций. Меня ставили в пример и даже хотели сделать лицом Модернизации. На плакатах рисовали в золотом шлеме, почти как у Цезаря. А потом забыли, конечно. Как это случается со многими в наше время.

Но меня постарались забыть еще и потому, что я сам отошел. Одумался. Не из-за гаджетов-шпионов. Железка и есть железка. Но я огляделся по сторонам и понял, что для большинства инновации - только мода. Увлечение для поколения «от шестнадцати и старше». А быть одним из сотен тысяч представителей «научнообразной» или, как тогда говорили, «инновационной» молодежи я не хотел. Пусть даже первым из них. Мне хотелось большего...

* * *

За сорок минут я добрал до площади Дружбы. Пробираясь закоулками было унизительно, но отчасти приятно. Романтика! Без нее никуда...

Когда я уже готов был вырваться из тесного двора на площадь, позади послышались свист, шорох и хихиканье. Молодежь узнаешь по звуку. Действительно, мимо промчалась стайка девочек в разноцветных энергокостюмах и на роликах-самокрутах. Одна из девчонок внезапно отделилась от группы и, заложив крутой вираж, рыбкой метнулась ко мне, загородив дорогу. Неужели и она активистка?

- Привет, взрослый!

- И тебе привет, юная поросль.

- Чего-чего?

- Да ничего. Без обид, просто поздоровался. Что хотела?

- Спросить. Ты, случаем, не «жучок»?

- Что?

- Ну, билеты на фильм не толкаешь? - пояснила она. - Ты во дворе ведь неспроста околачиваешься? Есть в первую зону? С танцполом?

Ну да, ну да. На площади же премьера «Меча в камне» - очередной бесстыдной попытки популяризировать и осовременить легенды о рыцарях Круглого стола... И я на нее иду. То есть не на нее, конечно, но билет купил. Правда, он у меня один.

- А я тебе за него десять киловатт-часов дам. Сбор за три дня!

Я внимательно оглядел девочку. Лет пятнадцать на вид, вместо косметики на лице голографические стакеры по нынешней моде. К

лацкану прилеплен мемори-стик в виде значка с изображением головы в венке. Даже не вглядываясь в подпись, я знал, что на нем изображен пресловутый римский император и девиз: «Будь как Юлий Цезарь!» - знак принадлежности к организации мультиков.

- Нет, не «жучок», - усмехнулся я. - А десять киловатт-часов за три дня - приличный сбор. Хорошо работает костюм, наверное?

- А то.

- И активистка? - кивком головы я указал на значок.

Девочка гордо задрала подбородок:

- Инноватор.

- Ого! - я улыбнулся. - Чтобы в столь молодом возрасте получить степень, нужно совершить что-то действительно важное.

- Победительница городской олимпиады по сетевому ориентированию, - похвасталась девочка.

- Но вот сейчас ты сориентировалась неправильно. Так что не всегда многозадачность полезна. Если ты не Цезарь, конечно.

- Типа наезд? - поинтересовалась девочка.

- Суровая правда жизни.

- Тогда прощаю. Еще одно предложение - купи хотя бы пару киловатт-часов? Может, я все-таки найду настоящего «жучка», ему кэш предпочтительнее.

- Настоящего вряд ли, - засмеялся я. - А вот охранника или дворника, которые жуют понемногу - легко.

- Ну вот. Так купите энергию! Дешево!

Она даже на «вы» перешла, хоть это сейчас и не очень-то принято... Видно, интуитивно почувствовала во мне человека старой закалки. И разжалобила, конечно. Рядом с ней я себя просто каким-то мастодонтом почувствовал.

- Ладно, я дам тебе десять кредитов. Просто так, без всякой энергии.

- Нет, так не пойдет, - девочка покачала головой. - Бесплатный сыр в мышеловке. Давайте сконнектимся через идентификатор, я энергию и солью. Пара секунд. А тогда вы уж и кредиты перечислите.

Сам я пока с такой формой расчетов не сталкивался, но слышал, что в молодежной среде она активно используется. Значит, в будущем энергетическая валюта и заменит денежные знаки. Осталось дождаться, когда нынешние дети подрастут.

- Ты знаешь, а у меня нет идентификатора, - я развел руками.

- Нет?! - она даже слегка отпрыгнула от меня. Ролики забавно щелкнули. - А как же... Или вы против инноваций?

- Да нет, только за. Старый я уже просто. Забываю всё. Вот и идентификатор дома оставил.

- Так надо имплант запоминающий поставить... Или кредитов нет?

- Времени у меня нет.

- Ну, тогда ладно...

Девчонка попятилась от меня, а потом припустила на своих самокрутах, будто я мог за ней погнаться. Действительно, странный тип. Идентификатора нет, кредиты просто так предлагает. Я бы своей дочери предложил при встрече с таким сразу в полицию звонить - благо, «горячая линия» в коммуникаторе всегда активна. Вот только дочери у меня нет.

* * *

Когда я, предъявив билет в третью зону, оказался возле летнего кинофонтана на Дружбе, фильм уже начинался. Стационарные инфотабло были погашены, мобильные блокировались на подлете к площади. Объемные фигуры двигались в светящейся водной пелене. Вот бежит куда-то босоногий мальчишка Артур... За ним наблюдает седобородый Мерлин...

Да, фонтан на площади давно перестал быть примитивным пучком водяных струй из моего детства. Сейчас он был основой, а еще правильнее - «подложкой» для голографического шоу. И нашим прикрытием.

Стратегически встреча у фонтана была очень удобной. Ничего странного в том, что люди пришли на представление, нет. И никто не обращает на них внимания - всех занимает голопостановка.

Пробраться к центру кинофонтана оказалось непросто - несколько тысяч зрителей окружали его плотным кольцом. Зато внутри было совершенно свободно - картинка отсюда была сильно искажена, и потому никто не стремился подобраться близко.

Я сел на бортик. Мужчина в коричневом пиджаке достал из кармана пачку сигарет, вытряхнул оттуда один столбик, воткнул в рот - автосигарета затлела, пошел дымок.

- Не слишком рискуешь, Кедр? - спросил я.

- А что такое? - лениво протянул он. - Сижу, курю, никого не трогаю. Даже сигаретка с автоматикой. Все как у людей...

- Людям запретили курить еще три года назад - даже сигареты с автоматикой. Пережиток. Где ты вообще их достаешь?

- Места знать надо, - Кедр вывести из равновесия было невозможно.

- Ты лучше скажи, почему поздно пришел?

- С молодежью беседовал.

- И как молодежь?

- Процветает.

- Ну-ну...

Рядом с нами, пробившись сквозь толпу, остановилась шикарная блондинка в ярко-зеленом мини-платье. В руке она держала супермодную в текущем сезоне сумку-кокон. Лето в этом году

дождливое, зонтик часто нужен. Вот производители и выпустили новинку, которая в случае активации полностью покрывала тело защитной пленкой. Вещи же болтались при этом в мешочке на уровне живота - совсем как в сумке у кенгуру.

- Какая красавица! - вздохнул я.

- Никогда таких не видел, - поддержал меня Кедр. - Уникум.

Блондинка повернулась к нам и сверкнула улыбкой:

- Смотрите, пока позволяют.

Кроме белоснежных зубов на ее лице не было видно ничего - его закрывала черная маска 3D-навигатора. Впрочем, мы и так знали, что перед нами малышка Жаклин, надежный товарищ и стойкий боец.

* * *

У фонтана мы собрались ввосьмером - руководители ячеек, члены президиума Организации.

Яркая блондинка Жаклин - ей не требовались пластические коррекции, чтобы быть лицом крупного телеканала. Сейчас, правда, ей пришлось наложить на него навигатор. Но он выполнял маскирующие функции - зачем Жаклин навигатор в родном городе?

Рядом с Жаклин отирался Круз - владелец пейнтбольного клуба и большой любитель оружия. Его ребята-боевики занимались не самым законным промыслом, таким современным «луддизмом» - разбивали мультизадачники цезаристов, к примеру. Работали и по заказу, да... Но что поделать? Идейных борцов встретишь нечасто... Сейчас бойцы Круза крутились в толпе, их можно было вычислить по чересчур расслабленному и беспечному виду, которым они напоминали карманников.

Овощеед, который, конечно же, на самом деле был вегетарианцем, но предпочитал более «русское» прозвище, болтал с Лукманом - неунывающим молодым человеком с волосами, собранными в хвост. Унылый Химик мрачно смотрел себе под ноги. Дантист держался поодаль, будто бы и не с нами. Подошел он только тогда, когда Кедр поманил его пальцем.

- Итак, мы должны принять решение, глядя друг другу в глаза, - объявил Кедр. - Взрывать или не взрывать - вот в чем вопрос? Есть новые аргументы? Соображения?

- Да какие аргументы? Бабахнуть, и все дела, - заявила Жаклин.

- Бабахнуть. Тебе все бы бабахать, - проблеял Овощеед. - Сенсации тебе подавай.

Я не слишком любил вегетарианца - слишком уж прагматичным он был, но не поддержать его не мог:

- Взвесить все «за» и «против» мы обязаны. Не только в

правительстве дело. О людях надо думать.

- В каком смысле? - спросил Лукман. - Мы что, о них не думаем? Только о них и заботимся...

- Дело в том, что искренние энтузиасты есть и среди мультиков, - заметил я.

- Кто бы спорил, - поморщился Дантист. - Проходу нет от энтузиастов. И что?

- То, что мультики не нравятся нам, не значит, что они не имеют права на существование.

- Мы имеем право на существование! - горячо воскликнула Жаклин. - Речь лишь об этом. А взрыв. Что взрыв? Современные технологии позволяют предотвратить жертвы среди людей. Страдает только неорганика. Химик, подтверди.

Деликатный Химик, по версии Круза, тайно влюбленный в девушку, согласно кивнул.

- Но теракт вызовет репрессии. Да и сам взрыв... Представляете, сколько пострадает невинных людей? - возражал Овощеед. - Идея нашего движения будет скомпрометирована.

- Всем хорошо не будешь, - заявил Круз. - Пусть знают. Задумаются.

Задуматься, конечно, нужно было всем. Пока не поздно. Взять тех же официантов, таксистов, уборщиков. Кто сейчас о них помнит? Есть многофункциональные подаватели, офисные таксисты и операторы роботов-уборщиков.

А все потому, что не все официанты, таксисты и уборщики вовремя спохватились. Только некоторые протестовали, жгли машины, били витрины, захватывали административные здания. Отец Жаклин, водитель автобуса по профессии, был одним из забастовщиков. Он погиб тогда же на баррикадах: грузовик, за которым он прятался, взорвал робокот - один из первых опытных образцов. С тех пор Жаклин ненавидела гаджеты и мультиков. Именно по этой причине она попала к нам. Но борцов насчитывалось мало, и они были обречены на поражение.

На короткое мгновение грохот музыки из фильма вдруг прервала звуковая помеха. Сигнал был почти неслышным, но я насторожился и попросил:

- Дантист, подойди-ка.

Тот удивленно воззрился на меня:

- Зачем?

- Кажется, тебе подвесили «паучка».

- Прямо сейчас? Или раньше? Ты вроде ничего не заметил прежде. Да и сам я постоянно проверяюсь.

Но я уже выудил из рукава шокопарализатор широкого спектра действия. Дантист замер с поднятой ногой.

- Ты что творишь, Нано? - спросил пораженный Кедр. Случись это в

иной ситуации, я бы порадовался - мне удалось вывести из себя всегда невозмутимого подпольщика. Но сейчас не до него.

- Дантист подпал под ментальный контроль мультиков или полиции - что, собственно, почти одно и то же. Внутри него сидит «нано-паучок», который программирует его на определенное поведение. И включился он совсем недавно, иначе я бы распознал его еще в кабинете Дантиста. Чую такие вещи. Я потер лоб.

- Тогда, думаю, нам осталось всего несколько минут, пока не пожаловали робокопы, - к Кедрю уже вернулось его спокойствие.

И в этот момент Круз вдруг скомандовал:

- Жаклин, давай!

Блондинка одним движением сорвала с лица маску и сжала ее в вытянутой руке. Черный глянцевый комок на ее ладони стремительно начал стягиваться в шар, превращаясь в ту самую «бомбу», о необходимости взрыва которой мы только что говорили.

- Вы все решили заранее? - нахмурился Кедр.

- Да, - процедил наш главный «луддит». Он как-то подобрался, словно готовясь к прыжку. Краем глаза я видел, как к нам подтягиваются все его боевики. Но мы и так не могли бы успеть помешать им - я знал этот тип «гуманной» взрывчатки: с момента активации бомбы до ее взрыва обычно проходило всего несколько секунд.

Внезапно стоявший прямо возле Жаклин интеллигент Химик молниеносным движением руки рубанул ее по кисти. Шар выпал из раскрывшейся ладони и мягко покотился по земле. Активация заряда была прервана за какое-то мгновение до окончания. Порывом из ветроуборщика смертоносное оружие, словно пакет из-под попкорна, было унесено в мусорную корзину.

Визг Жаклин, которой мощный удар, кажется, сломал руку, не смог заглушить слов Химика:

- Пепел Клааса стучит в мое сердце.

Как знакомо они прозвучали... Так вот кто тогда патрулировал переулок! А я все искал «крота», подозревал то Дантиста, то Жаклин.

- И зачем ты прикидывался дружинником?! - я постарался, чтобы удивление в моем голосе звучало искренне. - Следил за мной?

- Не будь таким эгоцентриком, Нано, - попрекнул меня лже-Химик. - Думаешь, что весь мир крутится только вокруг тебя? Ты попался нам случайно. На самом деле мы шли от Дантиста. Как раз и встроили ему этого «паучка», вернее, устройство ментального контроля.

- Место сбора у фонтана - тоже ваших рук дело? - спросил я.

- Конечно. Идеальное место для западни, - усмехнулся полицейский. - Его ввел на сайт Дантист - под нашим контролем, когда мы тестировали «паучка».

- Что ж, я рад, что он не «крот», а жертва, - мне это действительно было приятно. - Но кто тогда ты?

- Я действительный детектив первого класса. Антики, между прочим, мой профиль. Вы у меня трети, - усмехнулся бывший Химик. - Помнишь дело Снигфлица?

Еще бы забыть! Нашумевший скандал с так называемой «античной бригадой Снигфлица». От них потом и пошло прозвище антик. Они пытались одновременно подорвать Эйфелеву башню и египетские пирамиды.

Все поражались их цинизму - покуситься на святое, на Чудеса света. Помню, было даже несколько погромов после судебного процесса - традиционалистов избивали прямо на улицах.

- Мои подопечные. Три года вел, - в тон мне ответил лже-Химик. - А скольких трудов мне стоило убедить их, что башни и пирамиды являются нанопередатчиками излучения, подавляющего все мозговые процессы. Мол, стоит только подорвать их, как все люди придут в себя.

- Не помню таких свидетельств в ходе судебного разбирательства, - нахмурился я. - Речь вроде бы шла о вандализме по отношению к памятникам культуры.

- Конечно, - ухмыльнулся лже-Химик. - Зачем выдавать внутренние секреты? Антики - не люди, а дикое зверье. Так они должны позиционироваться в общественном сознании.

- Не слишком много своих профессиональных провокаторских секретов раскрываете? Не боитесь огласки? - спросил я.

- Нет, - отрезал он, подойдя почти вплотную ко мне. - Вы пойманы с поличным при попытке организации теракта и покушении на государственный переворот и будете арестованы через пару минут - площадь окружена. Суд признает всех виновными, и вас надолго упрячут за решетку... Но дело даже не в этом. Вы - безумцы, и относиться к вам будут, как к безумцам.

- Что ж, зато и вы не сможете раздуть из нашего дела судебный процесс масштаба дела Снигфлица, - заметил я. - Мелковато. Кинофонтан - не пирамида.

- Ничего, не каждый день мясо есть. Иногда можно ограничиться и бобами, - философски отреагировал полицейский. - Мне и обычной премии на работе за вашу поимку будет достаточно.

Лже-Химик вытащил из моей ладони парализатор, включил его в режим разморозки и направил на Дантиста. Тело последнего сразу осело на землю, за время недолгой заморозки оно успело задеревенеть и теперь не держалось на ногах. Сам Дантист, ментально придя в сознание, тем не менее непонимающе смотрел на нас снизу вверх.

Я огляделся по сторонам. Все заговорщики, не исключая и всхлипывающую Жаклин, замороженно смотрели на детектива, так долго выдававшего себя за нашего товарища. Даже Круз не делал попыток как-то вмешаться. Его боевики и вовсе растворились в толпе.

Ну конечно, с полицией драться - не коммуникаторы у подростков разбивать.

Лже-Химик выглядел довольным. Но только сейчас я понял, что его мимика неестественна. То, что мы принимали за робость, оказалось скованностью, невыразительность обернулась малоподвижностью.

- Пластика? - поинтересовался я, указывая на его лицо.

- Она, - согласился тот, кого мы считали Химиком. - Высшего качества. Новейшая разработка.

- Любишь носить маски?

- Как и все, - отозвался он. - Не исключая и тебя, Гай. Ведь так тебя зовут на самом деле? Ты был одним из главных идеологов цезаризма...

Да уж. А куда мне было податься с таким именем? Будь как Цезарь...

- Я давно перестал быть тем человеком. Я вообще уже не человек, - заявил я.

- Да? И кто же ты? - иронически хмыкнул полицейский. Он поднял руку к лицу, желая, видимо, выключить демаскирующий элемент и вернуть себе свою внешность. Мы все с интересом ждали. Кем он окажется? Молоденьким активистом, поборником справедливости? Мускулистым и циничным суперагентом, мужчиной в самом расцвете сил? «Блондинкой на задании», страшенькой полной девушкой?

И в этот момент Круз вдруг прыгнул в фонтан...

* * *

Когда я говорил, что «чувствую такие вещи», то не бравировал. Интегрированный в мою нервную систему детектор электронных устройств определяет наличие «жучков» практически безошибочно. Маска лже-Химика была прочитана мною, как только он появился в поле зрения Организации. Но я объяснил ее присутствие скромностью, желанием понравиться Жаклин. Самоуспокоение? Да... Но кто из нас без греха?

А с Крузом я прокололся - слишком глубоким оказалось его «второе дно». Мне всегда казалось, что он просто тупой боевик, а он вел собственную игру. Пусть не слишком умную, но достаточно эффективную.

Оказавшись в фонтане, Круз закричал:

- Умрите все! Я человек-бомба. И сейчас я разнесу к чертовой матери этот мир вместе со всем античным отребьем!

Было ясно, что он не блефует. Какой уж тут блеф? Он и правда «тикал». Пора и мне было переключаться...

- Зачем ты это делаешь? - спокойно спросил я. А чего мне переживать, если мои жизненные процессы ускорились в три раза.

- Мы получим реальный резонанс. Настоящий всплеск общественного негодования против подлых террористов-антиков. Примитивисты будут сметены народным гневом. Останутся лишь настоящие люди. Такие, как я! - продекларировал Круз.

- Провокаторы? - гримасничая всем лицом и едва сдерживая боль в поврежденной руке, поинтересовалась Жаклин.

Круз побагровел от гнева.

- Не смей так со мной говорить! Я не наивный стукачок Дантист и не работаю на государство. Я не просто живая бомба, я человекогаджет. Наступает эра новых сверхлюдей с мультиспособностями. Скоро их станет много, за мной придут другие... А вас нужно уничтожить, как плесень.

Однако... Очередная гадость во имя светлого будущего. Вернее, того, как думают о нем романтики от революции. Руки по локоть в крови, зато дети будут жить в раю. Не понимаю такой логики. Да еще и пафосный Круз, выступающий с проповедями о сверхчеловеке, - такое зрелище стоило испорченных нервов. Хотя всему есть предел. Пожалуй, стоит прервать его.

- Не слишком ли долго говоришь, Круз? - спросил я и щелкнул пальцами. - Почему не взрываешься?

Круз недоуменно поглядел на меня, побагровел, потом напрягся, словно пытался что-то включить внутри себя. Но ничего не произошло.

- Не старайся, бомба обезврежена, - мягко произнес я. - Лучше посмотри по сторонам.

Боевик обвел взглядом пространство вокруг фонтана. Все замерли - Жаклин, Кедр, лже-Химик, сотни зрителей. Застыли даже фигуры голопостановки, капельки воды кинофонтана словно повисли в воздухе.

- Что произошло?

- Ты проиграл, Круз. Бомба внутри тебя никогда не взорвется. Ее уже нет.

- Это сделал ты? Как? Кто ты?

- Хороший вопрос... Ты разве не заметил моего щелчка пальцами? Я приостановил все процессы в радиусе нескольких десятков метров. Как ты думаешь, по силам ли такой трюк бедному примитивисту Нано? А легенде мультимира Гаю? Внутри него и тогда были встроены десятки приборов с сотнями функций - и парализатор широкого спектра действия, и сканер, и коммуникаторы, и много чего еще. Но Гай - это я.

- Что? - Круз недоверчиво посмотрел на меня. Соображал он явно туго. - Ты - мультичеловек?

- Конечно, - кивнул я. - А ты - нет. Ты гусеница, которая считает себя бабочкой. И вовсе не сверхчеловек, как хочешь думать, а жертва пропаганды мультидеи. Глупо мнить себя крутым, вживив в тело пару гаджетов и научившись презирать людей, не сделавших этого. Ты в

лучшем случае куколка мультичеловека. А я уже на следующей ступеньке.

- На какой же? - Круз не скрывал своей ярости.

- Я уже давно «переварил» свою электронную начинку, став с ней одним целым. Мы сегодня общались с бедолагой Дантистом, и я сказал ему, что люди не изменились. Но это не так... Да, пока человек остается самим собой, общество еще можно изменить. Но мы уже стали другими. И ты станешь, Круз. Поработай над собой, и у тебя все получится. А пока ты еще самый обычный андроид - получеловек-полугаджет.

- То есть моя жертва была бы принесена зря? - обиженно проговорил громила.

- Оставь планирование тем, кто в нем силен... Не рвись в герои. А жертв я не принимаю.

- Ну, если ты такой могучий и всепонимающий, как говоришь, то зачем тебе вообще эти игры в примитивистов?

- Я придумал мультижизнь. Я создал и антиидею. Лучше возглавить оппозицию, чем бороться с ней. Классика... Просто иногда и боги сходят на землю, чтобы пожить среди людей. Было даже интересно почувствовать себя рядовым заговорщиком со всеми вашими страхами и комплексами... Однако я слишком заигрался. Пора завершать возню.

- И ты не боишься, что они начнут противодействовать тебе? Догадаются о том, что произошло? Сам-то я, естественно, буду молчать...

- Конечно, будешь, - согласился я. - Потому что я сотру вашу память, как только мы прекратим беседу. И все запомнят лишь то, что хотели взорвать фонтан. А полиция получит очередное «дело Снигфлица». Хотя нет, - я остановил сам себя, вспомнив девочку на роликах с ее энергорасчетами, - не получит. В таких провокациях уже нет никакой необходимости. Процесс изменения общества необратим.

Круз обалдело взглянул на меня.

- Но зачем тебе это нужно?

- Мне? - я улыбнулся наивности боевика. - Вам! Ведь это вы не можете без общественных потрясений. Вам кажется, что только революция несет изменения. Вовсе нет, - моя улыбка непроизвольно стала еще шире. - Мы все хотим взорвать этот мир. Только причины и методы у каждого свои. Теракт - универсальный инструмент. Многофункциональный, если желаешь. Жаклин хотела с его помощью надавить на власть, ты - изменить общество. Но цели быстрее всего достигает тот, кто меняет самого человека. Даже если он при этом ничего не взрывает...

И я щелкнул пальцами.

СТИВЕН БАКСТЕР
ЗЕМЛЯ-2

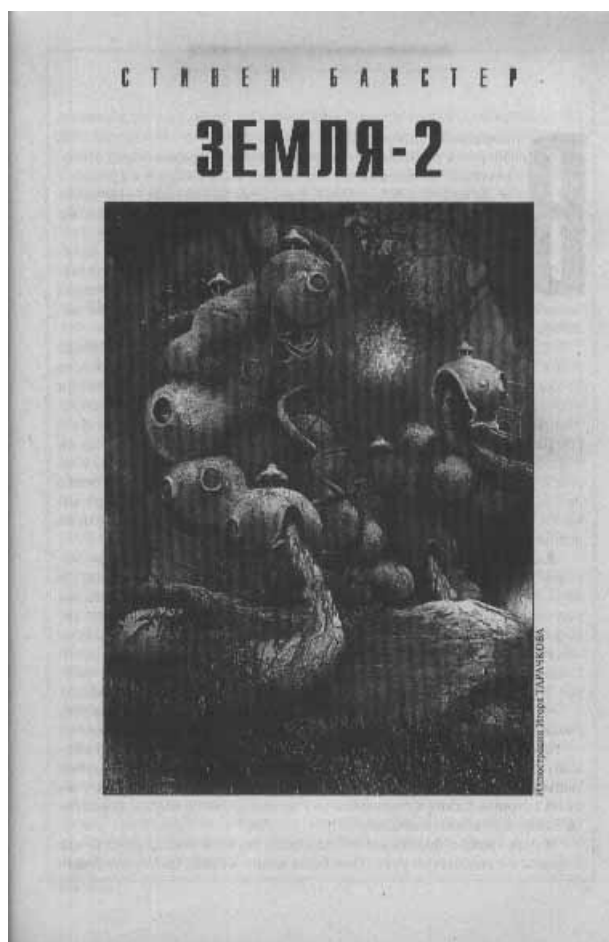

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

1.

Возвращайся домой, Ксайя Уиндру!..

Оберегая раненую левую руку и держа в правой бокал с трофейным британским вином, Ксайя выпрямилась в кресле.

- Домой, Тейф?.. - Она через силу улыбнулась. - Но почему?! Мы же только начали, и по-моему, начали неплохо. Спроси воинов - они скажут тебе то же самое.

Ксайя, ее адмирал Тейф и командир морского десанта Мэнда сидели под серебристым тентом, натянутым на носу флагманского парусника «Кора». На полированном столе перед ними были разложены карты Архипелага и обоих полушарий, придавленные хрустальными флягами с вином.

«Кора» вместе с остальными кораблями флота стояла на рейде в километре от острова Манхатан, низкий скалистый берег которого дрожал и расплывался в знойном мареве. Над горящими постройками

порта поднимались столбы черного дыма, по узким улочкам непрерывным потоком двигались к причалу отряды воинов и запряженные рослыми конями повозки, низко сидящие в воде десантные баржи с трофеями и пленниками курсировали между берегом и стоящим на рейде флотом. Над беспомощным, поверженным городом лениво плыли огромные воздушные шары, на которых сиял золотой герб дома Уиндру. Далеко на горизонте, словно еще один пожар, краснели на вершинах холмов уродливые шапки пурпура.

Жара с каждым часом усиливалась. Апрель был самым «горячим» месяцем второй фазы весны: солнце все еще уходило за горизонт каждую ночь, но днем поднималось почти в зенит, заливая мир светом и зноем, как тягучее, сладкое вино наполняет подставленную чашу. Даже празднично сидеть под светоотражающим тентом было нелегко, что же говорить о солдатах, которым приходилось работать! Тем не менее с берега то и дело доносилась трескучая ружейная пальба, да изредка - гулкий орудийный выстрел. Несмотря на жару, зачистка покоренного острова шла полным ходом.

- В том-то и дело, - сказал Тейф. - Я разговаривал с экипажами. Люди измотаны, Госпожа, и успели стосковаться по своим домам.

Адмирал был коренастым, кряжистым пятидесятилетним мужчиной, обладавшим невероятной физической силой и изощренным умом военного стратега. Лицо его скрывала густая седая борода, глядя на которую Ксайя в очередной раз подумала, что в теплое время года Тейфу придется несладко.

Мэнда громко фыркнула и поднялась во весь рост, держа бокал с вином на вытянутой руке. Она была выше Ксайи, с мускулистыми руками и ногами, широкими плечами и развитой грудной клеткой. Ей было тридцать - на несколько лет меньше, чем Госпоже. Голову она брила наголо, но это ее не портило; напротив, в своей сверкающей броне она выглядела как ожившая статуя прекрасной богини-воительницы. Общее впечатление дополнял тяжелый железный меч, который, даже находясь на флагманском корабле, в окружении отборных моряков, Мэнда держала в пределах досягаемости.

- Не слушай этого старого морского волка, - сказала она. - Мои воины пойдут за тобой куда угодно. Так было и раньше, а после весеннего штурма - особенно. Они тебя просто боготворят.

Штурм острова Манхатан, осуществленный по инициативе Ксайи в самом начале холодной весны, положил конец многолетней войне против островного государства Бритонии - самого опасного соперника и конкурента Зиландии в Архипелаге. Жестокие зимние холода и болезни погубили немало воинов, зимовавших на вмерзших в морские льды судах, прежде чем Ксайе пришел в голову дерзкий план, с помощью которого зиландцам удалось взломать оборону островитян.

Еще в прошлом году, в прохладные дни первой фазы лета моряки перестроили часть кораблей, снабдив их широкими и прочными, неглубоко сидящими в воде корпусами. Благодаря этому с наступлением осенних и зимних холодов они не вмерзали в лед, а оказывались на нем. В первую же неделю календарной весны экипажи полностью освободили свои суда от наметенных вдоль бортов сугробов, и упряжки боевых коней с особыми, снабженными шипами подковами потащили парусники по льду на штурм острова. Огонь корабельных батарей обрушился на защитников береговых укреплений внезапно, и не успели жители Манхатана подтянуть резервы, как остров был взят.

Мэнда нисколько не преувеличила, когда сказала, что среди моряков и солдат Ксайя пользуется авторитетом. Власть Госпожи Зиландии - как звучал ее официальный титул - действительно была велика. Вместе со своим мужем Фомом Робеллом она была Спикером зиландского парламента, к тому же оба принадлежали к самым уважаемым в стране семействам, напрямую происходящим от легендарных Основателей. Несмотря на то что в парламенте у них были свои противники, Ксайя и Фом, чей семейный союз еще больше укрепился с рождением сына Макса, правили Зиландией эффективно и мудро, и это признавали буквально все. А после победы над Бритонией, когда войска Зиландии захватили богатые трофеи, моряки и солдаты действительно были готовы пойти за своей Госпожой и в огонь, и в воду.

- Для них ты настоящая королева-воительница, - продолжала Мэнда. - И что немаловажно, королева, которая умеет одерживать победы. С тобой они без ропота пошли на войну с Бритонией, и даже когда мы оказались у Манхатана...

- Я не предвидела, что из-за шторма мы собьемся с курса и окажемся здесь, - перебила Ксайя. - Нам еще повезло, что в конце концов мы вышли именно к Манхатану. А поскольку этот остров является союзником британцев...

- Манхатан разорвал союз, когда Зиландия объявила войну Бритонии, - негромко напомнил Тейф.

- Это ничего не меняет. Пусть Манхатан и бывший союзник нашего давнего врага, все равно он понес заслуженное наказание. И военная добыча, которую мы здесь взяли, принадлежит нам по праву.

- Нам больше не нужны трофеи, - вставил адмирал. - Трюмы и так набиты битком.

- Ты слишком осторожен, Тейф, - рассмеялась Мэнда. - Когда у тебя появляется шанс отличиться, нужно им пользоваться, а не думать о всяких там последствиях. И потом, разве не ты убедил нас преследовать британскую армию после того, как пал Лондон?

Тейф демонстративно повернулся к Ксайе.

- Если потребуется, мои экипажи тоже пойдут за тобой хоть на край света, - сказал он. - Это так. Но моряки - обычные люди, и у них есть семьи... Большинство воительниц Мэнды - матери, которые оставили своих детей ради этого похода, поэтому с куда большей радостью они отправились бы домой. Именно об этом они говорят между собой, когда думают, что я их не слышу. - Адмирал окинул Госпожу цепким взглядом. - Да и тебя тоже ждут дома. Война выиграна, пора возвращаться к мирной жизни.

Ксайя, волнуясь, встала рядом с Мэндой, глядя на пылающий прибрежный город.

- К мирной жизни!.. - выговорила она с легким презрением.

- Именно так, - твердо повторил Тейф. - Бритония повергнута в прах, нужно создавать Империю Архипелага. Кто займется этим, если не ты?

- Боюсь, из меня выйдет плохой строитель, - усмехнулась Ксайя. - Кроме того, это Фом носит на шее Четырнадцать Сфер, а не я.

- В мирное время муж и жена должны править вместе. Так было всегда.

В Зиландии действительно существовал обычай: мужчины занимались политикой, а жены вели войны, если возникала необходимость применения военной силы. Теория, приписываемая самим Основателям, гласила, что женщины, по природе своей не столь кровожадные, как мужчины, не станут затевать войны из пустого тщеславия, а будут действовать исходя, в первую очередь, из государственных и национальных интересов. Возможно, теория была права, но на свой счет Ксайя не обольщалась: к ней эта чушь не относилась никак.

- Кроме того, - добавил Тейф, - у тебя есть Макс. Ты не видела сына уже несколько лет.

Мэнда рассмеялась.

- Ему сейчас только-только исполнилось четырнадцать. Или ты думаешь, что мальчишка успел отпустить бороду, как у тебя?

- Вернись домой, Госпожа, - терпеливо повторил Тейф, не обратив на слова Мэнды никакого внимания. - Ты победила Бритонию - самое сильное государство Архипелага. Разве в мире осталось еще что-нибудь, что стоило бы твоих усилий?

Нахмурившись, Ксайя порывисто бросилась в кресло и так резко придвинула к себе одну из карт, что едва не опрокинула прижимавшую ее к столу флягу с вином. Лишь в последний момент Мэнда молниеносным движением успела подхватить сосуд.

- Весь мир и остался! - воскликнула Ксайя. - Как ты не понимаешь?!.. Наш Архипелаг - просто точка на поверхности планеты. Есть еще и континенты: Пояс, Тарелка...

Тейф недовольно засопел.

- Всем известно, что Тарелка - безжизненная песчаная пустыня, где

даже пур-пур растет только по побережью. Что касается Пояса, то эта полоска суши населена лишь дикими лошадьми да горсткой людей.

Ксайя не ответила; нахмурившись, она вглядывалась в карту. Континент под названием Пояс вытянулся длинной, узкой полосой почти от полюса до полюса. Большая его часть была, разумеется, непригодна для жизни, исключение составляли лишь экваториальные области. Но именно там, почти в центре узкой полосы суши, находился единственный на континенте крупный населенный пункт под названием Арарат. Правда, карта была довольно приблизительной, однако она все же давала некоторое представление о масштабе, и Ксайя ткнула в нее пальцем.

- Посмотри сам. Отсюда до Арарата почти такое же расстояние, как до Зиландии.

Мэнда согласно кивнула.

- Верно. Мы могли бы добраться туда и вернуться еще до конца первой половины лета.

- Арарат основан на том самом месте, где когда-то приземлились Основатели. Именно там находится посадочный челнок. Северная и южная части Пояса почти не обследованы. Кто знает, быть может, нам посчастливится отыскать другие реликвии Основателей?

Тейф покачал головой с таким видом, словно уже жалел о том, что затеял этот разговор.

- Ерунда! Неужели вы действительно намерены исследовать Пояс? Это же огромный и к тому же совершенно бесполезный кусок земли!

- Почему бы нет? - отрезала Мэнда. - У британцев есть легенды о Городе Мертвых, который находится где-то на севере Пояса. Если сокровища пришельцев существуют, то они спрятаны именно там!

Сокровища пришельцев... При этих словах по спине Ксайи пробежал холодок волнения, хотя вокруг было по-прежнему жарко и душно, как в бане.

- Согласно тем же легендам, Город Мертвых может находиться далеко на юге, - насмешливо возразил адмирал. - Таково свойство всех сокровищ - они всегда находятся где-то вне пределов досягаемости. Поговори с учеными Четырех Университетов - с хранителями наследия Основателей. Они скажут, что о Городе Мертвых почти ничего не известно. В отчетах о наблюдениях с орбиты о нем даже не упоминается.

- Основатели обследовали не всю планету. В том, что Мертвые существовали, никаких сомнений нет. Это доказывают и развалины на Малой Ямайке, и находки, сделанные на самом Архипелаге, - сказала Ксайя. - И если сравнить предания нашего народа с мифами британцев и со сведениями, которые мы, вероятно, получим в Арарате, мы наверняка сумеем...

- О каких преданиях ты говоришь, Госпожа?! - перебил Тейф. - Ведь

первые люди появились на Земле-2 каких-нибудь четыреста лет назад. Конечно, для того чтобы создать несколько увлекательных сказок, этого времени достаточно, но...

Повернув голову, Ксайя медленно оглядела свой флагманский корабль, его свежеремонтированные борта и помятые броневые плиты в деревянных рамах. Победа над Бритонией означала конец ее свободе принимать самостоятельные решения, но теперь у Ксайи вдруг появился шанс достичь величия и славы, прежде чем она будет вынуждена вернуться к упорядоченной мирной жизни, которую лишь изредка разнообразили столкновения с супругом (преимущественно по вопросам государственного управления).

- Я уверена, нам это по силам, - твердо произнесла Ксайя, принимая решение. - У нас достаточно кораблей и обстрелянных, опытных моряков и солдат. Наши трюмы набиты трофейным оружием и порохом. Ни одна сила на Земле-2 не может противостоять нам!

- К тому же у нас достаточно времени, - поддакнула Мэнда. - До начала второй, жаркой фазы лета еще несколько месяцев...

- Но за летом придет холодная осень, а потом наступит зима, способная заморозить самый мозг в костях. А на севере, куда вы собираетесь отправиться, будет еще холоднее, чем на средних широтах... Не позволяй ей себя уговорить, Ксайя! Я хорошо тебя знаю: ты часто действуешь под влиянием эмоций, но сейчас не тот случай, чтобы давать чувствам власть над собой. Не слушай Мэнду - там, дома, ее никто не ждет, вот она и подталкивает тебя к разного рода авантюрам.

Мэнда с угрозой улыбнулась, но промолчала.

- Не поддавайся минутному капризу, Госпожа, - продолжал адмирал. - Путешествие на север будет стоить множества человеческих жизней, к тому же в случае неудачи ты потеряешь все, чего уже достигла. Я хорошо понимаю, почему ты откладываешь возвращение... - добавил он. - Тебе просто не хочется приступить к своим обязанностям!

- Из всех людей, - спокойно проговорила Ксайя, - только тебе позволено говорить мне подобные вещи.

- Я говорю тебе правду. Это мой долг и моя работа.

- Я отправлю домой один корабль, чтобы сообщить Фому о моих планах. Думаю, эта экспедиция задержит мое возвращение домой на год, не больше.

- Матросы будут очень недовольны, - хмуро предупредил адмирал. - Они любят тебя, Госпожа, но... Многие из них считают, что война с Бритонией обошлась слишком дорого. С обеих сторон погибло немало людей, а ведь все мы - прямые потомки Основателей, дети одних и тех же Великих Пятнадцати. Когда-то наши предки бежали с затопленной Земли, и сюда они явились вовсе не затем, чтобы воевать друг с другом. Если бы сейчас Основатели могли видеть нас, своих детей,

они бы сказали...

Ксайя фыркнула.

- Ты сам себе противоречишь, Тейф. Основатели были отважными людьми, но они уже четыреста лет как мертвы. Пройдет еще столько же времени, и мы, наверное, станем поклоняться им, словно богам, забыв, что они были такими же, как и мы. - Она резко встала и, не сдержавшись, поморщилась от боли в руке. - Я хочу убедиться, что наших ресурсов хватит, чтобы добраться до Пояса. Сегодня до захода солнца вы оба должны предоставить мне подробные отчеты по личному составу, запасам продовольствия и вооружения, состоянию судов. Все ясно?.. Действуйте. - И, поставив на столик бокал с вином, Ксайя быстро вышла в ослепительный солнечный свет.

2.

Возвращаясь домой, Ксайя Уиндру!..

Эта фраза снова и снова звучала в ушах Фома Робелла пока вместе с ректором Чивианом он неторопливо шагал вдоль возвышающегося над океаном утеса. Следом двигались помощники и секретари с широкими зонтиками от солнца в руках. Последними шли другие ректоры, несколько парламентариев и - на некотором отдалении от них - четырнадцатилетний сын Фома Макс и его домашний учитель Ян Стэндиш - пожилой, но еще очень подвижный и деятельный ученый. Похоже, идея строительства Библиотеки, с которой вот уже некоторое время носились ректоры, принадлежала именно ему. Краем глаза Фом присматривал за сыном, который то и дело ускорял шаг и, выйдя из тени зонтов, оказывался под палящими лучами солнца.

Остановившись на краю утеса, ректор Чивиан втянул в себя свежий морской воздух. Ему было за сорок, на несколько лет больше, чем Фому. Высокий, осанистый, ректор выглядел очень внушительно в белой парадной мантии.

- Здесь почти прохладно, - заметил он, раздувая ноздри.

- Ветер дует над морем и охлаждается, - пояснил Спикер, подходя вплотную к обрыву. Трава, вывезенная с Земли, плохо росла на выжженных солнцем камнях, зато похожий на комковатую слизь пурпур покрывал почву сплошным ковром. Фом наподдал носком сандалии один такой комок, и тот немедленно рассыпался мелкой красной пылью. Ветер подхватил ее и унес прочь.

- Наткнувшись на утес, ветер поднимается вверх, поэтому здесь действительно прохладнее, чем в других местах. Во всем поместье это самое приятное место - особенно во втором летнем или первом осеннем полусезоне. И уж конечно, никакого сравнения с Орклундом, который лежит в километре отсюда. Там, я знаю, трудно укрыться от

жары даже в самых крепких каменных домах. Но все равно без зонта здесь лучше не появляться, - добавил Фом с легким вздохом. Он отлично знал, что если бы Ксайя была здесь, она бы разгуливала по площадке над морем без всякого зонта, подавая опасный пример сыну.

Ректор Чивиан, по-видимому, неплохо разбирался в людях. Как бы там ни было, он явно почувствовал, что Фом подумал о жене.

- Надеюсь, экспедиция Госпожи Ксайи на север пройдет без неприятных неожиданностей, - сказал он. - Быть может, ей посчастливится узнать что-то интересное, сделать новые важные открытия.

Фом снова вздохнул. Его чувства пребывали в смятении с тех самых пор, когда в Орклунд вернулось несколько судов из флотилии Ксайи. Они доставили в Зиландию трофеи и пленников, раненых и детей, народившихся за время многолетней кампании, но главным было известие о том, что Госпожа отправилась исследовать Пояс.

- Откровенно говоря, - проговорил Фом, - я бы предпочел, чтобы Ксайя вернулась домой, ко мне и сыну, вместо того чтобы скитаться неизвестно где.

- Нам следует высоко ценить отвагу и мужество Госпожи, - вежливо отозвался Чивиан. - И да будет мне позволено заметить, именно мужество требуется от нас прежде всего. Особенно сейчас.

Фом покачал головой. Как и следовало ожидать, ректор снова попытался вернуть разговор к своей излюбленной теме - Библиотеке.

- Вы выбрали не самое подходящее время, сэр, - сказал Фом. - Особенно учитывая обстоятельства.

Ректор слегка приподнял ухоженные брови.

- Не понимаю, почему нельзя обсудить идею строительства, не касаясь частных дел. - Он поглядел на солнце, которое проступало горячим светлым пятном даже на плотной ткани зонта. - Второй, самый жаркий весенний полусезон подходит к концу, скоро наступит прохладная фаза лета. Умеренная температура плюс двадцатичетырехчасовой световой день - по-моему, лучших условий для начала строительных работ и придумать нельзя. Если все пойдет по плану, подземное хранилище будет полностью готово еще до того, как начнется первая фаза осени. Оно сможет принять Книги вне зависимости от того, будет ли построена надземная часть комплекса.

Книги Основателей - сто восемь внушительной толщины фолиантов - содержали информацию, которую удалось спасти, когда отказало собранное еще на Земле электронное запоминающее устройство. В этих книгах было записано все, что знали и во что верили Основатели и первое поколение их потомков. Эти сведения также касались истории покинутого ими мира - планеты, с которой они были вынуждены бежать, спасаясь от страшных природных катаклизмов. Поколения ученых из Четырех Университетов Зиландии терпеливо работали над

расшифровкой Книг под руководством Совета ректоров.

- Строительство Библиотеки позволит сохранить наследие Основателей в целостности вне зависимости от любых внешних обстоятельств, будь то стихийные бедствия или человеческие ошибки, - продолжал ректор, видя, что Фом молчит. - И это будет лучшим способом почтить память Основателей. С другой стороны, что может быть страшнее для нас, если эти Книги - последнее звено, связывающее нас с планетой, откуда мы все произошли, - будут утрачены?

- Избавьте меня от социальной рекламы, ректор. - Фом поморщился. - Вы не хуже меня знаете, что существуют и другие способы сохранить Книги в неприкосновенности, и для этого вовсе не обязательно опустошать государственную казну. Для начала вы могли бы снять с каждого тома по несколько копий.

- А кто будет сверять эти многочисленные копии с оригиналами, позвольте вас спросить? Нас захлестнет настоящий шквал ошибок и искажений, смысл оригинальных текстов будет утрачен...

- ...Как обратится в ничто и ваша власть обладателей уникальных текстов. Да-да, именно так!.. - Фом не на шутку рассердился. Интересно, спросил он себя, посмел бы ректор сказать что-либо подобное, если бы Ксайя стояла сейчас здесь в своих доспехах и с пистолетом на ремне?

Ректор слегка попятился.

- Мы с вами реалисты, Спикер, - проговорил он. - У нас обоих есть свои собственные цели и амбиции, но я не вижу в этом ничего зазорного. Так уж устроен мир. Тем не менее поверьте, сейчас я говорю вполне искренне... Основатели были настоящими героями, они покинули свой гибнущий мир и отправились в космос, чтобы найти мир новый. В конце концов они прилетели сюда, на Землю-2, и именно их смелость и отвага дали нам жизнь - в буквальном смысле слова. Это были великие люди, Спикер, по-настоящему великие, и нам до них еще очень далеко.

- Все они не были великими, - сердито перебил Фом. Как и его жена, он начинал испытывать раздражение всякий раз, когда при нем пели осанну Основателям, которые, по большому счету, были самыми обыкновенными людьми.

- Вы так считаете, Спикер? - Чивриан снова шевельнул бровями.

- Во всяком случае, не в физическом смысле. - Фом сухо усмехнулся, подавляя гнев, и кивнул на держащих зонты секретарей - очень рослых, с бочкообразной грудной клеткой. - Я слышал, что если бы мы вдруг оказались на старой Земле, самые высокие ее обитатели не доставали бы нам и до плеча. Если, конечно, там еще остался кто-то живой.

Ректор пожал плечами.

- Сила тяжести в нашем мире несколько меньше, чем на старой Земле, вот мы и растем... Это естественно.

- Но память о мире, из которого мы произошли, сохраняется в наших телах, в нашем языке. Даже названия месяцев у нас вполне земные.

- Это просто традиция, сэр, - покачал головой ректор. - Она не играет большой роли. Куда важнее то, что записано в Книгах. Из них мы знаем, что Земле-2 не хватает естественных ресурсов, которыми была богата старая планета. Здесь нет залежей нефти, угля, урана, нет даже подходящих руд, чтобы мы могли изготавливать стальные мечи вместо железных. Основатели знали атомную энергию и покорили космос, а мы выходим в море на деревянных парусниках и палим друг в друга из ружей, заряженных порохом. Увы, на Земле-2 нелегко создать развитую технологическую цивилизацию. Если нам и суждено когда-нибудь преодолеть отсталость, на которую обрекает нас недостаток естественных ресурсов, это произойдет, только если мы станем опираться на мудрость и знания Основателей. Лишь так мы можем надеяться когда-то сравняться с ними. А Библиотека - единственный способ сохранить знания, которые когда-нибудь непременно нам пригодятся.

- Вы не ответили на мой вопрос о времени, ректор. Почему вам загорелось строить Библиотеку именно сейчас? Куда вы так торопитесь? Какая опасность угрожает вашим драгоценным текстам в ближайшем будущем? Дело не только в Книгах - вы выбрали не самое удачное время и для страны в целом. В конце концов, мы едва завершили многолетнюю войну, и хотя нам удалось одержать победу, народ устал, да и ресурсы государства основательно истощены. Даже военная добыча, какой бы богатой она ни была, не покрывает издержки целиком.

- Я попытаюсь объяснить, почему текущий момент представляется нам наиболее благоприятным, - проговорил Чивиан. - В Книгах Основателей рассказывается о похожем эпизоде из истории старой Земли. В 1492 году Фердинанд и Изабелла, правители небольшой страны Испании, завершили войну против мусульман, которая длилась не годы - столетия. Но даже одержав победу, они не стали почивать на лаврах. Вместо этого они финансировали еще одно дерзкое предприятие - экспедицию некоего Колумба, который отправился через океан искать удобный путь в далекую страну Индию, а открыл новый континент - Америку. Вы замечаете аналогию?

- Я не Фердинанд. - Фом усмехнулся. - И мы не на старой Земле... - Широким жестом он указал на океанский простор, где неясными темными пятнами проступали ближайшие острова Архипелага. - Вот это наш мир, наш дом, наша эпоха. И поверьте, ректор, в первую очередь нас интересуют развитие торговли, возможность строить новые суда и прокладывать новые торговые пути, чтобы с их помощью

создать Империю, которая охватывала бы весь Архипелаг. Спросите любого зиландца, чего бы он желал для своей страны в ближайшем будущем, и я уверен - никто из них не станет упоминать об Основателях, не говоря уже о Колумбе.

- Вы имеете в виду амбициозный план Госпожи Ксайи, - осторожно заметил ректор. - Но одно другому не...

- И мне думается, - перебил Фом, - что отсутствие Ксайи - еще одна причина, по которой вы стараетесь уговорить меня начать строительство до того, как она вернется и наложит на проект полное и окончательное вето.

- Уверяю вас, сэр...

- Я хочу понять только одно, ректор: почему вы так торопитесь с этим строительством. Что за спешка? Скажите Яну Стэндишу, пусть он просветит меня, только учтите: я хочу знать правду. И не пытайтесь запудрить мне мозги вашей ученой белибердой. Пока вы не убедите меня, что Библиотеку нужно строить именно сейчас, никакие работы не начнутся. И пусть мой сын тоже в этом участвует: они со Стэндишем неплохо ладят, так что для парня это будет хорошая школа. Ведь в один прекрасный день он тоже может стать Спикером... - Фом усмехнулся. - Вы меня поняли?

Ректор поклонился.

- Я постараюсь организовать все как можно скорее.

- Нисколько в этом не сомневаюсь.

После этого оба немного помолчали, а потом снова двинулись вдоль края утеса, огибая бугрящиеся среди камней заросли пур-пура и наслаждаясь относительной прохладой морского бриза, который, однако, был не в силах развеять возникшее между ними напряжение.

3.

Май был в самом разгаре, когда флот Ксайи достиг Пояса.

Совсем немного оставалось до начала прохладного летнего полусезона, когда и люди, и вывезенные с Земли животные и растения наслаждались умеренными температурами и бесконечными световыми днями. Как и большинство отпрысков высокопоставленных семей, Ксайя неплохо представляла себе механику смены времен года на Земле-2, обращавшейся вокруг звезды, которую Основатели, руководствуясь какими-то своими соображениями, назвали Восемьдесят второй Эридана. Ось вращения планеты была расположена под очень незначительным углом относительно плоскости эклиптики, поэтому в промежутке между весенним равноденствием и летним солнцестоянием северный полюс Земли-2 с каждым днем все больше поворачивался в сторону центрального

светила. В результате даже на средних широтах, где находился сейчас флот Ксайи, солнце опускалось за горизонт всего на час-полтора. День продолжал удлиняться, а температура, наоборот, снижалась, поскольку солнце уже не поднималось так высоко в зенит, как в самые жаркие дни апреля - начала мая. А лучшие ученые Четырех Университетов Архипелага когда-то учили Ксайю, что именно высота солнца над горизонтом определяет его способность нагревать воздух планеты.

Разумеется, Ксайя, глядевшая с борта «Коры» на побережье Пояса, была рада наступившей прохладе, но то, что открывалось сейчас ее глазам, ей не очень-то нравилось. Побережье представляло собой красновато-бурую, словно ржавую, пустыню, где не росло почти ничего, кроме вездесущего и абсолютно никчемного пур-пура. Засушливое, пыльное, чуть холмистое пространство выглядело не слишком подходящим для путешествий. Лишь в нескольких местах однообразие пустыни нарушали широкие долины, спускавшиеся к самому океанскому побережью. В устье одной из таких долин - в дельте неторопливой, мутно-красной от несомого водой ила реки - стоял порт Александрия. Он служил морскими воротами Арарата, располагавшегося на некотором расстоянии от берега. Порт был довольно оживленным - сюда заходили и каботажные суда, обслуживавшие прибрежные поселения на самом Поясе, и торговые корабли островных государств Архипелага, в том числе небольшая флотилия британских парусников с беженцами, искавшими здесь укрытия от ужасов войны.

Высадившись на берег, Ксайя первым делом разыскала зиландского посланника - суетливого маленького человечка средних лет по имени Алейн Джефарес. Он сидел один в захламленном маленьком кабинете и отчаянно скучал. Появление высокопоставленной Госпожи застало его врасплох; Джефарес даже слегка растерялся, но это было вполне объяснимо - приезжие из Зиландии бывали на Поясе сравнительно редко. Торговцы не жаловали эти места, поэтому посланнику приходилось иметь дело главным образом с паломниками, учеными и немногочисленными туристами, жаждавшими своими глазами взглянуть на священное место посадки Основателей.

Ксайя была несколько удивлена тем обстоятельством, что официальные власти до сих пор не удосужились связаться с посланником - хотя бы за тем, чтобы узнать, с какой целью прибыл в Александрию военный флот Зиландии. В ответ на ее прямой вопрос Джефарес объяснил, что центральная власть на континенте фактически отсутствует; люди живут в независимых городах-государствах, которые находятся друг от друга на довольно значительном расстоянии и поддерживают между собой почти исключительно торговые отношения. Разумеется, время от времени города объединяются в союзы, которые, впрочем, быстро

распадаются. Торговля тоже носит сезонный, спорадический характер. Бывают и конфликты, вызываемые главным образом спорами о таможенных тарифах и протекционистских барьерах, однако посланник не слышал, чтобы города-государства всерьез воевали друг с другом из-за размеров ввозных пошлин. Насколько он знал, никто из местных правителей никогда не пытался подчинить себе соседей и создать крепкое централизованное государство, подобное тем, что существовали на Архипелаге. Не предпринимали подобных попыток и островные державы, хотя некоторые из них, случалось, засылали на пояс небольшие отряды. Теоретически, такие отряды могли, конечно, захватить один-два города, но на жизнь на континенте это никак не повлияло бы - слишком разобщены и отдалены друг от друга чисто географически были человеческие поселения. Как поняла Ксайя, правительство Александрии, верное политике невмешательства и нейтралитета всех по отношению ко всем, тоже не стремилось форсировать ситуацию. Именно по этой причине местные власти игнорировали стоящий на рейде флот в расчете на то, что чужаки исчезнут так же внезапно, как появились.

- Я же говорил, здесь нет ровным счетом ничего, за что стоило бы сражаться, - насмешливо сказал Тейф, когда Ксайя поделилась с ним новостями. С адмиралом трудно было не согласиться, однако оставить все как есть было не в характере Ксайи. Для начала она распорядилась отправить в Александрию двух офицеров, в обязанности которых вменялось начать процедуру конфискации находящихся в порту британских кораблей, а Джефаресу приказала организовать конвой, который доставил бы ее со спутниками в Арарат.

Первую ночь они провели в роскошной гостинице на окраине Александрии. Гостиница носила название «Отдых Основателей» и была украшена вырезанными из дерева портретами всех пятнадцати звездных путешественников. Ксайю как почетную гостью поместили в номере имени Томаса Уиндрупа. Похоже, легендам об Основателях придавали в Александрии особое значение.

Спала она, впрочем, не слишком хорошо. Некстати разболелась раненая рука, к тому же Ксайя уже отвыкла спать на суше. За годы войны покачивающаяся под ногами корабельная палуба стала ей гораздо привычнее.

К утру Джефарес сумел нанять несколько экипажей, чтобы доставить в Арарат Ксайю, Тейфа, Мэнду и полсотни отборных солдат. Головной экипаж, предназначавшийся для Госпожи, был запряжен четверкой могучих боевых коней, столь рослых, что обычный человек не доставал им и до плеча. Остальные повозки тянули волы с огромными, тяжелыми рогами.

Покинув порт, конвой двинулся в глубь континента по пыльной, изъезженной дороге. На протяжении нескольких первых километров

путников преследовали портовые крысы - откормленные коричневые существа размером со среднюю собаку. Они бежали по обочинам и время от времени выскакивали на дорогу, норовя вцепиться в ноги волов кривыми желтыми зубами. Джефарес, ехавший в экипаже вместе с Ксайей, отгонял тварей ударами плоской стороны ржавого меча.

- Вот еще одно наследие старой Земли, - проговорил запыхавшийся посланник, отирая пот со лба. - Наверное, ни на одном острове Архипелага нет такого количества крыс.

- В Зиландии .их действительно мало, - согласился Тейф. - Во всяком случае, таких крупных тварей я еще никогда не видел.

- Это имеет какое-то отношение к пониженной силе тяжести, - пояснил Джефарес. - Земные животные вырастают здесь более высокими при той же костной массе, к тому же воздух у нас более разреженный, чем на старой Земле, а это значит, что тварям небольшого размера не хватает кислорода. Они вынуждены развивать легкие, а это опять-таки имеет отношение к размерам. Вот почему на Земле-2 крысы вырастают такими большими. Так считали Основатели.

Ксайя покачала головой. Она пробыла на Поясе всего день, но постоянные упоминания об Основателях успели ей порядком надоесть.

Дорогу до Арарата проложили почти по прямой, а глубокие колеи свидетельствовали, что ею пользовались достаточно часто. Окружающий пейзаж, впрочем, выглядел довольно уныло. Дорога вела через пустыню, сплошь покрытую мелкой ржавой пылью. Лишь кое-где валялись обломки камней, да на горизонте маячили невысокие, пологие холмы. Ксайя никогда не интересовалась геологией, но у нее сложилось впечатление, что местность, по которой они движутся, буквально дышит древностью: в окружающем ландшафте преобладали плоскости и плавные линии, разительно отличавшиеся от резких, изломанных очертаний молодых вулканических гор, к которым она привыкла на островах Архипелага.

По пути им несколько раз встречались небольшие поселки - и больше ничего. Земной растительности почти не было, если не считать кактусовых зарослей да нескольких лужаек, покрытых выгоревшей травой, зато пур-пур попадался довольно часто. Казалось, он захватил все сколько-нибудь пригодные для произрастания участки почвы и благоденствовал. Несколько раз Мэнда развлечения ради заставляла своего погонщика направлять экипаж прямо на скопления пур-пура и злорадно смеялась, когда копыта волов превращали растения в пылящие облака спор.

К счастью, скучное путешествие оказалось коротким. Вытянувшийся почти от полюса до полюса Пояс был довольно узким - всего несколько сотен километров шириной, - поэтому скоро над горизонтом показались очертания удивительного города. Своими размерами Арарат не

превосходил большинство городов Зиландии, но выстроен он был из камня такого же красного цвета, что и пустыня вокруг. Впрочем, даже издали Ксайя различала пятна зеленой растительности на крышах и стенах. Город стоял на берегу еще одной широкой, медлительной реки, в которую погрузили свои лопасти огромные, неторопливо вращавшиеся колеса водяных мельниц и электростанций. Необычной оказалась и планировка города. Он был сильно вытянут с севера на юг и окружен высокой стеной, которая при взгляде сверху напоминала очертаниями водяную каплю.

- Он похож на корабль! - крикнула Ксайе Мэнда из своего экипажа. - На корабль из камня, который повернут носом на юг, а кормой на север.

- Для чего такая странная форма? - спросила Ксайя у посланника. - Чтобы привлечь побольше паломников?

- Вряд ли, - отозвался Джефарес. - Насколько я знаю, стена вокруг города имеет чисто утилитарное назначение. - Он поглядел на солнце.

- Думаю, через пару дней вы сами все поймете.

- Что ж, подождем...

Уже на самом подъезде к городу они миновали несколько фермерских полей, на которых догнивали остатки не до конца убранного урожая, вновь запаханного в землю. Никаких строений здесь не было - только поля. Когда Мэнда спросила, где же живут сами фермеры и почему они не до конца убрали летний урожай, Джефарес только пожал плечами.

- Потерпите немного, и вы все узнаете.

У широких металлических ворот, сделанных заподлицо с поверхностью стены, посланник вступил в переговоры с городскими стражами, вооруженными карикатурными алебардами. Прислушавшись, Ксайя поняла: жители Арарата говорят на том же варианте амблийского, который использовался на Архипелаге, хотя в их речи присутствовали и выразительные местные диалектизмы. Выяснив, что придется платить входную пошлину, Госпожа испытала новый приступ раздражения.

Пока посланник договаривался со стражами насчет размеров платы, Ксайя выбралась из экипажа и подошла к стене. Вблизи она выглядела еще внушительнее, вздымаясь как минимум метра на три над ее головой. Гладкая, будто отполированная, каменная поверхность тянулась влево и вправо насколько хватало глаз.

Тейф, подошедший к Ксайе сзади, задумчиво провел кончиком пальца по цементному шву между каменными блоками.

- Как странно... - проговорил он задумчиво. - Эти камни такие гладкие! Непохоже на дело рук человеческих.

Приглядевшись, они обнаружили, что поверхность стены над их головами была совершенно обычной, грубо-шершавой, как простой камень. Отполированной оказалась только нижняя ее часть на высоте двух - двух с половиной метров от земли.

- Может быть, это ветер? - озадаченно пробормотала Мэнда.
- Странный ветер, - пожал плечами адмирал. - Почему он дует только понижу?

Пока они обменивались впечатлениями, Ксайя услышала звук, похожий на далекий гром или орудийную канонаду. Звук доносился с севера, и, взглянув туда, она увидела над горизонтом растущую полосу красно-оранжевой пыли. Должно быть, подумала она, надвигается песчаная буря.

Тем временем Джефарес договорился со стражами и пригласил Госпожу и ее спутников пройти в ворота. Город оказался настоящим лабиринтом узких, мощенных красноватым булыжником улочек, над которыми нависали фасады каменных, с толстыми стенами домов, разделенных широкими полосами огородов и небольших полей, засеянных кукурузой, пшеницей, овсом. И повсюду им встречались люди... Вдоль неряшливой, выщербленной мостовой, по которой вел караван посланник, сновали оборванные дети, сбегавшиеся поглазеть на невиданное зрелище, молча стояли угрюмые взрослые. Почему все они живут здесь, в этой тесноте и грязи, спросила себя Ксайя. Не лучше ли было построить дома за городской стеной, на полях, которые они видели при подъезде? Ведь, как сказал посланник, на континенте не было войн, и угроза не нависала над городом. Зачем же тогда жить друг у друга на голове, внутри каменных стен?

В самом центре Арарата высилось какое-то массивное здание. Вытянутое в длину, украшенное башенками, барельефами и статуями Основателей, оно напоминало главный Христианский собор в Зиландии, но имело какие-то неестественные, увеличенные пропорции. Скорее всего, это было пресловутое Святилище Шлюпки. Ближайшие к нему дома, увенчанные зелеными шапками устроенных на крышах садов, тоже производили впечатление общественных. Отвечая на вопрос Ксайи, Джефарес подтвердил ее догадку, сказав, что именно здесь разместилось городское правительство, его министерства и службы, а также обслуживающие чиновников уборщики и повара.

Путешествие Ксайи и ее спутников завершилось у входа в лучший отель города, названный, как нетрудно было предположить, в честь Основателей. У дверей многоэтажной каменной башни Джефарес снова вступил в какие-то переговоры с охраной гостиницы. Заметив, что посланник передал воинам еще пачку зиландских долларов, Ксайя почувствовала, как к ней возвращается давешнее раздражение.

- Что с тобой? - Тейф, прекрасно чувствовавший настроение Госпожи, дружески тронул ее за плечо.

- Ничего. - Ксайя нахмурилась. - Просто я чувствую себя словно в лабиринте: кругом сплошные стены, загадки и... Основатели. Неужели я отказалась от возвращения домой ради посещения паршивого музея? Здесь же нет ничего, достойного внимания!

Адмирал шевельнул кустистыми бровями.

- Тебя предупреждали, но ты не послушала.

Не ответив, Ксайя шагнула вперед и окликнула посланника, оторвав его от переговоров.

- Джефарес... да прекрати ты кланяться! Я хочу, чтобы ты устроил мне экскурсию к Шлюпке. Я хочу взглянуть на посадочный челнок, и меня несколько не интересует, какие шлюхи будут развлекать моего адмирала сегодня ночью.

- Да, разумеется, Госпожа. Сюда, пожалуйста... - Застигнутый врасплох посланник быстро справился с растерянностью. Одного из офицеров Тейфа он оставил заканчивать переговоры с гостиничными стражами, а еще двоих отправил вперед, в Святилище, чтобы предупредить хранителей Шлюпки о прибытии высокопоставленной сопратительницы Зиландии.

От отеля до Святилища было совсем недалеко - не больше пяти минут пешком. Под его высокой сводчатой крышей сияло множество электрических лампочек с розоватым стеклом, изготовленным, по всей вероятности, из красно-бурого песка пустыни. На пороге их уже ждал главный жрец - молодой, чисто выбритый парень лет двадцати с небольшим, одетый в пыльную бархатную хламиду, расшитую изображениями звезд и планет. Сам он, впрочем, назвался смотрителем музея Основателей.

- Чан Гил к вашим услугам, Госпожа... - Произнеся эту единственную разумную фразу, он понес околесицу насчет того, что, хотя с простых паломников взимается немаленькая плата, которая идет на содержание, уход и т. п., для правительницы великой Зиландии он готов сделать исключение. Лицо у парня было умное, но он явно переволновался; ему, впрочем, хватило самообладания, чтобы незаметно спрятать в карман хламиды небольшую мзду, переданную ему Джефаресом.

- Добро пожаловать в музей, Госпожа. Смотровая галерея вон там. Именно оттуда лучше всего виден наш бесценный исторический экспонат.

Несмотря на то что и в Зиландии на увековечивание памяти Основателей расходовалось немало социальной энергии (и материальных ресурсов), Ксайя довольно критически оценивала их вклад в становление современной цивилизации. Однако сейчас, поднимаясь по лестнице, высеченной в каменной кладке стены, она почувствовала, как сердце ее начинает биться чаще. И то сказать: не каждый день ей доводилось прикоснуться к Истории.

Наконец они поднялись на балкон-галерею, вдоль которой выстроились в ряд ящики для пожертвований. Шлюпка находилась метрах в двадцати под балконом и была похожа на жирную, уродливую птицу с широким туловищем, нелепыми короткими крыльями, белой

спиной и черным брюхом, которая - словно не в силах лететь дальше - припала грудью к слежавшейся оранжевой земле. За Шлюпкой тянулась широкая полоса взрытого грунта. Вдоль борта посадочного челнока Основателей было написано крупными рублеными буквами: СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ. Эти слова ничего Ксайе не говорили.

- Ее лобовые иллюминаторы похожи на глаза, - пробормотала Мэнда, не в силах скрыть беспокойства. - Я просто не могу оторвать от них взгляд!

- Это самая настоящая реликвия Основателей, - негромко сказал Тейф. - Первая, какую я вижу своими собственными глазами, если не считать Четырнадцати Сфер, которые носит на шее наш Спикер. Подумать только - эта летающая лодка была сделана руками наших далеких предков еще на старой Земле! От одного этого кому угодно станет не по себе.

- Представьте себе такую картину... - Чан Гил окончательно пришел в себя и заговорил голосом профессионального экскурсовода. - Четыреста лет назад, когда Основатели совершили Посадку на этом самом месте, здесь не было ничего - ни Святилища, ни даже самого города. Отделившийся от корабля челнок сел в голой пустыне, среди многих квадратных километров оранжевой пыли и зарослей пур-пура. Прежде чем остановиться, Шлюпка некоторое время катилась по земле, и ее колеса оставили в пыли глубокие следы. Эти следы, бережно восстановленные нашими экспертами по фотографиям, сделанным еще Основателями, тянутся почти на полтора километра. В городе за пределами Святилища следы защищают от разрушения специальные панели из прочного стекла. А недавно нашим ученым удалось выяснить, что первым из землян, ступившим на землю новой планеты, была Кора Рубельс - предок вашего уважаемого супруга, Госпожа...

- Сейчас она уже общий предок, смотритель. Ваш в том числе, - поправила его Ксайя. - Скажите лучше, зачем здесь столько ящиков для жертвований?

Чан Гил виновато развел руками.

- Как я уже говорил, Госпожа: хотя в нашем музее только один экспонат, содержать его обходится недешево. Наши предки умели строить, однако годы берут свое, и Шлюпка требует периодического ремонта.

- Мне кажется, - вмешалась Мэнда, - хвостовое оперение смотрит не в ту сторону, в которую нужно. Но ведь Шлюпку сохранили такой, какой она была, когда приземлилась, не так ли?

- Не совсем, - пояснил Чан. - Челнок с самого начала был спроектирован таким образом, чтобы после посадки первые колонисты могли использовать его детали для строительства жилищ. Так появился Арарат - первый город на этой планете, построенный из

панелей Шлюпки. Лишь впоследствии потомки Основателей разыскали разбросанные по всему городу части и снова смонтировали их согласно сохранившимся чертежам.

- Неужели удалось найти все детали? - удивился Тейф.

- Почти все, - кивнул Чан.

- А вы уверены, что Шлюпка установлена именно на том самом месте, где она приземлилась в первый раз? - спросила Ксайя.

Чан Гил открыл рот и снова его закрыл.

- Скажем так: мы почти уверены... Не хотите ли подняться на борт, Госпожа? Там вы сможете увидеть койки Основателей и воспользоваться их туалетом. Он до сих пор отлично работает!

Мэнда покачала головой.

- Мне одно непонятно, почему Основатели совершили посадку именно на Поясе? Ведь одного вида этого пустынного континента должно было хватить, чтобы отбить у них желание остаться здесь навсегда. На их месте я бы, скорее, выбрала один из островов Архипелага.

- Основатели были учеными, пытливыми исследователями, - жизнерадостно пояснил Чан Гил. - Им показалось удобным, что именно на Поясе представлены все климатические зоны и почти все возможные типы природных условий: речные долины, прибрежные экосистемы, полярные области и прочие. Основатели стремились узнать как можно больше о новом мире, пока действуют их приборы и функционируют электронные архивы. Это было их наследство и их дар нам - грядущим поколениям. Кроме того, Архипелаг они тоже обследовали и даже побывали на Тарелке. И все это - в течение жизни двух первых поколений.

- Но теперь это мертвые знания, не так ли? - перебил Тейф.

- Что ты имеешь в виду? - Ксайя недоуменно нахмурилась.

- Когда внуки Основателей перестали изучать планету и начали строить собственный мир, именно тогда и началась настоящая История. - Адмирал сплюнул на пыльный пол галереи. - Вот только предки нынешних жителей Арарата в этом уже не участвовали. Они утратили дух инициативы и любознательности и в результате до сих пор живут на том же самом месте, где когда-то приземлился челнок с первыми Пятнадцатью. Они ничего не строят и ничего не создают - только взимают денежки с паломников и ученых за возможность взглянуть на это собранное из деталей древнее чудо.

- Я здесь не ради Основателей и их реликвий, - отрезала Ксайя и снова повернулась к Чану: - Я ищу Город Мертвых.

Смотритель пораженно уставился на нее.

- Вау!.. - вырвалось у него. Ксайя еще никогда не слышала это диалектное словцо, но оно показалось ей достаточно выразительным.

- Основатели тоже его искали, - добавил Чан, справившись с первоначальным изумлением. - Точнее, они искали следы расы

разумных существ, которая когда-то обитала на этой планете. Вы, конечно, знаете, что это они открыли руины на Малой Ямайке и Риф...

- Риф? - Ксайя нахмурилась. - Это еще что такое?

- Еще одни древние развалины, которые находятся к северу от Арарата. К сожалению, это просто руины, ничего больше. Но если вам, Госпожа, хочется узнать, куда ушли Мертвые, вам придется отправиться дальше, гораздо дальше...

- Ну вот, я так и думала... - Ксайя покачала головой. - Что ж, по крайней мере у нас есть откуда начать. Осмотрим Риф, а там видно будет.

- Далеко до него? - практично осведомился Тейф.

- Приблизительно тысяча километров к северу, - ответил Чан.

Адмирал сокрушенно покачал головой, а Мэнда рассмеялась.

- Вы это серьезно? - Тейф все еще не верил.

- Почему бы нет? Часть флота можно отослать домой, - рассудительно сказала Ксайя. - По крайней мере, матросы будут счастливы... во всяком случае, большинство из них. Останется только пара кораблей, которые смогут подстраховывать нашу экспедицию, следуя за ней вдоль побережья. Только нужно отобрать самых надежных людей - тех, кто любит приключения. Будем охотиться и ловить рыбу, так что с продовольствием проблем не возникнет. Во всяком случае, эта причина не заставит нас повернуть назад, даже если путешествие получится долгим.

Издали снова донесся глухой рокот, похожий на гром. Ксайе даже показалось, что массивное здание Святилища слегка задрожало. С потолка посыпалась побелка, странно похожая на снег.

- Что это? Землетрясение? - встревожилась Мэнда. Джефарес, о котором все забыли, поскольку он не участвовал в общем разговоре, неожиданно рассмеялся.

- Здесь не бывает землетрясений, генерал.

Мэнда грозно нахмурилась. Она терпеть не могла, когда над ней смеются. Схватив посланника за лацканы сюртука, она без особых усилий оторвала его от земли.

- Тогда что это, говори, ты, ничтожество!

- Не сердитесь! Я вам все покажу! Пойдите...

Дождавшись кивка Ксайи, Мэнда поставила посланника на пол. Джефарес пошатнулся, откашлялся, поправил сюртук и первым зашагал к выходу с галереи.

Снаружи таинственный грохот слышался гораздо лучше. И он не был прерывистым, как во время грозы или бури, а постоянным, нарастающим. Ксайя заметила, как Тейф и Мэнда тревожно переглянулись - вероятно, им казалось, что где-то поблизости идет нешуточное сражение.

Вслед за посланником и Чаном трое зиландцев направились к

городской стене и, поднявшись по еще одной каменной лестнице, вышли на галерею, тянущуюся вдоль парапета. Там уже собралась небольшая толпа горожан, которые внимательно смотрели на север.

Равнина больше не была пуста. Сплошной стеной, перекрывавшей весь горизонт от края до края, на город накатывала настоящая лавина животных. Ксайя видела огромных диких лошадей, рядом с которыми лучшие боевые кони Зиландии и Бритонии казались карликами, рослых быков, длинноногих овец и даже птиц - голенастых индеек, которые неслись по равнине наравне с четвероногими. Над стадом, летевшим с огромной скоростью, поднималось в воздух густое облако красной пыли - наверное, именно его они заметили над горизонтом несколько часов назад. Время от времени кто-то из животных спотыкался и падал; упавшего тотчас затаптывали бегущие сзади, потом в дело вступали хищники - коты, собаки и похожие на крыс существа, которые в считанные мгновения разрывали несчастную жертву на кровавые лоскуты. В такие мгновения в бурлящем, как река, потоке зверей возникали небольшие водовороты, но уже через минуту спины бегущих снова смыкались, скрывая от взглядов наблюдателей и хищников, и их добычу.

- Я рад, что вы увидели это своими глазами, Госпожа! - закричал над ухом Ксайи Джефарес, с трудом перекрывая гром и топот множества копыт. - Животные могут идти мимо города несколько дней.

- Теперь я понимаю, почему остатки урожая брошены, а поля не обрабатываются для следующего посева, - громко сказал Тейф, наклоняясь к Ксайе с другой стороны. - И почему город имеет форму лодки. Взгляните сами... - Взмахом руки адмирал указал на север. Там, где стены сходились под острым углом, напоминая нос корабля, огромное стадо разделялось на два потока, обтекая город с двух сторон. Так река огибает остров или глинистую отмель, подумала Ксайя. Не удивительно, что нижняя часть стены была гладко отполирована прикосновениями тысяч и тысяч мчащихся тел.

- От чего они бегут? - спросила она у Чана.

- В это время года - от жары. В жаркий летний полусезон, когда северный полюс обращен непосредственно к солнцу, тамошние земли буквально поджариваются и становятся непригодными для жизни. Зимой, когда полюс отклоняется в сторону, морозы достигают такой силы, что даже самые большие реки промерзают до дна. В таких условиях животным остается только впасть в сезонную спячку или мигрировать. Многие виды пересекают экватор и уходят в южное полушарие. На нашей планете земные животные вырастают большими и сильными, они очень выносливы и умеют быстро бегать, потому что расстояния, которые им приходится преодолевать, очень велики. Но только на Поясе, который тянется почти от полюса до полюса, животным есть куда бежать - вот они и бегут. В детстве мы с братом

даже пытались подсчитать, сколько разных зверей проходит мимо города в один час, но это оказалось невозможным. Это и в самом деле очень интересно, - добавил Чан после паузы. - Можете мне поверить: прежде чем стать зрителем в музее, я некоторое время увлекался изучением сезонных миграционных процессов.

- Похоже, в вашем городе подобная любознательность - явление редкое.

- Что поделаеть, Госпожа... - Чан пожал плечами. - Возможно, мы здесь и впрямь немного разленились. Паломники, туристы, ученые едут к нам, чтобы взглянуть на Шлюпку, а мы... мы только собираем деньги и с каждым годом становимся богаче, не прилагая при этом особых усилий. Что касается меня, тут, наверное, дело в моем восхищении миром, в котором я живу. Мне нравится знать, как он устроен, поэтому я в конце концов и стал ученым-самоучкой.

- Самый лучший тип ученых, - пробормотала Ксайя вполголоса и, повинувшись внезапному импульсу, добавила: - Там, куда мы направляемся, нам может понадобится проводник. Не хочешь отправиться с нами?

- К Рифу? Вы это серьезно? - Чан в изумлении уставился на нее.

- Абсолютно.

- Еще бы! Можете голову прозакладывать!

Последних слов Ксайя не поняла - наверное, это была еще одна местная идиома, но улыбка на лице зрителя не оставляла сомнений в положительном ответе.

- Смотрите, что там творится! - воскликнула Мэнда, указывая вниз, и Ксайя перегнулась через парапет. Горожане с помощью блоков и канатов опускали со стен длинные бревна, с которых свисали прочные сети. Бегущие животные - кони, быки, овцы и даже несколько длинноногих свиней - запутывались в них, и тогда бревна под визг ручных лебедек снова поднимали.

- За пару дней гона можно добыть мяса на несколько месяцев, - пояснил Чан. - У нас в Арарате даже дичь сама приходит к охотнику.

- Если пойдешь со мной, на легкую жизнь можешь не рассчитывать. Это я тебе обещаю.

Зритель снова ухмыльнулся.

- Вот и отлично.

Тем временем сети с барахтающейся добычей втянули через специальные проемы в стенах. Пойманных животных - многих с переломанными ногами и спинами - тут же забивали, а туши волокли прочь. Потом сетчатые ловушки снова опустили в живую реку, чтобы подниматься еще много, много раз.

Максу нравилось слушать Яна Стэндиша, смотреть, как учитель чертит графики и выводит уравнения на аспидной доске или с воодушевлением размахивает руками, поясняя одну из своих сумасшедших гипотез. Стэндишу тоже было приятно проводить время с Максом, однако он не забывал и о недавнем поручении ректора, который потребовал от него доказательно убедить отца парня в необходимости строительства Библиотеки. У Стэндиша все было готово - собственно говоря, о Библиотеке он мог говорить в любое время дня и ночи, однако встреча со Спикером раз за разом откладывалась. Отца Макса постоянно отвлекали какие-то дела, важнейшим из которых стало возвращение флота, одержавшего победу над Британией. Доставленная военная добыча оказалась столь велика, что впору было опасаться за состояние экономики страны. Сама Ксайя со своими судами не вернулась, а это означало, что свободного времени у Спикера будет еще меньше, поскольку вся тяжесть государственного управления ложилась на его плечи.

Стояло начало июня, близился день летнего солнцестояния, который знаменовал собой середину прохладного летнего полусезона - времени года, когда северный полюс планеты смотрел прямо на солнце. На средних же широтах, где находилась Зиландия, дни становились бесконечными в буквальном смысле слова. Светило кружило по небу, вовсе не заходя за горизонт; оно согревало, но не пекло, и все живое начинало дружно тянуться к свету и мягкому теплу. Воспользовавшись благоприятной погодой, Макс и Стэндиш часто совершали длительные загородные прогулки, во время которых учитель показывал ученику элементы затейливого танца охотника и жертвы, повторявшегося с незначительными вариациями на всех уровнях. Вскоре молодой человек окончательно убедился, что крошечные трагедии мира насекомых, происходящие в укромных уголках леса или в трещинах камней, мало чем отличаются от кровавых загонных охот, когда многотысячные стаи диких собак преследовали по внутренним равнинам острова еще более многочисленные стада травоядных. Кое-какие общие закономерности Макс открыл сам, об остальном рассказал ему учитель.

Все живые существа, происходящие со старой Земли, говорил Стэндиш, по-прежнему подчиняются наследственным биоритмам, приобретенным их далекими предками. Все живое - включая человека - существует по земным биологическим часам и по-прежнему стремится к благословенному покою ночного мрака, который дает отдых мышцам и разуму. Да, добавлял он, покачивая головой, несмотря на прошедшие четыреста лет, в наших сутках по-прежнему двадцать четыре часа, хотя астрономические сутки Земли-2, то есть период ее обращения вокруг собственной оси по отношению к звездам, составляет около

тридцати земных часов. Но и это деление носит условный характер, сказал Стэндиш, поскольку во всех районах планеты - за исключением экваториальных областей - существуют периоды, в течение которых солнце не заходит вовсе. На широте Зиландии, к примеру, этот период составляет восемьдесят звездных дней. Кроме того, каждую зиму солнце в течение определенного времени не поднимается над горизонтом даже днем.

«Человеческие тела нуждаются в сне. Особенно это касается молодых, - добавил Стэндиш с легкой завистью. - Когда ты станешь старше, сон не будет иметь для тебя особого значения. Тем не менее наше общество организовано таким образом, чтобы обеспечить каждому человеку время для «ночного» отдыха, даже когда солнце не опускается за горизонт круглые сутки. И точно так же зимой, когда солнце уходит с небосвода на долгих полтора месяца, существуют периоды бодрствования, которые устанавливаются в зависимости от наших внутренних, земных биоритмов, а вовсе не в соответствии с чередованием дней и ночей - или с отсутствием такового. Разумеется, эти правила могут нарушаться, когда идет война или случается катастрофа, как, собственно говоря, перестают существовать и действовать многие другие законы мирного времени. В живой природе о подобных искусственных установлениях не может быть и речи, но тем не менее и хищники, и их жертвы выработали особый ритм жизни, который облегчает им выживание: охотники охотятся, пока добыча не успела спрятаться на ночь, жертвам же привычка отдыхать в определенное время позволяет не быть съеденными во время сна. В результате мы наблюдаем весьма сложную картину межвидовых взаимодействий, обусловленную заложенными на биологическом уровне поведенческими инстинктами. Нет никаких сомнений, что существующее положение вещей сохранится еще долгое время, пока эволюционные процессы не заставят животных отказаться от устаревших земных биоритмов и усвоить новый жизненный цикл, который полностью соответствует особенностям Земли-2».

Говоря обо всем этом, Стэндиш специально уточнил, что меняющаяся продолжительность светового дня не оказывает, разумеется, никакого влияния на пур-пур, который давно приспособился к местным климатическим условиям и прекрасно себя чувствует даже на самых неподходящих почвах.

Бесконечные ласковые дни прохладной фазы лета благоприятствовали не только бурному расцвету природы. Люди словно сбрасывали напряжение суровых будней и начинали вести себя иначе. С томительной завистью Макс наблюдал за тем, как молодые придворные, многие из которых были всего на год-два старше него, с удовольствием предаются древнейшей игре, в которой были и флирт, и соблазнение, и торопливое соитие в укромном уголке. Правда, по

статистике, большинство зачатий приходилось ни бесконечные ночи холодной половины зимы, но именно прохладным летом завоевывались сердца, создавались и разрушались союзы, заключались брачные договоры. Увы, младшие дочери министров, парламентариев и торговцев, с которыми Макс сталкивался при дворе, были одержимы идеей стать воительницами, как Мэнда или Ксайя, а их агрессивные манеры пугали молодого человека буквально до дрожи. Нет, думал Макс, уж лучше он, подобно Стэндишу, будет заниматься наукой, которая единственно способна защитить его от волнений и соблазнов людского мира.

Из всего, что показывал молодому человеку ученый; больше всего заинтересовал Макса пур-пур.

Однажды Стэндиш повел своего воспитанника далеко за город. Миновав окружавшие Орклунд фермерские поля, они достигли необработанных травянистых пастбищ. Здесь ученый достал небольшую складную лопатку и, вывернув несколько пластов жирной, черной земли, предложил Максиму взглянуть на нее повнимательнее. Наклонившись, молодой человек увидел, что среди переплетенных корнями травы комков перегноя краснеют крошечные шарики пур-пура.

- Вот наглядная картина того, как идет наша колонизация Земли-2, - сказал Стэндиш. - До того как челнок Основателей приземлился на этой планете, здесь не было ни одного квадратного метра плодородного чернозема. Я уже рассказывал тебе, что почва - продукт жизнедеятельности насекомых, примитивных микроорганизмов и бактерий, большинство из которых не видны невооруженным глазом - такая своеобразная фабрика жизни, созданная самой природой. Видишь этого дождевого червя? Его предки пересекли межзвездное пространство в специальном контейнере и первыми начали колонизацию Земли-2. Черви, бактерии и микробы со старой Земли - вот тот передовой отряд, который преобразует почву планеты, делая ее пригодной для привычных нам растений и для нас самих. Эта работа продолжается уже четыре сотни лет, и все равно нам удалось захватить лишь ничтожную часть планеты. Все остальное занято аборигенной флорой, возможно - еще более древней, чем наша, и она вовсе не собирается сдаваться.

- Но ведь местная жизнь - та, которая существовала до прибытия Основателей, - очень похожа на нашу, - возразил Макс. - Я учил в школе... Здешним растениям нужны для жизни те же химические элементы, что и земным - углерод там и всякое такое...

- Углерод и всякое такое... - Стэндиш улыбнулся, обнажая щербатые зубы. - Да, конечно. Здешняя жизнь действительно использует хорошо нам известный углеродный обмен, однако набор аминокислот, содержащихся в пур-пуре, отличается от того, который мы встречаем у земных растений. Согласно одной из теорий, жизнь на планетах

развивается из спор, которые свободно путешествуют в космическом пространстве с кометами и метеоритами. Нет никакого сомнения, что жизнь на старой Земле и Земле-2, которые по космическим масштабам не так уж далеки друг от друга, произошла из одного и того же источника, который может находиться на огромном расстоянии от обеих планет. Но много миллионов лет назад, когда жизнь на старой Земле и Земле-2 была еще на первой, примитивной стадии развития, произошли некие серьезные изменения, в результате которых появились абсолютно чужие друг другу жизненные формы. Например, на Земле-2 наследственные признаки зашифрованы не в структуре ДНК, а в молекулах РНК...

- И поэтому животные и люди не могут питаться пур-пуром?

- Да. И именно поэтому пур-пур не может питаться людьми.

Макс вздохнул.

- Основатели, конечно, все это знали, правда? Ведь все, чем мы сейчас занимаемся - это пытаемся разобраться, что они делали и почему. Если б вы только представляли, как бы мне хотелось быть одним из них! А еще лучше было бы родиться на старой Земле тысячу лет назад.

Стэндиш снова улыбнулся.

- Ну, не знаю... И здесь люди пытаются учиться, думать, делать открытия, во всяком случае - некоторые из них. Для этого нам и нужна Библиотека - чтобы сохранить все, что было известно нашим предкам. На основе этих знаний мы сможем двигаться дальше, и первые шаги уже сделаны. Хочешь, я расскажу тебе о том, чего Основатели не знали?

- Конечно, хочу!

Стэндиш размял в ладонях горстку земли и извлек из нее несколько пурпурных комочков. Ненужную землю он стряхнул обратно в траву.

- Посмотри... То, что мы привычно называем пур-пуром, в действительности является многоклеточным образованием, как бы олицетворяющим биосферу Земли-2. Пур-пур имеет красный цвет, потому что...

- Я знаю! Потому что в нем содержатся особые вещества, которые пур-пур использует для получения энергии от солнца.

- И которые отличаются от хлорофилла земных растений: ему они обязаны зеленым цветом своих листьев. Все верно, Макс... - Стэндиш потер комки пур-пура, и когда они превратились в споры, осторожно взял одну пылинку на кончик пальца.

- Каждая такая спора представляет собой конгломерат клеток, - сказал он. - Три вещи отличают их от земных растений. Во-первых, каждая спора есть самостоятельный организм. Это означает, что она может выжить, даже если рядом не окажется других форм жизни. Брось одну такую спору на голый камень, и она сразу же начнет извлекать из

окружающей среды необходимые для жизни углерод, азот и другие вещества. Иными словами, каждая спора пур-пура представляет собой самостоятельную и самодостаточную биологическую единицу с универсальной программой выживания, закодированной в ее геноме.

Во-вторых, пур-пур - единственный многоклеточный организм, который мы обнаружили на Земле-2. Его споры способны объединяться с себе подобными и образовывать сложные стабильные формы наподобие земных строматолитов или низших грибов. Но и те, и другие на деле представляют собой не что иное, как конгломераты спор, которые в любую минуту могут превратиться в несомую ветром красную пыль, которая, попав в новые условия, снова образует новый сложный организм. Таким образом, уникальность Земли-2 заключается в том, что вся биосфера планеты - по крайней мере на многоклеточном уровне - представлена фактически *одним* организмом.

- Ну а какова третья особенность?

- По окаменевшим останкам, сохранившимся в глинистых оползнях и осадочных породах, мы можем предположить, когда именно появились на этой планете многоклеточные формы жизни. Это произошло примерно пятьсот сорок миллионов лет назад.

Макс нахмурился. Эта цифра не произвела на него особого впечатления.

- Ну и что?

- На старой Земле разнообразные многоклеточные организмы появились во время так называемого Кембрийского взрыва. Тоже пятьсот сорок миллионов лет назад.

Юноша был заинтригован.

- Выходит, это произошло почти одновременно на обеих планетах? Но что могло вызвать появление многоклеточных организмов? Не те ли космические споры, которые, как вы говорили, дрейфуют в межзвездном пространстве?

- Многие считают, что причина именно в этом. Непонятно другое: как сложно организованные жизненные формы могли появиться в космосе без какого-либо вмешательства некоей посторонней силы. Механика эволюционного перехода от одноклеточных организмов к многоклеточным слишком сложна, поэтому вероятность такого перехода ничтожно мала. Чтобы на той или иной планете возникла жизнь, ей нужно помогать, Макс... Ученые - во всяком случае, многие из них - считают, что пятьсот сорок миллионов лет назад нечто побывало в нашей части Вселенной и, обнаружив планету, заселенную одноклеточными, подтолкнуло их на новую эволюционную ступень. В результате этого толчка одноклеточные стали образовывать сложные многоклеточные организмы.

- А зачем? Зачем подтолкнуло?

- Кто знает... Возможно, просто ради эксперимента, возможно - ради

какой-то иной цели, которой нам никогда не постичь... Кстати, и на старой Земле, и на Земле-2 многоклеточные организмы составляют ничтожную долю совокупной биомассы одноклеточных, но как раз это и есть самое интересное.

- А куда девалось то загадочное нечто, которое экспериментировало с одноклеточными?

- Никто не знает, ведь это было так давно. Мы, а точнее, летевшие на «Ковчеге» Основатели, а также поколения людей, живших на Земле до них, установили, что человек разумный - сравнительно молодой вид живых существ. Мы продукт биосферы юной планеты, вращающейся вокруг такой же юной звезды в очень, очень старой Галактике, где пик звездообразования давно миновал. Немало цивилизаций возникло и исчезло задолго до того, как на Земле появилась жизнь вообще, не говоря уже о разумной жизни. Как бы там ни было, людям не удалось обнаружить никаких следов широкомасштабной деятельности высокоразвитых цивилизаций из иных миров; во всяком случае, никаких признаков действующего проекта по созданию и поддержанию жизни мы в настоящее время не наблюдаем. Вероятно, он был начат и завершен в далеком прошлом.

- Какая интересная гипотеза!

- Весьма интересная, Макс. К сожалению, далеко не все люди способны ее оценить и принять, а ведь она очень важна для понимания того, что происходит вокруг нас именно сейчас. Дело в том, что после того самого таинственного *толчка*, пути двух наших планет разошлись. На старой Земле разумные млекопитающие - люди - появились спустя полмиллиарда лет. Здесь, на Земле-2, развитый технологичный разум возник практически мгновенно - всего за несколько миллионов лет. Но и исчез почти так же быстро.

- Вы говорите о Мертвых?

- Да. Именно поэтому развалины на Малой Ямайке и Риф на Поясе такие старые.

- Это Риф, куда отправилась моя мать?

- Да. - Стэндиш сжал худые пальцы в кулак. - Как жаль, что я не могу быть сейчас с нею! И как это Госпоже Ксайе не пришло в голову взять в свою научную экспедицию ученых...

- Если бы мама думала о таких вещах, она бы, наверное, с места не двинулась, - сказал Макс. - Так говорит папа.

- Возможно, он прав. Но все равно я завидую твоей маме. - Стэндиш отряхнул ладони и, прищурившись, посмотрел на солнце. - Пожалуй, нам пора. Сегодня твой отец снова встречается с ректором Чивианом. Быть может, мне наконец удастся рассказать Спикеру о Библиотеке - он давно хотел, чтобы я сделал ему подробный доклад, но так и не выбрал время для аудиенции.

- Мой отец весьма занят, - напыщенно проговорил Макс. - У него много

важных дел.

- Может, и так, но решение о строительстве Библиотеки тоже нельзя откладывать бесконечно. Земляные работы нужно затевать, пока погода благоприятствует, иначе начнется жара, потом придут осенние дожди и холода.

Повернувшись, Стэндиш и Макс зашагали назад, к парламентскому комплексу. При этом учитель слегка опирался на плечо молодого человека.

- Библиотека нужна всем, - снова сказал он. - И дело здесь вовсе не в личных амбициях ректора или в моих расчетах. Надеюсь, ты это понимаешь, Макс?

- У папы много дел, - повторил молодой человек. - Вам придется набраться терпения.

5.

Приближался вечер, когда Ксайя и ее отряд достигли Рифа. Оазис лежал посреди километров и километров сухой красноватой пыли и имел форму впадины, окруженной выступающими из песка плоскими древними скалами - свидетелями какого-то давнего геологического катаклизма. Вода из водоносных пластов поступала в центральный водоем, вокруг которого росли земные растения - зеленая трава, зеленый мох, несколько чахлах финиковых пальм. Кое-где среди нагретых солнцем камней краснели небольшие комки пур-пура.

Здесь Ксайя скомандовала привал. Огромных коней распрягли и повели поить. Полсотни воинов, большинство из которых были женщинами, сложили поклажу в тени деревьев и сняли пылевые маски, а Мэнда, вооружившись подозрительной трубой, стала карабкаться на одну из скал, чтобы обозреть окрестности.

Сама Ксайя в сопровождении Тейфа отправилась на поиски Чана Гила. Смотритель музея, расположившись на мягкой траве под пальмой, уже снял тяжелые походные ботинки и, переобувшись в мягкие лагерные сандалии, разворачивал палатку. Увидев Ксайю, он почтительно встал.

- Что угодно Госпоже? - спросил Чан.

Навигатор «Коры» снабдил Ксайю схематической картой этого района Пояса, которую она по мере продвижения на север заполняла достоверной информацией.

- Сейчас мы должны быть здесь, - сказала Ксайя, показывая пальцем точку на карте. - У самого Рифа. Вот координаты, которые ты нам дал - широта и долгота, а вот мои расчеты...

- Говорил я тебе: нужно было выслать вперед разведчиков, - проворчал Тейф.

- Мы уже близко, - упрямо возразил Чан. - Если только все, что мы в Арарате знаем о Рифе, не является одним большим заблуждением.

Сейчас, два месяца спустя после того, как экспедиция покинула город, смотритель выглядел по-другому. Его обожженная солнцем кожа высохла, как пергамент, и покрылась ровным коричневым загаром, нагулянный в городе жирок исчез, щеки ввалились, одежда болталась, словно на вешалке. По мере того как экспедиция приближалась к месту, где якобы находился загадочный Риф, Чан все заметнее нервничал. Вскоре выяснилось, что сведения, которыми располагал проводник, были весьма приблизительными, поскольку никто из ныне здравствующих жителей Арарата никогда не достигал Рифа и не мог подтвердить, насколько точны координаты, найденные в записях давно умерших путешественников.

- Я думаю, осталось немного, - добавил Чан. - Мы уже должны быть на Рифе.

- Вот и нет, - покачал головой Тейф. - Мы вовсе не должны там быть.

Ксайя бросила на адмирала острый взгляд, но ничего не сказала. Она уже привыкла к ворчанию Тейфа, который не считал нужным скрывать, насколько не по душе ему эта экспедиция. Путешествие и впрямь оказалось куда более продолжительным и тяжелым, чем она рассчитывала. Отряд, который сопровождали два судна, двигался вдоль берега двумя сменяющимися друг друга группами, время от времени совершая вылазки в глубь континента. Местность была в основном засушливой, лишь иногда путникам попадались спускающиеся к морю глубокие долины, по которым текли начинающие высыхать реки. Переправы через такие долины, больше похожие на ущелья, каждый раз давались очень нелегко - во всяком случае времени на это уходило довольно много. В глубине континента однообразие пустыни нарушалось скальными обнажениями причудливой формы. Когда-то давно их вытолкнули из земных глубин бурные геологические процессы, но со временем мягкие горные породы разрушились под действием ветров и температурных перепадов, и теперь древние скалы напоминали своими очертаниями фантастических зверей и птиц.

К счастью, с продовольствием затруднений пока не возникало. Пеший отряд добывал пресную воду, следующие за ним на кораблях экипажи ловили рыбу и ракообразных. Первое время путникам попадались деревни, где можно было купить мясо, овощи и зелень. Правда, стоили они недешево, но Ксайя, не желая создавать отряду трудности на пути, которым, возможно, придется возвращаться, запретила мародерство. Однако по мере продвижения на север такие поселения встречались все реже, а вскоре этот источник пополнения запасов окончательно иссяк. Почти одновременно исчезли и зеленые земные растения; теперь вокруг, насколько хватало глаз, виднелись только красный

песок и вездесущий пур-пур, которому, казалось, нипочем были адская жара и отсутствие воды. Безлюдье тоже действовало на путников угнетающе. Сама Ксайя выросла на сравнительно густо заселенном острове и теперь особенно остро сознавала, как мало на этой планете людей даже после четырех столетий колонизации.

Возникали и другие трудности. Составлявшие отряд жители островов больше привыкли к морю, чем к суше, и совсем не умели охотиться, к тому же они быстро уставали. Сказалось и утомление многолетней войной, поэтому скорость передвижения отряда катастрофически упала. Большие надежды Ксайя возлагала на Тейфа, но вместо того, чтобы поддержать Госпожу, адмирал не переставал ворчать.

- Я уже много раз говорил тебе, Ксайя: наступил август, и солнце снова стало уходить за горизонт. Прохладная половина лета почти закончилась... - сказал он.

- Да знаю я!.. - с досадой огрызнулась Ксайя. - Ты действительно говорил это уже раз сто или тысячу. Надоело!

- Это путешествие способно убить нас, если мы не будем осторожны, - не сдавался адмирал. - А мои слова не нравятся тебе просто потому, что это голос твоей собственной совести. И здравого смысла.

- Возвращаться будет проще, - возразила она. - У нас река под боком: можно сократить путь, сплавившись по течению на плотях.

Они действительно уже некоторое время шли по берегу широкой реки, которая текла вдоль вытянутого в длину континента с севера на юг и, сворачивая, впадала в море, образуя широкую дельту.

- На плотях через эти пороги? Ну, это без меня!.. - адмирал фыркнул, и Ксайя, теряя терпение, отвернулась.

- Если бы этот доморощенный ученый не перепутал координаты, сейчас бы мы об этом не спорили, - резко сказала она, выплескивая свое раздражение, хотя и понимала, что Чан ни в чем не виноват.

- Он ничего не перепутал, - сказала Мэнда, вернувшись со своего наблюдательного пункта. Она слегка запыхалась, сложенная подзорная труба торчала у нее из-под мышки. - Он не перепутал, - повторила Мэнда. - Риф совсем рядом. Взгляни сама.

Следом за Мэндой Ксайя, Тейф и Чан поднялись на гребень одного из холмов. Там генеральша указала на высокую каменную стену, сложенную из частично разрушенных осадочных пород, которая вздымалась над пустыней совсем недалеко от оазиса. Стену пересекала какая-то темная полоса. У основания стены горело несколько огоньков, которые становились все ярче по мере убывания дневного света.

Выхватив у Мэнды подзорную трубу, Ксайя поднесла ее к глазам.

- Ну-ка, поглядим, что там...

- Я видела несколько хижин и палаток, - сказала Мэнда. - Деревню настолько занесло пылью, что даже при дневном свете рассмотреть ее

не очень-то легко.

- Это и есть Риф! - взволнованно проговорил Чан, указывая на темную полосу, хорошо заметную на фоне розовато-желтого песчаника. - Я так думаю... - тут же поправился он. - Там, кажется, какая-то ограда?

Ксайя, вооруженная подзорной трубой, рассмотрела правильной формы прямоугольную панель, подвешенную на торчащем в центре поселка подобии столба. На панель падали последние лучи заходящего солнца, и она отсвечивала оранжевым.

- Теперь понятно, откуда они берут электричество, - заметила Госпожа.

Мэнда кивнула..

- Солнечная батарея?

- Технология Основателей. Откуда она здесь? - Ксайя опустила трубу и еще раз посмотрела на россыпь электрических огней, тонущих в густых сумерках. - Что ж, до утра энергии им хватит.

Никто не возразил - ночи все еще были очень короткими.

- Я распоряжусь, чтобы вокруг лагеря поставили стражу, - сказал Тейф.

Утром Ксайя поднялась рано, чтобы как можно скорее преодолеть последние километры, отделявшие ее от Рифа. С ней отправились Мэнда, Тейф, Чан и десяток воинов. Оставшимся солдатам адмирал приказал быть наготове на случай каких-нибудь осложнений, а на гребень холмов вокруг оазиса посадил наблюдателей.

Когда путешественники приблизились к деревне почти вплотную, навстречу им выехал на рослом, медленно шагавшем коне какой-то мужчина. За его спиной Ксайя разглядела несколько жителей деревни: женщину, которая с вызывающим видом стояла перед хижиной, сложив на груди руки, и с дюжину оборванных детей, выглядывавших из дверных проемов. Вокруг деревни было расчищено в пыли несколько полей, между постройками свободно бродили свиньи и пара худых коз. Судя по количеству домов и палаток, жителей в деревне насчитывалось не больше сотни.

- Хотел бы я знать, как они зимуют, - вполголоса пробормотал Тейф. - Должно быть, прячутся в погребах. - Он мрачно покосился на Чана. - Почему ты не сказал, что здесь кто-то живет?

- Я и сам не знал, - возразил Чан. - Я ведь уже говорил... На протяжении моей жизни - даже дольше - никто из араратцев не бывал на Рифе.

- Тебе бы радоваться, что жители Арарата настолько ленивы, Тейф, - усмехнулась Ксайя. -- Если бы сюда добрались ученые, на нашу долю не осталось бы ни одной тайны, ни одного секрета.

Мужчина тем временем подъехал ближе, и Ксайя увидела, что он одет в некое подобие военной формы. Его черный с серебром мундир когда-то выглядел очень представительно, но сейчас ткань выгорела и

обветшала, на локтях виднелись заплаты, да и рукава казались чересчур короткими, словно мундир был с чужого плеча. Конь под всадником, несмотря на солидные габариты, тоже не производил впечатления боевого животного - для этого его движения были слишком медлительными, а мерная, тяжелая поступь выдавала привычку ходить в упряжке. Тем не менее мужчина не побоялся отправиться в одиночку навстречу отряду вооруженных воинов, и это заставило Ксайю почувствовать к нему нечто вроде уважения.

Подъехав к путешественникам на несколько шагов, мужчина остановил своего тяжеловоза и, сбросив с седла короткую веревочную лестницу, спешился. Потрепав коня по морде (для этого ему пришлось подняться на цыпочки), мужчина оставил его пастись на крохотном пятачке травы, а сам подошел к Ксайе, в которой сразу опознал предводительницу отряда.

- Добро пожаловать, - проговорил он глухим, гортанным голосом. - Мое имя Осси Ленг; я староста этого научного поселка, жители которого посвятили свои жизни изучению Рифа. Мы называем наш поселок Рифтаун.

Ленг говорил на какой-то разновидности араратского диалекта, и хотя некоторые произнесенные им слова звучали грубой пародией на тот амбийский, к которому привыкла Ксайя, она понимала его без особого труда. Выглядел Ленг лет на пятьдесят или около того, хотя обожженная солнцем морщинистая кожа и длинные седые волосы, собранные в пучок на затылке, старили его. Один глаз у старосты отсутствовал. Вместо него в пустой глазнице Ксайя увидела влажный серый шар, сделанный, похоже, из самой настоящей стали.

Ксайя в свой черед представилась, назвав себя сопровительницей Зиландии. Пока она раздумывала, что нужно сказать еще, в разговор неожиданно вмешался Чан.

- Что это еще за научный поселок? - подозрительно спросил он у Ленга. - Я работаю в Арарате смотрителем Святылища Шлюпки и отлично знаю всех ученых и исследователей. Ни о каком научном поселке я никогда не слышал, в архивах тоже нет сведений о том, что такой поселок существует. Зато мне прекрасно известно, что последняя исследовательская экспедиция отправилась на Риф больше сотни лет назад.

- Эту экспедицию возглавлял мой дед, парень. Его звали Хейни Фредерик Ленг. Поройся как следует в своих архивах, когда вернешься - ты обязательно найдешь упоминание об этом славном походе. Этот мундир... - Ленг похлопал себя по груди, - этот мундир тоже принадлежал ему. Думаю, военную форму гвардии Арарата ты должен узнать!

Ксайя бросила быстрый взгляд на Чана, но ученый только пожал плечами.

- Я знаю, что Хейни Фредерик Ленг открыл Риф, вернее - он первым увидел его своими глазами. До него о существовании Рифа говорили только фотографии, сделанные автоматическим зондом Основателей.

- Разве Ленг не вернулся, чтобы рассказать о своем открытии?

- Деду не повезло, - ответил староста. - Обстоятельства были против него, несколько участников экспедиции умерли. Когда дед наконец добрался до Рифа, он обнаружил здесь крошечную деревню - люди жили в палатках возле источника пресной воды. Что они делали так далеко на севере, как сюда попали - неизвестно. Как бы там ни было, дед решил остаться с ними, чтобы обследовать Риф в течение одного-двух благоприятных сезонов.

- Но почему Хейни Ленг не вернулся в Арарат? - повторила Ксайя.

Ленг пожал плечами.

- Здесь он обрел свое счастье. Дед женился, потом появились дети, и он, вероятно, побоялся везти их через пустыню обратно в Арарат. - Ленг бросил взгляд на черную полосу, пересекающую каменную стену.

- Кроме того, Риф находится здесь, а не в городе, а мой дед был настоящий ученым. Всю жизнь он посвятил изучению этого феномена, этой величайшей реликвии древнего народа. А когда дед умер, его дело продолжил старший сын - мой отец. Когда же и он погиб...

- Разве за все эти годы здесь так никто и не побывал? - с сомнением перебила Мэнда. - И ты, в свою очередь, тоже не попытался добраться до Арарата, чтобы рассказать о сделанных открытиях?

- Почему не побывал? - Ленг с вызовом вздернул подбородок. - Сбившиеся с пути исследователи, торговцы с кораблей, потерпевших крушение у побережья, - все они приходили сюда в поисках пресной воды. И, разумеется, бандиты... - Его лицо исказила суровая гримаса, и стальной глаз в пустой глазнице странно сверкнул. - Но всем им пришлось заплатить...

- Заплатить?.. - Тейф качнул головой. - Теперь я не сомневаюсь, что в жилах твоего деда текла кровь одного их хранителей Святилища Шлюпки в Арарате. Они тоже обкладывают приезжих данью, а сами только стригут купоны...

Ксайя тронула адмирала за плечо.

- Не трать свой гнев понапрасну, - пробормотала она. - И он, и его предки просто глупцы, жадные глупцы. Только взгляни на этот поселок... Быть может, у него где-то действительно зарыт горшок с деньгами, но здесь их абсолютно не на что тратить.

Ленг то ли не заметил оскорбления, то ли намеренно пропустил его мимо ушей.

- Мой дед был первым ученым, достигшим Рифа. Сами Основатели никогда здесь не появлялись - только посылали свои летающие машины. Но даже они не осмелились отправиться дальше на север.

Ксайя нахмурилась.

- Ты уверен? Неужели к северу отсюда никто не живет?

- Никто. Слишком жаркое лето и слишком холодные зимы. - Ленг покачал головой. - У меня есть доказательства. - Он зачем-то повернулся и бросил взгляд на покосившиеся хижины. -- Иногда у нас здесь происходят, гм-м... разногласия. Ссоры между братьями, соседями, все такое... Случается, кого-то изгоняют из поселка. - Он обвел рукой пыльный горизонт. - Если люди уходят на восток, на запад или на юг, рано или поздно они дают о себе знать - просят прощения и умоляют разрешить им вернуться. Но тех, кто отправился на север, больше никто никогда не видел. Там никого нет - на севере нельзя жить.

Ксайя смерила его взглядом.

- Если Основатели, как ты говоришь, не осмелились обследовать север, откуда же тогда взялись истории о Городе Мертвых?

Ленг презрительно рассмеялся.

- Это просто сказки, выдумки, которыми кормят доверчивых простаков в гостиницах и тавернах. Путешественники любят преувеличения. Здесь и только здесь пролегает граница, пересечь которую не может ни один человек. А Риф... - он жестом указал на скалы позади, - единственный след, оставленный Мертвыми в нашем мире, если не считать руин на Малой Ямайке.

Мэнда мрачно взглянула на него и повернулась к Ксайе.

- Этот человек лжет, Госпожа. Он хочет, чтобы мы думали, будто свет клином сошелся на его Рифе.

Ленг внимательно рассматривал обеих и что-то прикидывал.

- Я буду рад приветствовать вас в моем доме, Госпожа, - сказал он после небольшой паузы. - Моя жена умеет готовить отличный кактусовый чай, который...

- Нет, - резко сказала Ксайя, начиная злиться. - Мы пришли сюда, чтобы увидеть Риф. Чем быстрее мы его осмотрим, тем скорее сможем двигаться дальше. - И, повернувшись, зашагала к каменной стене с загадочной черной полосой.

Позабыв про свою лошадь, Ленг бросился за ней.

- Госпожа, как насчет платы?..

- Заплати ему, Тейф, - не оборачиваясь, бросила Ксайя. - Дай ему столько денег, сколько заработали его отец и дед вместе взятые: пусть почувствует себя богачом. Мы можем себе это позволить.

Адмирал недовольно нахмурился, но все же запустил руку в один из поясных кошельков и, достав пригоршню британских украшений, сунул их в протянутые ладони деревенского старосты.

Торопливо рассовав драгоценности по карманам, Ленг провел пришельцев через калитку в проволочной изгороди, преграждавшей путь к Рифу всем, кто не мог или не хотел заплатить положенное.

Собственно, Риф представлял собой выход какой-то темной породы,

чуть выступающий из довольно высокой каменной стены. День выдался жарким, и путешественники почувствовали облегчение, вступив в прохладную тень у ее подножья. Вблизи было хорошо видно, что Риф сильно отличается от оранжево-розового песчаника, залегавшего выше и ниже него. Он имел толщину около полутора метров и состоял из какой-то пестрой черно-серой породы, которая даже на вид казалась более прочной, чем песчаник. Собственно говоря, выступ на стене и образовался потому, что выше и ниже мягкие осадочные породы выветрились. Над слоем Рифа Ксайя увидела вырубленную в песчанике пещеру, к которой вела грубая деревянная лестница. В этом месте край выступа обвалился или был обрушен, несколько крупных и мелких обломков темного цвета валялись у подножия скалы. Сделав шаг в ту сторону, Ксайя внимательно их рассмотрела и наконец подобрала кусок похожей на сланец породы размером с человеческую ладонь. С одной стороны он был гладким, но с другой Ксайя увидела странный отпечаток почти правильного пятиугольника.

Тейф в нескольких шагах от нее разочарованно оглядывался.

- И ради этого мы проделали такой путь? - спросил он. - Это и есть твой Город Мертвых?

Ленг рассмеялся - то ли с вызовом, то ли по глупости.

- А что вы рассчитывали найти через столько-то лет? Здания, улицы, машины? Нет, приятель, время оставляет нам в лучшем случае обломки. Здесь, в этом камне - тысячелетняя история, сжатая, спрессованная, будто между страницами огромной книги. Если бы не случившееся полмиллиарда лет назад наводнение, все это могло превратиться в пыль, в прах, и тогда мы не нашли бы вообще ничего.

- Наводнение?.. - Адмирал скептически оглядел засушливую пустыню.

- Здесь?!

- О да! Место, на котором вы стоите, когда-то было дном моря, и не один раз.

Ксайе пришлось сделать усилие, чтобы понять, о чем говорит Ленг. На Земле-2, как и на старой Земле, горные породы подвергались эрозии, превращались в гальку и песок, который потом размывали реки, но это касалось только скал и утесов, находящихся на суше. Под водой, на дне морей и океанов, горные породы, напротив, постоянно формировались. Песок, ил, останки водных животных и растений веками накапливались на дне, сжимались под собственной тяжестью - и в конце концов превращались в песчаник и другие осадочные породы. Их характерной особенностью была выраженная слоистая структура, причем каждый слой толщиной в несколько сантиметров соответствовал подчас целой геологической эпохе.

- Обычно осадочные горные породы залегают ровными пластами - такими же ровными, как поверхность океана, благодаря которому они

появились, - заявил Ленг. - Но в дело могут вмешаться вулканы, карстовые процессы и даже подвижки континентов, хотя на Земле-2 это далеко не главный фактор. Под действием этих сил пласты осадочных пород могут изгибаться, трескаться, перемещаться, подниматься на поверхность, снова уходить под воду... - Он сделал несколько движений руками, словно пытаясь наглядно проиллюстрировать свои слова, и Ксайя невольно подумала, что Ленг всю жизнь ждал, когда ему представится возможность блеснуть своими полученными по наследству знаниями.

- И где-то между очередным подъемом и очередным погружением, - проговорила она, разглядывая странный черный камень, который по-прежнему держала в руке, - произошло нечто необычное.

- Мы считаем, что на этом месте когда-то пролежала речная дельта, - сказал Ленг. - Большая речная дельта. Сама река давно поменяла свое русло, но на самых старых камнях еще видны следы водных потоков. На этой-то дельте, на ее плодородной почве они и выстроили свой город. Сейчас, конечно, трудно представить, как он мог выглядеть, однако нет никаких сомнений, что это был город каменных зданий и железных орудий, возможно - весьма похожий на людские поселения старой Земли и Земли-2. И появился он по геологическим масштабам буквально в одно мгновение - всего за какую-нибудь тысячу с небольшим лет. Только представьте: миллионы лет пустоты и безлюдья, и вдруг - город! Но и просуществовал он тоже недолго - наводнение снова отправило его в небытие.

- Его затопила река, на которой он стоял? - поинтересовалась Мэнда.

- О нет! - Ленг покачал головой. - Это сделало море. Как и на старой Земле, уровень океана внезапно начал подниматься, и его воды, конечно, в первую очередь хлынули в низину - в речную дельту, где стоял город. Бурные волны захлестнули самые высокие здания, и жителям пришлось спасаться бегством, бросив все свое имущество. В этом отношении им не повезло, зато повезло нам: благодаря внезапности катастрофы город, в считанные дни оказавшийся на морском дне, более или менее сохранился. Вода предотвратила ветровую эрозию, к тому же река продолжала нести в море тонны ила и песка. Постепенно он заполнил улицы, потом под его тяжестью стали обрушиваться крыши и подвалы. Город оказался погребен под слоем грунта. Миллионы тонн продолжали давить сверху, сжимая осадочные породы, в плену которых очутился город, пока от слоя толщиной в несколько сот метров не осталось... не осталось того, что вы видите сейчас. Тысячелетия, записанные в камне, оказались заключены в тонкой прослойке, толщина которой местами измеряется уже не метрами - сантиметрами. И лишь благодаря случайности эта прослойка снова оказалась над уровнем моря. Несколько землетрясений и несколько веков непрекращающейся работы холода,

жары и ветров - и мрачная гробница приоткрылась.

Ксайя с удивлением заметила, что Мэнда, никогда не отличавшаяся богатым воображением, была, похоже, целиком захвачена цветистым повествованием.

- И как же ты понял, что это именно город? - спросила она. - Откуда тебе известно, как он выглядел?

Ленг моргнул своим единственным глазом.

- Идите за мной, и все увидите сами.

Он первым вскарабкался по лестнице к пещерке, вырубленной в песчанике над темным городским слоем. Чтобы попасть внутрь, путникам пришлось опуститься на четвереньки. Оказавшись в пещере, Ксайя сразу заметила следы подтеки кайлом на потолке и небольшие ниши-углубления в неровных стенах, в которых, похоже, что-то лежало. Может, это светильники, подумала она. Но если это и были какие-то лампы, сейчас они не горели.

Ленг позволил путешественникам осмотреться, выжидая, пока их зрение приспособится к царящему в пещере полумраку.

- В окрестностях Рифтауна есть места, где находятся другие, э-э... культурные ландшафты, - сказал он и пояснил: - Так называл их мой дед. Мы нашли там следы ферм или чего-то подобного. Во всяком случае в одном месте совершенно отчетливо отпечатались оставленные плугом борозды, только они почему-то проведены перпендикулярно друг другу. Ну а здесь, конечно, находился центр древнего города... - Ленг небрежным жестом указал на пол пещеры.

Ксайя опустила взгляд. Порода под ногами была раздроблена, из груд щебня выступал правильный красновато-коричневый прямоугольник. Несомненно, это были развалины какого-то здания: они буквально вросли в камень, однако сомневаться в их искусственном происхождении не приходилось. Рядом негромко выругался Тейф. Поглядев в его сторону, Ксайя увидела, что адмирал обнаружил в куче каменного мусора круглый воронкообразный обломок: то ли раструб древней флейты, то ли отбитое горлышко амфоры, а может, деталь какого-то неизвестного механизма. Выглядел обломок как каменный, но его ржаво-коричневый цвет заставлял предположить, что его сделали из металла.

- Видите? - Ленг ухмыльнулся. - Когда-то здесь возвышалось важное правительственное здание. Мой дед обнаружил его при раскопках древних фундаментов. На мягкой наносной почве в дельте реки только так и можно было строить дома: сначала вырыть глубокий котлован, добираясь до прочного скального основания, а уже на нем сооружать фундамент. Когда под напором воды здание рухнуло, обломки стен рассыпались во все стороны, только фундамент и остался. Строители выложили его из прочных бетонных блоков, но сейчас они буквально крошатся в руках. Бетон со временем ветшает - содержащиеся в воде

кислоты вымывают из него цемент, арматура ржавеет, остаются только песок и гравий, но если действовать осторожно, в толще фундамента можно обнаружить следы водопровода и даже места, где когда-то проходили электрические кабели. Рядом с фундаментом я видел обломки каменной мостовой, а на ней - большие пятна ржавчины. Я думаю, это все, что осталось от раздавленных механических экипажей. Ну, и так далее...

Ленг перевел дыхание и быстро облизнул губы.

- Но главное сокровище вот здесь, - добавил он после паузы и, достав из ниши за своей спиной какие-то предметы, стал по одному передавать путешественникам. При виде их у Ксайи буквально захватило дух. Матовый стеклянный кружляш когда-то был, вероятно, донышком бутылки. Тонкий прямоугольник казался сделанным из пластмассы - он все еще был гибким и теплым на ощупь, хотя и обесцветился, словно выгорел. Передавая ей этот артефакт, Ленг заметил, что за миллионы лет большинство пластиков превратилось в нефтяные пятна, которые были смыты водой или впитались в пористую породу. Но самым примечательным в этой коллекции древностей оказался предмет из блестящего желтого металла, похожий на расплюснутые ударом молота механические часы.

- Это... золото? - спросила Ксайя, не в силах выпустить из рук загадочный предмет.

- Нет. Это вообще не металл, а минерал - железный колчедан. Когда-то этот предмет действительно был сделан из железа, но время и внешние условия превратили его обратно в руду. Кто знает, что это было - часы, астрономический прибор или что-то такое, о чем мы понятия не имеем... Что бы это ни было, за миллионы лет железный механизм превратился в каменную копию самого себя. - Ленг слегка откашлялся и поглядел в сторону входа в пещеру, где под жаркими лучами солнца сверкала раскаленная красно-коричневая пыль. - Я так уверенно говорю о миллионах, потому что возраст этой культуры - полмиллиарда лет с небольшим. Мой отец определил это при помощи стратиграфического анализа. Высокоразвитый разум появился на Рифе внезапно, и гораздо быстрее, чем на старой Земле. Не успели первые земноводные выбраться на сушу, и вдруг - р-раз! - города, машины, культура! А еще через несколько тысячелетий - раз! - и на месте города вновь плещется безжизненный океан. - Ленг снова ненадолго остановился, потом продолжал чуть спокойнее: - Сейчас уже трудно сказать, что находилось здесь раньше. Возможно, вся эта пустыня была застроена городами, дорогами, фермами... Риф сохранился до наших времен лишь благодаря стечению обстоятельств. Однако если судить по тому, что мы уже нашли, цивилизация древних людей - Мертвых, как их теперь принято называть, - владела всей планетой, а не только северной частью этого

континента. Мой дед говорил, что если сравнить слои, залегающие выше и ниже города, можно увидеть существенную разницу. Изменения претерпели и биологические структуры, и даже состав атмосферы. Каким бы кратким по геологическим масштабам ни было существование этой древней цивилизации, она успела многое изменить, дать толчок новым процессам. К сожалению, их время закончилось слишком быстро. Прямо поверх городского слоя мой отец обнаружил прослойку вулканического пепла. Возможно, именно многочисленные извержения и последовавшие за ними климатические изменения и подкосили эту цивилизацию.

- Ты говоришь, цивилизация Мертвых просуществовала всего одно-два тысячелетия, - задумчиво проговорил Чан. - Наверное, она действительно была технологически очень развитой, если за это время Мертвые сумели навсегда изменить облик планеты, ее дальнейшую судьбу. В результате их деятельности на Земле-2 не осталось ни запасов ископаемого топлива, ни месторождений металлических руд и других невозобновляемых ресурсов. В этом смысле у Земли-2, точнее - у человеческой цивилизации на этой планете, нет никаких перспектив. Я правильно понял?

Ленг хотел что-то ответить, но ему помешала Ксайя.

- Значит, никаких следов этой цивилизации не сохранилось? - спросила она. - Я имею в виду Мертвых... ну, или тех, кто построил Риф.

- Никаких, - подтвердил Ленг и, собрав артефакты, благоговейно уложил их на прежнее место в одной из стенных ниш. - Ну как, Госпожа, вы довольны?.. Не жалеете, что пришлось заплатить за вход?

Ксайя посмотрела на своих спутников.

- На сегодня достаточно, - решила она. - Давайте выбираться отсюда.

Когда они спустились вниз и вышли за проволочную ограду, Ксайя остановилась, чтобы посоветоваться со своими помощниками.

- Нам необходимо решить, как быть с тем, что мы только что узнали и куда мы отсюда направимся, - начала она.

- Относительно последнего, ответ должен быть очевиден, - фыркнул Тейф. - Домой, конечно!..

- Риф является ценнейшей научной реликвией, - сказал Чан. - Нельзя допустить, чтобы он превратился в груды щебня... в том числе и усилиями здешнего старосты. Ленг ведет себя так, словно Риф находится в его безраздельной собственности, а между тем у меня сложилось впечатление, что его дед был единственным, кто пытался вести здесь настоящую научную работу. Необходимо вернуть это место под управление Аарата... Если потребуется - вашим именем, Госпожа. - Он чуть заметно запнулся на последних словах.

- Я согласна, - кивнула Ксайя. - Нужно как можно скорее раскопать это гнездышко Мертвых.

- Раскопать? Гнездышко?! - пронзительно выкрикнул Ленг, и все вздрогнули. Никто не заметил, как он подошел к группе. Деревенский староста был вне себя от ярости - его лицо покраснело, на лбу надулись жилы, и Мэнда невольно потянулась к оружию. Воины, стоявшие неподалеку, тоже обнажили мечи, и Ленг попятился, торопливо нащупывая что-то под пыльным мундиром.

- Я знал, что рано или поздно это случится! - выкрикнул он с какой-то странной смесью злобы и отчаяния. - Я давно предвидел, что однажды в Рифтаун явится какой-нибудь пуп земли и попытается отнять то, что принадлежит мне по праву. Вас, Госпожа Ксайя, даже не интересуют мои открытия, хотя я изучал Риф всю свою жизнь! Вы... Ксайя вздохнула.

- Похоже, жизнь в этих пустынных местах не слишком здоровая, - сказала она. - Этот парень явно повредился в уме. А может, это у него наследственное... Он вооружен, Мэнда?

- Нет, насколько я могу судить.

- В таком случае свяжи его.

Но прежде чем Мэнда успела сделать хотя бы шаг в его сторону, Ленг взвизгнул и, отпрыгнув назад, выхватил из-под мундира какую-то белую коробочку.

- Не подходите! У меня машина Основателей. Мой дед нашел ее на месте посадки Шлюпки вместе с солнечной батареей и принес сюда.

Мэнда в растерянности замерла на полушаге.

- Что это такое? - спросила Ксайя. - Что у тебя в коробочке, Ленг?

- Я знал, что этот день придет!.. - Слезы ручьем покатались из пустой глазницы старосты. - Знал и готовился. Еще в молодости я пробил отверстия в потолке пещеры и вложил в них заряды. Уходите! Убирайтесь отсюда, иначе я взорву Риф!

- Останови его, - тихо приказала Ксайя, и Мэнда стремительно бросилась вперед, но помешать Ленгу не успела. Прежде чем она швырнула старосту на землю, он нажал на белой коробочке какую-то кнопку.

Утес за их спинами содрогнулся.

Ксайя обернулась.

Из пещеры вырвался клуб черного дыма. Потом в воздух взлетели облака пыли и обломки камней. Часть стены чуть ниже входа в пещеру медленно сползла вниз. Когда пыль немного рассеялась, стало видно, что заряды Ленга сработали - пещеры больше не существовало.

- Какое варварство! - прорычал Тейф. - Уничтожить ценнейший памятник просто из самолюбия!

Чан неожиданно рассмеялся, и адмирал повернулся к нему.

- Ты спятил?

- Ничего подобного, - парировал тот. - Просто этот человек только что доказал нам, что он действительно глуп и нисколько не похож на

собственного деда. Да, он уничтожил место раскопок, но я готов поспорить, что город - точнее, слой осадочных пород, в котором он законсервирован, - тянется еще на многие километры. Действительно, город пока скрыт в камне под песком пустыни, но раскопать его не так уж трудно. Нужно только вызвать сюда рабочих с соответствующим оборудованием, и мы отыщем здесь еще не такие сокровища! У Тейфа сделалось такое лицо, словно он силился что-то понять.

- Ладно, - протянул он наконец. - Придется поверить тебе на слово, смотритель музея. - Адмирал повернулся к Ксайе: - А что скажешь ты, Госпожа? Ты нашла свое сокровище: черные камни, древнее стекло и следы ржавчины. Хватит этого, чтобы утолить твоё тщеславие? Может, пора вернуться домой?

Ксайя не ответила. Мэнда, сидя на Ленге верхом, прижимала его руки к земле, но староста не сдавался. Извернувшись, он злобно плюнул в сторону Госпожи.

- Да, убирайся, откуда пришла, и забирай с собой своих дрессированных сук! Возвращайся домой, самовлюбленная дура! Пусть у тебя на родине тоже узнают, как ты потерпела поражение из-за собственной глупости и тщеславия!

Он захрипел, собираясь плюнуть еще раз, и Мэнда, схватив его левой рукой за челюсть, запустила пальцы правой в пустую глазницу. Раздался сдавленный вопль, брызнула кровь. Ленг отчаянно забарахтался, но Мэнда уже подняла руку, сжимая в кулаке окровавленный стальной шар.

Чан содрогнулся.

- Что вы делаете?!

- Просто хочу доказать, что он не только дурак, но и лжец, - хладнокровно ответила Мэнда.

Ксайя шагнула вперед и, не обращая внимания на кровь, продолжавшую капать с искусственного глаза, взяла его в руки. Из ее груди вырвался крик удивления.

- Это же Сфера! - воскликнула она. - Тейф, посмотри!.. Она тоже сделана из стали Основателей, и на ней изображены все острова и континенты. Вот Пояс, а вот Архипелаг... Совсем как на остальных четырнадцати.

Мэнда ослабилась.

- Мне давно казалось, что на шарике, который этот прохвост запихнул себе в глазницу, выгравирован один из островов Зиландии, - сказала она.

- Я всегда спрашивала себя, почему Сфер только четырнадцать, если по всем сведениям Основателей было пятнадцать человек, - задумчиво произнесла Ксайя и посмотрела на своих спутников. - Думаю, вы понимаете, что это значит?

- Это значит, что теперь ты тоже хранительница Сферы, - почтительно

ответил Тейф. - И, как и твой муж, обладаешь высшей властью.

- А еще это доказывает, что Ленг лгал, - добавила Мэнда, не выпуская всхлипывающего в бессильной ярости врага. - Никто будучи в здравом уме и трезвой памяти не посмел бы вынести подобную ценность из Арарата. Всем известно, что потребовались усилия нескольких поколений, прежде чем самые уважаемые роды Зиландии сумели собрать все Сферы в Ожерелье Четырнадцати. И тот факт, что пятнадцатая Сфера оказалась здесь, может означать только одно: кто-то из Основателей побывал на Рифе. И если он шел на север...

Ксайя кивнула.

- Если он забрался так далеко, то, конечно же, двинулся дальше.

Тейф, с беспокойством выпрямившись, заглянул ей в глаза.

- Даже не думай, - предупредил он негромко. - Если мы пойдем дальше, нас наверняка захватят зимние холода, и тогда...

Ксайя посмотрела на него в упор, потом рассмеялась и крепче сжала в кулаке стальной шар.

- Верните этого глупца его семье, - распорядилась она, кивнув в сторону Ленга. - И пусть солдаты сворачивают лагерь. Мы возвращаемся на побережье, а утром... - Она немного помолчала и твердо закончила: - Мы пойдем дальше.

- Дальше?! - по-собачьи взвыла Мэнда.

- Да, - подтвердила Ксайя, не глядя на нее. - На север!

6.

- Земля-2 нестабильна...

Фом Робелл торопливо шагал по улицам Орклунда в сопровождении свиты помощников и секретарей. Ректор Чивиан едва поспевал за его быстрым шагом. Наступил сентябрь, на носу был день осеннего равноденствия, поэтому погода оставалась достаточно комфортной, хотя небо все чаще заволакивали тучи, из которых время от времени брызгал дождь. Он, впрочем, не оставлял даже луж - только смачивал городские мостовые, которые матово поблескивали в рассеянном свете ненастного дня.

В это время года оба полюса планеты были отвернуты от солнца, и пятнадцатичасовой световой день почти сравнялся с ночью. Считалось, что именно в первый осенний полусезон погода на Земле-2 больше всего напоминает земную, однако это никого не обманывало. Не за горами были первые холода; еще месяц, и задуют ледяные ветры, придут метели. Через два месяца солнце на долгие семьдесят дней спрячется за горизонт, и на острова придет лютая зима.

Сейчас в городе кипела лихорадочная деятельность: горожане

готовились к зимовке, заготавливали провизию и дрова, ремонтировали стены и окна домов, проветривали погреба - такие глубокие, что почва там сохраняла летнее тепло даже в разгар холодов. Зима всегда была серьезным испытанием для жителей Зиландии. Готовиться к ней спустя рукава значило обречь себя на верную гибель, поэтому ни о какой Библиотеке сейчас не могло идти и речи. Все были слишком заняты, и ни у кого не нашлось бы ни лишнего времени, ни сил.

А от Ксайи по-прежнему не приходило никаких вестей.

Фом попытался сосредоточиться на словах собеседника.

- Вы сказали: «Земля-2 нестабильна». Что это значит?

Ректор ускорил шаг и, нагнав Спикера, зашагал рядом с ним. Фом чувствовал, что сегодня его собеседник настроен как никогда решительно. Похоже, про себя он решил убедить Спикера в необходимости строительства Библиотеки не позднее дня осеннего равноденствия. Что ж, подумал Фом, для начала строительства это действительно крайний срок, потом будет уже поздно.

- Таков общий вывод, который сделал в своей последней работе Ян Стэндиш, сэр. Правда, для доказательства своих умозаключений он использовал новейшие математические методы собственной разработки, поэтому я даже не стану притворяться, будто что-то в них понимаю. Скажу лишь, что, по общему мнению, Ян Стэндиш - наш самый талантливый ученый со времен Основателей. Конечно, он тоже может ошибаться, и все же его утверждения заслуживают самого пристального внимания. Особенно если речь идет о безопасности всей планеты - ведь Стэндиш анализировал параметры вращения Земли-2.

- Что же тут анализировать? Каждому школьнику известно: Земля-2 вращается вокруг своей оси, словно юла. Одновременно она движется по круговой орбите вокруг центрального светила. Ось вращения нашей планеты настолько сильно наклонена относительно плоскости эклиптики, что она вращается буквально «лежа на боку» - из-за этого и происходит вся свистопляска со сменой времен года. Во время летнего и зимнего солнцестояния один из полюсов направлен прямо на солнце, поэтому одно полушарие погружено во мрак полярной ночи, зато на другом царит бесконечный день. Или это не так?.. - Фом усмехнулся уголками губ.

- Не совсем так, сэр. Орбита нашей планеты имеет слегка вытянутую форму. Говоря научным языком, это не круг, а эллипс, причем солнце слегка смещено относительно его геометрического центра. Кроме того, как ни мал угол наклона оси вращения Земли-2 относительно плоскости этого эллипса, его все же хватает, чтобы...

- Избавьте меня от подробностей. Ответьте лучше на вопрос: почему Земля-2 нестабильна? И в чем эта ее нестабильность проявляется?

- Если бы в нашей Солнечной системе Земля-2 была единственной

планетой, она была бы стабильна, но это, к сожалению, не так. Вам, безусловно, известно, что кроме нее по внешним орбитам вращаются еще два газовых гиганта - Шеба и Халива... - Ректор непроизвольно бросил взгляд на затянутое тучами небо. - Они расположены далеко от нас, но обладают значительной массой, и их гравитационные поля оказывают влияние на характер вращения нашей Земли-2. Вы когда-нибудь запускали волчок, сэр, или, быть может, видели, как это делает ваш сын? Если прикоснуться к вращающейся игрушке пальцем...

- Она начинает шататься.

- Именно. Стэндиш считает, что нечто подобное может произойти с Землей-2 - и довольно скоро. Он установил это на основе сравнительного анализа многолетних астрономических наблюдений, начатых еще при Основателях. Когда это может случиться?.. Почти наверняка не в этом году, и, возможно, даже не в нынешнем десятилетии, но в течение текущего столетия это произойдет с вероятностью, близкой к единице. Не исключено также, что эти явления носят регулярный характер. По мнению Стэндиша, резкие колебания угла наклона оси вращения планеты происходят через вполне определенный промежуток времени, но рассчитать их периодичность...

Начиная злиться, Фом невольно ускорил шаг, и ректору пришлось пуститься почти бегом.

- Колебания угла наклона оси?.. Это все-таки планета, а не волчок! - бросил Фом на ходу. - Как она может колебаться?!

Ректор, отдуваясь, снова нагнал его и пошел рядом.

- Угол наклона оси увеличится. Вот так примерно... - Он вытянул перед собой согнутую в локте руку, потом поднял предплечье почти вертикально. - Это означает, что даже летом ни один из полюсов планеты не будет ориентирован прямо на солнце. Насколько возрастет угол наклона, мы не знаем, но нет никаких сомнений в том, что порядок смены времен года полностью изменится.

Фом задумался.

- Значит, не будет больше полярных ночей и бесконечных дней, и времена года перестанут делиться на умеренную и экстремальную фазы. Я правильно понял? Но, быть может, тогда наш климат станет таким же, как на старой Земле?

- В конце концов, возможно, так оно и случится. Однако этому будет предшествовать длительный переходный период, который займет не одно столетие. Как раз он-то нас и беспокоит. К примеру, старая Земля тоже пережила эпоху великого оледенения. Когда температура понизилась, на полюсах планеты образовались ледяные шапки толщиной в несколько километров, в результате чего резко понизился уровень мирового океана. Здесь такое вряд ли может произойти...

- Потому что лед, который образуется во время полярной зимы, тает в

течение жаркой половины лета?

- Это верно, однако процесс перераспределения ледников, водных запасов и водяного пара в масштабе всей планеты будет сопровождаться катастрофическими погодными явлениями - ураганами, приливами, наводнениями или, наоборот, продолжительной засухой. Но и это еще не все. При изменении наклона оси вращения неизбежно возрастет напряжение в коре планеты, поэтому можно смело прогнозировать землетрясения, извержения вулканов, а также подводные землетрясения, которые вызовут мощные цунами. Следует учитывать также, что кора Земли-2 имеет значительную толщину, следовательно, каждый вулкан, который сумеет прорваться на поверхность, выбросит в атмосферу огромное количество пыли и пепла. Их непроницаемые для солнечного света облака на многие годы закроют небо, пройдут кислотные дожди...

Фом попытался представить огромную волну, которая несется через острова архипелага, смывая все на своем пути, и наконец остановился.

- Боже мой!.. - вырвалось у него. - Это будет ужасно! Но... я никогда не слышал, чтобы подобное случилось на старой Земле.

- Планета, откуда мы все произошли, во многих отношениях отличается от Земли-2, - ответил ректор. - Но самое главное ее отличие заключается в том, что у старой Земли был крупный естественный спутник - Луна. Ее масса во многих случаях стабилизировала вращение Земли, но у нас такого спутника нет.

Фом нахмурился.

- Почему я узнаю об опасности, грозящей всей планете, только сейчас? - сердито спросил он. - Неужели вы не могли сообщить мне об этом раньше?

- Ученые несут ответственность за свои открытия, Спикер. Мы не хотели вызвать преждевременную панику. Кроме того, в течение нескольких последних месяцев я пытался поговорить с вами, но... - Чивиан развел руками.

- Основатели должны были знать о подобной опасности. И уж конечно, они разбирались в небесной механике куда лучше этого вашего доморощенного гения - Стэндиша...

- Скорее всего, так оно и было. Некоторые намеки, содержащиеся в древних хрониках, позволяют предположить, что когда «Ковчег» приблизился к Земле-2, мнения его экипажа разделились. Большинство было уверено, что из-за слишком маленького угла наклона оси жить на этой планете будет невозможно. Существует мнение, что наши Основатели приняли решение совершить посадку на Земле-2 на собственный страх и риск. Они сами предпочли остаться здесь, вместо того чтобы лететь на «Ковчеге» дальше.

- Куда - дальше?.. Впрочем, не важно.

- Возможно, они считали, что у них будет достаточно времени, чтобы

подготовиться к грядущей катастрофе. А может, им казалось, что их потомки найдут способ стабилизировать ось вращения планеты. Но Основатели ошиблись. Прошло четыре столетия, а мы не в состоянии ничего предпринять. И у нас нет «Ковчега», чтобы спастись от катастрофы.

- Что же с нами будет? Означают ли грядущие катаклизмы конец Земли-2?

- Вовсе не обязательно. - Ректор слегка улыбнулся. - Люди - чрезвычайно живучие существа. Они выживут, но вот цивилизации действительно придет конец. Мы можем опуститься до первобытного состояния, и вернуться даже к нашему нынешнему уровню будет невероятно сложно. Как вы знаете, на Земле-2 не осталось ни металлических руд, ни нефти - их запасы истратили те, кто жил здесь до нас.

- Мертвые.

- Да, Мертвые. Из-за них нашим потомкам будет очень сложно восстановить утраченный потенциал. Но даже если они справятся с трудностями, если на Земле-2 вновь появятся города, корабли, ученые и Спикеры, как они узнают, кто они такие и откуда пришли? Наука будущего, пожалуй, сумеет установить, что родина человечества находится не на этой планете, но где? Из какой точки небосвода пришли Основатели? Узнать об этом людям грядущего будет неоткуда; не исключено, что они вообще не будут иметь никакого понятия об Основателях. Те сведения, которыми мы располагаем сейчас, в лучшем случае превратятся в сказку, в легенду, а в худшем - забудутся.

Фома наконец-то осенило.

- И тут им на помощь придет ваша Библиотека! - воскликнул он.

- Совершенно правильно. Если мы сумеем сохранить документы Основателей для потомков, они никогда не зададутся вопросом: откуда люди пришли на Землю-2 и почему? Они будут знать. Ну, сэр, теперь вы понимаете, что заставляет меня быть столь настойчивым?

Фом тяжело вздохнул.

- И все равно проект Библиотеки кажется мне слишком большим и ресурсозатратным. И в первую очередь я имею в виду ресурсы человеческие. Мы до сих пор вынуждены трудиться изо всех сил только для того, чтобы выжить. Откуда нам взять дополнительную рабочую силу для столь масштабного строительства? Посмотрите вокруг: зима близко, людям нужно подготовиться к ней как можно лучше, к тому же... - Он осекся на полуслове и некоторое время стоял молча, плотно закрыв глаза. Ксайя, Ксайя, где ты?! Почему тебя нет рядом, когда ты так мне нужна?.. Фом никогда не заблуждался насчет жены: он знал, что ни Ксайю, ни его самого нельзя назвать гениальными мыслителями, однако вместе им почему-то каждый раз удавалось принять правильное решение.

- Вы уверены, ректор, что изменение наклона оси планеты обязательно случится? - спросил он, открывая глаза. - И что его последствия будут именно такими, как вы только что говорили?

- К сожалению, уверен. И я могу это доказать. Нечто подобное уже происходило в прошлом, и не один раз. Чтобы убедиться в этом, достаточно присмотреться к строению осадочных пород - в их слоях видны и следы прошлых великих наводнений, и вулканический пепел, и многое другое. Насколько мне известно, ваша уважаемая супруга планировала совершить экспедицию как раз к такому любопытному геологическому образованию, известному под названием Риф. Согласно сведениям Основателей, Риф представляет собой остатки древнего города Мертвых, который погиб во время одной из таких катастроф. Не сомневаюсь, что там Госпожа Ксайя обнаружит следы, о которых я только что говорил. - Ректор тоже вздохнул. - Один культурный слой, в котором заключены несколько тысячелетий истории древней цивилизации, а поверх него - ничего. Только вулканический пепел, только спрессованные чудовищным давлением песок и ил да, быть может, окаменевшие остатки пур-пура. Тот город так и не вернулся из небытия, Мертвые остались мертвыми. И наша обязанность сделать так, чтобы города, подобные нашему Орклунду, не постигла та же судьба! - Ректор Чивиан порывисто схватил Фома за руку. - У нас еще есть время, Спикер, мы можем хотя бы начать строительство! Я знаю, вы переживаете за вашу жену, но в этом году она уже не вернется - если вернется вообще, так что судьба человечества зависит только от вас. Примите правильное решение, Спикер, позвольте мне построить Библиотеку, и цивилизация будет спасена!

7.

Эйкин - так он назвался. Его лицо покрывал толстый слой жира, защищавшего кожу от холодного ветра, а волосы напоминали перепутанный клубок тонких веревок. Бесформенная парка из меха кроликов скрывала его фигуру, поэтому определить возраст Эйкина было довольно сложно. Средних лет, решила Ксайя про себя.

Жил Эйкин в землянке под холмом, уже покрытым толстым слоем снега. Вход в нее напоминал звериную нору, в которую можно было пробраться только на четвереньках. Двери не было - вместо нее круглый туннель закрывался сплетенным из прутьев и травы круглым щитом, который вряд ли был способен противостоять серьезным холодам, поэтому Ксайя решила, что само жилище находится где-то глубоко под землей.

Ксайя, Тейф, Мэнда и Чан смертельно устали и промерзли до костей.

Скованная морозом земля давно укрылась снегом и льдом. Выжить в этой холодной пустыне, да еще под ледяным ветром, они не могли, но спустаться в землянку не торопились - вход в нее слишком уж напоминал жадный рот, широко распахнутый в ожидании добычи. Да и хозяин подземного жилища не внушал доверия.

Эйкин снова улыбнулся, обнажив редкие гнилые зубы.

- Добро пожаловать, - повторил он, сопроводив свои слова широким приглашающим жестом. Его акцент напоминал араратский, но был еще более утрированным, искаженным, да и сама речь Эйкина производила впечатление чего-то первобытного, примитивного. - Зимой здесь безлюдно, никто не путешествует, не охотится. Зато у нас есть еда.

Тейф, кутаясь в обледенелый плащ, оскалился.

- Еда? Какая еда?

- Кролики. Вяленые, копченые, мороженые, свежие тоже есть. Другой еды тоже много. Заходите - увидите сами.

- И ты готов поделиться с нами своими запасами? - с подозрением осведомилась Мэнда. - С незнакомыми людьми, которые появились неизвестно откуда?

- Здесь мало людей, - повторил Эйкин. - Одному не выжить - нужно помогать друг другу. Тогда, возможно, когда-нибудь кто-то поделится с тобой.

- Мне он не нравится, - вполголоса пробормотала Мэнда. Она была не такой массивной, как адмирал, поэтому страдала от холода гораздо сильнее, чем Тейф. - Нормальные люди не живут в норах под землей, словно животные.

- Даже нормальным людям приходится приспособливаться, чтобы выжить, - стуча зубами, отозвался Чан. - Все зависит от условий. Предзимье и зима - даже вместе взятые - не столь продолжительны, чтобы выстудить землю на большую глубину.

- И все равно Эйкин мне не нравится, - повторила Мэнда. - Этот его хитрый вид... По-моему, нам все-таки не стоит лезть в дыру - она вполне может оказаться ловушкой.

- А мне не нравится твой вид, - возразил Тейф. - Еще немного, и ты сама превратишься в мороженого кролика. Кроме того, у нас нет выбора.

- Можно построить хижину из снега, - не сдавалась Мэнда. - Не стоит самим совать голову в силлок.

- Солнце скоро сядет, - сказал Чан и вздохнул. - А в темноте нам не управиться.

Ксайя посмотрела на небо, затянутое плотными облаками. Дневной свет мерк, снег еще не выпал, но резкий холодный ветер нес с собой тонкие ледяные кристаллы, которые впивались в незащищенную кожу щек и лба.

Чан был прав - они поздно спохватились. Октябрь кончался, и дни

становились все короче. Вдоль берега образовались полосы пакового льда, и корабли, сопровождавшие экспедицию, вынуждены были держаться мористее. Уже несколько солдат и матросов вышли из строя из-за простуды или обморожений. Стараясь подбодрить спутников, а также чтобы показать, что она по-прежнему возглавляет экспедицию, Ксайя в сопровождении лишь горстки ближайших помощников и офицеров несколько раз предпринимала разведывательные вылазки в глубь замерзающего континента, надеясь напасть на след настоящего Города Мертвых. Сегодня как раз была одна из таких попыток, но время оказалось выбрано неудачно. Налетевшая пурга спутала им все карты, они едва не сбились с пути, а наступивший вечер застал их довольно далеко от побережья. Предстояла долгая, морозная ночь, пережить которую без потерь будет нелегко.

А потом откуда ни возьмись появился этот подозрительный тип - Эйкин, который предлагал им еду и убежище.

- Мы вооружены, - пробормотала Ксайя. - И мы не глупцы. Нужно только держаться настороже, и все будет в порядке. Придется воспользоваться гостеприимством Эйкина, иначе никто из нас не доживет до утра.

- Все равно мне это не нравится, - в третий раз повторила Мэнда.

- Выбора нет, - возразил Чан.

- Дискуссия окончена. - Ксайя чуть повысила голос и первой шагнула к черной дыре. Улыбка Эйкина сразу стала шире, он протянул руку, и Ксайя заставила себя пожать ее. Потом она низко наклонилась и вслед за хозяином полезла в дыру.

Сразу за дверью начинался туннель, который довольно круто уходил вниз. Невысокий, полный Эйкин (возможно, так его организм адаптировался к холоду) шагал по нему, почти не пригибаясь. Стены туннеля успели промерзнуть и были скользкими на ощупь; они чуть поблескивали в тусклом, дрожащем свете светильников, установленных в земляных нишах по бокам. Светильники чадили, трещали и распространяли вокруг себя удушливое зловоние - похоже, топливом для них служил животный жир.

Чем дальше шли Ксайя и ее спутники, тем теснее смыкались стены туннеля и труднее становилось дышать. Она понятия не имела, как глубоко они уже спустились, и следила лишь за тем, чтобы не оступиться и не упасть. Но вот сутулая спина их провожатого исчезла из вида, и перед путешественниками открылась небольшая пещера с земляным полом - утрамбованным, но не замерзшим. Ксайя первой вступила в пещеру и выпрямилась с невольным вздохом облегчения. Позади нее что-то пробормотал Тейф и закричал, разминая затекшую поясницу.

В свете все тех же жировых светильников путники увидели тесное,

сводчатое помещение глубиной в полтора десятка шагов. Потолок пещеры был забран каким-то подобием соломенной крыши. В центре в примитивном каменном очаге горел небольшой костер. Повсюду валялись обрывки звериных шкур, глиняная посуда и обглоданные кости. У дальней стены, с опаской поглядывая на пришельцев, скрючилось несколько мужчин, женщин и детей, до самых глаз закутанных в меха. Рассмотреть их подробнее мешал неверный, трепещущий свет и плавающий в воздухе дым.

- Добро пожаловать, - повторили Эйкин и с гордостью выпрямился. - Это мой дом.

Тейф принюхался, раздувая широкие ноздри.

- Ну и вонища, - заметил он.

- Ты и сам отнюдь не благоухаешь, - возразила Ксайя.

Мэнда расстегнула плотную накидку.

- А здесь не холодно... - с удивлением проговорила она.

- Я же вам говорил, - подал голос Чан. - Морозы никогда не проникают под землю на большую глубину. Как, впрочем, и жара. Видите, все стены оплетены древесными корнями. Земные деревья сумели приспособиться к нашему климату, отрачивая такие длинные корни, что они даже зимой продолжают высасывать из почвы питательные вещества. - Чан огляделся. - И люди, я вижу, уже давно научились зимовать подобным образом. Эта солома на потолке рассеивает и поглощает дым, да и очаг устроен так, чтобы угли едва тлели. Между тем в пещере вовсе не душно - я уверен, здесь где-то есть вентиляционные отверстия, иначе люди могли бы угореть. Смотрите, огоньки светильников мигают, словно на сквозняке.

Внимание Ксайи тем временем привлекла куча костей, сложенных в углу с таким тщанием, словно невесть какие драгоценности. Кости были довольно крупными - коровьими или, может быть, лошадиными.

Эйкин жестом указал гостям на охапки соломы у очага.

- Летняя трава. Хорошие постели. Здесь мы едим, пьем и спим. - Он сделал какой-то знак двум старшим детям, которые тотчас подошли к путешественникам, держа в руках глиняные миски с вареным мясом. Лишь вблизи Ксайя рассмотрела, что это девочки. Одна из них - с живым, смысленным взглядом и волосами, заплетенными в косички, - казалась почти хорошенькой, несмотря на слой жира и грязи, покрывавший ее лицо. Ксайя улыбнулась ей, и девочка ответила несмелой улыбкой.

Взяв из миски кусок мяса, Ксайя откусила.

- Крольчатина, - констатировала она. - И свежая. Я имею в виду, не соленая и не вяленая.

- Так, - подтвердил Эйкин и мечтательно закатил глаза. - Вку-усно!

- Откуда вы берете свежую крольчатину в это время года? - проворчал Тейф.

- В зимние холода кролики впадают в спячку. Мы знаем, где их норы. - Он показал куда-то в угол пещеры. - Роем ходы - не нужно даже подниматься на поверхность. Еще у нас есть конина и мясо других животных, которые уходят на юг или возвращаются назад в дни равноденствия. Мы охотимся, потом солим, вялим, коптим. Кроликов замораживаем. Осенью сушим фрукты и овощи, мелем зерно осеннего и весеннего урожая.

- А много нужно заготавливать провизии? - как бы невзначай поинтересовался Тейф. - Сколько вас всего?

- Немного. Все здесь.

- А почему вы живете под землей? - спросила Мэнда. - Почему растите детей в норах, как животные?

Эйкин нервно повел плечами.

- Наши предки пришли сюда, спасаясь от городов. Мы живем, как жили они. Это наша земля.

- Поздравляю, - серьезно сказал Чан. - Ваши предки сумели приспособиться к местным условиям единственно возможным способом.

Эйкин недоуменно покосился на него, потом повернулся к Ксайе.

- Вы прошли долгий путь. Зачем?

- Я ищу Город Мертвых.

Эйкин пожал плечами.

- Если он существует, то только еще дальше, на севере, - сказала Ксайя. - Ты случайно не знаешь, как нам его найти?

- Не знаю. Я никогда не был на севере и не встречал того, кто был.

- Но Город существует?

- Не знаю.

- К северу от вашего стойбища живут другие люди? - поинтересовался Чан.

- Не могу сказать. Насколько я знаю - нет. На севере нельзя жить.

- А как ты считаешь, стоит нам идти дальше - искать этот Город Мертвых? - неожиданно спросил Тейф.

Прежде чем ответить, Эйкин улыбнулся своей странной улыбкой.

- Если решите идти, возвращайтесь этим же путем. Можно снова переночевать здесь. - Он протянул гостям миски с мясом. - Ешьте! Разве вы не голодны?

Путешественники поели, потом ополоснули лица и руки талой снеговой водой, которая тонкой струйкой текла из трубы в стене, и не без некоторой неловкости воспользовались дальним углом пещеры, который служил племени туалетом. К счастью, обитатели пещеры не докучали им чрезмерным вниманием, лишь какое-то время спустя дети принесли им еще мяса и вареные овощи.

Прошло еще около часа, потом Эйкин и его люди начали устраиваться на ночлег на постелях из мехов и охапок соломы. Путешественники

тоже решили готовиться ко сну. Застелив соломенный тюфяк дорожным плащом, Ксайя со вздохом облегчения опустилась на него и, сбросив башмаки, стала растирать сбитые до волдырей ноги. Ноги немилосердно ныли, но, к счастью, следов обморожения она не заметила. Что ж, могло быть и хуже.

Вытянув ноги, она огляделась. Эйкин принес им одеяла из кроличьих шкурок, но они были такими грязными и так сильно воняли, что Ксайя не сумела преодолеть брезгливость. Соорудив постель из собственной одежды, она зарылась в нее, от души надеясь, что не замерзнет ночью.

Обитатели подземного жилища погружались в сон. Часть светильников погасили, и темнота наполнилась храпом, вздохами, возней и сытым попукиванием, отчего сходство пещеры со звериной норой еще усилилось. Стараясь дышать не слишком глубоко, Ксайя закрыла глаза. Она помнила предостережения Тейфа, но усталость после долгого пребывания на морозе взяла свое. Постепенно Ксайя задремала.

- Они ничем не лучше животных...

Тихий шепот, раздавшийся над самым ее ухом, заставил Ксайю проснуться. Сзади к ней прижалось чье-то упругое, теплое тело, и она потянулась рукой к кинжалу, который спрятала под свернутой курткой, служившей ей подушкой.

Теплая ладонь с твердыми бугорками мозолей легла на ее обнаженное плечо.

- Все в порядке, Ксайя. Это я.

- Мэнда? Какого дьявола?!..

- Я замерзла, а накрываться этими грязными мехами мне не хочется.

- Мне тоже... - Ксайя беззвучно рассмеялась. - Ладно, оставайся.

- Они просто животные, моя Госпожа. Как свиньи. Хуже свиней. Даже Тейф... Мы с тобой другие. И они нам не нужны... Даже Фом тебе больше не нужен, ведь у тебя есть Сфера, которую ты отняла у Ленга. Пятнадцатая Сфера, принадлежавшая самим Основателям, - такая же настоящая, как те четырнадцать, что болтаются на шее твоего супруга. И ты получила ее не по наследству, как Фом, ты добыла ее, рискуя собственной жизнью!

- И жизнью других, Мэнда.

- Какое тебе дело до других?!.. Тебе самой судьбой назначено править, повелевать. Все остальные должны лишь исполнять твои приказы. Нужно только пра... - Мэнда вдруг захрипела, словно поперхнувшись. Что-то горячее и липкое потекло по спине Ксайи, и она, втянув ноздрями воздух, ощутила знакомый железистый запах.

Нащупав среди вороха тряпок рукоять кинжала, Ксайя скатилась с соломенного тюфяка и, путаясь в одежде, вскочила на ноги. Свет по-прежнему едва горел, но вся пещера вдруг наполнилась движущимися

теньями взрослых и детей. Краем глаза Ксайя заметила Чана, который прижался к стене, неловко выставив перед собой меч. Мэнда лежала у ее ног с перерезанным горлом. Глаза ее были широко открыты, но жизнь уже ушла из них. Над неподвижным телом, сгорбившись, стояла та самая девчушка с косичками, которая вчера так понравилась Ксайе. В руках она сжимала окровавленный нож.

У очага в центре пещеры Ксайя увидела Тейфа. Адмирал был ранен, но его могучая фигура выглядела так грозно, что Эйкин и его люди не осмеливались приблизиться. Вот Тейф взмахнул мечом, и отрубленная голова девочки с косичками покатила по земляному полу, а обезглавленное тело повалилось на труп Мэнды, заливая его кровью из перерезанных артерий. Страшная расправа, однако, словно придала храбрости Эйкину и его сородичам. Взрослые и дети, вооруженные ножами и дубинками, перешли в наступление, и адмирал благоразумно отступил, встав рядом с Чаном.

Ксайя, отыскав среди вороха одежды многоствольный пистолет, открыла огонь. Выстрелы в замкнутом пространстве пещеры прозвучали оглушительно. Заряды скоро закончились, но Ксайе удалось повергнуть врагов в замешательство. Воспользовавшись этим, адмирал и Чан ринулись в контратаку, Ксайя тоже взялась за кинжал.

Железные клинки глубоко впивались в тела врагов. Каждый смертельный удар приносил Ксайе такое глубокое удовлетворение, что она даже забыла о своей больной руке. Адмирал тоже не обращал внимания на рану, хотя кровавое пятно у него на животе увеличивалось буквально на глазах. Чан азартно размахивал мечом, и хотя его военная подготовка оставляла желать лучшего, ему все же удалось зарубить троих врагов.

Бой продолжался недолго. Когда все закончилось, Тейф и Ксайя стали стаскивать трупы к центру пещеры. Земляной пол сделался скользким от крови и вывалившихся внутренностей, но они не прекращали работы, пока последнее тело не было свалено в общую кучу. Только после этого адмирал занялся своей раной, которая, несомненно, причиняла ему сильные страдания. Отвернувшись к стене, он приподнял камзол и стал неловко бинтовать себе живот. Ксайя попыталась ему помочь, но адмирал сказал, что справится, а настаивать она не стала. Ей даже не пришло в голову, что рана может оказаться опасной - гибель Мэнды потрясла ее настолько глубоко, что ни думать, ни говорить Ксайя была не в состоянии.

Из всех обитателей пещеры в живых остались только две женщины и несколько младших детей. Они в ужасе скрючились у дальней стены и, зарывшись в меха, со страхом следили за победителями.

- Я ведь предупреждал!.. - проворчал Тейф, когда Ксайя наконец пришла в себя.

- Предупреждал, - согласилась она. - Прости, я больше не буду

сомневаться в твоих словах.

Чана била крупная дрожь. Казалось, он боится Тейфа и Ксайю едва ли не больше, чем недавних противников.

- Я... я никогда ничего подобного не видел, - пробормотал он, стуча зубами. - Их было в несколько раз больше, но вы убили всех...

- Ты нам помог, - хладнокровно заметил Тейф. - Или ты не заметил?.. Впрочем, я думаю, мы справились бы и без тебя, ведь мы воины, а они - мясники, и этим все сказано. Они обрекли себя, когда не сумели зарезать нас во сне.

Чан несколько раз кивнул.

- Да-да, мясники - правильное слово. Там, в углу, есть и человеческие кости. Я посмотрел: на некоторых видны следы оружия и зубов. Похоже, эти дикари не только подстерегают мигрирующих животных и выкапывают из нор впавших в зимнюю спячку грызунов, но не брезгают и проходящими мимо путешественниками. Не удивительно, что изгнанники, которых Ленг отправил из Рифтауна на север, так и не вернулись домой... - Он посмотрел на скорчившихся под стеной детей.

- Я не исключаю, что в голодные годы, когда нет никакой другой добычи, эти дикари едят слабейших - детей и стариков. Неприкосновенный запас, так сказать... Но о вас они обломали зубы.

- Хотел бы я знать, что сказали бы об этом Основатели, - проворчал Тейф. - Что бы они сделали, узнай, до чего дошли их потомки?..

Ксайя бросила взгляд на укрытое плащом тело Мэнды. Она не находила объяснения последним словам подруги. Что стояло за ее порывом: тщательно скрываемая любовь или давний честолюбивый расчет? Они знали друг друга много лет, но только сейчас Ксайя стала понимать, что на самом деле стояло за свирепой, нерассуждающей преданностью Мэнды и какие амбиции таились в ее душе. Да, она всегда принимала сторону Ксайи - и в то же время исподволь подталкивала Госпожу к новым свершениям, к новым головокружительным авантюрам...

- Как ты считаешь, они выживут? - спросила Ксайя у Чана, еще раз поглядев на уцелевших женщин и детей. - Ведь их мужчины мертвы...

- Не знаю. - Чан пожал плечами. - Вряд ли. Насколько я понимаю, вы собираетесь забрать их запасы - хлеб, мясо и все остальное...

- Какая разница, выживут они или нет? - вмешался Тейф, прижимая к ране повязку, которая уже начала пропитываться кровью. - Если хотят жить - пусть жрут своих мужей и отцов, их мы забирать не будем. Что касается нас, то мы останемся здесь до утра, а потом вернемся на корабли и отправимся домой. Да, Ксайя, домой... - повторил он, пристально глядя на Госпожу. - Мы дошли до края мира, но не нашли ничего, кроме варварства и упадка.

- Но мы не нашли Города... - проговорила Ксайя задумчиво. - Однако это не значит, что его не существует, - Она снова посмотрела на труп

Мэнды. - Эта экспедиция обошлась мне слишком дорого, поэтому я не имею права сдаваться. Утром мы отправимся дальше.

- Дальше на север? И как далеко ты планируешь забраться? Сколько еще продлится наш поход? - Тейф тяжело вздохнул. - Ну как, скажи на милость, мне убедить тебя, что твои поиски ни к чему не приведут, если, разумеется, не считать того, что ты можешь погибнуть от рук очередной банды дикарей или замерзнуть насмерть? Я не хочу, чтобы ты рисковала собой столь безрассудным образом. Пока жив, я, разумеется, сделаю все, чтобы спасти тебя, но если меня не станет...

Преданность старого адмирала тронула Ксайю до глубины души, но она упрямо покачала головой.

- Завтра утром мы идем дальше. Но прежде нам нужно позаботиться о Мэнде.

- Похоронить ее у нас вряд ли получится, - сказал Чан. - Земля замерзла и стала твердой как железо.

- Можно отнести ее на корабль и похоронить в море, - предложил Тейф. - Думаю, Мэнда не стала бы возражать, хотя она всегда была никудышным моряком. Она... - не договорив, он вдруг прислонился к стене, опираясь одной рукой на меч, а другой ощупывая окровавленную повязку на животе. Странная бледность разлилась по лицу Тейфа, но как ни уговаривали его Ксайя и Чан, адмирал так и не позволил им взглянуть на свою рану.

8.

Только к ноябрю геодезисты и геологи, нанятые ректором Чивианом, определили наилучшее место для Библиотеки. Оно располагалось на склоне холма, вдали и от морских берегов, и от пойменной равнины ближайшей реки. Геологи установили, что даже в отдаленном прошлом это место никогда не затапливалось. Самая высокая на острове гора - недействующий вулкан с крутыми, почти отвесными склонами (который, как утверждал Чивиан, все равно может проснуться, когда изменится угол наклона оси планеты) - тоже находилась сравнительно далеко от предполагаемого места строительства, однако Чивиан продолжал вздыхать.

- Абсолютно безопасного места для Библиотеки не существует в принципе, - сказал он Фому. - Во всяком случае, не на нашей планете. Но если мы врежемся в скальное основание достаточно глубоко, у нас появятся хоть какие-то гарантии того, что мудрость Основателей переживет все катаклизмы.

В ответ Фом лишь неопределенно крякнул. Он и ректор стояли на вершине холма над местом будущего строительства. Из низких свинцово-серых туч, повисших, казалось, над самыми их головами,

сыпалась ледяная крупа. Внизу расстилалась широкая долина, вдали виднелись мокрые, словно нахохлившиеся крыши Орклунда, за ними темнело неприветливое море. Над морем мутно-белым пятном повисло закрытое облаками солнце. В это время года оно уже не поднималось высоко над горизонтом. Вскоре оно вовсе исчезнет, и настанет долгая полярная ночь.

Зима и в самом деле уже стояла на пороге, однако ректор все же настоял на начале работ. На склоне холма появились бригады рабочих, которые, сдвинув в сторону надоедливый пур-пур, врубались в непаханую землю и выбрасывали из котлована грунт и щебень, добираясь до скального основания. Ректор обещал Фому, что монументальное здание Библиотеки будет видно даже из Орклунда, однако до этого момента было еще очень далеко. Строителям предстояло затратить немало сил, прежде чем последний кирпич ляжет на свое место.

- Меня беспокоят не столько проблемы, с которыми могут столкнуться грядущие поколения, сколько трудности, которые я с вашей подачи вынужден навязывать поколению нынешнему, - заметил на это Фом. - Основание холма состоит из прочного базальта. Выкопать котлован нужной глубины будет очень, очень нелегко.

- Ерунда, - отмахнулся ректор. - У нас есть взрывчатка. Да и работников в случае необходимости можно найти больше.

Дешевую рабочую силу действительно можно было набрать среди побежденных британцев, но Фом не спешил с решением, прекрасно понимая, что появление в стране недавних врагов не встретит поддержки населения. Кроме того, подобный шаг грозил дальнейшим ухудшением отношений между Зиландией и Британией. Но едва ли не больше всего его смущало то обстоятельство, что все эти меры он вынужденно принимал без ведома Ксайи, не говоря уже о ее одобрении и согласии. Ректора, напротив, это нисколько не волновало, и Фом понимал почему: Чивриан считал, что раз Госпожа не вернулась на родину осенью, значит, она, скорее всего, застрянет на Поясе до конца весны, и следовательно, можно не бояться, что она помешает осуществлению его планов.

- Думайте масштабно, Спикер, - посоветовал Фому Чивриан. - Не стоит застревать на частностях, для этого у вас есть специалисты. Вы должны держать в уме конечную цель. Не забывайте: это будет не просто библиотека, а целый комплекс, где кроме ученых поселятся фермеры, служащие, строители и торговцы, обслуживающие нужды крупного научного сообщества. Сеть прекрасных дорог свяжет Библиотеку с Орклундом и другими городами. Кстати, я слышал, один из ее залов собираются назвать в мою честь; это, конечно, весьма лестно, но, говоря откровенно, я вряд ли заслуживаю чего-то подобного. Другое дело вы, сэр... Вашим именем следовало бы

назвать весь библиотечный комплекс, чтобы потомки знали, благодаря чьей мудрости и дальновидности остались в сохранности бесценные знания Основателей.

«Скорее уж, меня сочтут величайшим глупцом со времен Посадки», - мрачно подумал Фом. Ситуация вырвалась из-под его контроля с тех самых пор, когда несколько месяцев назад он привел ректора в парламент и позволил ему вербовать сторонников среди депутатов. Ах, если бы только Ксайя была здесь...

9.

Солдаты вступили в Город Мертвых, лишь повинаясь приказу. Добровольно вошли в него только Ксайя и Чан - и еще Тейф, который не отходил от Госпожи буквально ни на шаг после кошмарной ночи в подземном жилище Эйкина. Впрочем, адмирал, по своему обыкновению, не стеснялся высказывать собственное мнение вслух. Он сразу же назвал Город Мертвых «нечеловеческим», и Ксайя про себя удивилась тому, как точно подходит это неуклюжее словечко к тому, что открылось ее глазам.

- Это нечеловеческое место, - снова повторил адмирал, шагая вместе с Госпожой по улицам Города. - Даже свет здесь нечеловеческий, - добавил он с плохо скрываемым беспокойством. - Это лиловое сияние идет, кажется, со всех сторон, и совсем не отбрасывает теней. Кроме того, нормальные, людские города стоят на месте, а не *плавают* вокруг тебя. Нет, Госпожа, это очень плохое место. Ничего полезного мы здесь все равно не найдем, а вот попасть в беду можем легко.

- Ты не прав, - возразила Ксайя, хотя ей и самой было не по себе. - В чем-то Город Мертвых похож на наши города. Во-первых, он имеет четко выраженную границу, - сказала она, повторяя слова Чана. - Во-вторых, Город явно построен по определенному плану, который наш музейный смотритель попытается нанести на карту.

Вместо ответа адмирал ухмыльнулся и демонстративно пнул ногой мягко мерцавшую стену ближайшего строения, которая тотчас рассыпалась облаком фиолетовых спор.

- Построен?.. По определенному плану? - повторил он. - Это же обычный пур-пур! Весь город на самом деле - просто заросли пур-пура, и ничего больше... - Резкое движение причинило ему боль, и, не договорив, Тейф прижал руку к повязке на животе.

Ксайя озабоченно сдвинула брови. Состояние Тейфа ее тревожило, хотя сам адмирал делал вид, будто полученная им рана давно зажила. А главное, она не могла ничего предпринять, потому что Тейф упорно отказывался от любой помощи.

Хотя насчет Города Мертвых он был во многом прав...

Они все-таки нашли его, хотя выглядел Город совсем не так, как она ожидала. Впрочем, первое, о чем подумала Ксайя, когда увидела впереди бледное лиловое зарево, что своей цели она достигла и что теперь ее имя навсегда останется в анналах истории. Быть может, о других ее делах со временем забудут, но об этом - никогда. Если, разумеется, она сумеет благополучно вернуться в Зиландию...

После боя в подземной пещере путешественники вернулись к кораблям и продолжили свой поход прежним порядком: суда шли на север по морю, сменные отряды двигались следом вдоль побережья. Наконец настал день, когда солнце в последний раз показалось над горизонтом и почти сразу скрылось. Теперь заснеженную пустыню освещал только рассеянный сумеречный свет, который с каждым днем становился все более тусклым. Чан, сверившись со своими расчетами, сказал, что полярная ночь наступила здесь на несколько дней раньше, чем это обычно происходит на широте Арарата и Орклунда. Это означает, пояснил ученый, что они забрались очень далеко на север, но Ксайя и так в этом не сомневалась. Морозы усилились, земля промерзла почти на метр вглубь, а море превратилось в сплошное пространство пакового льда, способного раздавить самый прочный корабельный корпус. Когда суда больше не могли следовать за отрядом, Ксайя распорядилась построить сани с полозьями из полированного корабельного дерева и упряжью из просмоленного брезента, рассчитанной на могучих боевых коней, которые все это время провели в корабельных трюмах. На сани погрузили еду, палатки, запасы топлива и сена, впрягли в построжки коней с крепкими шипованными подковами, и путешествие продолжилось. Когда же кони, не выдержав тягот долгого пути, один за другим пали и были съедены, в сани впряглись люди.

Это был беспримерный поход. Люди демонстрировали невероятное мужество и упорство в борьбе с трудностями, но под конец Ксайя осталась единственной, кто все еще верил в успех. И никакими словами не описать, что почувствовали усталые, измотанные, обмороженные люди, когда передовой отряд разведчиков заметил далеко на горизонте странное лиловое сияние.

Наверное, исчезнувшая раса, которую на Земле-2 называли Мертвыми, ничем не походила на людей, если построила такой город. Даже освещение здесь было странным - «нечеловеческим», как верно подметил Тейф. Светильников путешественники не увидели. Вместо них неярким лиловым светом светились сами дома и мостовые. Этот свет напоминал полярное сияние, колышущиеся полотнища которого вспыхивали над Городом, когда небо ненадолго освобождалось от туч. В такие моменты казалось, будто усыпанный звездами небесный свод - просто зеркало, где отражается это творение чужого разума.

Но главной странностью Города Мертвых было, пожалуй, его

непрерывное движение. Улицы, дома, целые кварталы постоянно менялись, деревья, казалось, вырастали буквально на глазах. Чан утверждал, что и в строении ветвей древоподобных растений, и в расположении улиц (если их можно так назвать, поскольку Ксайя сомневалась, что широкие бульвары и проспекты выполняли здесь ту же функцию, что и в Орклунде) есть какая-то закономерность, свой особый порядок, разгадав который, они смогут лучше понять, какими были давно ушедшие Мертвые. Каждый день ученый в сопровождении воинов отправлялся бродить по Городу, а потом заносил на карту, которую он составлял, все, что ему удалось узнать за день. Довольно скоро Чан обнаружил, что Город ежедневно меняется, причем не только в мелких деталях, но и в целом, но это его не обескуражило. Изменения, заявил он, в очередной раз перекраивая свою карту, тоже происходят не хаотично, а в соответствии с какой-то сложной пространственно-временной схемой. Чан, впрочем, не терял надежды разгадать эту загадку, хотя ему очень не хватало «компьютеров» - счетных машин, которые якобы были у Основателей. Эти чудесные устройства, говорил он, смогли бы проанализировать собранные им факты и выдать готовое решение за считанные минуты.

Саму Ксайю между тем больше всего поражало, что все в городе было сделано из пур-пура - вездесущего местного растения (грибка? плесени?), которое доставляло столько неприятностей фермерам и садоводам Зиландии и других стран. Стоило ударить кулаком по стене любого здания, и она превращалась в невесомые темно-красные и фиолетовые споры, которые уносились прочь вместе с ветром, чтобы где-то на другом конце города воплотиться в новое здание, дерево или мостовую.

- Да, это действительно пур-пур, - сказал Чан как-то вечером, когда Ксайя, Тейф и разведчики вернулись в лагерь - несколько хижин-иглу, которые они построили на окраине Города из ледяных блоков. - Только пур-пур, и ничего больше. Правда, обычно он не светится, однако я слышал, что в глубоких пещерах исследователи находили билюминесцентные скопления этого организма.

- Некоторые из наших воинов не верят, что Город светится своим собственным светом, - сказала Ксайя. - По их мнению, он просто отражает свет полярного сияния.

- Доказать обратное очень легко. Достаточно принести в хижину пригоршню этой слизи и погасить лампы. - Чан фыркнул. - Типичное свойство неподготовленного ума как раз и заключается в том, что он не способен воспринимать новое - то, что противоречит сложившимся представлениям и предрассудкам. Лично я считаю, что постоянное изменение городских структур генерирует что-то вроде электрического поля, которое, в свою очередь, взаимодействует с полярным сиянием, как бы включая его, когда это необходимо.

Ксайя покачала головой.

- Никогда не слышала, чтобы пур-пур вел себя подобным образом.

Чан пожал плечами.

- Ничего удивительного. Люди всегда относились к нему как к обычной плесени, которую надо уничтожить как можно скорее, чтобы на освободившемся месте росла наша земная трава и паслись наши животные. Возможно, только здесь, где не ступала нога человека, это растение способно образовывать сложные живые сообщества.

- Это ты Город имеешь в виду? - ворчливо уточнила Ксайя, и Чан непроизвольно потянулся к своим записям, но потом отдернул руку, видимо, решив, что Госпожа поймет его гораздо лучше, если он максимально упростит свои объяснения.

- Я делаю все, что в моих силах, - сказал он смиренно, - но уже сейчас ясно: разобраться, что же представляет собой Город, по силам только экспедиции со сложным оборудованием, укомплектованной специалистами в различных областях науки. Я могу зафиксировать изменение структур Города только на самом примитивном уровне. У меня нет никаких приборов даже для того, чтобы измерить амплитуду колебаний электрических и магнитных полей, а понять Город путем обычных наблюдений так же невозможно, как невозможно постичь принцип работы человеческого мозга, просто подсчитав количество извилин. Тем не менее я в меру сил описал наиболее характерные элементы городской структуры, отметил их на карте и попытался рассчитать регулярность и порядок их появления. Закономерности, которые выявил мой анализ, я перепроверил и сделал поправки, потом вычислил поправки к поправкам... - Чан сокрушенно потряс головой. - Иногда мне кажется, что это вовсе не город. Он больше похож на мозг или, скорее, на особую машину для хранения мыслей, идей. Сам характер изменений, их очередность и порядок слишком напоминают мыслительный процесс, который продолжает идти даже сейчас, пока мы с вами сидим здесь...

Ксайя задумалась. Она не совсем понимала, что хочет сказать ученый.

- Если это машина, то кто ее построил? Мертвые?

- Нет, - ответил Чан. - То есть да... В общем, я не уверен, что Город - реликвия давно умершей цивилизации. Мне кажется, он и есть те самые Мертвые или то, что от них осталось. В отличие от старой Земли, биосфера Земли-2 представлена одним-единственным многоклеточным организмом, а некоторые ученые и у нас в Арарате, и у вас в Оркунде считают, что подобное могло произойти только в случае стороннего вмешательства в процесс эволюции. Иными словами, пур-пур был создан или получен искусственным путем.

- Ты думаешь, это сделали Мертвые?

- Да! Каким-то образом они перестроили всю биосферу планеты от

микробов и выше.

- Но зачем?

- Чтобы спасти лучшее, чего они сумели достичь. Их знания, философия и все, что характеризует их как высокоразвитую разумную расу, было сохранено в виде процессов, которые продолжают идти в их живых городах. Кто знает, быть может, такие города когда-то покрывали всю планету...

- Но почему Мертвые выбрали именно такой способ хранения информации?

- Мне думается, он был самым надежным. Отдельные споры пур-пура, разумеется, не вечны, но как единый организм он практически бессмертен, пока светит солнце и пока существует эта планета. Зашифрованная информация никуда не исчезнет, покуда будет существовать Город, а уничтожить его непросто. Вы сами видели, Госпожа: разрушенные здания - я бы назвал их блоками памяти - снова возникают в другом месте, и хотя подчас они имеют иную форму, их функции почти наверняка сохраняются. Разумеется, Мертвые должны были предусмотреть и возможность повторяющихся глобальных катастроф. Думаю, именно поэтому они не стали строить город человеческого типа, подобный тому, какой мы видели на Рифе. И нам, кстати, тоже следовало бы задуматься о чем-то подобном, если мы хотим, чтобы человеческий род выжил на Земле-2...

- Постой-постой... - перебила Ксайя, которой никак не удавалось следить за ходом его мыслей. - Какие глобальные катастрофы ты имеешь в виду?

- Разве вы не знаете?! - Чан, казалось, был потрясен. - Я имел в виду изменение наклона оси вращения планеты относительно плоскости эклиптики.

- Впервые слышу. Ну-ка, рассказывай...

Так Ксайя узнала о грозящей человечеству опасности. Она слушала Чана и чувствовала, как кровь отливает от ее лица. Машинально она сунула руку в карман и нащупала Сферу. Достав стальной шар, она несколько раз повернула его таким образом, чтобы то один, то другой полюс маленького глобуса оказался обращен к горящему в центре иглу костру. Наконец она сказала:

- Если ученые в Арарате знают об этом, значит, и наши должны знать.

- Ксайя повернулась к Тейфу. - Почему мне никто об этом не сказал, не предупредил? Ведь предыдущие Спикеры должны были знать!

Тейф засопел.

- У этих придурков свои тараканы в голове. Обладание столь ценной информацией наделяет человека властью, пусть порой эта власть - вообразимая. И конечно, никто не захочет добровольно делиться жизненно важными сведениями с простым народом и его предводителями.

- Я думаю, в данном случае побуждения ваших лидеров не были столь эгоистичны, - возразил Чан. - Наверное, они скрывали эти сведения, потому что боялись паники.

- А в Арарате все знают, что должно случиться? - поинтересовалась Ксайя.

- Конечно. Хоть кого спросите.

- А как насчет паники?

Чан задумался.

- Вы сами побывали в Арарате, Госпожа, и все видели. Скажу прямо: мои сограждане предпочитают не задумываться о проблемах, какими бы серьезными они ни были.

Ксайя порывисто встала и тут же была вынуждена наклонить голову, чтобы не стукнуться о низкий ледяной потолок. Откинув меховой полог, закрывавший вход, она вышла на улицу. Небо было ясным, звезды сверкали на нем, словно осколки стекла, снег искрился и мерцал в сполохах холодного полярного сияния, а посреди бескрайней, застывшей равнины, словно невиданный зимний цветок, горел и переливался лиловым Город Мертвых. Ксайе даже почудилось, будто она слышит, как тихонечко шуршат, перетекая с места на место, миллиарды и миллиарды крошечных пур-пуровых спор.

Темное небо прочертила ярко-белая полоса. Это был метеор - древний, как сама Вселенная, обломок материи, чья жизнь завершилась короткой вспышкой света.

Снег заскрипел под шагами Тейфа. В руках он держал охапку теплой одежды, но, поскользнувшись, выронил свою ношу и вполголоса выругался. Чан, который вышел из хижины следом за адмиралом, подобрал два меховых плаща - один надел сам, другой накинул на плечи Ксайи.

- Оденься, - пробормотал Тейф. - Иначе холод убьет тебя. На градуснике - пятьдесят ниже нуля...

Он внезапно упал на колени, и Чан, бросившись к адмиралу, попытался его поднять, но не сумел. Тогда он накрыл Тейфа оставшейся одеждой.

Неотрывно глядя на Город, Ксайя достала из кармана Сферу и сжала в кулаке, не замечая, как от мороза немеют пальцы.

- Я... я чувствую себя так, словно меня жестоко обманули, - с усилием произнесла она. - Мои предки преодолели десятки, сотни световых лет, чтобы попасть на эту планету. Я обогнула всего лишь полмира, но это путешествие далось мне едва ли не труднее. Все это время я искала сокровище, но... Ведь никакого сокровища нет, правда?

- Вы нашли зашифрованные знания давно исчезнувшей цивилизации, Госпожа. Я не знаю, сокровище это для вас или нет.

Ксайя пожала плечами.

- Не удивительно, что все упоминания о Городе столь неопределенны

и туманны. Даже Основатели не сумели понять, что это такое. Что ж, это ничего не меняет... Здесь нет хоть чего-нибудь стоящего для меня или для моего народа. Сама планета намерена от нас избавиться, и когда она это сделает, отвратительный пур-пур выползет из своих убежищ вроде этого и захватит все, что мы успели создать. Что касается нас, то... видели бы нас Основатели! На деревянных кораблях, с железными мечами и неуклюжими ружьями, мы с трудом продвигаемся по пути, который они уже давно прошли. Какое разочарование для отважных покорителей космоса! Я думаю, Основатели пожалели бы о своем решении высадиться на Земле-2... и вот что я сказала бы им на это!..

И, широко размахнувшись, Ксайя швырнула Сферу в направлении Города.

- Госпожа, нет! - ахнул Тейф. - Зачем... - Он не договорил, согнувшись в мучительном кашле.

- Госпожа Ксайя, у него снова идет кровь! - окликнул ее Чан, неловко прижимая массивное тело адмирала к себе.

Повернувшись, Ксайя опустилась на снег рядом с Тейфом и просунула руку под накидку. Весь правый бок адмирала намок от крови, которая быстро замерзала на морозе.

- Нужно отнести его обратно в хижину, - решила она.

- Нет, Госпожа, это бессмысленно, - прохрипел адмирал. - Зачем тащить меня внутрь сейчас, если утром все равно придется выносить, пока я не завонял? - Он нашел ее руку, и Ксайя почувствовала, как с каждой секундой слабеют его пальцы. - Пообещай мне одну вещь...

- Что угодно, Тейф!

- Возвращайся домой, Ксайя Уиндру...

Ксайя опустила голову.

- Вернись. Завтра же мы отправимся в обратный путь. - Она вздохнула. - Спасибо тебе, Тейф, ты сделал для меня больше, чем я заслуживаю.

- И еще... Когда... когда вернешься в Орклунд, отыщи в Швейном квартале женщину... Ее зовут Белла. Найди ее и скажи: деньги, которые я ей обещал...

- Ни слова больше!.. - перебила Ксайя и прижала окровавленную ладонь к его губам. - Отнесем его внутрь, пока мы сами не превратились в ледяные статуи, - сказала она Чану.

10.

- Это последние заморозки, - сказал Фом, взбираясь вместе с ректором на холм над строительной площадкой. Едва начавшийся день обещал быть погожим и ясным, солнце все выше поднималось

над горизонтом, и рабочие, заканчивавшие отделку подземного хранилища, двигались живее обычного.

Обернувшись, Спикер слегка усмехнулся, глядя, как, пыхтя и отдуваясь, карабкаются по заросшему короткой, обгрызенной овцами травой склону секретари, ученые, другие ректоры, представители различных парламентских партий. Среди них был и Макс - ему исполнилось пятнадцать, и за последний год он так вытянулся, что стал на полголовы выше большинства взрослых. Рядом с ним Фом увидел сухощавую фигуру Яна Стэндиша; учитель и ученик были, по обыкновению, увлечены разговором - оба оживленно жестикулировали, не замечая ничего вокруг.

Все эти люди покинули Орклунд ради церемонии закладки Ста Восьми Книг Основателей в главное хранилище, которое являлось сердцем библиотечного комплекса. Упрятанное глубоко под землю, в толщу базальтовой скалы, оно было полностью готово, хотя само здание только-только начали строить. Легендарные Книги уже лежали на специальном поддоне непрезентабельной стопкой - толстые, пыльные фолианты, словно приготовленные для погребения. Их никто не догадался прикрыть ни от дождя, ни от солнца, хотя Фом знал, что это - единственные экземпляры древних подлинников.

Следы, оставленные Фомом и ректором на заиндевевшей траве, быстро исчезали под лучами солнца.

- Наверное, да, последние, - согласился Чивиан. - Это всегда чувствуется. - Он глубоко вдохнул, раздувая ноздри. Фом тоже чувствовал разлитый в воздухе аромат скорой весны - пробивающейся молодой травы и земли, начавшей отогреваться после долгих холодов.

- Весенний солнцеворот всегда застает меня врасплох, - признался он. - Ведь переход от холодной весны к ее жаркой второй половине занимает всего несколько недель.

- Ничего удивительного, - согласился Чивиан. - Ведь люди как вид живых существ сформировались в тропическом поясе старой Земли - планеты с умеренными сезонными колебаниями. Но говорят, что даже там люди, жившие в высоких широтах, всегда чувствовали, когда после зимы продолжительность светового дня начинала расти.

- Мы не на старой Земле, а на Земле-2. К чему вспоминать о планете, которую никто из нас никогда не увидит?

Услышав этот хорошо знакомый, хотя и наполовину забытый голос, Фом резко обернулся.

Она стояла перед ним в потускневших, погнутых доспехах, небрежно опираясь рукой в перчатке на грудь книг. Позади нее выстроились в ряд несколько воинов, в основном женщин с обветренными, загорелыми лицами, с кожей, покрытой шрамами или следами жестоких укусов мороза. Двое солдат-мужчин держали в руках чадящие факелы, но Фом даже не задумался, зачем они нужны при ярком свете дня.

- Ксайя!.. - Фому хотелось броситься к жене, обнять, прижать к себе, но он не мог заставить себя даже сдвинуться с места. Ему мешали и неподвижно застывший ректор, и раскинувшаяся внизу стройка, которую он начал без Ксайи.

Макса подобные мелочи не смущали. Бросив Стэндиша, он подбежал к матери.

- Мама!.. - Они обнялись, хотя Ксайя, похоже, была в легком замешательстве. Она явно не ожидала увидеть сына таким - выросшим, возмужавшим.

- Ты вернулась! А где остальные, Мэнда, Тейф?

- Они погибли, - негромко ответила Ксайя. - Оба отдали свои жизни, спасая меня от неминуемой смерти. Без них я бы никогда не достигла цели. - Она устало улыбнулась. - Немало солдат и матросов погибли на обратном пути - они утонули, когда мы сплавлялись на плотках через речные пороги. Тейф предупреждал меня об опасности, но я не послушалась и сейчас жалею об этом, хотя... хотя, возможно, иного выбора у меня не оставалось. Из двух моих кораблей назад вернулась только «Кора». Второе судно попало в шторм и разбилось о скалы, а люди... многие пошли ко дну, а те, кто сумел добраться до берега, были съедены дикарями. В общем, путешествие обошлось нам недешево, - добавила она и повернулась к мужу и ректору. - Если хотите узнать подробности - расспросите Чана Гила, ученого из Арарата. Он отправился с нами и записывал все, что происходило во время нашего похода. По-моему, Чан и сейчас записывает... - Ксайя ухмыльнулась. - Эту повесть стоит прочесть, - добавила она, презрительно поглядев на стопку Книг Основателей, - ведь в ней отражена история нашего мира, наших достижений, а не далекое, никому не нужное прошлое.

Пока она говорила, остальные парламентарии и ученые подошли ближе, образовав подобие полукруга, который с трех сторон охватывал Ксайю, Фома, ректора и Книги. Парламентарии вполголоса переговаривались, пораженные вызывающим тоном Госпожи. Даже рабочие, заметив, что на склоне что-то происходит, прервали работу и замерли, опираясь на свои инструменты.

Фом сделал шаг вперед и снова замер в нерешительности, с некоторым опозданием осознав, что сегодняшняя встреча превращается в некий поворотный пункт, который не только изменит их отношения с Ксайей, но и повлияет на характер совместного управления страной. Рука его непроизвольно поднялась и нащупала Четырнадцать Сфер, висевших у него на шее как ожерелье. Он, впрочем, тотчас опомнился и отдернул руку.

- Я ждал тебя, Ксайя, каждый день ждал... Мне тебя очень не хватало.

- Я знаю... - Ее тон показался Фому искренним.

- Но ты все не возвращалась и не возвращалась. Я не мог с тобой

посоветоваться и поэтому откладывал большинство государственных решений насколько мог, но...

- ...Но только не это, - закончила она, поглядев на готовое хранилище. Фом почувствовал, как внутри него закипает гнев.

- Ты столько лет провела вдали от Зиландии. Никто не знал, вернешься ли ты... - Он снова поднял руку и поправил высокий воротник мантии, словно ему вдруг стало душно. - Нужно было принимать решение. Ректор и другие ученые сумели меня убедить...

- Значит, они все-таки рассказали тебе о том, что может случиться с нашей планетой? Угол наклона ее оси изменится, и тогда человечество ждут страшные катастрофы... Да, я тоже об этом слышала.

- Я рассчитывал, что ты вернешься домой после победы над Британией, но тебе захотелось путешествовать...

- Я не просто путешествовала. Мне хотелось отыскать...

- ...Город Мертвых, - вмешался ректор и усмехнулся. - Только глупец способен отправиться за тридевять земель, руководствуясь самой обыкновенной фантазией.

Среди парламентариев и ученых возникло движение, но Ксайя, к великому облегчению Фома, никак не отреагировала на оскорбление.

- И что же вы отыскиали на безлюдных равнинах севера, Госпожа?

- Я нашла Город, - спокойно ответила Ксайя, и толпа дружно ахнула. - Да, я нашла и Город, и самих Мертвых - то, что от них осталось. Их мысли, идеи, идеалы и философия - все это и многое другое заморожено, законсервировано в зданиях и проспектах Города, который целиком состоит из пур-пура. Больше там ничего нет. Мертвые ждут, пока люди полностью исчезнут с лица планеты, чтобы вновь заполнить наши города и наши поля своей пур-пурной слизью. Ну а пока они спят - и грезят о былом величии, которое закончилось полмиллиарда лет назад... А мы не меняемся! - добавила она вдруг изменившимся голосом, и одним движением сдернула с шеи Фома ожерелье Сфер, разорвав соединявший их шнур. - Вот величайшая наша драгоценность: реликвия, игрушка, оставленная нам Основателями. Мы слишком привыкли жить с оглядкой на предков. Вместо того чтобы строить новые города и рожать детей, готовясь встретить грозное и опасное будущее, зарываемся в землю, чтобы сберечь мудрость давно умерших людей. - Ксайя усмехнулась. - Пора забыть о них! - воскликнула она еще громче. - Забыть об Основателях, о Мертвых, о миллиардах людей, которые умерли еще на старой Земле! Их знания и опыт способны сокрушить нас, словно мы плесень на ступнях мраморного колосса. Прошлое должно оставаться в прошлом; единственное, что имеет значение и цену, - день сегодняшний и день завтрашний. Вот почему я заявляю вам: никакой Библиотеки не будет. Я запрещаю строить ее здесь, ректор Чивиан.

Ректор снисходительно усмехнулся.

- Только на строительство фундамента было потрачено немало усилий и средств. Если Библиотеки не будет, неплохо было бы использовать его каким-нибудь иным способом. Вероятно, у вас есть какие-то идеи, Госпожа?

- Есть. Я предлагаю воздвигнуть на этом месте памятник мне - первой настоящей героине Земли-2. Это, во всяком случае, будет лучше любого монумента в честь Основателей и давно потерянной старой Земли.

- Ваше непомерное честолюбие и самонадеянность просто нелепы. Нелепы и смешны!

Теперь уже Ксайя ослабилась.

- Очень может быть, ректор, может быть... - С этими словами она выхватила у ближайшего воина факел и поднесла к Книгам Основателей.

- Не-ет!!! - Чивиан бросился к Книгам, намереваясь закрыть их собой, но воины без труда оттеснили его в сторону. Сухие, как порох, древние фолианты занялись в одно мгновение.

Фом был потрясен действиями Ксайи, и в то же время он чувствовал, как при виде пылающей бумаги и отчаяния ректора в глубине его души растет какая-то мрачная радость.

- Значит, это правда, старый ты дурак... - констатировал он, глядя на бьющегося в руках воинов Чивиана. - Это и впрямь были единственные экземпляры.

Сквозь толпу, размахивая костлявым кулачком, пробился Ян Стэндиш.

- Что вы наделали, Госпожа?! Это чудовищное преступление, которое грядущие поколения будут вспоминать даже спустя столетия!

- Ты прав, ученый. Грядущие поколения действительно будут вспоминать мое «преступление» с благодарностью, ведь я только что их освободила. Неужели вы при всем вашем уме и познаниях не понимаете, что мы - космические сироты? Старой Земли больше нет, Земля-2 нас отвергла, что касается Основателей, то для них наша цивилизация была всего лишь целью, которой нужно достичь во что бы то ни стало. Сами по себе мы не представляли для них никакой ценности. Я это изменила. Начиная с сегодняшнего дня мы будем строить наш мир таким, каким мы хотели бы его видеть, таким, каким он нам нужен. Вот увидите: очень скоро Зиландия станет центром могущественной империи, которая объединит не только государства Архипелага, но и города Пояса, и протянется так далеко на юг и на север, куда не заходил еще ни один человек.

Ректор издевательски захохотал.

- Амбиции, амбиции... Ну, постройте вы свою империю... И что с ней будет, когда начнутся наводнения, землетрясения, извержения вулканов?

- Ничего. Мы выживем и начнем сначала. - Ксайя подняла вверх руки.
- Пусть начнутся потопы и ураганы, они очистят нас от гнили прошлого!
- Вам это не удастся, Госпожа! - Чивиан снова рванулся и едва не освободился из рук воинов. -- Ваши амбиции приведут лишь к войне, истребительной войне!

При этих словах несколько парламентариев и ученых бросились вперед, чтобы заставить его замолчать, остальные, напротив, приняли сторону ректора. Взметнулись кулаки, но их удары были слишком неумелыми и слабыми - никто даже не упал. К огромному изумлению Фома, в самом центре волнующейся толпы он увидел Макса.

- Нет! Не надо драться! - выкрикивал юноша. - Подумайте об Основателях! Их Книги сгорели, и с этим уже ничего не поделаешь. Но что бы ни ожидало нас в будущем, мы должны готовиться к этому вместе, сообща! Именно этого хотели от нас Основатели. Так пусть же благодатный мир будет их последним даром нам - их потомкам.

Ксайя тем временем подошла к Фому.

- Какой он уже... взрослый, - проговорила она с кривой улыбкой и снова замолчала. Некоторое время они так и стояли - ни врозь, ни вместе. Наконец Фом сказал:

- По-моему, нам с тобой тоже не помешает немножечко благодатного мира...

- Да. - Ксайя кивнула. - Но сначала мне понадобятся горячая ванна и смена белья.

- Это легко организовать. - Фом кивнул. - А что потом? Начнешь проектировать собственный памятник?

- Насчет памятника я, конечно, шутила. Хватит с нас мифов и легенд, пора заняться настоящим делом, ведь нужно успеть еще так много!.. Кстати, ты, кажется, хорошо знал Тейфа? Не подскажешь, как мне найти в Швейном квартале некую особу по имени Белла?..

И, отвернувшись от догорающих книг и ссорящихся парламентариев, Фом и Ксайя медленно пошли через луг к городу. На полпути они взяли за руки, а еще через минуту их догнал сын.

Перевел с английского Владимир ГРИШЕЧКИН

© Stephen Baxter. Earth II. 2009. Печатается с разрешения автора.
Повесть впервые опубликована в журнале «Asimov's SF» в 2009 году.

Видеодром

сериал

ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ НА ГРАНИ СЕКРЕТНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В сентябре 2008 года, за два телесезона до конца злоключений уцелевших пассажиров рейса 815 авиакомпании Oceanic - героев сериала «Lost» («Остаться в живых»), его продюсеры представили публике новое многосерийное шоу: «Fringe» («Грань»), На российском ТВ премьера состоялась в мае 2010 года.

Как и в «Lost», здесь всё начинается с трагедии в небе. Пассажиры и экипаж авиалайнера, летевшего из Гамбурга в Бостон, буквально растворились в воздухе. За расследование теракта берется созданный после 11 сентября Департамент внутренней безопасности. Дальнейшие события приводят к тому, что выпущенный из психиатрической клиники гениальный ученый Уолтер Бишоп, его сын - авантюрист Питер, агенты ФБР Чарли Фрэнсис, Астрид Фарнсворт и Оливия Данэм становятся членами сверхсекретного подразделения «Грань», возглавляемого специальным агентом Филиппом Бройлзом.

Деятельность «Грани» связана с расследованием таинственных происшествий, объяснить которые современная наука не в состоянии. Особенно интересуют отдел события, связанные с некоей «Схемой», которые, говоря словами Бройлза, «выглядят так, будто кто-то ставит эксперименты, используя в качестве лаборатории весь мир». В дальнейшем становится ясно, что «Схема» - всего лишь подготовка человечества к катастрофе, которую вызовет столкновение нашего мира с параллельным.

Коллизия «ФБР против непознанного» вызывает однозначную ассоциацию - «Секретные материалы», Однако не стоит считать «Грань» лишь современным римейком культового сериала. Вот что говорит Дж. Дж. Абрамс (один из продюсеров и авторов идеи «Грани»): «Размышляя над каждым новым проектом, я думаю о том, что будет интересно смотреть мне самому. Приступая к «Грани», я вовсе не

собирался снимать новые «Секретные материалы». Конечно, я очень люблю их. Но вырос я на творчестве Дэвида Кроненберга, на фильме «Другие ипостаси» Кена Рассела. На меня сильно повлияли «Мир Дикого Запада» и «Кома» Майкла Крайтона. Все эти фильмы объединяет интерес к влиянию науки, в особенности - медицины, на обыденную жизнь. Собственно, об этом я и хотел снять сериал».

Впрочем, цитаты из «Других ипостасей», намеки то на «Муху», то на «Обед нагишом» или «Экзистенцию» неизменно возникают на протяжении всего сериала. А вот с «Секретными материалами» новый цикл скорее полемизирует. Если в детище Криса Картера истина, оставаясь «где-то рядом», всегда ускользает от героев, то «Грань» - гимн всемогуществу науки, способной всё объяснить и защитить от любой угрозы.

Но по крайней мере в одном сходство «Грани» с «Секретными материалами» несомненно. Эпизоды последних принято делить на «мифологию» (серии о правительственном заговоре) и «монстров недели» (не связанные с основной линией истории, где агенты ФБР сражаются с очередным чудовищем). В «Гранях» - схожая ситуация, порой героям случается расследовать таинственные случаи, не имеющие отношения к «Схеме»: то наркосодержащих паразитов обнаружат, то не дадут ученому-нацисту устроить новый холокост.

На первый взгляд, такая структура - шаг назад, по сравнению с витиеватой манерой повествования «Остаться в живых», где, чтобы быть в курсе происходящего, нужно смотреть всё шоу от начала до конца. С другой стороны, для Абрамса и компании это стало своего рода экспериментом: «Мы попытались сделать сериал, в котором была бы цельная история с началом и концом, но при этом для понимания происходящего, скажем, в четвертом эпизоде, вовсе не обязательно смотреть первый, второй и третий», - говорят продюсеры.

Цельность поддерживается не только наличием сквозного сюжета. На нее, в числе прочего, играет коронный прием Абрамса - развешивание по ходу действия «ружей», «выстрелить» которым предстоит лишь через несколько серий. Так, например, в четвертом эпизоде в центре внимания оказываются Наблюдатели - вариация «городской легенды» о людях в черном, появляющихся там, где происходит что-то необычное. При внимательном изучении предшествующих серий (как, впрочем, и большинства последующих) обнаруживается, что в ключевых сценах где-нибудь на заднем плане обязательно присутствует Наблюдатель.

«Научность» сериала хорошо описывается словосочетанием «Вращательно-индуцированная универсальная турель» - это надпись на русском приборе, появляющемся в одном из эпизодов. По отдельности всё вроде бы имеет смысл, но вместе - полная белиберда. Отчасти это сделано умышленно: создателей «Грани»

интересуют не столько технические подробности открытий завтрашнего дня, сколько их влияние на отношения между людьми. Один из лейтмотивов сериала - этические проблемы, сопровождающие научный поиск. Персонафикация этой темы - Уолтер Бишоп, однажды решивший, что слезинка ребенка - не чрезмерная цена за гармонию мира, и всю оставшуюся жизнь расплачивающийся за это.

За эту роль австралиец Джон Нобл (Денетор из экранизации «Властелина Колец») был номинирован на премии «Сатурн» и «Сателлит» как лучший актер второго плана. Однако жюри авторитетных наград явно недооценило значение этого персонажа. По ходу повествования старший Бишоп из смешного чудака, пытающегося адаптироваться к нормальной жизни после психиатрической клиники, превращается в фигуру трагическую, чуть ли не шекспировскую. «Уолтер - это современный король Лир», - без обиняков говорит о своем персонаже Нобл.

Еще один представитель старшего поколения - Леонард Нимой. Здесь легендарный доктор Спок играет Уильяма Белла, друга и соратника Бишоп-старшего.

Роль Нины Шарп, «правой руки» Белла в созданной им корпорации Massive Dynamic, досталась актрисе Блэйр Браун, в послужном списке которой - главная женская роль в уже упоминавшемся фильме «Другие ипостаси».

В одном из эпизодов «Грани» появляется знакомый всем поклонникам жанра Питер Уэллер, знаменитый Робокор. Серия с его участием - «Белый тюльпан» - безусловная жемчужина сериала.

Молодые актеры, снимающиеся в «Грани», конечно, пока не могут похвастаться крупными ролями в культовых фантастических картинах, однако на площадке рядом с мэтрами и живыми легендами и Анна Торв, и Джошуа Джексон, и Джессика Николь с Кирком Асеведо чувствуют себя вполне комфортно.

Кстати, многие в этом актерском ансамбле имеют опыт участия в музыкальных постановках. А исполнитель роли спецагента Бройлза Ленс Реддик - и вовсе профессиональный музыкант и певец. Разумеется, не использовать такое богатство было бы преступлением, и в итоге полную драматизма концовку второго сезона разбавил музыкальный эпизод. Его содержание - психоделическая сказка, которую Уолтер Бишоп рассказывает маленькой племяннице агента Данэм. Героями истории становятся персонажи «Грани», однако предстают они в образах из фильмов-нуар. И - поют.

По расслабленным «музыкальной паузой» зрительским нервам создатели «Грани» ударили невероятно напряженными эпизодами, которые стали одновременно и точкой для нескольких сюжетных линий, и завязкой новой интриги. Развитие которой ждет нас в следующем сезоне.

рецензии

ГАДКИЙ Я

(DESPICABLE ME)

Производство компании Illumination Entertainment (США), 2010.

Режиссеры Пьер Соффин и Крис Рено.

Роли озвучивали: Марк Тишман, Леонид Ярмольник, Лиза Мартиросова, Дмитрий Курта и др. 1 ч. 35 мин.

Сюжетная завязка мультфильма «Гадкий я» заставляет вспомнить одну из серий некогда популярного сериала «Чип и Дейл спешат на помощь». В «Гадком я» неизвестный злодей с помощью таинственной технологии крадет египетскую пирамиду, сея панику в мире. В мультсериале про двух отважных бурундуков происходило практически то же самое, с той лишь разницей, что в нем было кому спасать памятники культуры, а в мультфильме Пьера Соффина и Криса Рено - нет. Ибо подавляющее большинство персонажей в «Гадком я» - злодеи со стажем. В том числе и главный антигерой - высокий, лысый и носатый Грю. Он ни много ни мало решил уменьшить и похитить Луну с неба, чтобы доказать всем прочим злодеям свое превосходство. Однако в дело вмешались три девочки-беспризорницы, с помощью которых Грю рассчитывал вернуть чудо-уменьшитель, когда-то украденный им же из лабораторий Северной Кореи.

Современные мультфильмы очень сложно оценивать с точки зрения качества анимации и графики. Все они одинаково красивы, превосходно анимированы и радуют глаз сочной, яркой картинкой. Другое дело - сюжет и персонажи. И здесь у «Гадкого я» все в полном порядке. Грю - злой лишь снаружи, но добрый внутри. Антагонист Вектор - смешон, забавен и любит использовать нестандартное оружие, вроде пушки, стреляющей осьминогами. Мама Грю, типичная домохозяйка и одновременно один из самых колоритных персонажей, всегда легка на шутки. Девочки-сиротки не по летам изобретательны. Ну и конечно, хороши миньоны - многочисленные желтолицые колобки, помогающие Грю во всех его начинаниях, даже в постройке настоящей ракеты.

Как правило, в мультфильмах все самые удачные шутки крутятся как раз вокруг второстепенных персонажей. Но если обычно подобных персонажей два-три, то в «Гадком я» благодаря миньонам их намного больше, а соответственно, и юмора тоже. Причем миньоны настолько забавны, что вполне заслуживают отдельного проекта. Возможно, именно в нем будет раскрыта тайна их происхождения.

Степан Кайманов

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АДЕЛЬ **(LES AVENTURES EXTRAORDINAIRES D'ADELE BLANC-SEC)**

Производство компаний: Canal+, Cofinova 6 и Europa Corp. (Франция), 2010.

Режиссер Люк Бессон.

В ролях: Луиз Бургуэн, Матье Амальрик, Жилль Лелуш, Жан-Поль Рув, Жаки Нерсесян, Филипп Наон, Николас Жиро, Сванн Арло, Фредерик Бел и др. 1 ч. 45 мин.

В Европе хотели сделать кино по голливудским стандартам, с размахом, со спецэффектами, с лихой историей, основанной на комиксе. Но денег было мало, поэтому декорации из картона, а птеродактиль и мумии из папье-маше. Увы, дело не только в деньгах. Как ни смешно это звучит, новый фильм Люка Бессона не показывает историю в действии, в динамике, как положено, а рассказывает ее закадровым голосом.

Сам сюжет действительно выглядит необычно (но не захватывающе). 1912 год. Играя в теннис, родная сестра Адель Блан-Сек получает мячиком в лоб, падает на острую заколку, которая протыкает ей голову насквозь, и оказывается в коме. Медицина не развита, врачи бессильны. И теперь Адель, авантюристка и писательница, ищет мумию египетского врача, чтобы с помощью его знаний вылечить сестру. Проблема в том, что сперва ей нужно воскресить доктора, а единственному человеку, способному это сделать, вот-вот отрубят голову за оживление птеродактиля, порчу государственного имущества и убийство чиновника.

Надо сказать, что все персонажи, кроме самой Адель, выглядят отталкивающе. Глупые, робкие, трусливые, потные, в лохмотьях, с гнилыми зубами и с кривыми носами. На дряхлого египтолога, который, используя силу мысли, научился воскрешать мертвецов, без слез смотреть невозможно. Актера словно сняли со съемок фильма ужасов, забыв соскоблить с его лица грим. Гротеск гротеском, но надо и меру знать. При этом персонажей очень много, и все они отнимают немало

драгоценного экранного времени. Из-за этого действие постоянно скачет от одной сюжетной линии к другой, от другой к третьей - и так до финала.

«Мумии» и «Индианы Джонса» не вышло. Двадцать пять миллионов долларов были потрачены на экранизацию невразумительной балаганной истории.

Алексей Старков

НАЧАЛО

(INCEPTION)

Производство компаний Legendary Pictures, Syncopy, Warner Bros. Pictures (США - Великобритания), 2010.

Режиссер Кристофер Нолан.

В ролях: Леонардо Ди Каприо, Кен Ватанабе, Джозеф Гордон-Левитт, Марион Котийяр, Эллен Пейдж, Том Харди, Киллиан Мёрфи, Том Беренджер, Майкл Кейн, Лукас Хаас и др.

2ч. 28 мин.

Ночь. Приглушенный свет. Просторный обеденный зал. Широкий полированный стол, отражающий все, как зеркало. Люди одеты в костюмы, причесаны и прилизаны. Взгляд не ухватывает ни одной лишней детали. С одной стороны, ничего особенного - шикарные апартаменты, где ужинают и разговаривают трое взрослых мужчин, но с другой - все слишком стерильно, совершенно, словно создано нечеловеческим разумом. Еще мгновение - и ночь сменяет день, те же люди переносятся в тесную и бедную квартиру, которая сотрясается от взрывов на улице. И вновь шикарный особняк. Герой Лео Ди Каприо убивает одного, другого, крадет конверт из сейфа и оказывается под прицелом. В то время как в старой квартире его пытаются разбудить...

«Начало» Кристофера Нолана сравнивают с «Матрицей» братьев Вачовски, что, наверное, не слишком верно. Да, герои картины постоянно перемещаются между реальностью и миром снов. Да, и тут и там есть свои «архитекторы». Но, собственно говоря, этим сходство и ограничивается. Фильм Нолана - это, прежде всего, настоящая научная фантастика. Серьезная настолько, насколько вообще может быть серьезна НФ. С ясной концепцией и постоянным обоснованием происходящего на экране. При этом Нолану удивительным образом удалось совместить сложную драматическую историю с красотой блокбастера за 200 миллионов долларов. На экране все время что-то происходит, что-то меняется, в диалогах нет лишних слов, в кадре - ненужных сцен. Каждый герой находится на своем месте, каждый актер

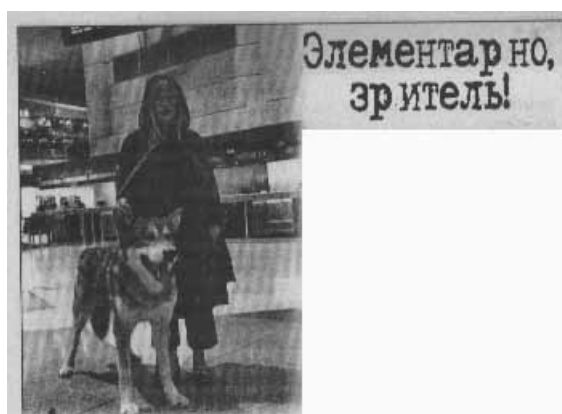
выкладывается так, будто это последний фильм в его жизни.

Единственный спорный момент в фильме - финал. Кому-то он понравится, кому-то нет, но последние минуты картины наверняка будут обсуждаться еще долго на кинофорумах.

Степан Кайманов

тема

Элементарно, зритель!

Согласно определению, данному Хорхе Луисом Борхесом в одном из эссе, детектив - это интеллектуальный жанр, основывающийся на допущении, что преступление можно раскрыть за счет работы отвлеченного ума, а не благодаря доносам или промахам преступника. Видимо, поэтому даже в самой технологически «продвинутой» - фантастической - разновидности детектива чудеса науки или магии, если и не служат исключительно элементом антуража, то, как правило, являются либо целью злоумышленников, либо орудием преступления.

Сыщикам каноны жанра позволяют использовать лишь то оружие, что, по меткому выражению одного из героев Хайнлайна, «находится между ушей, под скальпом», Или «маленькие серые клеточки», о которых так любил говорить чудаковатый бельгиец Эркюль Пуаро.

Но, как любое правило, имеет исключения и это, Даже великие детективы из ставших классикой произведений понимали, что никакие логические построения не помогут выследить злоумышленника по запаху лучше, чем это сделает специально обученный пес, а пулю, выпущенную метким стрелком, не стоит пытаться остановить силой

мысли - куда безопаснее подставить под удар искусно сделанную восковую копию жертвы. И уж конечно, грех не использовать для борьбы с преступностью те возможности, которые предоставляет фантастика. Тем более в кино, где это позволит добавить зрелищности, которой так трудно добиться, изображая работу мозга.

Что сказали мертвецы

Как известно, один из родоначальников детективной литературы сэра Артур Конан Дойль был активным исследователем и проповедником спиритизма. Однако созданный талантом писателя гениальный Шерлок Холмс ни в одном из своих расследований не поддавался соблазну выяснить, кто убийца, непосредственно у жертвы преступления.

Трудно сказать, что было тому причиной. Возможно, писатель не хотел смешивать рассказы о пронизательном сыщике, бывшие для него, как говорят, лишь способом заработка, с «наукой» о мире духов, исследование которого Конан Дойль считал подлинным делом своей жизни. Или же он понимал, что прямой ответ сводит на нет головоломку, составляющую, согласно определению Борхеса, суть детектива. А может, справедливо рассудил, что показания духа имеют ценность лишь для последователей спиритического учения, для правосудия же они не значат ровным счетом ничего.

Последние два соображения, кстати, приходится учитывать создателям кино и сериалов, решившимся, несмотря ни на что, привлечь к расследованию души умерших. Да что там говорить - сам Шекспир в «Гамлете» столкнулся с подобными трудностями. Во-первых, тень убитого короля называет имя убийцы еще в первом акте, что лишает пьесу детективной интриги, во-вторых, легитимность показаний тени все-таки вызывает у главного героя сомнения!

Ну, а если серьезно, преодоление этих трудностей зачастую и составляет содержание «мистических» кино- и теледетективов. Идеальное решение, позволяющее справиться с обеими проблемами, - использовать общение с призраками для поиска реальных улик. Так, в «Шестом чувстве» М.Найта Шьямалана дух умершей девочки через героя Джоэля Осмента помогает безутешным родителям найти видеокассету, изобличающую мачеху-отравительницу. Впрочем, там это всего лишь эпизод, юный духовидец отнюдь не сыщик, он помогает свершиться правосудию лишь потому, что такова воля мертвых. В похожей ситуации иногда оказывается и героиня сериала «Говорящая с призраками»: она помогает гостям из потустороннего мира завершить незаконченные при жизни дела.

Совсем другое дело - сериал «Медиум». Его героиня целенаправленно использует свой дар для раскрытия жестоких преступлений. Жертвы душегубов общаются с ней через сны, расшифровка их туманных посланий представляет собой

интеллектуальную задачу, не уступающую по сложности загадкам классических детективов, а ее решение позволяет получить доказательства виновности, способные удовлетворить самых упертых материалистов.

Похожим образом использует свой дар и молодой следователь Игорь Шевцов - герой российского телесериала «Отблески». Для коллег он просто удачливый сыщик. То, что для поиска улик он применяет паранормальные способности, ему приходится скрывать, чтобы в лучшем случае не быть поднятым на смех, а в худшем - не оказаться в психушке.

Есть и обратные примеры. Так, чтобы придать своим наблюдениям вес в глазах полицейских, Шону Спенсеру из сериала Psych («Ясновидец») приходится притворяться экстрасенсом. Был подобный опыт и в прошлом Патрика Джеймса - персонажа сериала «Менталист». Особняком в ряду историй о «говорящих с покойниками» стоит комедийное телешоу в жанре «черного» юмора «Мертвые до востребования». Одно прикосновение героя Неда оживляет мертвых. Второе прикосновение навсегда умертвляет возвращенного к жизни. Если Нед оживит кого-то более чем на одну минуту, то умрет кто-то другой. Герой сознает, какую опасность его умение представляет для окружающих, и пользуется им лишь для оживления гнилых фруктов и ягод для пирогов, которые печет в своей небольшой кондитерской. Но о его необычном даре узнает не слишком удачливый частный детектив. И, сообразив, насколько облегчит расследования возможность напрямую расспросить убитого об обстоятельствах смерти, шантажом вынуждает кондитера помогать ему в работе. Проблема (не единственная) в том, что, получив возможность высказаться, мертвецы обычно говорят о чем угодно, только не о своей смерти.

У нас есть такие приборы!..

«Допрашивать» покойников пытаются герои не только мистических или фэнтезийных детективов, но и произведений в жанре «твердой» НФ. Особенно преуспевают в этом члены подразделения «Грань» из одноименного сериала. В пилотном эпизоде это происходит путем синхронизации ритмов мозга накачанного наркотиками агента, погруженного в камеру сенсорной депривации (бак с теплой подсоленной водой), и жертвы преступления. Жертва в данном случае была всего лишь в коме, но автор метода, гениальный ученый Уолтер Бишоп, уверял, что таким образом можно получить доступ и к памяти трупа - если с момента смерти прошло не более шести часов. В другой серии Бишоп на новом технологическом уровне «реанимирует» старый миф, будто на сетчатке мертвеца сохраняется изображение того, что он видел перед смертью.

А вот в сериале «Кукольный дом» фантастических гаджетов не так

много. Собственно, он там один - устройство, позволяющее записать в мозг человека новую личность. Корпорация «Россум», владеющая этой технологией, использует ее в «кукольных домах», где подписавшим контракт добровольцам («куклам» или «активам») стирают память, замещая навыками и фальшивыми воспоминаниями, необходимыми для исполнения прихотей богатых клиентов. И хотя все это противозаконно, нередко «кукол» используют для расследования преступлений, внедряя им личности сыщиков (например, криминалиста для сбора улик в деле, угрожающем безопасности «кукольного дома») или преступников (в одном из эпизодов в мозг «актива» записывают личность маньяка, что помогает выяснить, где спрятаны похищенные настоящим маньяком девушки). При помощи «куклы» богатой клиентке «дома» даже удалось раскрыть собственное убийство. Заподозрив неладное, она стала регулярно сохранять резервные копии своей личности, и когда преступление свершилось, сознание покойной было помещено в тело девушки-«актива». Явившись в собственный дом, жертва убийства выяснила, кто из домочадцев отправил ее в могилу, и помогла снять подозрения с невиновного.

Действия «Грани» и «Кукольного дома» происходят в наши дни, в знакомом нам мире. А что же в будущем? Фантастическое кино демонстрирует самый широкий спектр взглядов на то, как будет осуществляться борьба с преступностью. Тут и выхолощенная беззубая утопия «Разрушителя», где для того, чтобы справиться с разбушевавшимся злодеем, приходится размораживать сурового копа, помещенного в криокамеру в лихие 90-е годы XX века. Здесь же неприветливый мир «Судьи Дредда», где функции полиции, суда и палачей взяли на себя вооруженные «судьи». А вот в советском многосерийном телефильме «Гостя из будущего» космических пиратов арестовывает не полиция и даже не милиция, а научный сотрудник Института Времени.

Но какая же техника используется правоохранительными органами завтрашнего дня? Разумеется, к их услугам разнообразные бластеры, флаеры и роботы - все то, с чем обычно и ассоциируется фантастика.

Особого внимания заслуживают средства, созданные фантазией кинематографистов для борьбы с преступлениями, порожденными самим миром будущего, не имеющими аналогов в реальности.

Так, если верить Филипу Дику, написавшему роман «Мечтают ли андроиды об электрических овцах?», и экранизовавшему его Ридли Скотту, к 2019 году для землян серьезной проблемой станут убегающие из космических колоний роботы-репликанты. Бороться с ними призваны подразделения полицейских-«блейдраннеров». Само собой, в их распоряжении лазерные пистолеты, летающие автомобили и прочая машинерия. Но главное «оружие», позволяющее отличить человека от робота, - тест Войта-Кампфа, процедура, схожая с

проверкой на полиграфе.

Вообще, в мире антиутопии вне закона может оказаться все - вплоть до невесторженного образа мыслей и недозволенного проявления эмоций. Разумеется, в таких условиях наиболее действенным средством борьбы с преступлениями является тотальная слежка за каждым гражданином. В качестве примеров можно привести различные киноверсии «1984» (скоро нас ожидает очередная встреча с героями Оруэлла, на сей раз адаптировать классическую книгу для большого экрана взялся Тим Бартон) или завораживающий «Эквилибриум» Курта Уиммера.

В версии будущего, изложенной в романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» тяжелейшим преступлением является чтение книг. Увы, в экранизации, снятой Франсуа Трюффо в 1966 году, не нашлось места для «механических псов» - чудовищных роботов-ищеек, преследующих нарушителей закона. Сам Брэдбери считал их отсутствие в фильме одним из двух существенных минусов картины. Остается надеяться, что в новом кино воплощении романа мы увидим это порождение фантазии великого писателя.

Вперед в прошлое, назад в будущее

В будущее стараются заглянуть не только фантасты, но и персонажи их произведений. В том числе и для предотвращения еще не совершенных злодеяний. В картине Стивена Спилберга «Особое мнение», экранизации одноименного рассказа Филипа Дика, борьбой с преступлениями, которым только суждено произойти, занимается специальная организация Precrime. В основе ее деятельности - видения трех мутантов-провидцев. В фильме они носят имена классиков детектива Конана Дойля, Кристи и Хэммета: Артур, Агата и Дэшил. Конкретны в их предсказаниях лишь имена убийцы и жертвы, все прочее довольно туманно. Базируясь на скудных данных, сотрудники Precrime должны определить место преступления и успеть предотвратить его. В рассказе работа системы безупречна, в экранизации дает сбои и, кроме того, предоставляет возможность для подтасовок и махинаций.

Работу Спилберга можно назвать вольной интерпретацией литературного произведения, а вот подобрать нужное слово, чтобы охарактеризовать то, как обошлись с рассказом того же Дика «Золотой человек» создатели картины «Пророк», крайне сложно. У писателя герой и не думал использовать свой дар предвидения для борьбы с преступностью. В рассказе он вообще не думал, и дар, заменивший ему разум, использовал как раз для того, чтобы не попасть в руки полиции, которая видит в нем угрозу существованию человечества как биологического вида. К моменту экранизации представления о глобальных угрозах изменились, и в фильме герою пришлось

предотвращать подготовленный террористами ядерный взрыв.

От видения будущего один шаг до путешествий во времени. В фильме «Эпоха за эпохой» Герберт Уэллс использует машину времени, чтобы отыскать и остановить сбежавшего в 70-е годы XX столетия Джека Потрошителя. В успешном кинобоевике «Патруль времени и последовавших за ним сиквеле и телесериале рассказывается о целой службе, борющейся с преступлениями во времени. Общим для работ Мейера и Хайамса является тот факт, что «хорошие» вынуждены использовать машины времени потому, что ими уже пользуются «плохие».

Иначе обстоит дело в фантастическом триллере «Дежа вю». В результате расследования взрыва паромы, унесшего жизни более пятисот человек, агент бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака и огнестрельного оружия Даг Карлин узнает о секретном проекте «Белоснежка». Агенту объясняют, что в ходе эксперимента территорию, где произошел теракт, всеми возможными способами сканировали семь спутников слежения - «семь гномов». На основе их данных компьютер формирует комплексную картину, позволяющую увидеть и услышать все, что происходит в любом месте сканируемого участка, даже в закрытых помещениях. Однако расчет очень сложен, он занимает более четырех дней, а его результат из-за большого объема невозможно сохранить. Поэтому местность можно изучать лишь в реальном времени. Для этого-то и понадобился Даг: он как эксперт должен сказать, куда надо смотреть, чтобы выявить террористов. Агент не удовлетворяется подобным объяснением и выясняет, что изображение, создаваемое «Белоснежкой», вовсе не компьютерная модель, а реальное прошлое. Более того, прошлое можно не только увидеть, но и отправиться в него. Что Карлин и делает, ценой своей жизни предотвращая гибель многих сотен людей.

Вместо заключения

«Зритель любит детективные фильмы», - говорилось в старой советской кинокомедии. Жанровая принадлежность кассовых кинохитов последнего времени позволяет утверждать, что фантастику зритель любит не меньше. А значит, фантастические детективы просто обречены на успех. И не в последнюю очередь этот успех обеспечивает демонстрация разнообразных технических и магических чудес, позволяющих свершиться главному чуду - торжеству справедливости.

Сергей ЦВЕТКОВ

ДЖОН ШИРЛИ
ПРАВА АНИМУСА

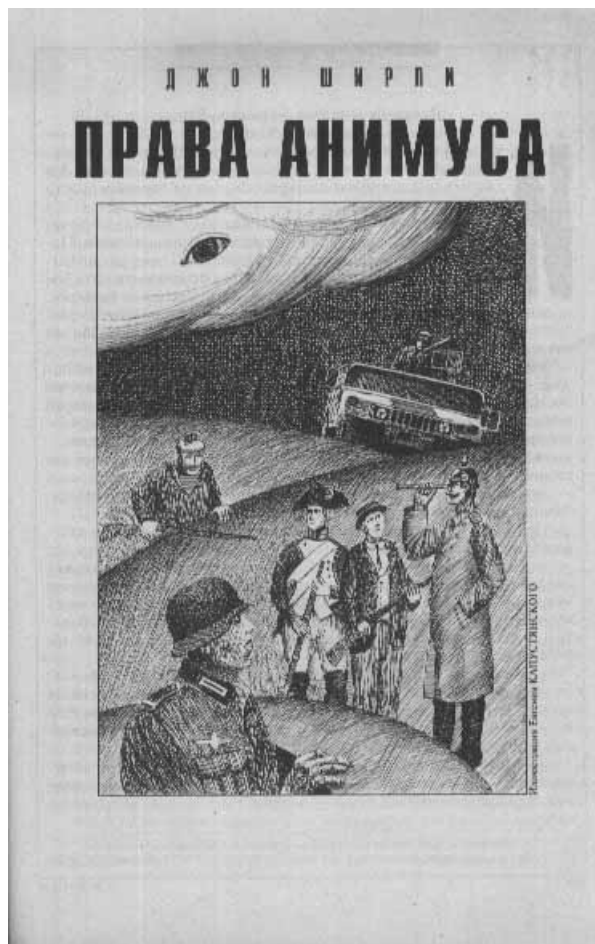

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

**Недалеко от залива Джамайка-Бэй,
Нью-Йорк, 1887 год**

И с чего это ты опять отправляешься стрелять, Эндрю? - рассердилась Уилемина. - Это уже третий раз за неделю. Ты обещал мне осеннюю прогулку. Листья на деревьях просто великолепны.

- Ты получишь свою осеннюю прогулку, дорогая, - ответил Эндрю, набивая карманы патронами для дробовика. Патроны, которые выдавал стрелковый клуб, ему не нравились. - Но сначала я хочу пострелять по мишеням. Эта новая машина, которая подбрасывает мешки с перьями, просто чудо. Ее обслуживают слуги полковника и при этом вечно трясутся от страха. Ужасно боятся выстрелов. Хотя и мешки, и дробь летят в другую сторону.

Уилемина стояла в передней, у овального зеркала в серебряной

оправе: поправляла чокер*² из слоновой кости и приглаживала уложенные роскошной копной рыжевато-каштановые волосы. В свете газового рожка ее лицо казалось более хмурым, чем обычно, и Эндрю подумал, что последнее время слишком часто видит это замкнутое выражение.

«Стоит чему-то прорасти во мне, - решил он, - и она станет неуправляемой».

Что за странная мысль! Она родилась внезапно, непонятно откуда. Оформилась в слова. А ведь он редко думал словами.

Но, сунув под мышку дробовик, он вдруг сообразил, что это далеко не первый случай за последние несколько недель.

- Семь лет ничем не омраченного брака - и внезапно ты возжаждал крови, - неожиданно выпалила Уилемина ему в спину, когда он уже приблизился к двери с окошечком из свинцового стекла, через которое пыльный солнечный свет позднего дня выглядел голубоватым. Что-то жалобное, встревоженное слышалось в ее голосе. И это беспокойство сейчас прорвалось.

- Ты банковский служащий. Не охотник. Ты всегда был в форме, но вся эта беготня на рассвете, суета и пыхтение... сначала метание копья... теперь стрельба. Охота на фазанов. И все это, как только тебе исполнилось тридцать. Последствия переломного возраста? Некоторые настолько не уверены в себе...

- Всего лишь хобби, моя милая-дорогая, - ответил он, выскакивая из передней, прежде чем она продолжила свои разглагольствования. Как будто он сам понимает - почему.

Эндрю вдохнул пряный запах листьев, нападавших с высоких благородных вязов, и ощутил нарастающее возбуждение, абсолютную свободу, которые, казалось, несли его по деревянному тротуару, мимо мрачных домов.

Он добрался до угла и остановился, не зная, что делать дальше. Слева катились конки, влекомые лошадиными упряжками. Они доставят его в клуб, где можно пострелять по мишеням. Справа...

Именно в этот момент Эндрю понял, что вовсе не хочет в клуб.

И направляется в противоположную сторону. К югу, в маленькую рощу. Он почти сознавал почему. Не совсем, конечно...

Он появится. Игра началась.

Опять! Опять в голове звенят эти слова! Иногда казалось, что это его собственные. Его утверждения, возникавшие из глубины того, что называлось душой Эндрю.

Он переломил двустволку и сунул туда два патрона. И определенно заметил, как старик Уорстер неодобрительно наблюдает за ним с

² * *Ожерелье в виде тесно прилегающего высокого воротника. (Здесь и далее прим. перев.)*

крыльца.

Пропади он пропадом, этот Уорстер!

От бурлящей в нем легкости, бьющей через край радости хотелось развернуться на каблуках и выпалить в крыльцо, разнести в осколки аляповатое дверное окошечко в форме павлина.

«Прости, Уорстер, павлин - тоже добыча для охотника. Ха-ха».

Нет, не стоит. Боеприпасы ему понадобятся.

Он продолжал шагать, держа наготове ружье, заряженное дробью двенадцатого калибра; спешил к концу дороги, откуда тропинка вела к полосе шириной в четверть мили, обсаженной вязами и кленами. Недавно, гуляя здесь, он видел стайку светловолосых мальчишек, игравших в «войну между штатами». И это зрелище задело в нем какую-то струнку.

Он углубился в рощу шагов на пятьдесят и успел увидеть блеснувшие между деревьями серо-голубые воды Джамайки-Бэй, когда в ствол стоявшего впереди клена ударилась пуля.

Как всегда, слишком скоро, с усмешкой подумал Эндрю, скорчившись за деревом, вполне для тебя типично. Выдаешь свои позиции?

Как всегда? Но прежде в него никогда не стреляли. И кто же палит по нему сейчас?

Противник.

Он слегка подался вперед, осмотрел свежую желтую царапину в том месте, где пуля срезала темно-зеленую кору молодого клена, высотой футов в шесть. Рост Эндрю. Пуля прилетела с юго-запада.

Эндрю попятился, выпрямился, развернулся и с колотящимся от первобытного восторга сердцем помчался на северо-восток, виляя между деревьями и стараясь обойти Противника с фланга.

Обойти... кого?

Противник. Как всегда...

И тут его собственная личность вернулась, взорвавшись фонтаном наподобие гейзера, промыв мозги и унося с собой трусливого мямлю Эндрю Чапама, мелкого служащего мелкого банка. Теперь он был тем, кого звали Анимус. Таково игровое имя его истинного «я». И он не чувствовал ни малейших колебаний. Ни капли сожаления о том, что расстался с Эндрю. За прошедшие века он успел побыть многими людьми, но все они были жалкими набросками в сравнении с его истинной личностью.

Мысли об Эндрю Чапаме блекли, становились тенями на периферии сознания, отбрасываемыми идущим из пещеры светом. Он рвался к этому свету и наконец-то пережил полное воплощение... и увидел ухмылявшегося Противника, в данный момент принявшего облик плотного блондина в белой с черным матросской форме, с завитыми желтыми усами и выступающим подбородком. Он стоял ярдах в двенадцати от Эндрю за огромным, поросшим мохом валуном и

целился из винтовки.

У Анимуса едва хватило времени подумать: «Так вот какое обличие он принял. Я видел, как он разыскивал меня в...»

Они выстрелили почти одновременно; Противник оказался чуточку проворнее. Эндрю - теперь Анимус - был вынужден палить от бедра, из обоих стволов, и почти вся дробь ушла в «молоко», отрикошетив от гранитного пласта и сорвав с него мох. Но веер дробинок ударил в белую с черной отделкой матросскую форму Противника, отбросив его на несколько шагов. Сам Анимус тоже отшатнулся, словно они вместе танцевали хорнпайп^{*3}.

И тут он ощутил боль, как раз под грудиной, куда мигом раньше попала пуля. До этой секунды он ничего не чувствовал, зато теперь по телу распространялась слабость, а легкие не пропускали воздуха. Вот одна из проблем, связанная с выбором планеты: эти временные тела приматов были сравнительно хрупкими и легко уничтожались.

Анимус рухнул на колени. Горячая кровь клокотала в горле, тонкой струйкой лилась из уголка рта. Все же он собрался с силами, выбросил пустые гильзы из дробовика, сунул два новых, скользких от крови патрона... но Противник уже устремился к нему, одновременно взводя курок винтовки. Кровь сочилась из десятка крошечных дырочек в сорочке. Губы широко растянuty в радостной улыбке: он готовился к решающему удару...

Анимус разозлился, осознав, что Противник дает ему время, чтобы вскинуть дробовик. Чтобы сделать ситуацию более интересной.

- Не нужен мне твой лишний шанс...

Он не смог договорить: неприятное бульканье крови заглушило слова. Анимус нажал на оба спусковых крючка, но Противник вырос перед ним и ударил по голове прикладом, так что дробовик разрядился в землю, а сам Анимус упал на бок в облаке порохового дыма и горько вздохнул, ожидая пули в затылок. Последней его мыслью было: «Я знаю, мы договорились, что это будет Внезапная Схватка, но такая стремительность вряд ли кажется...»

Мысль эту он закончить не успел, потому что пуля раздробила ему голову, и его астральное тело вышло из клеточной массы, из формы примата, которую люди звали Эндрю Чапамом.

Все еще заключенный в тело светловолосого усатого мужчины с квадратной челюстью и в матросской форме Противник торжествующе озирает труп Эндрю, изуродованный, дергающийся, хотя из него уже ушли и жизнь, и разум.

Почти в запоздалом раздумье перестало биться сердце.

Противник глянул вверх: на астральное тело, вылетевшее из мертвеца. И тут его тело тоже рассыпалось, словно все суставы

³ * *Английский танец.*

растворились разом. Противник выключил сердце по пути наружу, как человек выключает свет, покидая дом.

Астральное тело Противника переливалось золотисто-зеленым на фоне астрального тела Анимуса, красно-фиолетового, со сверкающими желтыми искорками.

- Я знал, что если выстрелю раньше, с того угла, ты метнешься влево, и я смогу свалить тебя у большого валуна, - заявил Противник, излучая злорадство. Высказался он не словами, нет, ничего примитивного. Не то общение, которое было бы понятно Эндрю Чапаму. Только передача общего смысла на ментальном уровне.

- Ты становишься слишком предсказуемым. И почему-то считаешь, будто предсказуем я.

- Ты почти таким же образом подстрелил меня во время Наполеоновских войн, помнишь? Из мушкета.

- Каким же жалким красномундирником ты был тогда! Во время Гражданской войны было получше. Но на этот раз...

- Перед Внезапным Столкновением лучше выработать определенную тактику, - сухо перебил Анимус. - Просто на этот раз женщина, на которой я был женат, сильно меня раздражала. Приходилось тратить уйму времени на то, чтобы оставаться Эндрю Чапамом...

В воздухе повисла недоуменная пауза.

- Ты настолько остро осознавал ее присутствие, что мог раздражаться? Твои основные инстинкты должны были дремать. Если это будет продолжаться, нужно вернуться и пройти переподготовку. Перенастроить фокальную точку.

- Вздор! Я и сам вполне могу снова погрузить инстинкты в полную спячку. Но в следующий раз, пожалуй, устроим полномасштабный тактический конфликт.

- Приматы создают возможности по всей Европе. Дай мне немного времени, и я высеку искру. Может, заказное убийство нужного человека?

- Каждый день создается новое оружие! Давай используем все, что есть!

- Имеешь в виду командование войсками? Давненько мы не были генералами, посылавшими в бой войска друг против друга! Потенциал... даже полковник способен многое сделать... Мы могли бы использовать давление на психику, чтобы подстегнуть генералов, если только подберемся достаточно близко...

- Необходима основательная подготовка. Жаль, что у нас нет технологии внедрения во взрослые тела. Только в зародыши. Приходится ждать, пока они достигнут зрелости.

- Не так уж долго ждать - по крайней мере, с нашей точки зрения. Самое большее - несколько десятилетий. Нам тоже нужен отдых.

Молодая пара, обходившая рошу в поисках уединения, наткнулась на

два тела, распростертых на земле под неестественными углами. Над трупами парили две переливавшиеся тени, смутно напоминавшие людские силуэты.

Астральные тела, Противник и Анимус, заметив гуляющую пару, взвились вверх, в сгущавшийся туман предвечерней поры, и исчезли в воздухе. Прыщавый молодой человек таращился на них во все глаза; девушка с овечьими глазами навывкате прижала бледную руку к вздымающейся груди... и вскоре стала яростной приверженкой спиритизма, пребывая в полной уверенности, что видела привидения. Но для Противника и Анимуса все лица, подобные ей, были настолько незначительны, настолько несущественны, что именно они казались призраками.

Верден, Франция, 1916 год

Сто тысяч бомб обрушились на крепость Верден, и Хольдрик фон Штанг, вот уже несколько недель полностью внедрившийся в тело примата, беспокоился, что враг будет убит при бомбардировке. Конечно, враги гибли каждый день, но он тревожился за одного. Особенного. Его враг был также его лучшим другом. Противником.

Но нет, будь он убит, Хольдрику явилось бы его астральное тело.

Фон Штанг сложил маленький медный телескоп и сунул в карман мундира. Руку он не вынул, пытаясь согреть пальцы, окоченевшие на февральском ветру и мокрые от бесконечной унылой мороси. Приходилось топтать по полу железнодорожной платформы, чтобы сохранить хоть какую-то чувствительность ног. Чуть подальше выстроившиеся в цепочку солдаты грузили деревянные ящики с боеприпасами на две запряженные мулами подводы. Мулы недовольно фыркали. Их дыхание вырывалось из ноздрей клубами пара. Солдаты кайзера, серые фигуры в длинных шинелях и высоких касках с гребнями, существовавшие почти без отдыха и еды, работали медленно, но упорно. Хорошие солдаты. Многие завтра будут мертвы. Растрacены, как медные пенни. Иногда он задавался вопросом...

Нет. Сочувствие приматам - абсолютно иррациональное чувство. Глупости. Почему оно вообще возникло?

Размышлял он довольно рассеянно: тепло быстро распространялось по телу при мысли о разбитой бомбами крепости Верден, находящейся всего в четверти мили. С того места, где он сидел, были хорошо видны поднимавшиеся к небу столбы голубого дыма - последствия бомбардировки. Но в приходивших отчетах говорилось, что враг далеко не уничтожен. Более половины оборонявшихся выжило при бомбардировке, пересидев в глубоких окопах и подвалах, укрепленных британцами и французами. Но он, разумеется, предупреждал

Противника о каждом налете, входя с ним в короткий мысленный контакт. Он и Противник воплотились в тела приматов почти месяц назад.

Эрих фон Фалькенхайн, командующий германской армией, почти осуществил план захвата власти на Восточном фронте. Но это совершенно не подходило ни Анимусу, ни Противнику, и последний использовал психическое доминирование, дистанционный телепатический толчок, чтобы подтолкнуть фон Фалькенхайна к другому плану: обескровить Францию на Восточном фронте.

И тот начал с Вердена.

Они использовали два приема, чтобы начать войну и свести эти армии на идеальном поле битвы: дистанционное телепатическое доминирование вместе со стратегическим влиянием тех приматов, в тела которых вошли. И немецкий полковник фон Штанг, и британский майор Симпсон изредка удивлялись сами себе: почему они избрали военную карьеру? Почему стремились к постам?

- Полковник?

Фон Штанг поднял глаза на бледного ординарца и неодобрительно покачал головой.

- У вас сапоги грязные, капрал Громин, - отрывисто рявкнул он, наслаждаясь своей ролью. - Вы расквартированы в офицерских палатках и не имеете права ходить в таком виде, словно сутками торчите в окопах.

- Прошу прощения, сэр, я хотел поскорее доложить информацию, а дорога через поле...

- Да-да, вы хотите сказать, что вражеский патруль выскользнул из крепости?

Громин изумленно уставился на него:

- Да, сэр. Вы уже знали?

- Я предполагал что-то в этом роде, - усмехнулся он, чувствуя, как нарастает возбуждение при мысли о скором столкновении между Анимусом и Противником, ибо эта война - дело их рук, и время близится.

Однако ему пришлось дольше обычного полностью внедряться в тело хозяина. Он еще не совсем освоился, и радость была отчасти подавленной. Это беспокоило Анимуса. Пока он чувствовал, что его личность каким-то странным образом сливается с личностью фон Штанга. Возможно, во время их последнего воплощения, в нью-йоркской роцце, Противник был прав, и он нуждается в переподготовке.

Но с этим он разберется позже, после того как кто-то из них «погибнет». А это, по всей вероятности, произойдет сегодня. До сего дня они посылали людские волны сражаться друг с другом или использовали психическое доминирование, дистанционные телепатические призывы, заставляющие генералов отдавать

соответствующие приказы. Но теперь пора столкнуться лицом к лицу.

- Громин, я составил список людей, которые будут нас сопровождать. Мы должны перехватить вражеский патруль. Они воображают, будто сумели смыться из крепости, чтобы избежать сражения или шпионить за нами. Мы покажем, как они были не правы!

На деле фон Штанг - Анимус - отвел войска от юго-западного угла крепости, чтобы Противник смог выпустить патруль.

Уже через полчаса шестеро тащились за Громином и фон Штангом по грязной дороге. Заледеневшие винтовки оттягивали руки. Солдаты удивились, узнав, что полковник сам собирается их вести. Полковник во главе патруля, тоже с винтовкой в руках, не говоря уже о пистолетах... неслыханно!

Ландшафт вокруг Вердена был идеальным для следующего столкновения. Великолепной военной драмы, которой предстояло развернуться на глазах противоборствующих сторон. Они любили тщательно воспроизводить пейзаж битвы, но и старались принимать спонтанные решения, касающиеся поединка. Возможно, он еще удивит Противника, удержавшись от драки. В конце концов, это не последний эпизод войны. Фон Штанг может уклониться в последний момент, а позже нанять убийцу для Фалькенхайна и с помощью психического доминирования самому стать главнокомандующим. Битву можно продлить еще на пару лет.

Да. Они с Противником устроят хорошую схватку, но он предпочтет удалиться, прежде чем случится непоправимое... если события не будут развиваться чересчур быстро и фатально - для него.

Но битва может захватить его. Он не успеет уйти вовремя. Хотя если эта окажется роковой, будет ведь и другая. В других телах. Они проделывали это в течение двух тысяч оборотов планеты вокруг солнца, и возможности затеять войну еще далеко не исчерпаны...

Он ощутил, как поднимаются в нем волны радостного возбуждения, нараставшего по мере того, как они подходили к месту столкновения. Но, несмотря на разгоравшееся пламя предстоящего поединка, он на каком-то более низком уровне все еще чувствовал смутное беспокойство. Как раз перед тем, как внедриться в зародыш, позже ставший фон Штангом, он ощутил странную тоску. До чего же утомительно - такая тесная связь с воплощением. И все же инстинкт-матрицы в мозгу примата придавали поединкам куда большую остроту. Давным-давно Противник и Анимус, воплощенные в двенадцатиногие создания водной планеты под тройным солнцем, схватились в грандиозном поединке в одном из подводных каньонов того мира, и это дало обоим невероятное удовлетворение: комбинация репродуктивного экстаза и жестокой кровавой схватки; разлетающиеся во все стороны оторванные конечности, расплывающиеся по воде красные пятна, сложный синтез тактики и стратегии.

Но тогда им не хватало раскаленной добела свирепости и дикарства, той неистовой изобретательности, которую они нашли в приматах этого мира. Здешние обитатели оказались новой ступенькой, что давало увеличение интенсивности ощущений, и Противник и Анимус продолжали состязание на этой планете, что давало куда больше возможностей для игры: бесконечные воплощения, жизнь после жизни, регистрация всего происходящего в сенсорных узлах для дальнейшего анализа. Гораздо более позднего анализа: срок жизни существ их расы обычно насчитывал свыше полумиллиона земных лет.

Но, возможно, они оставались здесь слишком долго. Фон Штанг... Анимус чувствовал, как что-то влечет его к ярко выраженному сближению с приматами: а это совершенно неестественно. Легкое внутреннее подталкивание. Неужели психическое доминирование? Именно из этой области?

- Герр полковник, я вижу движение в зарослях, - прошептал Громин, возвращая Анимуса к действительности.

Там, к северу, на сжатом поле, можно было различить ноги в сапогах, едва заметные между высокими стеблями соломы и кустами на краю поля. Противник и его солдаты. Они, похоже, пробирались к прогалу между кустами, в дальнем углу поля.

Анимус отдал приказы. Его люди бесшумно подобрались к ближайшему концу зарослей, откуда полковник фон Штанг и капрал Громин поспешили на поле и, пригнувшись, побежали вдоль кустов к прогалу. По плану Анимуса его люди на дороге должны были вызвать на себя огонь Противника и вести непрерывную перестрелку. Противник ретируется через прогал, потеряет бдительность и налетит на пули Громина и полковника.

Но Противник повел пальбу первым. Его солдаты залегли и стали стрелять через маленькие просветы между ветками и стволами. Пули ложились совсем близко от фон Штанга. Одна вонзилась Громину в горло. Он крутанулся на месте, уронил винтовку и, зажимая рану, из которой хлестала кровь, повалился на мокрый торф.

Жаль. Он был весьма полезным орудием.

Анимус выстрелил в ту сторону, откуда прилетела пуля, бросился к прогалу пошире и услышал винтовочный огонь с дороги, за кустами: его люди палили в солдат Противника. Раздались крики раненых.

Он добрался до высокого пня рядом с кустами, упал на колени, перезаряжая винтовку, в надежде пристрелить кого-то из людей Противника, а может, ранить и самого Противника (но не убить). Сердце его колотилось, кровь кипела, восхитительная энергия, воплощенная в тело низкоорганизованного примата, бурлила в нервной системе...

И тут он увидел гранату. Одна из новых «бомб Милла» с рубчатой поверхностью. Такими пользовалась британская армия. Кто-то бросил

ее в тридцати футах от того места, где стоял Анимус, и он успел спрятаться за пеня.

Но вместо того, чтобы упасть и взорваться недалеко от него, граната остановилась в воздухе и сменила направление.

- Погоди! Так не полагается! - завопил он, когда, в отрицание всех законов физики, граната поплыла в его сторону.

Он попытался бежать, но граната снова сменила направление, последовала за ним... и взорвалась прямо над его головой, оторвав ее от тела.

- ...Говорю тебе, я ничего не делал с гранатой. И вообще я тут ни при чем, - настаивал Противник.

Они находились в маленькой, скрытой от посторонних глаз сфере, примерно в полумиле от поля битвы. На взгляд приматов сфера казалась обычным облаком.

- Это ведь ты бросил гранату? - допытывался Анимус.

- В первый раз - да. Для того чтобы сбить тебя с толку и выманить на открытую местность. Я знал, что она в тебя не попадет. Но это не я заставил ее изменить направление! Я не обладаю подобным умением! Левитация расстраивает мой мыслительный центр. Возможно, ты ошибся...

- Не ошибся, - стоял на своем Анимус. - Она изменила направление прямо в воздухе! Если не ты сделал это, тогда кто?! Я ничего не слышал о том, что кто-то из наших тоже состязается на этой планете. А приматы не владеют телекинезом. Кто, я тебя спрашиваю? Я вроде как чувствовал чье-то вмешательство, легкие толчки чужой ментальной энергии. Попытки соединить мою личность с личностью примата. Возможно, очень осторожное психическое доминирование. Кто, опять спрашиваю я, и для чего?

- Ответ, скорее всего, кроется в том, для чего. Наше состязание было довольно грубо прервано. Кто-то хотел исключить наше участие в этой войне.

- Но кому понадобилось нам мешать? Приматы понятия не имеют о нашем существовании. Может, это какой-то вандал? Таких немало в нашей расе. Если это правда, значит, он еще молод и поэтому имеет короткий объем внимания. Главное - выждать достаточное время, и тогда он уберется прочь. Будут и другие войны.

- Да. И эта война уже несет в себе семя следующей. Семя, которое прорастет в том же саду. Мы должны ухаживать за этими семенами, прежде чем угнездиться в новых приматах...

И действительно, на Земле вспыхивали другие войны, но участие в них было недоступно и Противнику, и Анимусу: им пришлось внедриться в новые зародыши, которые росли, пока продолжалась гражданская война в Китае, пока бушевали другие конфликты. Без их помощи. Без их участия.

Но потом разразилась Вторая мировая.

Это не они ее затеяли: у войны была своя психически ущербная жизнь. И все же они раздували ее пламя, где только могли. Их воплощения не могли объяснить свои поступки.

Впрочем, все приматы, даже не захваченные инопланетными астральными телами, как правило, не могли объяснить многие свои поступки.

Северная Африка

Выцветшее от жары голубое небо. Желтый горизонт, затянутый пыльным маревом. Бескрайняя песчаная равнина. Россыпь скрюченных деревьев с перистой листвой. Все это молодой лейтенант видел из открытого люка своего танка. И разбухшее облако коричневой пыли, катившееся по земле, подобно джинну. С востока. Американские войска, механизированная кавалерия. Один из дивизионов армии Эйзенхауэра.

Молодой лейтенант Отто Метерлинг вел свой рычащий танк к линии фронта: последняя попытка Роммеля обойти врага с флангов. Но на союзников методы Роммеля давно уже не производили впечатления, тем более что легко разгадывались. Похоже, и на этот раз они не угодили в ловушку.

Метерлинг любил находиться в танке, несмотря на сухость во рту, несмотря на вкус бензина и ужасный жар от раскаленного солнцем металла. Любил свой объемный бронированный панцирь, стальной размах своей воли, предназначенный, чтобы давить врагов и выворачивать их внутренности наизнанку. Любил перемалывающие землю гусеницы и рычащий мотор.

Выхлопные газы попали ему в нос. Метерлинг закашлялся и вытер налипшую на глаза пыль. Скоро ему понадобятся автомобильные очки.

Но он каким-то образом знал, что его истинная битва сегодня будет не с механической кавалерией Эйзенхауэра. Враг придет с другой стороны.

Но откуда я это знаю? А ведь знаю... Знаю, что Противник приближается... Возможно, обрушится с неба? Десантники. Он, вероятно, десантник. Противник... Анимус...

Это накапливалось на протяжении всего утра: прошлой ночью снились непонятные сны, воскрешавшие множество битв: с римлянами в доспехах, наступавших на него, пока он подстегивал запряженных в колесницу фараона лошадей.

А утром он проснулся со вкусом крови во рту. Чужой крови. Он открыл глаза. Воспоминания о битве на Иберийском полуострове медленно таяли в памяти. Ему пришлось загрызть врага собственными зубами,

когда меч переломился у самой рукояти. Тысячу лет назад.

Всего лишь сон? Или ожила память?

Он продолжал наблюдать за небом. Противник придет с неба.

Вот оно! Американский пикирующий бомбардировщик, возможно «Хеллдайвер»^{*4}, появился, подобно хищной точке, на северо-восточном горизонте, быстро обретая форму, крылья и фюзеляж.

Это он...

Метерлинг становился Анимусом. Его истинная сущность проявлялась с невероятной быстротой. Он радостно рассмеялся: к великому недоумению своей испуганной, изнемогающей от жары команды.

Противник воображает, будто он получил преимущество, свалившись с неба! Но Анимус успел подготовиться. За ним стоит артиллерия, и, если использовать зенитные снаряды, совершенно необязательно сбивать самолет. Теперь он понял, почему захватил эти снаряды, хотя они, как правило, не использовались в танках.

Он нырнул в башню и принялся выкрикивать приказы.

- Специальные снаряды! Зарядить! Вы хотели знать, для чего они? Сейчас поймете! Нас вот-вот начнут обстреливать, и...

Он осекся, глядя на ящики со снарядами, ожидавшими очереди нырнуть в пушку танка. И хотя в тесном пыльном полумраке было трудно что-то рассмотреть, выглядели они неестественно.

Они светились.

Свечение становилось ярче, ярче, переливаясь красным сиянием, быстро сменившимся белым... Послышалось исходившее от них тихое гудение.

- Все вон! - завопил он, выбираясь сквозь люк. Но было уже поздно. Снова слишком поздно. Снаряды взорвались. Жадное пламя пожрало танк. И Метерлинга вместе с ним.

Пролетая над североафриканской пустыней

- Я в который раз спрашиваю, если не ты, то кто?!

- Я в который раз отвечаю, Анимус, какой-то вандал, который всячески портит наше состязание. Ребенок. Может, ему всего-то пять тысяч лет...

- И обладающий такими способностями? Невероятно! Я знаю только, что разлетелся в клочья еще до начала нашего столкновения. Со мной все было кончено, не говоря уже о моей команде.

- Собственно говоря, да. Говорить о них и вовсе не стоит.

Анимус проигнорировал укол.

⁴ * *Адский нырлящик (англ.). Такое название во время Второй мировой войны носили все палубные бомбардировщики.*

- Почти тридцать лет жизни в шкуре Метерлинга. Одна еда... просто невыносимо.
 - Ты сознавал, что ешь? Настолько глубоко завяз?
 - Знаю, это странно.
 - Что-то в этом роде случилось со мной в роли американского пилота. Я едва не стал единым целым с приматом.
 - Придется набраться терпения. Вернемся в Верховный мир и полностью восстановимся. И встретимся еще раз: здесь, в этой части света, наверняка случится еще одна война.
- Он оглядел пустыню.
- Мне нравится этот сектор планеты. Тут такие возможности! И подумай об оружии, которое к этому времени уже изобретут!

Ирак, рядом с сирийской границей, 2008 год

Очередная пустыня. Очередной жаркий день. «Хамви» американской армии, бронированный и снабженный пулеметом, патрулирует границу, с целью поймать террориста, пробиравшегося в Ирак. Если верить агентурным донесениям, «Аль-Каида» послала человека с грузом новых взрывных устройств с дистанционным управлением.

Греншоу, сидевший за глестнадцатимиллиметровым пулеметом, стал капралом всего несколько часов назад. Он был сержантом, но четыре дня назад, окончательно превращаясь в Анимуса, почему-то поцапался с капитаном. Каким-то образом за время, проведенное вдали от этой планеты, он потерял представление о военном уставе. А может быть, сам того не сознавая, позволил себе проникнуться личными чувствами Греншоу: белый капитан сказал что-то расистское. Греншоу был черным из Виргинии, человеком крайне обидчивым, болезненно воспринимающим любое неосторожное слово, и Анимус позволил ему отреагировать на следующий призыв: «Эй, сержант, тащи сюда свою ленивую черную задницу!».

После он обозвал капитана расистом и белой швалью, а вскоре при поверхностном осмотре шкафчиков в раздевалке капитан «нашел» у него не положенный по уставу оксиконтин⁵.

Совсем недавно поднялся большой шум, связанный с пристрастием солдат к оксиконтину и другим наркотикам, поэтому капитан обвинил его в торговле запрещенными медикаментами и разжаловал, пообещав, что в следующий раз отправит в тюрьму.

Сукин сын, скорее всего, сам поставляет дерьмо торговцам...

Что я делаю? Почему меня заботят проблемы Греншоу? Сегодня у меня смертельная схватка с Противником...

⁵ * *Новый и очень сильный наркотик.*

А вот, по-видимому, и он: из окна старого низкого строения цвета глины, ярдах в пятидесяти от пыльной дороги, высовывается дуло снайперской винтовки. Огненная вспышка - и пули срикошетили от «хамви».

Греншоу-Анимус с ухмылкой повернул пулемет, ответил очередью и крикнул водителю, куда ехать. Но пулемет, не опустошив ленты, замолчал. Анимус опустил глаза и увидел, что патроны светятся...

Шестнадцатимиллиметровые патроны светятся и вот-вот взорвутся.

Он лихорадочно рванул на себя дверцу и еще успел воплем предупредить остальных. И вывалился из «хамви», на этот раз не слишком поздно. Боеприпасы взорвались у него за спиной: пули и обломки крыши автомобиля разлетались в разные стороны, шрапнель, жужжа и завывая, разрывала над ним воздух. Он ударился о землю, откатился и немедленно вскочил, посылая Противнику мысленное сообщение. Тело примата, в котором он был заключен, тряслось от пережитого ужаса.

Но Анимус уже покинул его. Пусть тело валяется здесь с превращенным в кашу мозгом. Выходя на волю, он отключил сердце.

Его астральное тело парило над трупом. Солдаты, пережившие взрыв, конфузливо расползались в разные стороны.

Он взлетел вверх, прежде чем они заметили астральное тело, и распростер свое восприятие во все стороны. И нашел след еще одного такого же тела, прежде чем то рассеялось.

- Противник, покинь своего примата и следуй за мной! Я его засек!

Вверх, вверх, сквозь полупрозрачный тонкий слой облаков, и снова вверх, где небо становится цвета индиго из-за разреженной атмосферы... именно здесь они ее поймали!

Женщина их расы. Световые узоры астрального тела перевернуты. Они парили по обе стороны от нее, не давая улизнуть, и требовали объяснения.

- В течение всех этих временных циклов я пыталась помочь данному виду приматов, - пробормотала она. - Война - часть их существования. Но вы побуждаете людей ко все более яростным столкновениям. В конце концов вы их уничтожите! Вы стремитесь к последней, завершающей войне!

- Да неужели? - выпалил осатаневший Противник. - И что с того? Они слабые, глупые, исчезающие животные. Таких видов бесчисленное множество, и большинство уничтожают сами себя. И сами стирают с лица земли собственные муравейники.

- Вы так считаете? - мягко возразила она. - Они куда глубже, чем вы позволили себе увидеть. В них есть толика сознания. Я пыталась связать вас с ними, чтобы вы чувствовали жизнь, как чувствуют они. Но ничего не вышло... Я обращусь в комитет Верховного мира, и пусть там решают.

- Зачем нам все эти бюрократические жернова? - гневно вскинулся Анимус. - Приматы - низкоорганизованные создания. Они стаскивают в свои логова дурацкие мелочи и мишуру, подобно домашним крысам, набивают их всякой чепухой от чердаков до подвалов: накопление - вот цель их жизней. Они марают бумагу и рисуют на стенах. Но они примитивны по сути, эти недолговечные создания. Хищники низшего порядка. Почти не имеющие чувств. Ты тратишь свое участие на создания, которые живут так мало, что погибают, не успев в полной мере это участие ощутить.

- У них огромный эволюционный потенциал, - терпеливо объясняла она. - И даже сейчас они кажутся мне удивительными животными. Поразительный вид! Мы не можем позволить вам поощрять их тягу к взаимоуничтожению, когда их только начали изучать.

- Знаешь, кто она, Анимус? - с отвращением бросил Противник. - Одна из этих борцов за права животных!

- Вот оно что! - воскликнул Анимус, полиловев от возмущения. - Права животных! А как насчет моих прав? Как насчет права Актера Конфликта испытать Глубинное Столкновение? Мое искусство, моя драма - вот что придает значение жизням этих животных, этих приматов, которых мы используем... если такое значение вообще существует! - Пусть решит комитет...

Горы Западного Пакистана, 2023 год

Спрагу до смерти надоело использовать киллфлаеры. Орудия убийства с дистанционным управлением - это такая тоска! И не приносят ни малейшего удовлетворения. Хотя другие солдаты вроде бы не возражали. Они выросли на видеоиграх. Сидеть в армейских трейлерах и управлять беспилотными снарядами с компьютерными интерфейсами - для них привычное дело. Видеоигры отличались от реальности только тем, что в последнем случае партизаны погибали по-настоящему.

Но Спраг хотел прямого столкновения. Лицом к лицу. Настоящего поединка.

Столкновения. Именно. С Противником.

Он выбрался из «хамви», заключенного в водородную камеру, и пустился в путь по каменистым холмам: в руке лазерная винтовка, в душе радостное возбуждение. Еще минута, и он полностью воплотится...

На этот раз - никакого вмешательства со стороны женщины по имени Анима. Комитет нашел компромиссное решение. Он и Противник могут продолжать свои игры на Земле, но при условии, что не станут нажимать определенных кнопок. В конце концов, здесь находятся

ареалы обитания ценной живой природы. И последней войне приматов еще предстоит разразиться. Анимус и Противник еще поучаствуют в ней. Новое правило гласило, что приматам нужно позволить самим обрушить ее на свои головы.

И когда это произойдет, зрелище будет поражающим воображение!

Он твердо знал, что это обязательно случится. На приматов в этом смысле можно положиться.

Вот оно: отблеск солнечного луча от линзы телескопа - там, в холмах. Это Противник. Лежит в засаде. Ждет его.

Он повернет назад, заманит его в долину и сожжет лазером одну из конечностей. Но не убьет. Даст ему шанс побороться.

Анимусу хотелось, чтобы игра тянулась как можно дольше.

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

© John Shirley. Animus Rights. 2009. Печатается с разрешения автора.
Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2009 году.

**ЙЭН МАКХЬЮ
НЕСПЯЩИЕ В ДОМЕ ЙЕ**

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Кому-то из нас придется бодрствовать, - объявила Гай. - Кому-то придется принять кой.

Дружное шипение эхом отдалось от стен комнаты.

Услышав ненавистные слова, Поу затрепетала и схватилась за живот обеими руками, ощущая жар сотен зародышей, растущих внутри. Принять кой, летний напиток, родительнице, чтобы оттянуть изменение жизни еще на год, - одно дело. Но принять его сейчас - когда ты не только матка, но и с зародышами в животе, - поистине губительно.

Гай с вызывающим видом выдерживала приливную волну возмущения, которую сама же вызвала: шея вытянута, уши широко расставлены. Именно она нашла пролом - снежный занос, образовавшийся там, где чистые линии стен растворялись в беспорядочных гудах мусора. Когда-то здесь была лестница, ведущая на верхние уровни дома. Гай принесла Поу и Чиу червя, найденного в заносе. Червь был длиной с ее руку и сейчас, ощущая ее жар, лихорадочно извивался, приоткрыв лепестки рта, и бил мускулистым хвостом, словно в поисках точки опоры.

- Пролом может и не увеличиться, - высказался кто-то.
- А если увеличится? - последовал вопрос.
- Он уже и сейчас достаточно велик, - вмешалась Поу.

Одна из маток громко чихнула. Воздух в родильном помещении был едким. Вентиляция для масляных нагревателей по большей части была повреждена после разрушения дома. Множество маток уже залегли под сводами, найдя, как можно дальше от двери, - в основном те, кто пострадал после разрушения дома. Те, чьи зародыши с тех пор росли быстрее. Их животы казались холмами прохладной, медленно пульсирующей между холодных сморщенных конечностей жизни. Рост зародышей в них приостановился до весны.

Те, кто не спал, примостились между колоннами: распростертые теплые тела устлали пол. Дыхание, вырывавшееся изо ртов, образовывало белые облачка над головами. Многие были близки к тому, чтобы тоже заснуть в последний раз: неузнаваемые в темноте, с ушами, вяло повисшими по обе стороны голов. Мунк - их вальяжная, роскошная Мунк - скорчилась между Поу и Чиу. Она почти отключилась. Ее температура начала падать, как всегда перед последним сном.

- Нужно построить барьер, чтобы отгородить коридор, - предложил кто-то.

- У нас хватит сил, чтобы поднимать камни? - последовал вопрос.

- Построим из дерева, - высказался кто-то после паузы. - В кладовой есть ящики и мебель, которые можно передвинуть.

Чиу сама предпочла ответить на подобную глупость:

- Бесполезно. Черви прогрызут дерево так же быстро, как твой живот.

- Лед по-прежнему движется, - добавила Гай, - и тащит за собой стену.

Черви всегда проникали в зимующий дом. В обычных обстоятельствах они были достаточно маленькими, чтобы пролезать через канализационные решетки в стенах, расположенные на разной высоте. В эти дырки сначала проникала весенняя слякоть, а позже выходила вода, унося с собой извивающихся мальков. Но теперь им грозила настоящая беда: в пролом могут заплыть черви значительных размеров и в количествах, достаточных, чтобы поглотить спящих маток вместе с зародышами в их чревах.

Поу прислушалась к возбужденным движениям родственниц. Ее усы улавливали увеличение тока крови в их лицах, хотя было трудно правильно считывать выражения, когда уши бессильно повисли. Только у Чиу и Гай уши были настроены, показывая сложный рисунок горячих вен.

На миг Поу снова увидела маток дома Йе. Вот они медленно ковыляют по снегу двойной цепочкой, нагруженные рюкзаками, мехами и обремененные животами, тяжело свисающими между ног. Хвосты, обмотанные тряпками, волочились за ними. Все шествие казалось грубой пародией на осеннюю процессию производителей, задорно машущих хвостами во время шествия по длинному причалу, теперь исчезнувшему подо льдом, - к кораблям, которые унесут их на север.

Разведчицы ушли на рассвете, когда небо было ясным. До ближайшего здания, дома Ю, был день ходьбы. Самые сильные тянули за собой санки, груженные палатками, на случай, если погода переменится. Онг увела их, махнув на прощание. Только Поу вяло приподняла хвост.

Мунк, низко опустив голову, по-прежнему сидела на корточках между Поу и Чиу, смотревшими вслед разведчицам. Ее кожа уже выцвела, став из темно-бордовой светло-кремовой, жесткой и с бугорчатой текстурой. Шея Мунк была такой тонкой, что удивительно, как она еще не переломилась под весом черепа.

- Я чую снег, - прошептала она.

Чиу, развеселившись от такого заявления, фыркнула сквозь раздутые ноздри и захватила горсть снега, чтобы швырнуть в Мунк.

- Разумеется, чуешь, - согласилась Поу.

В тот день разразился буран, и теперь, три дня спустя, метель все еще не унималась. Поу и Чиу могли легко уйти в Ю вместе с самыми сильными матками. Обе приняли кой еще летом, совсем немного, не для того чтобы оттянуть перемены на год, но вполне достаточно, чтобы Чиу оставалась порожней целый месяц после того, как Мунк изменилась, а Поу - еще месяц после Чиу.

Они ушли бы, не будь Мунк на грани сна. И теперь у них не было возможности узнать судьбу разведчиц. Возможно ли, чтобы какая-то часть зародышей дома Йе оказалась в безопасности в Ю?

- Я не засну, - вызвалась Поу.

Усы и уши повернулись к ней, но она смотрела только на Мунк и Чиу.

Мунк едва смогла поднять голову.

- Мы хотели уйти в последний сон вместе, - прошептала она. Поу погладила ее висящие уши.

- Кто-то должен, дорогая, а я дальше всех от сна, - пояснила Поу, куда более спокойная внешне, чем чувствовала себя на самом деле.

- Во мне очень много мальков. Но в тебе и Чиу - их еще больше, по крайней мере в этом году.

Уши Мунк дернулись. Она подвинула голову к руке Поу.

- Тогда я тоже выпью кой, - заявила Чиу.

Поу зашипела, чтобы подчеркнуть силу своего возражения.

- Довольно того, что ты и я возродимся в потомстве Мунк, - не отступала Чиу. - Я из дома Мха. Не Йе. Моему клану ничто не угрожает. Я останусь бодрствовать с тобой.

По тону и посадке ушей Поу поняла, что Чиу все решила и спорить бесполезно.

- Я тоже готова бодрствовать, - объявила Гай с другого конца комнаты. Хаотическая пульсация ушных вен опровергала храбрые слова.

- Троих вполне достаточно, - сказала Поу.

Кой находился в маленькой кладовой наверху, в той половине дома, которая уцелела. Главная кладовая была уровнем ниже, на разрушенной стороне. Им пришлось пробивать лопатами свой путь на поверхность с самого низкого уровня: утомительная задача, тем более что только трое из них смогли внести в дело более или менее значительный вклад.

Они вышли в середину дня. И оказались среди длинных теней. Солнце поднимало голые сучья-лучи над северным горизонтом. Их глаза, не привыкшие к свету, слезились после мрака башни.

Взгляд Поу был прикован к тому, что осталось от дома Йе - расплывчатому силуэту на фоне неяркого неба. Метель похоронила почти все развалины. Она снова пожалела о том, что летом они всего лишь наломали камней в каменоломнях для перестройки дома, отложив остальные работы на следующий год. Но никто не подумал, что тяжесть подвижных льдов так скоро разрушит старый дом. Все твердили, что этой зимой дом устоит.

Они медленно, с трудом взбирались по ступенькам в кладовую. Гай, не дойдя до верхней площадки, была вынуждена остановиться и отдышаться.

В кладовой легко нашлись глазурированные керамические кувшины с нектаром коя.

Чиу вытащила из одного провощенную пробку, а Гай тем временем перевернула ящик и поставила на него три винных стакана, которые принесла с собой. Поу прищелкнула языком и повела ушами, оценивая на глазок сложенные припасы: груды ящиков, мешков, банок и завернутых в ткань кусков солонины.

- Нужно перенести все это вниз, - сказала она.

Чиу налила нектар в стаканы, и все молча присели на корточки у ящика.

Бледные пятна на коже Чиу отчетливо виднелись при свете из открытой двери: было очевидно, что число их увеличилось даже за те несколько дней, которые они провели в ожидании, пока метель уляжется. То же самое творилось с ее голыми руками. Если провести по ним, чувствовалось, как они загубели. Цвет кожи Гай уже был скорее кремовым, чем темно-красным. Их конечности, шеи и хвосты сильно отощали. Но они, наверное, поправятся. После того как выпьют кой и их тела снова поглотят недоношенных зародышей.

Она потянулась к стакану, поколебалась и, отдернув руку, уселась на хвост и задние ноги.

Чиу погладила хребет Поу между лопатками, и та ощутила тупую тяжесть ее руки даже сквозь толстую одежду. И попыталась в ответ поднять уши. Кончики онемели. Мертвый груз обвисшей кожи...

Сидевшая напротив Гай схватила стакан, опрокинула содержимое в глотку, задохнулась и закашлялась. Чиу последовала ее примеру и,

всхлипнув, почти отшвырнула стакан на ящик.

Поу подняла стакан и выпила. Кой был одновременно густым, маслянистым и молочным, с привкусом горькой живицы. Она поперхнулась, но сжала губы, подавляя рвотные судороги.

Настоящая боль началась в течение часа. Остальные матки гладили их, пока они тряслись и брыкались, лежа на боку в родильной комнате. Гай металась так сильно, что ее пришлось удерживать, чтобы она не покалечилась. К утру все немного оправилось, хотя были еще слабы. Гай - больше остальных.

Поу прищелкнула языком, повела ушами, осматривая коридор и встопорщила усы, чтобы уловить малейшие следы тепла. В руках она сжимала снеговую лопату. Разбитый масляный обогреватель сыграл дурную шутку с ее нюхом. Зато привлек червей, и матки нашли этот способ их уничтожения более надежным, чем прочесывать коридоры в поисках новых признаков проникновения паразитов в разрушенный дом.

Ее усы поймали едва уловимый намек на присутствие чего-то там, где заканчивалось излучение обогревателя. Она повела ушами. Червь, длиннее ее руки, подбирался к обогревателю. Поу подняла лопату и с силой ударила острием.

И удивленно вскрикнула, когда гулкий удар прокатился по уцелевшим помещениям дома. С потолка посыпалась пыль.

- Еще часть дома обрушилась! - раздался крик Гай.

- Чиу!

Поу из последних сил поспешила к внешней двери и пандусу, ведущему на поверхность, то и дело спотыкаясь: перед глазами, отвыкшими от света, плясали остаточные образы. Чиу она нашла недалеко от того места, где раньше была лестница в кладовую. Та смотрела на руины башни, прижимая к груди мешок с мукой. Самой лестницы уже не было. Она рухнула, увлекая за собой кладовую. Среди камней валялись разбитые бочонки и ящики, из которых высыпались продукты.

Поу дотронулась до руки Чиу. Та на секунду повернула голову, чтобы коснуться ее усов своими, но ничего не сказала. Запыхавшаяся Гай остановилась рядом с ними.

- О нет!

Немного погодя, Поу вздохнула:

- Нам нужно проверить, что творится внизу.

К счастью, оказалось, что все не так страшно. Они прошлись от одного конца нижних уровней до другого, прищелкивая языками, стараясь разглядеть щели между камнями. Родильная комната оставалась в целости, поскольку была заглублена в скалу, а провал в конце коридора, казалось, не увеличился.

Но с припасами было худо.

- Недостаточно, - пробормотала Поу, рассматривая угнетающе жалкую горку ящиков, банок и мешков, которые Чиу и Гай принесли вниз, в топливную кладовую, где они решили пережить зиму.

Чиу уселась на хвост:

- Возможно, хватит только на двоих.

- Возможно, но не на троих.

- Одна из нас могла бы отправиться в Ю. У них довольно еды.

- Пойти и принести еду сюда? - спросила Гай.

- Пойти и там остаться, - пояснила Чиу. - Я не из дома Йе. Пойду я.

Поу тихо зашипела.

- Мы вместе пойдем в Ю и принесем еды. Если хватит сил.

- Ты снова увидишь весну, - мечтательно прошептала Мунк. - Цветы.

Она положила голову на бедро Поу. Хвост Чиу обвился вокруг ее плеч.

- Может быть.

Мунк пошевелилась, словно желая коснуться их усов своими. Сил, чтобы поднять голову, у нее не было. Поу и Чиу приблизили лица к лицу Мунк, в поле ее угасающих ощущений.

- Я хотела бы еще раз вдохнуть запах цветов, - сказала Мунк.

- Да.

Несколько минут Мунк молчала.

- Вы увидите мальков. Как они плавают.

«А что потом? - спросила себя Поу. - Встретим наш конец летом? Или увидим еще одну зиму и отправимся на север? И так ли уж это важно, когда мы искалечили себя и никакие зародыши из нашего чрева не отведают нашу плоть?»

Мунк больше не двигалась. Чиу тихо, жалобно взывала. Что-то вроде всхлипов вырвалось из горла Поу. Она скорбела о том, что не последует за Мунк. Что после ее смерти не будет возрождения.

- Жди нас обратно через два рассвета, - сказала Поу. - Если мы не вернемся, у тебя будет достаточно еды, чтобы протянуть до весны.

Гай вышла вместе с ними по пандусу на заснеженную поверхность. Такая несчастная: фигурка, натянувшая на себя столько одежды, что едва могла ходить. Поу и Чиу были ненамного подвижнее: ноги, шеи и хвосты были туго замотаны тряпками. Тела завернуты в шкуры тутоу. У обеих хватило сил, чтобы на ходу поднять хвосты. Они все еще были худы, поскольку зародыши в их телах растворились, вместо того чтобы перераспределиться в конечностях.

Холод обжигал ноздри и усики Поу и щипал глаза.

- Вы обязательно вернетесь, - сказала Гай.

Если они не вернутся, еды ей хватит. Но сможет ли она сохранить силы в одиночестве? Поу и Чиу были ужасно худы. Но Гай - попросту истощена. Темно-красная кожа выцвела до того, что от нее остались

только тонкие паутинки вокруг светлых бугорков. Хорошо еще, что черви, проникавшие в дом, пока оставались относительно небольшими.

- Мы вернемся, - согласилась Чиу.

Поу коснулась усиков Гай своими, прежде чем закрыть шарфом нижнюю часть лица. Она и Чиу перевалились в снег, таща за собой санки.

Чиу подняла руку, показывая направление. Юго-восток. Поу оглянулась на Гай, все еще скорчившуюся наверху пандуса. Первые лучи солнца падали на черные развалины дома Йе.

Они шли, и длинные тени протягивались перед ними по снегу. Солнечный диск едва встал над северным горизонтом, прежде чем снова заскользить вниз. Когда небо окрасилось пунцовым и розовато-лиловым, Чиу с удивленным восклицанием показала налево.

На снегу чернел странный силуэт, похожий на лохмотья ткани, прикрывавшей остов из ребер или шестов. Палатка?

Поу, прижав уши к голове, последовала за Чиу, опасаясь, что это ее сестры из дома Йе, застигнутые и погубленные метелью.

Она тут же с облегчением увидела, что это не палатка, а останки гигантской хризалиды. Даже изломанная и утопавшая в снегу, она доходила им до подбородков. От создания, спавшего внутри, осталось слишком мало: несколько расщепленных длинных костей, торчавших из наста.

- Тутоу? - предположила Поу.

- Каких же размеров был червь, чтобы прогрызть хризалиду такого размера? - удивилась Чиу.

Поу закрыла глаза и пошевелила усами, проверяя снег под ногами. Но не обнаружила ничего подозрительного. Только быстро заплывающие льдом их собственные следы. Червяк ушел или, по крайней мере, зарылся глубоко в землю, вне всякого сомнения, преследуя собратьев помельче, объединившихся, чтобы пожрать его добычу.

Поу подумала о Гай, одиноко ожидавшей в Йе, и понадеялась, что пролом во внешней стене не увеличится.

Она продолжали идти сквозь ночь. Поу старалась хоть как-то ориентироваться в кромешной тьме, задействовав одновременно глаза и усы. Они двигались по серебристому ландшафту, слабо освещаемому звездами, сквозь ледяную пустоту.

Уже почти рассвело, когда они добрались до дома Ю - приземистой невыразительности на фоне розовеющего неба, до половины заваленной снегом. Пришлось расчищать путь, чтобы добраться до двери.

Поу подняла засов и откатила дверь вбок.

- Эй, дом Ю! - позвала она. - Мы - Поу Йе и Чиу Мха из Йе.

Ни ответа, ни движения.

- Все спят, - сказала Чиу.

Поу вошла внутрь. Они остановились, чтобы освободиться от санок, позволяя ощущениям привыкнуть к непроглядному мраку. Чиу материализовалась рядом с Поу, как масса яркого жара.

Они спустились в нижние уровни дома, прищелкивая языками, чтобы понять принцип расположения помещений в незнакомом доме. Ю был выстроен иначе, чем Йе. Он был новее, с более широким фундаментом и кладовыми, расположенными на том уровне, что находился сразу над скальным основанием, разделенным прямой лестницей и площадкой балкона.

Внизу послышались шаги. В радиус действия их усов вплыл теплый силуэт матки, согнувшейся под тяжестью живота.

- Кто здесь?

- Поу Йе и Чиу Мха из Йе.

- Я Суун Ю, последняя, кто заснет. Я бы приветствовала вас по-настоящему, но слишком слаба, чтобы подняться по лестнице.

- Тогда мы спустимся к тебе, - решила Поу.

Они соприкоснулись усами, после чего Суун Ю отстранилась и спросила:

- Что привело вас в Ю так поздно?

Холод ледяными пальцами коснулся спины Поу, прикрытой мехом.

- Наши сестры не приходили сюда?

Суун тихо, озадаченно зашипела.

- Йе обрушился, - пояснила Чиу. - Подвижные льды раздавили его стены. Онг Йе повела самых сильных маток в Ю.

Суун снова зашипела, на этот раз громче:

- Когда?

- Несколько недель назад, - прошептала Поу, чувствуя, как из горла рвется вой.

Они нагрузили санки солониной и мороженым мясом, сушеными фруктами, мешками муки и зерна, поблагодарили Суун и поели с ней. А потом оставили ее наедине со скорбью, принесенной в дом Ю.

Рассветные лучи разливались на юге. Северо-западный горизонт еще не начал светлеть, когда они закрыли двери Ю и снова ступили на снег.

Обратное путешествие было долгим - приходилось тащить нагруженные санки, и обе матки едва не падали от усталости. Расстилавшийся вокруг снег был нетронутым, если не считать их вчерашних следов. Поу постоянно гадала, в каком месте снег похоронил маток Йе и насколько близко они успели подойти к Ю, прежде чем попали в снежную бурю.

- Должно быть, они заблудились, - твердила она себе, - и нашли

другой дом.

Но втайне невольно представляла себе лежавших под ногами сестер и собравшихся на пир червей.

Йе снова возник на горизонте. Задолго до того, как плетущуюся по снегу Поу осенило: что-то неладно. Еще больше времени ушло на то, чтобы докопаться до сути: изломанный силуэт дома изменил очертания.

- Чиу! - крикнула она. - Дом снова обрушился!

Чиу зашипела, представив размеры несчастья. Они ускорили шаг, пытаясь идти быстрее, но это плохо получалось: слишком устали ноги, слишком тяжелы были санки. Они так измучились, что даже не могли поднять хвосты.

Они бросили санки наверху пандуса и, протиснувшись мимо каменных груд, распахнули дверь.

- Гай! - завопила Поу. - Гай!

Ее хвост свернулся от ужаса. На полу кишели черви. Некоторые были толще ее хвоста.

- Гай!

Ближайшие особи медленно повернулись к ним. Реагируя на движения и тепло, раскрывая четыре лепестка ртов, чтобы показать зубы.

Поу взревела и затопала ногами, давя щитки. Чиу подметала коридор хвостом. Хитин раздавленных червей со стуком ударялся о стены.

Дверь топливной кладовой была приоткрыта. Поу рывком раздвинула ее, часто прищелкивая языком, чтобы расслышать, что творится внутри. Печь давно остыла. От груды одеял подле нее не исходило тепла.

Поу с ужасающей уверенностью откинула одеяло. Черви беспокойно зашевелились, раздраженные посторонним вмешательством.

Поу с отчаянным воем схватила обеими руками самого большого и вонзила пальцы между двумя кольцами хитина. Червь затрясся, но не выпустил жертву: передний конец пробуравил брюшину Гай и застрял там.

Чиу сжала плечо Поу.

- Слишком поздно.

Поу стряхнула ее руку и напряглась, стараясь сорвать хитин со средней части червя.

- Поу, ты мне нужна! - крикнула Чиу. Металл лязгнул о камень.

С последним бесполезным рывком Поу выпустила червя. Чиу снова взмахнула снеговой лопатой, отрубив его хвост. И этот хвост в конвульсиях бился в дверном проеме. Собратья червя протискивались мимо, разинув лепестки ртов.

Поу прищелкнула языком, пытаясь найти подходящее оружие. На

глаза ей попалась пешня.

- Родильная комната, - бросила она.

Они расчистили дорогу пешней и лопатой, после чего поспешили мимо открытой входной двери вниз по наклонному коридору, ногами отбрасывая червей поменьше, яростно орудуя пешней и лопатой, когда натыкались на больших.

Оказалось, что черви толстым слоем покрывали с полдюжины спящих маток - тех, кто лежал ближе всего к выходу. Поу прошла мимо них, проверяя усами тех, кто находился дальше. Оказалось, что тут червей почти нет. Она продолжала идти, пока не добралась до Мунк. Чиу ковыляла следом. Вместе они осмотрели неподвижное тело Мунк и собрали с ее прохладной плоти горсть маленьких червяков.

- Что нам делать? - спросила Чиу, когда Мунк была очищена.

- Придется собрать червей со всех. До самого пролома. Бросим останки здесь, чтобы малькам было чем питаться весной.

Она принялась счищать червей со спящих маток и с пола. Самых больших Чиу обезглавливала острием лопаты. Это продолжалось, пока пальцы Поу не свело от усталости. Некоторые матки уже заledenели: из их животов была высосана жизнь.

- Слишком поздно, - в отчаянии думала Поу, отрубая ротовые части червей, уничтоженных Чиу. - Слишком поздно.

Наконец они закончили и присели отдохнуть, опершись о рукоятки инструментов. Ноги Поу дрожали от напряжения. Она сбросила маленького червя со щиколотки, а Чиу - пару со своего хвоста. Их хвосты переплелись. Они сидели, как в трансе, прислушиваясь к шороху ползущих к ним тварей. Чиу неохотно замахнулась на них лопатой.

- Некоторые уже остыли, - сказала Поу.

- Но не все, - напомнила Чиу. - Не все, дорогая.

Она встала. Хвост дрожал от напряжения, когда она попыталась оторвать его от земли. Поу тяжело поднялась.

Зимой черви всегда собирались вокруг домов, выискивая трещины в камне. Самые крохотные проникали через канализацию, остальные пожирали друг друга и с невероятным упорством атаковали дом. Но Поу и в голову не приходило, что их может быть так много.

Она стала швырять останки червей к родильной комнате. Звон лопаты, ударявшейся об пол, ввинчивался в виски.

Количество червей значительно уменьшилось к тому времени, как они пробились обратно к топливной камере. Они вытащили Гай в коридор и счистили с нее червей. Поу держалась из последних сил, подавляя тошнотные спазмы при виде сморщенной скорлупы, из которой весной не появится новая жизнь. Конец без возрождения. Исчезновение с лица земли. То же самое ожидало ее и Чиу.

- Какая бессмысленная потеря, - прошептала Чиу.

Поу принялась всхлипывать, икая и задыхаясь.

Они оттащили Гай в родильную комнату и оставили там среди сестер. Самое большее, что они могли сделать теперь - убедиться, что ее плоть станет пищей для следующего поколения. Не для червей, которых осталось совсем немного в последнем отрезке коридора, от топливной камеры до заваленной лестницы. Поу и Чиу быстро от них избавились.

- Матушка Мха! - выдохнула Чиу, когда они добрались до лестницы.

Весь коридор был завален снегом. Второе обрушение башни окончательно разбило внешнюю стену. Из снега наполовину высовывался гигантский червь. Очень толстый. В два обхвата Поу. Дрожь пробежала по его телу, когда он выбрался из снега сразу на целую ладонь.

Чиу зарычала. Ее вопль рос и усиливался, пока она поднимала лопату к плечу. Она ударила червя, словно копьем. Лезвие наткнулось на хитин и скользнуло вдоль тела червя, пока не застряло в шве между двумя щитками. Червь рванулся к неожиданно появившемуся врагу.

Поу ударила его пешней в другой бок. Чиу приготовилась ко второму броску. Лепестки раздулись, показывая ряд крючковых зубов. Поу отступила, и червь снова бросился вперед. Второй удар Чиу тоже оказался бесполезным. Зато пешня Поу пробила щиток и застряла в теле. Дернувшись от боли, червь выбил рукоять из руки Поу. Она поспешно отскочила от бьющегося в судорогах тела. Нога ударилась обо что-то металлическое. Масляный обогреватель!

- Чиу, отвледи его! - крикнула она.

Чиу ударила лопатой по ротовым лепесткам червя. Они резко сжались. Поу обшаривала пол. Ее пальцы наткнулись на кремневую зажигалку. Поу стала лихорадочно щелкать ею, чтобы зажечь фитиль. Ничего не получалось.

Чиу яростно рубила лопатой бок червя. Его лепестки снова раздулись, и Поу швырнула масляную лампу в открытую пасть. Лепестки сомкнулись. Червь бешено рванулся в сторону, сбив Чиу с ног, и выгнулся. Передний его конец ударился в потолок, и Поу услышала треск раскалывавшихся камней.

- Чиу, - крикнула она, пытаясь оттащить сестру. Червь рухнул на пол. Сверху посыпались камни и лед. Потолок прогнулся и осел.

- Ешь.

Чиу открыла рот, схватила губами полоску сушеного мяса и стала медленно жевать. Двигалась она осторожно: сломанная нога неуклюже торчала вперед.

Поу теснее прижалась к ней под одеялами, делаясь теплом, и засунула в рот другую полоску мяса.

- Поу, как по-твоему, долго еще до весны?

- Не знаю... Я не выходила наружу, чтобы посмотреть.

Впрочем, неизвестно, что бы она увидела. Подскажут ли что-то звезды и слабое, короткое солнечное сияние, теперь уже не венчающее горизонт, если раньше она никогда не зимовала на Южном полюсе?

- Кто мы, Поу? Мы не производители. Перемена пришла к нам. Но мы не матки, и в наших животах нет зародышей. Кто мы?

Поу немного подумала:

- Неспящие, - выговорила она наконец.

- Неспящие.

Короткий взрыв смеха Чиу перешел в судорожные всхлипы.

Поу проснулась в темноте. Немного полежала, прислушиваясь к покою, с трудом поднялась и поковыляла к двери. По привычке захватила погнутую, местами пробитую снеговую лопату.

Дверь в топливную кладовую открылась только со второй попытки. Услышав какой-то незнакомый звук, Поу прислушалась. Звон.

Она подождала, пока он замолкнет или изменится.

Ни того, ни другого не случилось.

Звон. Капель. Бегущая вода.

- Чиу! - завопила она. - Чиу Мха! Вода! Весна настала!

Не дождавшись ответа, она недоуменно обернулась.

Поу оставила труп Чиу лежать на месте. Бросила и лопату, но по привычке раздавила парочку червяков, попавшихся на дороге к внешней стене. Ноги разбрызгивали ледяную воду, скопившуюся в центре коридора. Иногда она наклонялась, чтобы осмотреть дыры стока внизу стены. Растаявший снег стекал к заглубленной середине пола. Оттуда вода бежала дальше по наклонной плоскости.

Поу, прихрамывая, тащилась вдоль стены. По контуру входной двери пробивался свет. Она открыла дверь несколькими короткими толчками и была вынуждена прислониться к косяку, чтобы передохнуть. Поташилась по пандусу, через полурастаявший снег и скопления камней, и почти добралась до верха, но споткнулась и поняла, что дальше идти нет сил. Моргнула от резкого света. Зажмурилась. Глаза слезились.

- Весна, - выдохнула она. Но как долго ждать, пока снег растает полностью! Пока появятся цветы. И еще дальше - прежде чем производители поплывут на юг, по следам лета. Она долго полулежала на камнях, наблюдая, как ярко-красный диск поднимается над горизонтом, прежде чем снова исчезнуть из вида.

Снежная слякоть просачивалась сквозь одежду. Наконец она кое-как поднялась и вернулась назад.

А когда отдышалась, отправилась в топливную кладовую и вытащила тело Чиу, отдыхая через каждые несколько шажков. Следуя за звенящей водой.

Пол родильной комнаты уже оказался под пленкой воды. В ней плавали крошечные черви, но теперь это было неважно. Зародыши росли в чревах маток. Они прогрызут свой путь на свободу, и тогда хищник и добыча поменяются ролями.

Протянет ли она до возвращения кораблей?

За нее ответила усталость.

Сомнительно, чтобы производители так и не узнали, что было сделано после обрушения дома. Но это неважно: довольно и того, что малышки были спасены.

Она потащила Чиу мимо спящих сестер, к тому месту, где лежала Мунк, и, кряхтя от напряжения, легла между ними. И погладила их холодные лица.

Лицо Чиу, которая никогда не оживет в своих детях.

Лицо Мунк, из чрева которой вот-вот вырвется на волю новая жизнь.

Как же будет выглядеть ее исчезновение с лица земли?

Она вдруг ощутила внезапный укол страха. Именно теперь, когда ее затухание так близко. Будет ей больно или она угаснет, сама того не сознавая, словно погрузившись в сон?

Она прислонилась головой к слабому теплу живота Мунк. Там, внутри нее, второе рождение. Воскресение.

Она прислушалась к звону воды.

Мысли рассеивались...

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

© Ian McHugh. Sleepless in the House of Ye. 2009. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2009 году.

**БЕНДЖАМИН КРОУЭЛЛ
БОЛЬШОЕ ВЕДРО**

Иллюстрация Вячеслава ЛЮЛЬКО

Сидибе Траоре стала дипломатическим представителем Земли, потому что была астронавтом, а еще потому, что любила давить пузырьки в воздушно-пузырчатой упаковочной пленке. Сиди вызвалась добровольцем безо всякой надежды быть избранной. Просто она находилась на перепутье, подозревая, что в скором времени все ее профессиональные навыки безнадежно устареют, а значит, надо подыскивать какое-то новое занятие. Для начала Сиди решила навестить то подобие семьи, которое у нее еще оставалось в Бамако. А там уж подумать о выборе дальнейшего жизненного пути.

Едва Сиди покинула стены собственной квартиры в Хьюстоне, ее перехватила соседка.

Миссис Форрест опиралась на ходунки и таранилась на нее сквозь бифокальные очки:

- Синди, дорогуша, ты случайно не приболела?
- Боюсь, что так, мэ, - ответила Сиди. - Спасибо вам за то, что поливаете мой папоротник, пока меня нет.
- Не стоит благодарности, дорогая. А у меня тут есть кое-что для тебя.
- Соседка протянула ей коробочку из-под леденцов, перевязанную изрядно выцветшей красной ленточкой.
- О, как мило с вашей стороны! - Одна только мысль о пище вызвала у

Сиди приступ тошноты.

- Леденцы и орешки. Если ленточка тебе не нужна, то мне еще пригодилась бы. Та мексиканочка из новостей сказала, что пришельцы уже практически прибыли, потому что они выслали радиосигналы со своего корабля, а корабль этот летит к нам почти со скоростью звука.

- Света. - Носовые пазухи Сиди давно так не страдали - со времен тренировок по декомпрессии.

- Она сказала «звук». Не понимаю, почему они собираются промчаться мимо нас и не желают немного задержаться и погостить, как будто вся наша планета - какой-то богом забытый полустанок с остановкой по требованию. Очень много людей вроде меня хотели бы с ними познакомиться. Ты ведь знаешь, я прекрасно уживаюсь с цветными, так почему у нас должно быть как-то по-другому с существами, у которых щупальца вместо рук-ног?

- Я уверена, они и рады бы остановиться у нас, нанести визит и все такое, да только их автобус - размером с город, и если уж он разогнался, его невозможно то и дело останавливать и снова разгонять. Поэтому они совершают что-то вроде облета Галактики и подбирают представителей разных видов, которые уже достаточно созрели, чтобы вступить в Галактическую Цивилизацию, - объяснила Сиди, добавив, что спешит в аэропорт.

Сиди не слишком забивала себе голову мыслями о жутких процедурах, которым пришельцы вынуждены были подвергать человеческое тело, чтобы иметь возможность за несколько дней придать ему скорость, близкую к световой (СМИ для обозначения этих процедур использовали словосочетания «железная дева», «шинкование» и даже неудобоваримое «франкенштейнизация»). Не терзалась она также перспективами провести остаток жизни в обществе жукоглазых монстров, в то время как на Земле будут проходить - благодаря релятивистскому сжатию времени - целые века. Никто ее не выберет для такой миссии. Она и вызвалась-то лишь потому, что... ну, Корпус астронавтов Соединенных Штатов был фактически единственной ее семьей, и не сделать шаг вперед, когда из строя вызывают добровольцев, - это было бы сочтено... она хорошо знала словосочетание, которое употребили бы американцы: «Дерьмо цыплячье».

Ее рейс с пересадкой в Париже задерживался в связи с погодными условиями. А когда Сиди еще только ехала на такси в аэропорт Кеннеди, ей пришел вызов от Матти Карьялайнена, с которым она в свое время совершила два долгих орбитальных полета. У Сиди не было настроения разговаривать, поэтому она предоставила прием сообщения своей аватаре, а потом уже прослушала запись.

Бон суар, Сиди. Э-э... мне известно, что ты вызвалась добровольцем, я тоже это сделал, но, видишь ли, не знаю, как ты, а

многие из нас уже передумали. Они там нарезают тебя соломкой, как картошку для жарки во фритюре, сечешь? Главный говорит, что теперь, когда мы получили информацию об этих их процедурах, никого не будут винить, если он заберет бумажку со своим именем из шляпы. Как бы то ни было, я тут пообщался с охотником за головами из «SpaceX», и тот меня заверил, что они с удовольствием нанимают бывших астронавтов в качестве менеджеров. Я ему рассказал про тебя: мол, Траоре - это терминатор и всегда своего добьется.

Аватара Сиди записала номер охотника за головами.

На мониторе у стойки регистрации Сиди увидела номер своего рейса в списке отмененных, а служащий сказал, что следующий подходящий рейс, который, возможно, все-таки состоится, будет не раньше пяти часов утра. Сиди уселась на скамью и проверила телефон. По тематическим строкам в меню входящих сообщений она увидела, что огромное множество сообщений, схожих по содержанию с посланием Матти, пронесется по довольно узкой социальной сети различных организаций астронавтов всего мира. Сиди почувствовала, как у нее забила жилка на виске. Похоже, все до единого пошли на попятный. Может, и ей стоит дать задний ход?

Это было не то решение, которое хочется принимать, сидя в пустынном терминале аэропорта, когда тебя бьет озноб и клонит ко сну. Сиди выудила из сумки коробку шоколадных конфет и съела одну, машинально раздавив пузырек воздуха в пластиковой обертке. Она тут же рассчитала, что если будет давить один пузырек в три минуты, отключившись от всего остального мира, то это поможет ей скоротать время как раз до пяти утра. Сиди запихнула телефон на самое дно сумки и не позволяла себе даже взглянуть на него, пока не раздавила последний.

Когда в пять часов она снова извлекла телефон на свет божий, в списке появились девятнадцать новых сообщений, одному из которых ее личный искусственный интеллект присвоил высший приоритет. Сообщение было от Жань-Ю Вена:

Привет, Сиди. Извини, что беспокою тебя, когда в Америке еще ночь. Но дело вот в чем... мне тут позвонил Главный Босс и сказал, что большинство кандидатов уже слиняли. Он видел список, и тот выглядит так: ты под номером два и я под номером один. Вот тут-то я и задумался, поскольку моя девушка беременна и мы с ней собираемся пожениться...

* * *

Автоматический дипломатический корабль Галактической

Цивилизации продолжал свой запрограммированный грандиозный облет Млечного Пути, проскочив Рукав Ориона и возвращаясь в Рукав Персея. На борту его уже находились семь с лишним сотен представителей разных цивилизаций. В одном из отсеков два таких представителя пытались наладить дипломатические отношения. Искусственные интеллекты действовали как переводчики и посредники.

- Я не могу вести переговоры от лица всего человеческого рода, - предупредила Сиди чужака, туловище которого напоминало паука и осьминога, захваченных врасплох в самом разгаре смертельной схватки.

Искусственные интеллекты собеседников выдали очередной цикл перевода. В качестве визуального представления аватары собеседника Сиди выбрала гравюру на дереве с изображением Белоснежки.

- Ваша планета является домом еще и... - Белоснежка вопросительно приподняла брови и похлопала длинными черными ресницами.

- Да, у нас обитали другие гоминиды, вступившие в Галактическую Цивилизацию на более ранней стадии, - ответила собственная аватара Сиди - это была Гусеница из «Алисы в Стране Чудес».

- Но вы, конечно, сохраняете преемственность между культурами?

- Нет, - вынуждена была признать Сиди, сознавая, что роняет себя в глазах собеседника, не имея возможности сделать заявку на близкое родство с видами, которых уже приняли в Галактическую Цивилизацию.

- Они покинули нашу планету на определенном этапе и довольно тщательно все за собою подчистили. Но у нас все же осталось некоторое количество очень интересных неандертальских артефактов. Сколотые кремни, флейты из полых костей...

Может, хотя бы это зачтется. Вроде фотографии из выпускного альбома, на которой в марширующем школьном оркестре рядом с тобой можно разглядеть будущую кинозвезду, играющую на трубе.

- Вы вкусно пахнете, - заявила Белоснежка и уставилась на монохромную бабочку, усевшуюся ей на палец.

В это же время гигантский косматый шар, от лица которого она говорила, качнулся в сторону Сиди. Она усилием воли заставила себя не отшатнуться вместе с креслом, на котором сидела - единственным, кстати, предметом обстановки во всем отсеке. Припомнила свой первый семестр в Массачусетском технологическом институте, когда она - желторотый новичок, только сошедший с трапа прилетевшего из Бамако самолета, - заставляла своих американских соучеников напрягаться, потому что становилась слишком близко к ним. Это была одна из тех культурных особенностей, относительно которых не догадался просветить Сиди ее отец-американец, обучавший

малолетнюю дочку английскому языку по книгам Доктора Сьюза*⁶.

Сиди смахнула щупальце чужака со своего глаза.

- Не могли бы вы пояснить свою последнюю фразу?

В процессе незримого электронного совещания Гусеница затянулась дымом из кальяна, а Белоснежка смотрела в пустоту и выглядела такой же статичной, как если бы вернулась на книжную страницу.

- Это ритуальная фраза, - заявила в конце концов Гусеница. Она говорила с протяжным провинциальным финским акцентом, приданным с помощью вербального модуля-плагина - шутливого прощального подарка Матти Карьялайнена.

- В каком смысле? Это комплимент типа: «Красивый у вас галстук»? Или тут какой-то сексуальный подтекст?

Эти твари вроде бы гермафродиты, так что ли?

Очередное совещание.

- Кажется, речь идет о превосходстве, о доминировании. Ты пахнешь так, что тебя приятно было бы съесть. Но это, конечно, не в буквальном смысле, а в переносном.

Сиди подавила смешок, столь потешно аватара произносила *пееерееенооосноом*. Самым лучшим приближением к человеческому существу, с которым ей придется иметь дело до конца жизни, был Кот - если, конечно, Сиди не повезет встретиться с продвинутым неандертальцем или кем-то вроде того, - поэтому не стоило оскорблять симулированные чувства своей аватары.

Какая-то ритуальная фраза. Вроде произвольного восклицания «О, господи!» или же «Будьте здоровы» - если кто-нибудь чихнет рядом. Сиди приказала себе смотреть только на светлую сторону вещей. По крайней мере в сфере психологии у них было достаточно общего, так что она сможет понять, если ее визави начнет выставляться перед ней крутым мачо. Это был многообещающий контакт, с гораздо лучшими перспективами, чем все предыдущие попытки, которые она предпринимала на борту «Автобуса» в качестве дипломатического представителя Земли. Может, сказать этой твари, что она обожает кальмаров под лимонным соусом? Нет, она наверняка потерпит поражение, если попытается играть в доминирование по правилам культуры собеседника, о которой она ничего не знает. Лучше сражаться на знакомой территории.

- У нас проблема, - заявила она этой извивающейся массе

⁶ * Доктор Сьюз - псевдоним популярного американского автора детских книг и комиксов Теодора Сьюза Гейзеля (*Theodor Seuss Geisel*) (1904-1991), многие книги которого были экранизированы как анимационные фильмы, телевизионные сериалы и даже Бродвейский мюзикл. Далее в тексте упоминаются его книги «Если бы я был директором зоопарка» («*If I Ran the Zoo*»), «Хортон кого-то чует» («*Horton Hears a Who*») и др. (Здесь и далее прим. перев.)

морепродуктов. - Если я с кем-то договариваюсь, то ожидаю от него, что он хорошо подготовится к встрече. Похоже на то, что вы не озаботились выучить хотя бы некоторые наши обычаи. На таких важных переговорах должны подаваться разлитая в бутылки вода и блюдо разнообразной горячей сдобы. Все это располагается на большом столе.

Клешни и щупальца на миг перестали молотить воздух.

- Будет ли достаточным виртуальное присутствие всего перечисленного?

- Да, - изображено согласие, но как бы через силу. - Полагаю, да.

Не похоже, чтобы у этой твари среди ее личных пищевых запасов имелась еще и сдоба.

- Но вы должны угостить меня тем же, - перевела Белоснежка, и на ее плоском детском личике появилось выражение сомнения.

- Разумеется.

- Очень хорошо, - сказала Белоснежка.

- Если бы вы оба разместились по ту сторону... - вежливо попросила Гусеница.

Обе аватары совместным усилием сотворили виртуальный стол и провизию. Сиди осторожно придвинула свое реальное кресло к иллюзорному столу, уселась и сделала вид, что отвинчивает крышку бутылки с водой. Медузоид рубанул иллюзорную булочку каким-то похожим на нож придатком, как будто хотел ее уничтожить, а затем сделал вид, что забрасывает половинки в некое отверстие в своем теле, но не в то, относительно которого Сиди предположила бы, что это рот.

* * *

Отношения с этим чужаком, которого Сиди прозвала Мопси, успешно развивались по нарастающей, а затем внезапно и необъяснимо прервались. И все это в течение одного дня по корабельному времени - 220 лет на Земле. Любопытство, проявленное Мопси по поводу иконки аватары Сиди - Гусеницы из «Алисы» («Это что - Homo erectus?»), - подвигло Сиди на попытку культурного обмена: Льюис Кэрролл, «Матушка Гусыня» и Доктор Сьюз в обмен на доказательства некоторых теорем из теории чисел. Затем книжка Доктора Сьюза о Хортоне привела к дискуссии относительно дикой фауны Земли. А дискуссия завершилась тем, что вечером того же дня они охотились на анимационных мамонтов в одном из громадных километровых отсеков «Автобуса» (Сиди с иллюзорным копьем, Мопси лишь с собственными иллюзорными когтями). И все бы хорошо, но на следующее утро, проснувшись, Сиди получила сообщение от Мопси, которое в переводе

звучало примерно так: *К сожалению, ничего у нас не получилось*, а на дисплее коммуникатора видно было, что Мопси заблокировал вызовы от нее.

Оставалось совсем немного времени до момента, когда «Автобус» завершит свой галактический круиз и набранная им когорта представителей разных видов будет инициирована для приема в загадочную Галактическую Цивилизацию. Прошло тридцать два дня корабельного времени, и если ничего не переменится в оставшуюся неделю, то ей просто нечего будет предъявить в качестве результатов своих дипломатических усилий.

Невзирая на поселившуюся в душе тоску, Сиди продолжала регулярно завтракать в трапезной для кислорододышащих вместе с чужаком, которого она прозвала Бонсаи, потому что он напоминал рыжеватую сосенку. Сиди хлебала жидкую пшеничную кашу, а Бонсаи, уместившись под столом, соскребал мозоль с большого пальца ее ноги. Похоже, ороговевшая кожа была для него изысканным лакомством. По крайней мере Бонсаи действительно хотел ее съесть, а не играл в какие-то умственные игры на эту тему. Скверно лишь то, что установленное между ними взаимопонимание не выходило за рамки вопроса: какие еще ткани ее тела он мог бы погрызть без того, чтобы ей повредить. Она тешила себя надеждой, что по крайней мере смогла установить с чужаком что-то вроде тех отношений, которые китайцы называют *guanxi* (ну, это когда ты, например, даришь своему боссу на лунный Новый год упаковку сигарет «Мальборо»).

Она проглотила ежедневную голубую пилюлю - «снижает депрессию, способствует развитию членораздельной речи, подавляет позывы к человекоубийству» - и пробежалась по заголовкам последних новостей с Земли, переведенных Котом. Французский стал мертвым языком, английский изменился до неузнаваемости. К власти пришло новое всемирное правительство и прислало ей свои инструкции, озаглавленные «Документ озарений». Объем этого «Документа» превышал сотню страниц. Сиди должна была распечатать текст для других представителей (тут имелась пометка Кота, что он это уже сделал) и перестроить свою дипломатическую активность согласно новым указаниям.

Первую страницу занимала преамбула относительно духовного предназначения человечества, написанная обтекаемыми фразами. Складывалось впечатление, что текст составлен многочисленной комиссией, члены которой не соглашались друг с другом по большинству вопросов. Сиди прервала чтение и проверила более поздние известия. Ага, эта безмозглая теократия была свергнута в результате государственного переворота, поэтому надобность в изучении манифеста отпала. Сиди могла лишь сожалеть о том, что Земля - с тех пор как она ее покинула - не выбрала более мирного пути

культурного загнивания. А то вот население планеты вновь вернулось к семизначной цифре после кошмарной войны с применением митохондриального оружия. Похоже, род человеческий находил слишком экстравагантным признать, что сейчас самая главная его задача - не исчезнуть прямо перед приемом в Галактическую Цивилизацию. Возможно, дело пошло бы легче, сумей представители ГЦ объяснить примитивным видам, какие действия предполагает процедура приема в ее ряды. Может, от гомо сапиенс ожидают, что они очистят планету для грядущего миллионного господства китообразных или шимпанзе?

А вот тут что-то по-настоящему интересное: сообщение с одной из планет чужаков, адресованное непосредственно ей. Она припомнила обитающий на этой планете вид: живущие в вакууме лужицы низкотемпературной серебристой жидкости, питающиеся инфракрасным излучением. В самом начале своего путешествия Сиди потратила полдня, пытаясь вступить в контакт с этим видом. Сделала она это исключительно из чувства противоречия, потому что корабельный ИИ в списке из 837 представителей чужих видов, хотя бы в чем-то совместимых с гомо сапиенс, отвел именно Луже 837-е место. Сиди убедилась, что в этом искин оказался абсолютно прав. Она не смогла выудить из Лужи ни единого слова. Эта тварь напомнила Сиди одного свежеепеченного доктора наук из Миннесоты, которого пыталась сосватать ей подружка по комнате в общежитии.

Зачем родной планете этого существа понадобилось устанавливать прямой контакт с ней? Наверняка ведь их уже приняли в ГЦ, пока это послание совершало свой неспешный путь на световой скорости через всю Галактику. Сиди открыла карту.

Ага! Оказывается, Лужу одной из первых приняли на борт. Маршрут «Автобуса» был круговым (на ультрарелятивистских скоростях резкие повороты не приветствуются), и вскорости этот круг замкнется, а «Автобус», следуя установленной траектории, снова должен оказаться вблизи родимой планеты Лужи. Сигналу, чтобы добраться от нее, потребовалось всего три корабельных дня.

Уважаемое человеческое существо, мы с удовлетворением восприняли факт Вашего визита к нашему представителю. Мы сожалеем, что разница в протекании наших мыслительных процессов, по всей видимости, создала определенные коммуникативные трудности. Наш мыслительный аппарат работает методом последовательных вычислений, тогда как среди мозгов, состоящих из клеточной ткани, распространен, насколько нам известно, параллельный режим работы. Группа представителей нашего вида может преодолеть это препятствие, искусственно создавая параллельные мыслительные потоки, но отдельный индивид нашей расы лишен такой возможности и не способен

думать со скоростью, соответствующей темпу ваших мыслительных процессов.

У Сиди екнуло сердце: вот оно, реальная зацепка! Она вскочила из-за стола, чем вызвала испуганный писк Бонсаи.

- Прошу прощения! - бросила она чужаку, сильно сомневаясь, что до того дойдет факт извинения.

Она поспешила к лифтовой шахте, дочитывая послание на ходу. Спohватившись, что обута лишь в одну сандалию, сбросила ее и засунула под мышку. Лужа обитала снаружи корпуса, на верхней палубе. Все равно в скафандр не залезают в сандалиях.

Галактическая Цивилизация пыталась приспособиться к нашим специфическим требованиям с помощью искинов, но любое важное решение должно приниматься нашим представителем, а не ИИ. Но мы полагаем, что сможем найти решение этой проблемы.

Гм, так они что, до сих пор еще ищут «решение», когда все вот-вот должно закончиться? А с другой стороны, из этого следует, что Лужа - такой же негодный дипломат, как и сама Сиди.

Пространство-время в пассажирских отсеках корабля почти плоское, но в прилегающей к «Автобусу» области, за пределами его корпуса оно высокой степени неевклидово, и там имеются краевые поля в промежуточном зазоре, напряжение которых усиливается экспоненциально по мере удаления от корпуса. Наш представитель заметил, что время на палубе, где он обитает, течет немного быстрее, чем в остальной части корабля. Элементарная экстраполяция показывает, что если он удалится на десять метров от корабля, то его мыслительные процессы по скорости смогут сравниться с вашими, и при этом он, возможно, не подвергнется воздействию неприемлемо больших приливных сил.

«Возможно»! Вот дерьмо, это надо быть совсем безбашенным, чтобы прогуливаться в буйствующих вихрях магнитных монополей и микроскопических черных дыр, которые, как мошки, роятся вокруг корабля. Скорее всего, тебя просто затянет в открытое пространство, где ты тут же превратишься в суп-пюре из элементарных частиц, для которых физики на Земле еще даже названий не придумали.

Лифтовая шахта стремительно помчала ее вверх, но ускорение не сопровождалось никакими физическими ощущениями, и в этом было нечто жутковатое. Сиди пробежала глазами оставшуюся часть распечатки официального сообщения, но не почерпнула из него ничего толкового, за исключением того, что для выполнения этого плана Луже может понадобиться ее помощь. Сиди запоздало сообразила, что даже не предупредила о том, что направляется сюда. Она тут же послала Луже сообщение, гадая, много ли от этого будет толку, раз ее мозги столь медленно работают. Не удивительно, что прежняя попытка наладить двусторонний контакт провалилась!

Самая верхняя из внутренних палуб предназначалась для живущих при малой гравитации и низком атмосферном давлении анаэробных организмов. Сиди прошла в вестибюль, который благодаря некоей техномагии функционировал в качестве шлюзовой камеры, не имея при этом никаких физических дверей. В этом месте Сиди хранила свой облегающий скафандр - при отправлении она настояла, чтобы ей позволили захватить с собой этот продукт земной технологии, поскольку по крайней мере понимала, как он работает. И скафандр был достаточно продвинутым, чтобы не возникало нужды в предварительной десатурации⁷. По трапу она поднялась к другой фантомной шлюзовой камере, а оттуда на открытую палубу.

Сиди огляделась и определилась. Если отклониться чуть назад, то визор шлема откроет ракурс на зенит, лежащий прямо по траектории движения «Автобуса», где все микроволновое небо скукожилось, благодаря эффекту Доплера, во что-то вроде крошечного размытого комка ваты, рассматриваемого глазом сумасшедшей рыбы. Релятивистский эффект приводил к тому, что даже те фотоны, которые нагоняли корабль сзади, воспринимались ее глазами как прилетающие спереди. Что касается ведьминого шабаша экзотических частиц, роившихся вокруг корабля, то он был, к счастью, невидим. При мысли о том почти богоподобном контроле над материей и энергией, который необходим, чтобы разогнать столь гигантский корабль почти до скорости света, Сиди ощущала собственное ничтожество. Но еще большим ударом по самолюбию являлась полная невозможность даже представить себе принципы этой технологии.

Вон там находится место, где обитает Лужа. Гравитация на открытой палубе незначительная. Она запрыгала по угольно-черным плитам палубы, напоминая себе, что лучше не скакать слишком высоко, раз весь этот релятивистский ад бушует всего в каких-то десяти метрах над головой.

А вот и Лужа - безмятежная, как всегда, в небольшом резервуаре, окруженном тускло светящимися сферами в стиле «1001 ночи». Сиди старалась не направлять яркий свет закрепленного на шлеме скафандра фонаря прямо на нее. Не хватало еще опозориться, начав дипломатическую карьеру с такого инцидента: вскипятить посла, с которым должна вести переговоры. Ну, и что теперь?

- Привет, Лужа! Я понимаю, что ты не можешь воспринимать мою речь в реальном времени, но все же то, что меня снова пригласили нанести визит, я рассматриваю как честь... Э-э, Кот?

⁷ * Десатурация - в авиационной и космической медицине выведение из организма азота, растворенного в его жидких средах, путем дыхания кислородом; используется с целью профилактики декомпрессионных расстройств.

ИИ Сиди возник из пустоты, он сидел на каком-то возвышении, подозрительно смахивающем на биде. Гусеница сделала затяжку из кальяна и выпустила кольцо дыма.

- Да?

- Тебе ведь знакомо содержание послания с планеты Лужи? Я не могу обсуждать его напрямую с ней, поскольку, находясь в одиночестве, она не способна мыслить достаточно быстро. Ты не постарайся активировать ее ИИ?

- Разумеется. Есть какие-нибудь пожелания относительно ее облика?

- Ну... как насчет летающей софы из какой-то книжки про страну Оз? Они там связали вместе обломки мебели, сверху водрузили чей-то охотничий трофей - голову лося на деревянной подставке - и посыпали все оживляющим порошком...

- Ты имеешь в виду Гампа? Хорошо.

Сюрреалистический мебельный конструкт грациозно вознесся из ртутной лужи, как Венера из пены морской. Лосиная голова с бакенбардами, посаженная на деревянное блюдо, глядела на Сиди сверху вниз с надменностью лорда.

- Привет снова, - произнесла голова с гнусавым американским акцентом.

- Привет. Я полагаю, ты уже ознакомилась с посланием с родной планеты вашего хозяина?

- Да, но боюсь, я не имею права принимать никаких решений от его лица, - ответила аватара, высоко задрав подбородок, как будто ей абсолютно все было безразлично. Это напомнило Сиди одного секретаря в деканате Массачусетского технологического. - Ему понадобится время, чтобы все обдумать.

- Но если бы мы решили все это проделать, каковы были бы требования по его жизнеобеспечению?

Гамп сделал неопределенный жест крылом, напоминающим лист пальмы.

- Ну, вы сами видите, что его потребности невелики. Главное - сохранять его целостность и не подвергать воздействию слишком высоких температур.

- Ясно... стало быть, нужно ведро или что-то вроде?

- Да, это приемлемо, по крайней мере пока ведро будет оставаться холодным. Думаю, можно просто оставить ведро на этой палубе, и оно промерзнет в достаточной степени.

- Каковы объем и масса вашего хозяина?

- Около двадцати литров, сотня килограммов.

- Значит, ведро должно быть большое, но думаю, я смогу поднять его в такой гравитации. Мы, наверное, просто используем нечто вроде стремянки, чтобы поднять его на нужную высоту?

- Это может оказаться затруднительно, - возразила посаженная на

блюдо голова. Легкое сокрушенное покачивание ее рогов рождало сильнейшее подозрение, что все трудности вызваны одной лишь вопиющей некомпетентностью Сиди. - Физики с родной планеты хозяина прислали кое-какие вычисления...

- Конечные выводы, пожалуйста!

- Хозяин подвержен воздействию электромагнитных полей. Как только он окажется на высоте двух или трех метров, то, по их мнению, возникнет результирующая сила, направленная вверх, а кроме того, может появиться горизонтальная нестабильность.

- Позволь прояснить все до конца. Мне это видится следующим образом. Я привязываю веревку к ручке ведра, ведро запускается ввысь, а я затем удерживаю его над головой, будто воздушного змея, чтобы оно не умчалось в окружающее пространство?

- Возможно.

- Ясно. Думаю, нам понадобится крышка для этого ведра. И с какой силой надо будет удерживать веревку?

- Эквивалентной нескольким сотням килограммов в земной гравитации.

- Значит, руками не удержать, понадобится что-то вроде лебедки или простого подъемного блока. И что произойдет, если я утрачу контроль над этим ведром-змеем?

- В худшем случае автоматическая система безопасности «Автобуса» вмешается до того, как он сможет улететь на большое расстояние и его поглотит одна из микроскопических черных дыр.

- Хорошо хоть, термоядерного взрыва не последует.

- Возможно, нет, - аватара небрежно махнула пальмовым листом.

- Возможно, нет! - кажется, подсознание Сиди совершенно точно выбрало визуальное воплощение для ИИ Лужи. Похоже, этот искин такой же чокнутый, как Гамп из страны Оз, обликом которого она его наградила.

- Мы вполне уверены, что корабль оснащен достаточно надежной системой безопасности, - заявила аватара. - В конце концов, «Автобус» странствует уже почти полмиллиона лет. Мы просто не знаем всех деталей.

«Безопасность» в данном случае означает безопасность для самого «Автобуса». Кто их знает - может, они предпочтут заранее прихлопнуть Лужу как букашку, чтобы она тут все не разнесла, когда будет взрываться. До сих пор таинственные отсутствующие повелители корабля проявляли себя вполне благожелательно. Но, видимо, и их попустительству есть пределы. Хотя главным образом рискует Лужа. Похоже, этот план - ее главный шанс сделать что-то полезное для человеческого рода, к тому же всегда легче приносить извинения, нежели испрашивать разрешения. И в конце концов, если уж говорить о ней самой, что она теряет? Незримые галактические лидеры

заявляли, что совершенно невозможно объяснить, какой будет жизнь избранных представителей, когда «Автобус» завершит свой тур. Но в любом случае понятно, что это билет в одну сторону. Может, она, одетая в тогу, за сигарами и бренди будет предаваться воспоминаниям об Африке в компании представителей гомо эректус и гомо габилис^{*8}. Как бы то ни было, речь сейчас не о ней, а о ее задании.

- Я бы хотела помочь, - сказала она Гампу, - но все зависит от того, сможет ли Лужа принять решение достаточно быстро.

Она распрощалась с аватарой Лужи, раздумывая, что делать дальше. Насколько можно доверять вычислениям, о которых говорил этот искин? Сиди представила себе компанию жидких серебряных профессоров, соотечественников Лужи, чьи ванны распределены по поверхности классной доски, исписанной уравнениями. Они экстраполировали, а это всегда рискованно. Она отыскала в воздушном шлюзе свою сандалию и вернулась на палубу. Ну, при такой гравитации не составит труда забросить обувь на десять метров в высоту. Однако швырять что-то вверх, а затем отклоняться назад, чтобы проследивать процесс полета, - задача анатомически невыполнимая, когда на тебе скафандр. Поэтому Сиди просто легла навзничь на палубу.

- Кот?

Кот тут же нарисовался в уголке глаза.

- Да?

- Я собираюсь подбросить в воздух - то есть в вакуум... или, ну, что там имеется... - эту сандалию. Я хотела бы, чтобы ты наблюдал за ней со стороны, с расстояния метров десяти или что-то вроде. Ты ведь способен это сделать? - Она имела туманное представление о том, как работают сенсоры ГЦ.

- Да.

- Отлично, значит, ты сообщишь мне, на какой он будет находиться высоте и заснимешь все это на видео для последующего анализа.

- Легко.

Она зажала сандалию между ладонями, как молящийся христианин, затем, тщательно контролируя усилие, мягко толкнула ее ввысь. Обувка довольно долго возносилась и возвращалась обратно.

- Два и шесть десятых метра, - сообщил Кот.

- Тебе ничего не показалось странным?

- Странным? В каком смысле?

- Ну, ты не заметил чего-нибудь вроде нарушения законов физики?

- Каких законов физики?

- Ладно, проехали.

⁸ * *Человек прямоходящий и человек умелый - современники австралопитеков и предполагаемые предки человека разумного.*

Возрастает по экспоненте, сказал Гамп.

Она подхватила сандалию и запустила ее снова, на этот раз сильнее. Та поднималась примерно в течение десяти секунд, а затем, когда достигла определенной высоты, на нее будто шквал обрушился. Сандалия задергалась, словно рыба на крючке, ее вялые обороты вокруг оси превратились в бешеное вращение пропеллера, и она с какой-то неистовой силой понеслась ввысь. Затем так же внезапно некая невидимая рука отбила ее назад в сторону палубы, напрямик на Сиди. Сиди стремительно откатилась прочь от места предполагаемого падения, ненароком подпрыгнув при этом на несколько метров над палубой.

- Куда она свалилась? - закричала Сиди, когда вновь опустилась на палубу и зафиксировалась.

- Она все еще падает, - ответил Кот.

Сиди глянула вверх и убедилась в его правоте. Сандалия опускалась на палубу с обычной скоростью.

- Ох уж эти законы физики, - заметил Кот.

* * *

Сделки по обмену материальными объектами удавались поразительно легко, если сравнивать их с попытками заключения межзвездных союзов. *У меня есть X, у тебя есть Y. Давай махнемся.* Такое послание, как правило, легко переводилось на любые языки. У кого-то действительно имелось ведро - она выяснила, у кого. Это было параноидальное пушистое создание, не позволившее Сиди войти в его отсек, где оно проводило все время, уютно зарывшись в кучу своих собственных движущихся и разговаривающих механических копий. У Сиди не нашлось того, в чем нуждался Пушистик, но она отыскала того, кто этим владел. Она выстроила сложную цепочку взаимных обменов. Со своей стороны, ей пришлось пожертвовать четыремя парами хлопковых носков, новый владелец которых использовал их, чтобы удерживать свои псевдоподии от деформации в слишком сильной гравитации на верхней палубе, где обитали существа, дышащие хлором.

В результате еще более обширной серии обменных транзакций Сиди стала обладательницей прочного и гибкого стального кабеля, использовавшегося одним из обитателей зон с высокой гравитацией в качестве легкой закуски. К этому времени она уже прослыла специалистом по реализации невозможного. Виды, чьи системы коммуникации были слишком уж чуждыми, приводили с собой посредников, чтобы объяснить, в чем они нуждаются.

Сиди совсем запустила свои дипломатические обязанности. Кот начал

создавать для нее базу данных.

Теперь ей требовалось одно: простой подъемный блок. Что ж, она ведь закончила институт с дипломом инженера? В сравнении с окружающей ее техникой и технологией это было легче легкого. Блоки - простые и сложные, фиксированные и мобильные... Может, она и не разбирается в теории Великого объединения, но с этой элементарщиной она сотни раз сталкивалась еще на подготовительных курсах. Все предельно просто.

Если не считать того, что это *не было* просто. У нее под рукой не имелось ни катушек, ни зубчатых колес. Ни осей, ни подшипников, ни храповиков, ни захваток, ни хомутиков, ни рым-болтов - ни даже обыкновенной скрепки для бумаг или рулончика клейкой ленты. Сиди не сомневалась: Архимед, доведись ему работать на борту космического корабля, показал бы себя жалким неудачником.

Вот же дерьмо! А всё эти голубые пилюльки, это они поощряют ее искать оправдания. Архимед как раз сделал бы что-нибудь более или менее компетентно. Если отбросить действие этих внушающих оптимизм пилюль и трезво оценить положение вещей, то все обстоит гораздо хуже. Она завалила этот план точно так же, как завалила всю миссию на борту «Автобуса», и теперь, когда она окончательно провалилась, то может провести остаток жизни в добровольном одиночном заключении, оплакивая свои неудачи и свою жалкую участь. Является ли такая оценка положения дел более разумной и объективной? Да откуда ей знать, раз эти пилюльки искажают ее способность самооценки? Это непереносимо. Сиди бросилась в ванную, схватила все, что осталось от ее сорокадневного запаса пилюль и спустила в унитаз.

Сиди билась головой о зеркало, когда послышался сигнал коммуникатора. Усилием воли она взяла себя в руки.

- Кот, что там?

- Это Мопси и Белоснежка. Говорят, что не по вопросам обмена.

- Мопси? Ладно,пусти их. - Сиди схватила пачку бумажных салфеток и выскочила из ванной.

Трехмерный Мопси и плоская Белоснежка возникли в портале коммуникатора.

- Мопси, я... удивлена твоим визитом.

Белоснежка проделала несколько театральных жестов.

Сидибэ Траоре, истекли все сроки.

Обсудить бы надо твой демарш жестокий!

- Я... чего? - она вытерла нос салфеткой, стараясь, чтобы это выглядело непринужденно.

Прочитан мною ваш «Документ»,

И сразу мне стало все parfaitement.

- Э-э, вообще-то это не рифмуется. «Н» и «т» в конце «parfaitement»*

не произносятся. Но почему ты говоришь стихами?⁹

- Да во всех твоих книжках полно поэзии. - Белоснежка выглядела озабоченной. - А разве проза в подобных случаях лучше? Я, честно, слабо во всем этом секу.

- Это зависит от того, для каких «случаев».

Белоснежка стала заламывать руки.

- Когда ты надменно отвергла свою долю добычи, я...

- Погоди, какой добычи?

- Мамонт! - Белоснежка, казалось, с трудом сдерживала рыдания.

- А-а. - Тот картонный мамонт, которого они завалили? Опять какое-то непонимание, вызванное культурным барьером. Может, теперь Мопси рассматривает ее как доминирующую особь?

- Ты вкусно пахнешь, - выпалила она наугад, исключительно с экспериментальной целью.

Щупальца обвисли, а Белоснежка сцепила руки и опустила голову. В яблочко, са у est!^{*10} Но теперь Сиди и впрямь ощущала себя несколько жестокосердной. У нее возникло покаянное желание предложить Белоснежке салфетку.

- Ничего страшного, Мопси. Вопросы неофициальной иерархии для нашего вида не так важны, как для вашего. Ты бы не хотел продолжить культурный обмен?

- Нет нужды в притворстве. Я теперь все понимаю.

- Да?

- Как только я прочел «Если бы я был директором зоопарка», то понял, что тщательно культивируемый вашим видом образ слабаков - все лишь хитрая уловка.

- В самом деле?

- Да. Ваш подлинный облик явственно прочитывается в вашей детской литературе: все эти клетки и вольеры, неудержимое стремление покорять, главенствовать. А затем, когда я проштудировал этот ваш «Документ озарений», я убедился, что это действительно так, невзирая на всю велеречивую сладкоголосую пропаганду, каковой является этот текст.

- Разумеется. Ты слишком умен, чтобы клюнуть на примитивные пропагандистские уловки.

Щупальца снова обрели некоторую упругость, а Белоснежка позволила себе сдержанную улыбку,

- Но эта твоя коммерческая сеть, которую ты создала с какими-то скрытыми целями, это просто шедевр.

- Я... э-э... спасибо.

- Я предполагаю, что твоя истинная цель и цель всего вашего вида не

⁹ * *Parfaitement* (фр.) - понятно.

¹⁰ * *Sa u est* (фр.) - Вот оно! В точку!

что иное, как... - Белоснежка многозначительно подняла бровь.

- О, ты догадался...

- Абсолютное господство над всей Галактикой! - Белоснежка топнула ногой и взвизгнула. - Я подозревал это!

Наверное, Мопси считал Сиди гораздо более смышленной, чем она была на самом деле. Господствовать хотя бы над всей этой бандой избранных представителей - и то задача столь же абсурдная, как попытаться выучить ораву кошек маршировать и отдавать честь старшим по званию.

- Ходят слухи, - продолжила Белоснежка, принимая, по всей видимости, за скрытность молчание Сиди, вызванное на деле полным замешательством, - что когда настанет день и мы вольемся в ГЦ, то, ясное дело, некоторые из нас окажутся на вершине пищевой пирамиды.

Сиди оставалось надеяться, что это тоже всего лишь метафора.

- Но, конечно же, ты не посветишь больше никого другого в этот наш маленький секрет?

- Нет, конечно же, нет! Никогда! - Белоснежка отрицательно замахала руками, а Мопси повторил ее жест щупальцами, с явно преувеличенным энтузиазмом. - Но если есть какой-то способ нашему народу попасть...

- ...В число избранных? Ну, разумеется... Кстати, Мопси, скажи, а какой вес ты способен поднять своими щупальцами?

* * *

Когда Сиди закончила приготовления к запуску ведра-змея, она уже сожалела о своем импульсивном решении избавиться от пилюль. Она опасалась грядущей ломки и, проснувшись на следующий день, ожидала появления девятибалльной головной боли по шкале Рихтера, делириум тремени и явления демонов с вилами на изготовку из черных штормовых туч.

И не испытала ровным счетом ничего.

Тут же возникли подозрения, что пилюли оказались всего лишь плацебо. И что это говорило о ней самой? Кажется, умники там, на Земле, после полного ее психологического обследования решили, что она просто прирожденная отшельница во власянице.

«Давайте пошлем Траоре, ей все по барабану. За четыре года учебы она всего лишь три раза выбиралась на свидание с парнями. Она не станет возражать против пожизненного одиночного заключения. И для полного счастья пропишем ей плацебо».

Ладно, к черту этих докторов магии из ООН, в конце концов, они давно уже умерли от старости - несколько недель назад. Она не ради них на

все это пошла, а просто потому, что она не дерьмо цыплячье! Сиди, к собственному удивлению, почувствовала, что она счастлива каким-то горьким, безнадежным, исполненным ненависти к миру счастьем. Она переделалась и поймала себя на том, что мычит под нос мотив старой малайской попсовой песенки, которая нравилась ее матери.

Воскресенье в Бамако, это день веселых свадеб.

Послышался сигнал коммуникатора.

- Да?

В портале возник Гамп.

- Мой повелитель согласился на проведение эксперимента.

* * *

- Ну, как ты там, Лужа?

Сиди, Кот и Гамп лежали на спинах рядышком и смотрели, как над их головами лениво покачивается на конце кабеля перевернутое вверх дном ведро.

Лужа отвечать не спешила. Сиди глядела на рябь, пробегающую по ртутной поверхности, и вдруг осознала, что испытывает морскую болезнь. Приступ тошноты накатил и прошел. Уф! Ей еще не доводилось выворачивать нутро в скафандре, и она не горела желанием приобретать такой опыт. Может, все дело в малой силе тяжести? Но ведь она астронавт со стажем и никогда такого с ней не случилось. Сиди с трудом сглотнула слюну.

Кот огласил послание от Лужи.

- Она говорит, что все хорошо. - И после паузы: - Надо еще.

- Мопси, стравив еще десять сантиметров, хорошо?

- Десять сантиметров, - прозвучал в коммуникаторе голос Белоснежки. Она со своим хозяином находилась внизу, в шлюзовом вестибюле.

Несколько колебаний ленивой змейкой проплыли вверх по тяжелому кабелю, внезапно ускорившись, достигнув зоны с быстрым ходом времени. Ведро задергалось взад-вперед со скоростью биения крылышка мухи, так что Лужа, казалось, лишь каким-то чудом не выплескивалась за края.

- Спроси, как она там, - попросила Сиди Кота.

- Говорит, что нормально, - перевел Кот, на этот раз без видимой паузы.

Итак, они этого добились: богоподобной манипуляции пространством и временем. Теперь ей просто необходимо оказаться на высоте, чтобы заслужить торжественную тогу.

- Она говорит, что производная от икс в квадрате равняется двум икс, - продолжил Кот. - Думаю, тем самым подтверждает установление двусторонней связи.

- Отлично, передай, что интеграл от x равняется x^2 в квадрате пополам.

Кабель теперь казался натянутым более туго. Ртуть в ведре покрылась рябью, и новая волна тошноты накрыла Сиди.

- Она отвечает, что ты забыла добавить константу интегрирования, - заявил Кот.

- О-о... - и тут она наконец испытала, что значит, когда тебя рвет в скафандре. Все оказалось именно так, как ей и рассказывали - в высшей степени омерзительно.

- Сиди? - проявил беспокойство Кот. - Гамп спрашивает: с тобой все в порядке? (А Гамп-то наш стал вдруг не таким высокомерным, возможно, Лужа малость его приструнила.) - Он говорит: пожалуйста, не сердись. Ты ведь знаешь, что Лужа права насчет константы интегрирования. Я думаю, она просто не разбирается в человеческих нормах такта и дипломатии.

- Нет-нет, это здесь ни при чем, просто у меня небольшая проблема с организмом. Так что все в порядке, все хорошо. - Сиди закрыла глаза и запустила вентиляцию шлема на полную мощность. -Э-э, скажи ему: я считаю большой честью для себя тот факт, что их цивилизация послала мне то коммюнике, и я уверена - впереди у нас целый день очень продуктивных переговоров.

- Я попытаюсь это перевести.

Сиди же попыталась удалить хотя бы часть рвоты с лица, резко тряхнув головой, но тут же поняла, что это серьезная ошибка. Ей показалось, что ее мозг кувыркается внутри черепной коробки, как космонавт в тесном отсеке в невесомости.

- Гамп не считает, что Лужа поняла твою последнюю фразу, - сказал Кот.

- Черт, но ведь она сознает, что мы установили двустороннюю связь? И знает про это коммюнике, верно? Так как насчет того, чтобы подтвердить, что я его получила и ознакомилась?

- Ну, Гамп не думает, что Лужа по-настоящему способна понять дипломатический аспект этого коммюнике. Похоже, что на самом деле его писали не представители данного вида.

- Не они?

- Гамп говорит, что на самом деле лужи передали нам нечто физическое, но до нас оно дошло в виде привычной для людей дипломатической ноты. Однако сами лужи с таким «переводом» и его оформлением явно не справились бы. Так что из услышанного Гампом вытекает: послание было написано неизвестными представителями некоей другой расы.

- Понятно.

- А теперь Лужа утверждает, что каждое целое число может быть единственным образом разложено на сомножители.

- Мы здесь не для того, чтобы обмениваться математическими тривиальностями. Ой, этого не переводит, хотя... если мы и дальше будем продвигаться в том же темпе, то никуда не придем. Предложи Гампу испросить у своего хозяина разрешения добавить еще десять сантиметров.

- Он отвечает, что это будет здорово.

На этот раз Сиди была достаточно осторожной, чтобы не глядеть ни на ведро, ни на кабель. Желудок ее был напряжен, как туго натянутая кожа барабана. Нет, дело тут не в гравитации, ведь она уже была здесь два раза и чувствовала себя отлично. С унылым раскаянием и горьким сожалением Сиди решила, что голубые пилюли все-таки не были плацебо.

- О, сейчас она думает гораздо быстрее, - заявил Кот. - Мы уже не можем вести диалог в реальном времени. Она выплеснула на нас около пятисот страниц математического текста с личными примечаниями к местам, которые, по ее мнению, могут представлять трудности для некоторых представителей твоего... то есть... которые могут быть не понятны тебе.

- Хорошо, поблагодари за начало культурного обмена...

- Она этого не поймет.

- Ладно, ну... хорошо, поройся в библиотеке и скорми ей полное собрание сочинений Иоганна Себастьяна Баха и... и Шекспира.

Это на какое-то время даст пищу для размышлений этой высокомерной луже, не важно, с какой скоростью она сейчас мыслит. Однако ответ пришел почти мгновенно.

- Она говорит, что звуковая структура представляет собой по большей части тривиальные выводы из математических принципов, уже открытых ее видом, а некоторые из них даже не самосогласованы. Что касается пьес Шекспира... она полагает, что произошла какая-то ошибка при передаче данных, поскольку она подвергла их интенсивному статистическому анализу, но не смогла выявить никаких информационных структур.

* * *

В качестве попытки установления дипломатических отношений первый запуск ведра-змея принес разочарование, однако: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». По крайней мере, испытательный полет подтвердил действенность применяемых инженерных решений. А вскоре Сиди получила первый намек на то, что она совершила самый настоящий переворот на всем «Автобусе». Пришло сообщение от дышащего хлором амёбоида. В портале появилось изображение не только самого амёбоида, но и полдюжины аватар представителей

других видов. Одна из аватар погрозила палочкой-пальцем в сторону Сиди.

- Вы намерены и дальше беспощадно эксплуатировать эту монополию? - спросила аватара.

Монополию?

- Прошу прощения, но я в некотором замешательстве, - заявила Сиди. Она стрельнула глазами в сторону Кота, который пожал плечами. - Почему на связь вышли сразу столько аватар?

Человек-из-палочек обернулся и пантомимой изобразил какое-то сообщение другой, стоящей рядом аватаре, которая передала его дальше по цепочке. Пока сообщение двигалось по цепи аватар, самая первая из них ответила Сиди:

- Перевод займет какое-то время, но я могу дать ответ в общих чертах. Дышащий хлором считает, что вы его использовали. Когда вы изначально торговались с ним относительно приобретения ведра, перевод был весьма приблизительным, но он счел, что все понял правильно и что речь шла всего лишь о невинной торговой сделке. Теперь, когда мы осознали весь размах вашего плана, нам нужен гораздо более точный перевод, учитывающий все нюансы. Достичь этой цели мы смогли, лишь создав последовательность искинов, чтобы минимизировать размеры зазоров при переходе от одной концептуальной рамки к другой.

Послание достигло наконец амёбоида, который яростно зажестикублировал одетыми в хлопковые носки псевдоподиями; реснички на его теле встопорщились, как будто его ударило током. Сиди воспользовалась паузой, пока обратный перевод проходил цепочку, и посмотрела, представители каких видов прислали свои аватары для формирования переводческой цепи. Она подавила смешок, увидев, что одним из этих представителей был Бонсаи.

- Ну, он сказал по сути то же, что я вам уже говорил, - заявил наконец Человек-из-палочек. - А кроме того, он просит вас проявить к нему жалость, учитывая его деликатное положение.

- Какое положение?

- Он созрел для размножения. Размножения делением. - На округло-бесформенном туловище амёбоида действительно наметилось что-то вроде талии. - Он пытался подавить этот трудно контролируемый процесс (я слышал, это довольно мучительно), но он считает, что вряд ли сможет сдержаться до того момента, как мы вступим в Галактическую Цивилизацию. И он не желает, чтобы его две дочерние ипостаси проходили процедуру приема в ГЦ, находясь в постмитотическом ступоре. Нужны, как минимум, три-четыре недели, чтобы после деления вернуться к нормальному уровню мышления.

Сиди наконец врубилась. До них дошли слухи, что она помогла Луже зайти в зону с ускоренным ходом времени, но они не знали никаких

подробностей, как работает этот механизм.

- Так он хочет прикупить немного времени?

- Купить? - Человек-из-палочек повернулся и начал перевод еще до того, как Сиди смогла объяснить, что это всего лишь фигура речи.

* * *

Амёбоид заполучил свое временное родовое гнездо, собранное из подручных материалов, но его делегация была лишь первой из многих. Все на борту «Автобуса», по мере того как приближался конец путешествия, ощущали, что их поджигает время. Сиди прекратила принимать входящие послания и поставила Мопси в качестве охранника у дверей своего отсека, чтобы ее не тревожили. Она когда-то слышала, что самое трудное при постройке обсерватории - это проложить дорогу к вершине горы. Сейчас происходило что-то подобное. Первым суровым испытанием было сколотить команду добровольцев, у которых имелись скафандры (или которые, как Лужа, могли жить в вакууме и обходиться без оных), и загнать их вместе с грузовой сетью, полной пригодных для конструирования материалов, добытых путем безжалостного разрушения не слишком важных частей корабля, наверх, в быструю зону. Воронье гнездо, созданное из этих материалов и вознесенное на фантастических опорах в область экзотического вакуума, наблюдателям с палубы казалось какой-то застывшей фотографией распускающегося цветка.

Как только Сиди сообразила, что Мопси, которого, похоже, боялись все представленные на корабле виды, является идеальной фигурой для связей с общественностью, она сделала его фиктивным боссом, а сама переселилась наверх, после чего у нее снова появилась возможность поесть и поспать. Исходная мачта с венчающим ее вороньим гнездом очень быстро трансформировалась в какие-то сюрреалистические фавелы на сваях в духе Дали.

Свой офис Сиди устроила на самом верху, в наиболее быстром пространстве-времени, куда только они осмелились зайти. Дальше двигаться стало невозможно, ибо материалы, из которых была изготовлена гротескная конструкция, начинали вести себя таинственным и непредсказуемым образом. Сиди уже научилась не вращать головой слишком быстро, чтобы возникающие псевдокориолисовы силы не травмировали ее внутреннее ухо. Комната, где она теперь обитала, представляла собой бывший контейнер для пищевых продуктов, который прихватил на борт корабля обитатель одной из планет класса Юпитера. Была она маленькая и холодная, а если в ней воцарялась тишина (что случалось нечасто), то слышалось, как из нее через скверно заделанные вакуумной

шпаклевкой щели с шипением выходит воздух.

Письменным столом Сиди служила какая-то дверь, косо уложенная на две упаковочные клетки. Через край импровизированной столешницы она смотрела на бьющегося в истерике плоского, словно блин, аллигатора.

- Я не думаю, что он действительно намеревался на вас наступить, - терпеливо внушала она страдальцу.

- Ну, конечно же, нет! - кентавр-анемона топнул полудюжиной копыт. Комнатка затряслась, а шипение выходящего через щели воздуха усилилось. - Это был несчастный случай.

Слова исходили из воздушного пузыря, болтающегося над головой существа. Оба представителя явились выяснять отношения в собственных телах, поскольку Сиди давно уже поняла, что разбирать конфликты, когда стороны представлены аватарами, та еще морока.

- Я просто не заметил его на полу воздушного шлюза.

- Моя планета обладает достаточным военным потенциалом! - заносчиво воскликнул блин-аллигатор, а его разговорный пузырь взлетел выше пузыря кентавра и начал его колотить.

- Ну, ну! Прошу вас, успокойтесь, пожалуйста! Ведь мы не хотим породить межзвездный инцидент, не так ли? - строго сказала Сиди. - Месье крокоблин, возможно, вам следует отныне ходить с вознесенным над вами красным флагом, чтобы сделать себя... э-э... лучше различимым в общественных местах с высокой посещаемостью. А теперь прошу прощения: я тороплюсь на другую встречу. Но если вы перенесете эту дискуссию в приемную, то, думаю, поймете, что у вас на руках уже имеется прекрасный материал для выработки успешного соглашения. Могу ли я порекомендовать вам начать процедуру культурного и научного обмена? Насколько я знаю, у расы кроков имеются очень древние захватывающие танцевальные сюиты, исполнение которых занимает целый лунный месяц.

Она поспешила выставить их за дверь со всей решительностью, сдерживаясь ровно настолько, чтобы самой не наступить на крокодила. До следующей назначенной встречи оставалось четыре минуты. Сиди наклонила голову и обхватила ее руками, как учили ее в детстве няньки, давным-давно и далеко-далеко в Бамако. В одной из упаковочных клеток она хранила гамак, и если натянуть его очень сильно и высоко, под самым потолком, то четыре минуты могут превратиться в 15-20 минут, и можно будет немного вздремнуть. Не так уж трудно научиться спать под аккомпанемент статических разрядов, вызываемых магнитными монополями и странными частицами, проносящимися как раз чуть выше потолка. Она уже ко всему этому привыкла, как житель Чикаго, окно спальни которого выходит прямо на эстакаду надземной железной дороги, привыкает к шуму поездов. По-настоящему ей бы надо гораздо лучше подготовиться к следующей

встрече, но все, на что она сейчас способна, это ощущать усталость, очень сильную усталость.

Она припомнила день, когда спустила в унитаз голубые пилюли и свои мысли о пожизненном одиночном заключении, Немного одиночества ей сейчас не помешало бы. Да, конечно, этот крокоблин в сущности добрый малый, ну, вспыльчив немного. Но почему все они взваливают свои проблемы на нее и не пытаются решать их самостоятельно?

Да и все равно, думала она, запас пилюль давно бы уже иссяк, хотя кто может сказать, сколько с того дня прошло времени, если измерять по ее собственным биологическим часам. Четыре месяца? Пять? Теперь, когда у всех представителей время текло с разной скоростью, все стало чудовищно запутанным.

Абсолютная власть над всей Галактикой. Тогда она лишь стискивала зубы, чтобы не засмеяться над этой глупостью. Как же это так получилось, что абсурдное подозрение Мопси и все эти дурацкие слухи вдруг стали настолько реальны и превратились в столь тяжкое бремя?

Послышался голос Кота:

- Тут кое-кто хочет поговорить с тобой.

Она что, уже спит? Сиди глянула на часы.

- Время для встречи еще не подошло, по крайней мере по моим часам.

- Это не с корабля. Посланец извне.

- Да мы все сейчас обитаем вне корабля!

- Речь идет о посланце ГЦ. К нам подлетает корабль размером с семечко подсолнуха, он уже приблизился и лег на параллельный курс. На борту кто-то есть. Не знаю, ИИ это или живое существо, а может, целый экипаж, предварительно глотнувший из бутылочки с надписью «ВЫПЕЙ МЕНЯ»^{*11} на этикетке.

- Вот как? К нам едет ревизор? Мы встретимся с представителем ГЦ! Что-то рановато они, не находишь? - Похоже, придется не слабо раскошелиться за весь урон, какой они нанесли кораблю, добывая необходимые для своих построек материалы. Может, потому хозяева корабля и явились так рано. - Ладно, подключи меня.

- Они уже присутствуют здесь физически. По крайней мере, мне так кажется.

- Физически? Ну ладно. - Значит, все еще хуже, чем она думала. Сиди расправила плечи. В конце концов, она делала, что могла, и делала, как умела. Наверное, она действительно просто еще соплячка, потому как чувствовала громадное облегчение, оттого что сейчас все завершится.

Перед ней в кресле земного типа, которого еще секунду назад не было

¹¹ * Отсыл к приключениям Алисы в Стране Чудес.

в комнате, сидел двуногий гуманоид в тоге, которого тоже только что здесь не было. Его приплюснутый нос заставил Сиди вспомнить ручную морскую свинку, которая когда-то у нее была. Пришелец вручил ей один из двух бокалов с бренди - разумеется, никаких бокалов в комнате мгновение назад тоже не было.

- Нелегко вам приходится, не так ли? - сказал гуманоид с итонским произношением.

- Вы из ГЦ? Не думала, что уже настало время для... Ладно, главное, что это наконец произошло, чем бы оно ни было. Думаю, мне нужно представить вам отчет и передать дела. Прошу прощения за разрушения и весь этот бедлам, вина за все это исключительно на мне. Остальные здесь ни при чем.

- Вы правы, время для процедуры приема еще не пришло, но иногда команда проходит ворота чуть раньше срока, верно?

- Что вы хотите сказать?

- Только то, что ваша когорта совершенно самостоятельно уже вступила в ГЦ, - сказал гомо эректус, сделав неопределенный жест в отношении их ближайшего окружения. - А произошло это «чем бы оно ни было» именно и только благодаря всему тому, что вы тут проделывали на свой страх и риск. И ведь ничего особенного - всего лишь схватить тигра пространства-времени за хвост и не отпускать. Боюсь, однако, передача дел не состоится. Чертовски трудная работенка - быть богоподобным повелителем материи и энергии.

- Я не понимаю.

- Это означает, что вы приняты на руководящую должность.

- Нет!

- Боюсь, да. Конечно, предстоят кое-какие формальности, но ясно, что ваша команда уже рассматривает вас как лидера.

- Да, я только... вы не можете... я понятия не имею, что я на самом деле делаю. Они за меня не голосовали, никак меня не выдвигали и все такое.

- Голосовали? О, прошу прощения, этот межкультурный транслятор не слишком хорош, но, думаю, я понял, что вы имеете в виду. Мы не имеем права использовать голосование в качестве критерия, оно просто невозможно, если учитывать специфические особенности каждого из множества представленных здесь видов. Пригодность лидера мы обычно оцениваем по количеству оставшихся в результате его деятельности трупов. Так вот, ваша когорта овладела релятивистскими технологиями для достижения общих целей и при этом никто никого не сожрал, не разнес в клочки и не сделал ничего подобного.

- А если бы такие попытки предпринимались, вы бы позволили этому случиться?

- Видите ли, каждого из вас уже однажды разобрали на части, а затем

слепили заново, когда доставляли на борт корабля, а мы, разумеется, сохраняем все данные, позволяющие в случае нужды снова франкенштейнизировать пострадавших.

- То есть это значит, что я не... Но я ведь просто делала, что могла, чтобы все шло путем, и ничего больше. - У Сиди перехватило дыхание. Сухая усмешка в ответ.

- Мы тоже, дорогуша, мы тоже.

Перевел с английского Евгений ДРОЗД

© Benjamin Crowell. A Large Bucket, and Accidental Godlike Mastery of Spacetime. 2009. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2009 году.

**МАЙК РЕЗНИК
ОХОТНИКИ ЗА СУВЕНИРАМИ**

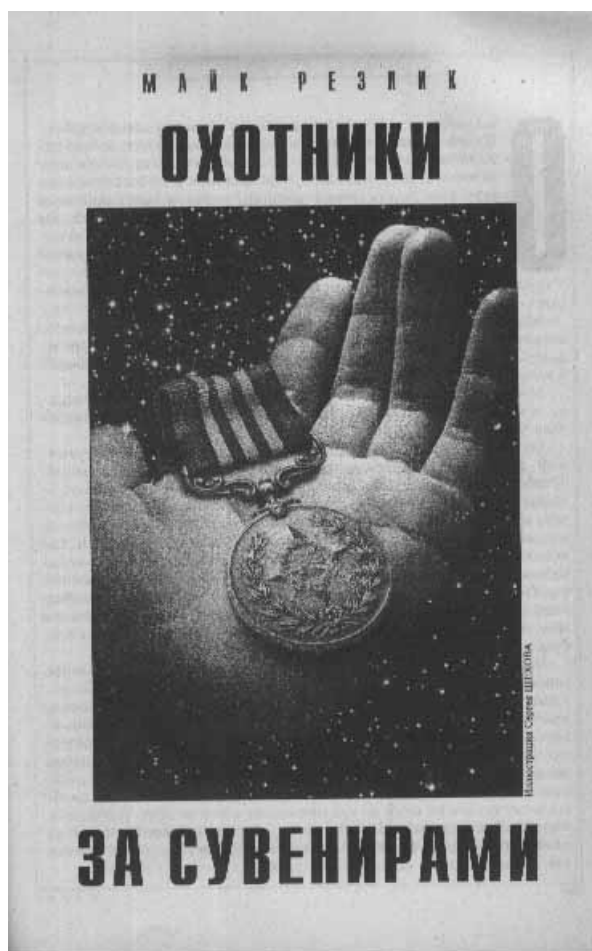

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Они налетели, как чума, принесенная галактическими ветрами. Никто не знал, откуда они и куда направляются, никто даже не мог с уверенностью сказать, принадлежат ли они роду человеческому. Однажды они являлись и предлагали свои услуги, а спустя время уходили, унося в переполненных сундуках погибшие мечты и разбитые надежды. Ну да, им платили наличными, самой разной валютой, но за эти деньги они оставляли после себя настоящие страдания и душевную боль.

У них было много имен, некоторые они придумали себе сами, некоторые - нет. Одно к ним прилепилось прочно: звездные цыгане.

Моя работа - захватить их. Конечно, мне не сказали, что делать, когда я их поймаю, потому что обычно они не нарушают никаких законов. Сердца разбивают, грезы - само собой... Но нарушить закон?! Крайне редко, если вообще такое бывало.

Мне дали помощника. По правде говоря, мне назначали множество помощников, но тот, о котором я хочу рассказать, звался Джебедаёй Бёрк.

Он был молод, этот Джебедаёй, приятной наружности, энергичный, стремящийся самостоятельно сделать себе имя, исправить неправильности и спасти расстроенных дамочек, попавших в беду, - чтобы Галактика стала более приятным местечком, чтобы успеть сделать всё, кажущееся посильным и возможным, перед тем как Жизнь начнет слой за слоем счищать романтические иллюзии юности. Он носил густую копну волнистых каштановых волос, которые никогда не лежали недвижимо, всегда казалось, словно по ним пробегает ветер. Он был тощ и долговяз, но двигался изящно. Его светло-голубые глаза глядели на Вселенную открыто и доверчиво. Теперь, когда я думаю об этом, совершенно не могу припомнить, чтобы он когда-нибудь жмурился или прищуривался.

Не понимаю, зачем он пришел на службу в наше специфическое учреждение... Школу он закончил с почетными наградами. Он бы неплохо справлялся с любым из сотни других дел, более интересных, прибыльных и, уж конечно, не столь разочаровывающих и подрывающих веру в свои силы, но, как я уже говорил, его обуревали юношеская жажда открытия новых галактик и романтическое стремление лично изменить мир к лучшему. Он был дружелюбным и вообще славным молодым человеком; старые опытные сотрудники не стали сообщать ему то, что ни один из нас никогда не изменит мир, что человечество потратило несколько тысяч лет, пытаясь оградить соседей от самих себя, и мы можем предъявить в свою защиту чертовски немного, исключая самых обидчивых соседей.

Как сейчас помню его первый день на работе. Когда я появился, он уже нашел свой рабочий стол в нашей огромной конторе и вывалил на него все материалы, которые мы собрали на звездных цыган. Он

вытащил голографические интервью с жертвами, цифровые и магнитные записи разговоров, даже бумажные отчеты и копии расшифровок, финансовую документацию - всё, к чему смог получить доступ.

Мы по-быстрому покончили с взаимными представлениями, и я оставил его изучать лицо врага. Фигурально, конечно, потому что именно лица он найти бы не смог. Наконец он подошел ко мне.

- Простите, сэр, - начал он.

- Забудь про сэров, - сказал я. - Просто Гейб и на «ты».

- Я чувствую себя неловко, называя вас на «ты», сэр, - сказал он.

- Плюнь. Самое последнее, что мне требуется на секретном задании, это чтобы кто-нибудь обращался ко мне «сэр».

- Я постараюсь помнить об этом, сэр... В смысле, Гейб.

- Легко запомнить, - сказал я. - Тоже библейское имя, как и твое.

- Джебедайя - не библейское имя.

- Ладно, - сказал я. - Одно библейское, а другое - похожее на таковое. Вполне сойдет. Так в чем твоя проблема?

- Звездные цыгане.

- Ну... это проблема всего департамента, - иронически заметил я. - Какой именно аспект их несправедливой жизни и деятельности тебя беспокоит?

- Вероятно, я вводил в компьютер неверные вопросы, - нахмурился он. - Я смог выискать все, что они сделали - во всяком случае отраженное в отчетах, - но никакой объективной информации не нашел. Я даже не понял, как они выглядят.

Я не удержался от улыбки:

- Теперь ты понимаешь, почему мы встретили тебя с распростертыми объятиями.

- Вы имеете в виду: *никто* этого не знает? - недоверчиво произнес он.

- Как такое может быть? Наверняка жертвы давали их описания!

- У нас больше описаний, чем мест их применения, - проворчал я. - И все они не стоят даже пороха, который взорвет их к чертям собачьим.

- Не понимаю, сэр.

- Гейб.

- Гейб, - поправился он.

- Для людей они выглядят как люди. Для населения Коморноса - как коморнианцы. Для муллютейцев они станут муллютейцами.

- Меняют образ... Они метаморфы?

- Мы не знаем, что это за адское отродье, - признал я. - Они шляются поблизости почти 90 лет, а у нас до сих пор нет ни единой зацепки. - Я вздохнул. - Они были здесь, еще когда я на свет не появился, и останутся после того, как мы с тобой заляжем по могилам. Добро пожаловать на службу, по крайней мере безделье тебе не грозит.

Казалось, он усталился куда-то сквозь меня, в некоторую одну ему

ведомую точку пространства. На мгновение я подумал, что он и впрямь впал в какой-то вид транса или, может, серьезно пересматривает свой выбор карьеры, но затем он расслабился и вернулся в здесь и сейчас.

- Девяносто лет, и мы еще ни одного не поймали, - проговорил он. - Вот оно, испытание!

- Это яма зыбучего песка, - поправил я его.

- Возможно, Гейб, тут просто нужен свежий взгляд.

- Свежий взгляд? - повторил я, прикидывая, о чем, черт побери, он говорит.

- Возможно, здесь просто необходимо, чтобы кто-то посмотрел на эту проблему под другим углом.

Я не хотел разочаровывать и расхолаживать его в первый же рабочий день, а потому согласился: да, возможно, так оно и есть, вероятно, парочка свежих глаз сумеет заметить то, что мы всё это время упускали. Затем я вернулся к чтению ежедневных рапортов, а он уселся за свой стол узнать как можно больше о звездных цыганах, в основном по отчетам из вторых, третьих или четвертых рук и глупым рассказам.

Днем я пригласил его на ланч.

- Думаю, мне лучше остаться здесь и проштудировать всё по максимуму, - сказал он.

- Да пойдём, - настоял я. - Они существуют дольше, чем мы оба вместе взятые. Часом больше, часом меньше - вреда не будет.

Он пожал плечами, выключил компьютер, поднялся и пошел за мной. Мы дошли до угла по бегущей дорожке, ступили на пешеходный переход и позволили ему довести нас до «Ромео» - ресторанчика, где зависали многие наши люди, когда попадали на планету.

- Просто поразительно, - сказал Джебедадя, когда мы сели за стол в углу и перед нами прямо в воздухе возникло голографическое меню, которое медленно поворачивалось, чтобы мы оба могли прочитать его.

- «Ромео»? - уточнил я. - Обычная забегаловка.

- Нет, - ответил он, оглядываясь по сторонам. - Я имею в виду, любой из здесь сидящих может оказаться звездным цыганом.

- Может, - согласился я, - но большинство из них - твои коллеги.

Он неодобрительно нахмурился:

- Они все люди. Каждый, кого я видел в конторе сегодня утром, человек.

- В департаменте около сорока процентов людей, - объяснил я. - Негуманоиды в большинстве не способны переваривать нашу пищу, а потому едят в своих ресторанах.

- Возможно, нам следует присоединиться к ним и проявить солидарность.

Я покачал головой:

- После того как ты увидишь, что они едят, тебе пару дней не

захочется ходить на работу.

- Я не заметил ни одного из них в конторе.

- Они в здании, - ответил я. - Мы стараемся удовлетворять их потребности, будь это хлор, метан или плюс сто градусов по Цельсию.

- Мне бы хотелось поговорить с кем-то из них, чтобы узнать их мнение о звездных цыганах.

- Это все есть в компьютере, - напомнил я.

- Лучше бы с глазу на глаз... - вздохнул он. - Если, конечно, ты не возражаешь.

- Всегда пожалуйста, - не возразил я. - Полагаю, две трети из них наверняка имеют глаза, заодно ты и определишь, где у остальных скрываются рты и уши.

Он умолк на мгновение:

- Как ты думаешь, Гейб, ты видел когда-нибудь хотя бы одного из них?

- Инопланетянина? Да каждый день!

- Я имею в виду звездных цыган...

- По правде говоря, вполне возможно.

- Как ты себе представляешь, чего они в действительности хотят? - спросил он.

- Скорее всего, свести меня с ума.

- Я серьезно спрашиваю, - сказал Джебедадя.

- А я вполне серьезно отвечаю, - покивал я. - Помимо этого, я не знаю, какого черта они хотят. Почему их единственной целью представляется стремление заставить людей страдать? Почему они просто не ограбят парочку банков и не успокоятся на этом? Если они собираются стащить то, чем человек дорожит, почему бы им не завершить дело и не убить его? - Я вздохнул. - Когда начинаешь озадачиваться мотивацией, тебе прямой путь в Вечность.

- Каждое мыслящее существо имеет мотивацию, - убежденно покачал головой он.

- Вычисли их мотивацию, и мы тут же, прямо завтра с утра с утра назначим тебя главой департамента, - предложил я.

- Может, мне это и удастся, - пообещал он.

Я взглянул на уличный термометр: плюс 28 по Цельсию. И становилось все жарче.

- Может, и снег завтра пойдет, - сказал я.

* * *

Снег, конечно, не пошел, но изменения наметились. Не в погоде, погода на Голденроде никогда не меняется. Мы получили сообщение, что звездные цыгане появились на Новой Родезии и сбежали, прихватив традиционный джентльменский набор.

Посчитав, что Джебедайя, возможно, сообразит, против чего мы выступаем, я дал ему пару часов на сборы и предложил встретиться в космопорту. Он приехал туда раньше меня.

- Я попытался найти Новую Родезию на звездной карте и не смог, - заявил он, пока мы шли к кораблю.

- Официально она называется Бета Дракона IV, - пояснил я. - Но население окрестило ее Новой Родезией, и меня это вполне устраивает.

- Они гуманоиды?

- Колонисты - да. Представители коренной расы еще остались, но я полагаю, что вряд ли мы с ними столкнемся.

- Стеснительные?

- Истребленные, - ответил я. - Не каждый мир встречал нас с распростертыми объятиями...

Его взгляд выражал неодобрение. Я собрался объяснить ему, что нельзя стать героем, если у тебя не имеется некоторого количества врагов, и что, по правде говоря, враги в этом звездном секторе побеждались немного легче, чем в других, но я решил не делать этого. Молодым идеалистам и без того уготован достаточный запас разочарований, так зачем же торопить события?

Мы добрались до корабля и остановились.

- Это он? - Джебедайя изучал судно, уперев руки в бока.

- Он самый.

- В этой штуковине мы не сможем скрыть свою принадлежность к департаменту, - констатировал он. - Может, нам следует полететь на другом корабле, где не будут высвечиваться все наши ведомственные регалии.

- У нас их и нет, - сообщил я. - Кроме того, пугать будет некого. Если звездные цыгане еще не сбежали, я гарантирую, что они исчезнут к тому времени, как мы туда доберемся.

- Откуда ты знаешь? - спросил Джебедайя.

- Они всегда так делают.

Мы сели в аэролифт, и он доставил нас к входному люку корабля. Я нацелил компьютерный навигатор на систему Беты Дракона и приказал дать сигнал уведомления, когда мы будем от нее на расстоянии в половину светового года, и, поскольку долгая двадцатичасовая прогулка даже на сверхсветовых скоростях оказалась бы слишком скучной, Джебедайя и я устроились в своих отсеках в камере глубокого сна.

Сигнал разбудил нас согласно программе спустя 18 часов. Я был страшно голоден, как обычно после выхода из состояния глубокого сна, да и Джебедайя тоже. Мы добрались до камбуза, заказали две порции и в молчании поели.

Затем Джебедайя поднялся и осторожно изучил каждый дюйм

корабля. Он не сказал ни слова, не коснулся ни единой вещи, просто смотрел и раскладывал информацию по полочкам, составляя мысленный каталог. Как жаль, подумал я, что подобная тщательность растрачивается именно в наших, столь бесплодных поисках.

Наконец он вернулся на место.

- Расскажи, что об этом деле известно, - попросил он. Я заметил, что слова «пожалуйста», «сэр» и даже «Гейб» исчезли из его словаря, ведь он, конечно, уже не был новичком - отработал почти целых два дня.

- Новая Родезия - мир сельского хозяйства, - пояснил я. - Обеспечивает продуктами питания одиннадцать ближайших планет, в основном разрабатывающих полезные ископаемые, плюс парочку научных станций в поясе астероидов системы Горація.

- А население Новой Родезии?

- Людей, наверное, человек 800. Местных -- совершенно не представляю, как они сами себя называют или как мы их называем, - около 400 тысяч, может, чуть больше.

- Восемьсот человек, - повторил он. - Удивляюсь, как звездные цыгане вообще узнали об этой планете.

- На таких местах они специализируются, - вздохнул я.

- И что там случилось?

- На планете был официально зарегистрирован самый влажный сезон в истории, - ответил я. - Почва пропиталась влагой, комбайны не могли собирать урожай, потому что буквально тонули в грязи, и зерно гнило на корню. Колонисты в большинстве заложили все свое имущество, влезли по уши в долги и не могли продержаться даже единственный сезон без урожая. - Я замолк и закурил бездымную сигару. - Тогда в один прекрасный день появились звездные цыгане и предложили поработать на полях, конечно, не бесплатно.

- И они работали?

- О да, - кивнул я. - Они всегда выполняют свои обещания. Насколько я знаю, они работали посменно, круглосуточно, день за днем, пока не собрали абсолютно весь урожай с самого последнего участка.

- И что потом?

- А потом они взяли свой гонорар и ушли. Или если они еще не ушли, то смоятся до того, как мы появимся.

- Какого рода гонорар?

- Этот вопрос никто никогда не задает заранее, - уныло констатировал я. - Они, конечно, запрашивают денег, и фермер будет счастлив заплатить их. И если это все, чего они хотят, мы могли бы распустить наше управление и пойти ловить убийц и рэкетиров.

- Как ты думаешь, им хватает денег? - настаивал Джебедадя.

- Зачем гадать? - сказал я. - Мы окажемся на месте через несколько часов и все узнаем.

Он притих, но на его лице отражалось неясное беспокойство, и я спросил, что его тревожит.

- Я в этом ничего не понимаю, - пожал он плечами. - Они ничего не крадут. Не причиняют никому физического насилия. О своей плате они договариваются с людьми заранее. Так почему же мы гоняемся за ними? Какие законы они нарушают?

- Никакие.

- Тогда...

- Когда ты идешь на войну, ты делаешь это, потому что кто-то нарушает закон? - спросил я. - Нет, ты это делаешь, потому что армия врага, неважно, большая или маленькая, совершает действия, причиняющие ущерб людям, которых ты призван защищать. Здесь примерно то же самое.

Мои слова звучали не слишком убедительно даже для меня, и он, я чертовски уверен, не выглядел убежденным.

- Послушай, сынок, - сказал я. - Они оставляют за собой разбитые сердца и страдания. Меня на самом деле не слишком волнует, законно это или нет, как это не волнует людей, которые нам платят. Наша работа - остановить их любыми доступными средствами.

- Даже если они не нарушают законы?

- Даже так.

Он покачал головой:

- Здесь должно быть нечто большее. Ты бы не стал тратить ресурсы всего правительственного департамента на отслеживание тех, кого попросту не одобряешь.

- Не одобряю - слишком слабо сказано, - ответил я.

- Я пытаюсь понять, Гейб, - сказал он. - Я слышал всякие пересуды и бабушкины сказки о звездных цыганах, но в наших документах не сумел найти ни одного подтверждения того, что мы идем по их следу. Они делают то, что обещают, не грабят. Ты уверен, что жалобы и судебные иски недовольных - это не попытка укусить кусаку?

- Укусить кусаку? - повторил я озадаченно. Никогда не слышал такого выражения.

- Люди думают, что их надули в сделке, в которой они сами собирались схитрить и оказаться в большем выигрыше, а уже после обнаружили, что это не так.

- Есть много способов укусить, - признал я. - И звездные цыгане всеми ими пользуются.

- Я не пытаюсь вступить в спор, Гейб, - пояснил Джебедая. - Но если я собираюсь посвятить добрую часть моей жизни охоте на звездных цыган, я хочу убедиться, что стою на верном пути, а я в этом не так уж и убежден.

- Вот что я тебе скажу: поговори с глазу на глаз с некоторыми из их жертв, - посоветовал я. - А после, если захочешь перевестись, я дам

добро и подпишу бумаги. Согласен?

- Согласен, это вполне справедливо.

Больше он не сказал ни слова, пока спустя девять часов мы не совершили посадку на Новой Родезии. Он просто сидел, уставившись на многочисленные приборы корабля, а я был уверен, что он размышляет, как бы ему сделать Галактику лучше и вообще спасти мир. Я почти желал (для его же пользы), чтобы он не нашел этого способа.

* * *

Новая Родезия была похожа на гигантский грязевой шар. Последние три месяца непрерывно лил дождь, и когда мы сели в маленьком аэропорту, дождь все еще поливал. Воздух был перенасыщен влагой, а близость желтого солнца делала планету неуютно жаркой.

Департамент обеспечил нам аэробус. Мы запрыгнули в него, исполнившись благодарности за сухой кондиционированный салон. Аэробус приподнялся на пару футов над поверхностью, и голова робоводителя повернулась на 180 градусов, лицом к нам.

- Назовите, пожалуйста, пункт вашего назначения, - монотонно проскрипел робот.

- Ферма Джейкоба Эллсворта, - сказал я. - Ты знаешь, где это, или нужны точные координаты?

- Все пункты расселения людей введены в мою базу данных, - сообщил он.

- Хорошо. Мы хотим попасть в жилой дом. Если там имеется больше, чем один дом, мы хотим попасть в самый большой.

- Мы прибудем на место через 11 минут и 23 секунды, - провозгласил робот, и в тот же миг аэробус рванулся вперед.

- Я знаю, что у транспортного средства десятки сенсоров, и тебе, ничемушное приложение, не надо следить за движением, - обратился я к робоводителю. - Но я почувствую себя гораздо уютнее, если ты отвернешься и будешь как бы наблюдать за дорогой.

Голова молча повернулась в другую сторону.

- Джейкоб Эллсворт, - сказал Джейбедайка. - Он один из тех, кто подал иск?

- Косвенно, - ответил я.

- Как это - косвенно?

- Увидишь.

Мы проехали мимо пары огромных фермерских владений, где не собрали зерно. Запах гниющих злаков проникал даже к нам в салон; мы видели стебли, переломившиеся пополам под весом пропитанных водой колосьев, и плесень, пожиравшую жалкие остатки урожая.

Потом мы добрались до сравнительно небольшого квадрата, возможно, с четыре тысячи гектаров, но на этом поле все было начисто убрано, в почве пролегли свежие борозды, и я понял, что мы на ферме Эллсворта.

- Как получилось, что только с этого участка сняли урожай? - спросил Джебедайя.

- Возможно, другие фермеры решили не связываться со звездными цыганами, - предположил я. - Или, может, табор был совсем мал, и они сумели обработать только несколько ферм. Они не кочуют все вместе, как ты знаешь. На самом деле я слышал, последние несколько месяцев их видели то тут, то там в кластерах Альбиона и Кинелли.

Мы проехали вдоль пастбища, наполненного мутировавшим скотом: огромные, но мирные животные, около трех с половиной метров в холке, стояли и жевали свою жвачку, уставившись на нас тусклыми глазами. В отдалении, на паре меньших пастбищ я разглядел каких-то других животных, тоже не терранских.

Потом мы зашли в дом. Я не удивился, когда увидел перед ним полицейский аэрокар. Неподалеку мигал огоньками и медицинский экипаж, два сопровождающих робосанитара неподвижно торчали в его открытых дверцах, абсолютно равнодушные к нашему - или даже всей Новой Родезии - существованию.

Мы с Джебедаией выбрались из аэробуса и подошли к входу в дом. Дверь просканировала сетчатку наших глаз, и поскольку у нее не было о нас ни единой записи, она отказалась открываться, но немедленно проинформировала всех находящихся в доме о нашем появлении.

Спустя мгновение офицер в форме приказал двери раздвинуться и впустить нас внутрь. Полицейский был невысок и коренаст, с уже редющей шевелюрой; по всей его рубашке расплзлись пятна влаги, возможно, от стараний, но скорее всего, от жары и сырости. Он казался знакомым, но я никак не мог его вспомнить.

- Привет, Гейб, - поздоровался он. - Сколько времени прошло...

- Это точно, - подтвердил я, пожимая ему руку и пытаюсь определить, кто же это такой.

- Бен Паульсон, - представился он, когда понял, что его имя совершенно вылетело у меня из головы. - Ты был моим первым боссом.

- Ну да, конечно, - улыбнулся я. - Теперь вспомнил. Тогда твоя шевелюра была побольше, а пузо - поменьше. Познакомься с Джебедаией Бёрком, он твой десятый, а то и пятнадцатый сменщик в почетной должности моего помощника.

- Рад встрече, Джебедайя, - сказал он. - Ты давно на службе?

- Всего пару дней, - ответил Джебедайя.

- Удачи тебе, - пожелал Паульсон. - Тебе она понадобится. Далеко не каждый смог продержаться так же долго, как Гейб. - Он суховато

хохотнул. - Вообще никто, как я сейчас понимаю.

- Это ты его нашел? - спросил я.

- Ага, - кивнул Паульсон. - Ну не гадство? Ушел же из департамента, забрался в джунгли, где бы не пришлось снова заниматься звездными цыганами, а эти ублюдки таки вцепились в мою планету. - Он с отвращением фыркнул. - Мне надо было продолжать на тебя работать, там лучше платят. - Он замолк на мгновение, припоминая былые деньки. - Не-е, к этому времени меня бы заперли в дурке.

- Как я понимаю, Эллсворт был мертв, когда ты нашел его? - настойчиво спросил я.

Паульсон кивнул.

- В конце концов это не моя обязанность - за ним присматривать, - оправдывался полицейский. - Медробот утверждает: он уже был мертв почти целый день, прежде чем заметили, что парень не отвечает на сообщения. Я узнаю точное время смерти попозже в больнице - наш мирок слишком мал для настоящего, заслуживающего доверия госпиталя, - но я пока придержал тело здесь, на случай если вы захотите на него взглянуть.

- Не думаю, что это необходимо... - отказался я.

- А мне бы хотелось его увидеть, - перебил Джебедайя.

- Иди погляди, - разрешил Паульсон. - Он в самой первой машине, там, где два робота.

- Какое-нибудь кодовое слово требуется? - спросил Джебедайя уже от двери.

- Нет, просто зайди и посмотри, что необходимо. Они не запрограммированы останавливать тебя.

Джебедайя вышел, и Паульсон заметил:

- Он очень молод.

- Мы все когда-то были такими.

- Эти чертовы цыгане могут заставить состариться раньше времени...

- Он грустно покачал головой. - Очень жаль, такой серьезный, увлеченный молодой человек...

- Можешь подождать, пока он вернется. Тогда не придется все повторять.

- Он не поверит тебе на слово?

- Только не на этой неделе, - ответил я.

- Скоро будет верить, - со знанием дела констатировал Паульсон.

- Тут на кухне есть что-нибудь выпить? - спросил я.

- Ни капли спиртного во всем доме, - ответил он. - Я с полчаса назад принял чашечку кофе, если это тебе по вкусу.

- Этот парень, Эллсворт, он оставил пузырек, верно?

- Верно.

- Я бы посмотрел его, но прежде глотнул бы чего-нибудь. Кофе так кофе.

Я последовал за Паульсоном на кухню и только успел попросить кофейный автомат налить мне чашечку, как Джебедадя вернулся в дом и притопал на кухню. Он с трудом сдерживал фонтан эмоций.

- Единственный выстрел в висок, - провозгласил он. - Я бы сказал, мгновенная смерть.

- Так и было, - согласился Паульсон.

- Похоже на самоубийство, - продолжал Джебедадя, - но полной уверенности нет.

- Есть, - сказал Паульсон. - Следуйте за мной, джентльмены.

Полицейский провел нас в главный кабинет, открыл небольшой чемоданчик со своей официальной маркировкой и извлек полупрозрачный шарик, так называемый пузырек, размером около дюйма в диаметре.

- Он был настроен включиться в ту минуту, когда кто-нибудь войдет в комнату, - пояснил он. - Вы можете изучить его повнимательнее, когда мы закончим просмотр, но шарик мне еще потребуется. Это документальное свидетельство.

- Ладно, включай, - кивнул я.

Он активировал шарик, и перед нами внезапно появился трехмерный Эллсворт в полный рост. Он стоял перед записывающим устройством, которого нам не было видно.

- Я Джейкоб Эллсворт, - сказала изображение, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы заметить подавленность, смятение и некоторую утрату рассудка несчастного. - Я лишь хочу оставить запись, чтобы узнали о случившемся...

Он попытался сказать что-то еще, но не мог вымолвить ни слова; ему пришлось прокашляться, чтобы прочистить горло и начать сначала.

- Мои посевы гнивали в поле, когда пришли они. Я не знаю, люди они или нет. Выглядели по-человечески. Они сказали, что слышали о наших проблемах на Новой Родезии и поспешили на помощь. Я объяснил, что почва слишком сырая и работать на ней невозможно. Они предложили мне и Хираму Мортону собрать урожай вручную. Хирам отказался вообще иметь с ними дело, но я был в отчаянии. Прошлогодний урожай не слишком удался, и у меня уже есть пара закладных на ферму...

На этом месте его голос снова стал глухим и сиплым.

- Они спросили меня, как много я задолжал по векселям, - продолжал фермер, - какое зерно будет дороже на рынке, и я ответил им. Они назвали цену, которая позволила бы мне даже получить небольшую выгоду после возврата всех долгов. Единственное, что они хотели дополнительно к деньгам, был один сувенир на память об их пребывании на Новой Родезии - книга из моего дома на их выбор. Я не усмотрел в этом ничего особенного и согласился.

В этот момент слезы побежали по его впалым щекам.

- Передайте Хираму Мортону, что мне надо было его послушаться. - Фермер уставился в объектив. - Они сделали, что обещали, и я заплатил им. А потом они забрали свой сувенир.

Он помолчал, пытаясь подобрать слова.

- Я не такой, как многие фермеры. Я не привязан к земле. Я не люблю на ней возиться. Единственной любовью всей моей жизни была Элизабет, моя жена. Мы прожили 43 года. Она умерла шесть лет назад.

Теперь он злобно сверкнул взглядом.

- Они забрали одну книгу - единственный альбом ее голографий, которой у меня сохранился! Я сказал им, что они могут взять себе в доме все, что угодно, только не это. Но они заявили, что хотят именно эту книгу. Я попытался остановить их, но я старый человек, и они уронили меня, вырвали альбом у меня из рук и ушли. Они ее забрали.

Новый поток слёз.

Теперь я никогда не увижу свою Лиз. Уже сейчас я не могу точно припомнить все милые черточки ее лица, цвет глаз, форму губ. Через неделю или через месяц я совсем ее забуду. Эти ублюдки украли единственную память, которую я хотел сохранить, которая была мне необходима, единственный образ, который я любил в своей жизни!

Он поднял лазерный пистолет к своему левому виску.

- Найдите их и сделайте с ними то же самое, что они сделали со мной.

Потом он выстрелил, и изображение исчезло.

Какое-то время мы молчали. Я видел такое много раз, гораздо больше, чем хотел вспоминать, но для Джебедаи это было новым впечатлением, и он определенно расстроился. Я почувствовал жалость к юнцу: он наконец начал осознавать, против чего мы выступаем, и, возможно, это взволновало его больше, чем любые прежние переживания.

Наконец Паульсон заговорил:

- Я осмотрелся на месте, перед тем как вы пришли. Погибший был библиофилом. У него тут имеется первое издание Чарлза Диккенса, которому почти 1700 лет. Есть и экземпляр с автографом Джейсона Бурмана XXIV века нашей эры и первое издание канфорианской поэзии Танбликста IX века эры глобализации. Только эти три книги стоят любой фермы на этой планете. И они их не взяли. - Полицейский повернулся к Джебедае. - Они посетили 143 фермы. Двадцать восемь владельцев послали их подальше, 115 хотели бы задним числом поступить так же, в смысле, те, кто еще в состоянии чего-то желать... - Он помолчал, и я разглядел душевную боль, отразившуюся на его лице. - Этот мир никогда не станет прежним. Конечно, люди, как и раньше, будут выращивать зерно, но они не смогут преодолеть подобное. Не так давно тут было чудесное местечко для жизни. Скорее всего, я побуду здесь еще несколько месяцев, а потом подамся в какой-

нибудь другой мир, куда еще не добрались звездные цыгане, и надеюсь, доживу до пенсии и умру глубоким стариком, пока они наконец не обнаружат мое новое пристанище.

- Я все еще пытаюсь вычислить, почему они захотели голограммы его жены, - хмурясь, сказал Джебедайдя.

- Потому что они их захотели. Они берут все, что угодно, лишь бы это было самым ценным для тебя, особенно если не представляет никакого интереса для других. Они работают за наличные, но по большей части берут плату страданиями и душевными терзаниями. - Похоже, Паульсон собрался сплунуть, но вспомнил, что находится в помещении. - Какой извращенный разум находит в этом удовольствие?

- Должна иметься причина, - настаивал Джебедайдя, явно потрясенный увиденным. - С чего бы они принесли столько страданий человеку, который доверился им, выполнил условия контракта и не сделал им ничего плохого.

- Знаешь, парень, наступает момент, когда перестаешь беспокоиться о мотивах злодейства и концентрируешься на том, чтобы его остановить, - сказал Паульсон и обратился ко мне: - Это так, если ты столь же упрям, как и Гейб. Что до меня, я не могу себя заставить встретиться хотя бы с еще одной жертвой. Потому и ушел.

- И долго ты служил в нашем отделе? - спросил Джебедайдя.

- Может, год, может, чуть больше. Чертовски долго.

- А ты, Гейб? - повернулся он ко мне.

- Тоже чертовски долго, - ответил я.

- Ты все еще помнишь свое первое дело? - любопытно спросил новичок.

- Такое не забывается, - вздохнул я.

До сих пор перед моим мысленным взором возникает образ измученного оранжевокожего покрытого мехом бедорианца. Он ничем не походил на гуманоида, кроме одного - своего горя. Тогда в их мире собирался шторм такой страшной силы, какого Бедора VII не видела целое столетие, а то и больше. Родовое жилище несчастного требовалось укрепить, добавив прочной арматуры, иначе его бы смело ураганом, и все его потомство осталось бы незащищенным перед лицом стихии, открытым всем ветрам до того, как молодняк войдет в возраст и научится им противостоять. Звездные цыгане появились, как по волшебству, предложили поработать над его жилищем и затребовали обычный гонорар - деньги в местной валюте плюс один маленький уникальный артефакт, не имевший аналогов на Бедоре VII. Он согласился. Цыгане сделали работу, получили оплату, а после забрали сувенир, крошечный кусочек камня, называемый рлимф. Для меня и, я думаю, для них тоже он выглядит как простой камешек, но для бедорианца это религиозный символ, гарантирующий, что новое поколение, особей 150, непременно найдет свой путь в следующей

жизни. По его мнению - и кто его оспорит? - они приговорили весь его род к вечным скитаниям в неопределенности между загробными мирами, не имея возможности присоединиться к предкам и соплеменникам в бедорианском раю. Всю неделю я потратил на посещения сотни тамошних семей - все рассказы были одинаковы.

- Ты в порядке? - Джебедайка коснулся моего плеча, и я понял, что недвижно сижу уже пару минут, пока сцены прошлого тяжелой чередой проходят в моей памяти.

- Да, в порядке, - вздохнул я. - Прошло 27 лет, но мне до сих пор кажется, будто это произошло сегодня утром.

- А с того дня ты встречал кого-нибудь, довольного сделкой со звездными цыганами? - спросил Паульсон.

- Ни одного, - покачал головой я и обернулся к Джебедаике: - Поскольку информация о них распространяется все дальше, многие, зная их репутацию, отказываются нанимать цыган. Теперь бродяги специализируются в основном на заштатных планетках вроде этой. И даже когда они действуют открыто, всегда находится самоуверенный смельчак, который надеется перехитрить их, да еще некоторые совершенно отчаявшиеся, согласные на все. Потом они обнаруживают, что договор выполнен абсолютно точно, причем с обеих сторон. - Я криво улыбнулся. - Возможно, ты сейчас чувствуешь то же самое. Ты согласился поступить в отдел и теперь постигаешь, чему мы противостояем. Если бы страдали немногие: один фермер тут, один банкир там, да какой-нибудь инопланетянин где-то еще, дело бы не стоило нашего времени. Но это же три десятка здесь, двести случаев там и тысячи в других местах.

- Я слышал разные пересуды, - проговорил он. - Но не понимал...

Он умолк.

- Все слышали пересуды, - поучительно произнес Паульсон. - Большинство им не верит. Именно поэтому звездные цыгане делают свое дело.

- Они разумные существа. Никакое разумное существо не станет нести страдания другому разумному существу безо всякой причины, - сказал новичок твердо.

- Ты никогда не слышал о садистах? - спросил Паульсон.

- Я никогда не слышал о целой расе садистов, - парировал Джебедайка и снова обратился ко мне: - Может, у них имеются какие-то претензии к Республике или к местному планетарному правительству?

- Если и есть, они никогда их не озвучивали.

- А они не возражали против колонизации?

- Ты лаешь не на то дерево, - сказал Паульсон. - Мы даже не знаем, откуда они прибыли.

- У них должна быть планета или какой-то штаб, где они хранят свои трофеи, - пояснил Джебедайка.

- Знаешь, что я думаю? - поделился Паульсон. - Думаю, что эти вещи столь же бесполезны для них, как и для любого другого, кроме настоящих владельцев. Моя догадка в том, что они просто выбрасывают их в тот момент, когда отрываются от орбиты и устремляются дальше в космос.

Все эти предположения я слышал и раньше от десятков своих сотрудников. Я бегло осмотрел помещение:

- Как обычно, они не оставили ни одной уликой больше, чем обычно?

- Ни единой, - подтвердил Паульсон. - В любом случае это не имеет значения. У нас нет ни одной голограммы, изображения сетчатки, отпечатка пальца, записи ДНК, хоть чего-то на любого из них.

- Это будет началом, - сурово сказал Джебедаия, явно расстроенный пессимизмом офицера.

- Мне нравится ваш деловой настрой, молодой человек, - похвалил Паульсон. - Не позволяйте неудачам остановить вас. Знаете, вы собираетесь совершить деяние, где потерпели неудачу все, бравшиеся за это, и я вас одобряю.

- Тогда почему эти слова кажутся мне полными сарказма? -спросил Джебедаия.

- Потому что цыгане ограбили даже меня, - серьезно ответил Паульсон. - Я был таким же, как вы, когда поступил на работу в департамент. Им потребовалось меньше года, чтобы лишить меня единственной моей тогдашней ценности - веры в собственную способность положить конец страданиям, ими же и приносимым. Надеюсь, с вами подобного не произойдет.

Не на этой неделе, подумал я. Возможно, через месяц или через год, но не на этой неделе. В конце концов он видел всего одну жертву...

* * *

Он увидел больше уже в следующие несколько недель.

Был рагобад, представитель расы, которая живет в симбиозе с маленькими животными, называемыми *ласфинами*. Рагобад потратил годы, выстраивая сложную систему нор в грунте под поверхностью негостеприимной среды Хелены II. Из-за землетрясений, вызванных внезапной тектонической активностью, система обрушилась, и как по расписанию появились звездные цыгане, чтобы помочь восстановить ее. Они, конечно, тоже проделали чертовски большую работу. Рагобадам в количестве 823 особей это стоило некоторой наличности и их ласфинов-симбионтов.

Был Гомер Падуполас, который жил один на горнодобывающем мире Кассандра со своим домашним животным, называемым бракке, похожим на собаку созданием с Альфы Беднареса V. Оно обреталось с

ним рядом почти 20 лет, и он щедро расточал на зверюшку свою привязанность и заботу. Уже ясно, что было дальше, не так ли? Звездные цыгане починили его сломанные авторудокопы и помогли выполнить месячную норму. Взяли за свой труд 30 процентов прибыли, и что? Правильно, бракке.

Еще был Холодный Сталь, выдающийся клонированный скакун из XXVII века н.э. Его владелец пообещал, что будет жертвовать церкви 90 процентов наградных, если Господь вылечит его дочку от смертельной болезни. Явился Господь, или некто очень на него похожий, - и ребенок выздоровел. Холодный Сталь выигрывал забег за забегом, и стал самым знаменитым конем в Галактике, известным как Скакун Господень. Потом однажды он захромал, и ни один ветеринар не мог его вылечить, но звездные цыгане знали, что делать, и слава лошади воссияла вновь. За это бродяги запросили сколько-то денег и маленького страшенького козлика, который жил в том же стойле и составлял коняге компанию. Холодный Сталь с тех пор не сделал ни одного неверного шага, однако никогда и не выиграл ни одного забега, и вскоре церковники обнаружили, что 90 процентов от нуля - это нуль.

Бесконечная череда страданий и потерь длилась и длилась... Мы поговорили с двумя гражданами, уверенными, что непременно перехитрят звездных цыган - они торговались и сужали выбор возможных к выдаче сувениров, но в итоге доказали лишь одно: иногда ты и сам не знаешь, какой предмет в твоём владении наиболее ценен для тебя. Это может оказаться обычная старая кофейная кружка, или запись песни, или кружевной платочек, или игрушка из далекого детства, или нечто столь же обыкновенное и привычное, пока его не заберут у вас... И тогда вы понимаете, что отдали бы все на свете, чтобы получить эту вещь обратно.

Знаете вы и то, что если вас однажды посетили звездные цыгане, то после вы их уже никогда не увидите.

* * *

В течение следующего месяца все было спокойно. Конечно, у звездных цыган работа кипела, просто никто не хотел на них заявлять. Некоторые их жертвы стыдились рассказать о ценности, которую представляла для них та или иная утраченная вещица. Некоторые просто сдались и больше не хотели жить. Многие из пострадавших знали, что они имеют право заявить о случившемся, и мы сделаем все возможное, но вернуть отданную вещь нам не удастся.

Первый опыт столкновения с жертвами звездных цыган заинтересовал Джебедаю и послужил для него движущей силой. Каждый вечер, когда я уже собирался домой, он все еще сидел за

своим столом, а по утрам, когда я приходил на работу, он снова уже был на месте. Он просматривал беседы с каждой жертвой. Он перепроверил каждый отчет по планетам, которые сталкивались с природными катаклизмами, экономическими кризисами или чем-нибудь еще, что могло привлечь звездных цыган.

В начале его шестой рабочей недели, утром, когда я только явился в офис, он подошел ко мне совершенно расстроенный.

- Что случилось? - спросил я.

- Они сводят меня с ума, - ответил он.

- Да уж, есть у них такое свойство... - согласился я.

Он посмотрел на меня огорченно и озадаченно:

- Зачем они это делают, Гейб? Один большой разум я могу представить и даже понять, но почему целая раса поставила своей целью разрушить столько жизней? Что заставляет их так поступать?

- Ответ на этот вопрос - и мы на полпути к победе, - откликнулся я.

- Мы что-то упускаем, - сказал он. - Я не могу поверить, что их деяния доставляют им удовольствие.

- Почему же? - парировал я. - Судебные дела и медкарты полны психопатами, которые получают наслаждение, причиняя боль.

- Ты говоришь об индивидуальных случаях, - покачал головой мой напарник. - Никакая раса не может получать от этого радость.

- А эта раса получает.

- Нет, - с полной убежденностью произнес он.

Я обнаружил, что желаю быть столь же уверенным хоть в чем-нибудь в моей жизни, сколь он уверен в своей гипотезе.

- Что так? - спросил я.

- Потому что получение удовольствия от причинения вреда другим противоречит логике всех разумных существ.

- Ну, этого я не знаю, - сказал я. - Мы чувствовали себя в полном ажуре, когда победили в Сеттской войне. Канфориты были вне себя от радости, когда захватили востинианцев. Раньше, когда мы все еще были привязаны к Земле, уверен, индейцы сияли от счастья, перебив всех воинов генерала Кастера.

- Это были военные действия, предпринятые для восстановления того, что было или казалось справедливостью, - объяснил Джебедая.

- Мы не сделали ничего плохого звездным цыганам. Насколько я знаю, сто лет назад мы даже не знали об их существовании.

- Это не значит, что мы не причинили вреда им или их планете, даже не подозревая об этом, - ответил я. - Мы могли по ошибке разрушить одну из их военных транспортных колонн, или вломиться в их святейшее святилище, или случайно занести вирус, против которого на их родном мире на нашлось защиты.

- Нет, - твердо сказал он.

- Почему же?

- Потому что они разумная раса, а это не та реакция, которую разумная раса выдает на реальное или вымышленное нападение.

- Да неужели? - саркастически откликнулся я.

- Ладно, есть довод получше, - продолжал он. - Даже если мы невольно совершили все действия, которые ты назвал, тогда их обида была бы направлена против человеческой расы. Но они несут страдания более чем десятку рас, а мы об этом не знаем, - и некоторые из них не входят в состав Республики, и у них нет ни общественных, ни экономических связей с нами.

Должен признаться, я не рассматривал проблему с этой стороны. Возможно, в концепции свежего взгляда и в самом деле есть какой-то смысл.

- Ладно, признаю твою точку зрения, - согласился я. - Но это не подводит нас ближе к пониманию, почему они так себя ведут. Просто мы исключаем единственное возможное объяснение их нравов и обычаев.

- Чем больше факторов мы сумеем исключить, тем вернее мы сузим спектр возможного, - сказал Джебедая. - И как только мы узнаем, почему они избрали такой путь, мы сможем остановить их. - Он помолчал. - Мы не можем им позволить продолжать нести горе своим жертвам.

- Я так понимаю, это означает, что ты решил остаться в департаменте?

Он кивнул.

- Когда я был молод, - начал он (можно подумать, сейчас он зрелый муж), - я мечтал сражаться с пиратами, которые бесчинствуют на просторах галактик, или спасти прекрасную юную даму от сотни невзгод - каждая страшнее смерти. Это были великолепные романтические мечты... - Он замолчал, по привычке уставившись в какую-то одну точку в пространстве и времени, которую только он и мог видеть. - Но, знаешь... Люди покончили с пиратством, они даже одолели участь, худшую, чем смерть, но не могут пережить потерю самых драгоценных воспоминаний. Конечно, я остаюсь. Мое место здесь. - Он снова задумался и через мгновение продолжил: - Эту неделю я просматривал головидео более чем 200 жертв, которые описывали свои жизни после сделки со звездными цыганами. Я буду жить с этой памятью, и я не освобожусь от нее, пока не добьюсь того, что больше никто не будет ограблен, лишен своих добрых воспоминаний.

- Ну вот, похоже, ты нашел работу на всю жизнь.

- Надеюсь, что нет.

- Не понял, - озадаченно сказал я. - Ты же только что сказал...

- Если я здесь на всю жизнь, это значит, что мы не решим проблему. Я планирую остаться в департаменте до тех пор, пока не остановлю их.

- Я тоже так думал в свое время, - припомнил я.
- Должно быть, и теперь тоже, - заметил он. - Ты же и сейчас здесь.
- А куда мне идти? Чем еще заниматься? - спросил я. - Я не знаю, сумею ли остановить хоть одного из них когда-нибудь, к тому же я абсолютно убежден, что мне не найти способа поймать их, но не могу же я просто повернуться спиной к проблеме, особенно после того, как я увидел вред, который они причиняют. Это война, но сопутствующие повреждения - не разрушенные здания и не взорванный транспорт, это разрушенные воспоминания и взорванные мечты. И я думаю, в конечном счете это зло - худшее.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

- Очень интересно, - проговорил он. - Я работаю с тобой уже почти два месяца. Сначала я думал, ты просто циничный мужик, высиживающий годы до пенсии...

- А теперь?

- Теперь я думаю, что ты циничный мужик, все еще стремящийся остановить звездных цыган.

- Конечно, стремящийся. Но тебе придется разграничить свои эмоции, иначе станешь очередным Беном Паульсоном и, вероятнее всего, пойдешь в обычную полицию в какой-нибудь отдаленный мирок, где нет преступников.

- Как ты заглушаешь страдания? - спросил он.

- У каждого свой способ. Как врач, занимающийся неизлечимыми болезнями, ведет нормальную жизнь вне больницы? Как-то приспособливаешься... По моему убеждению, Бен Паульсон и полсотни других бенов паульсонов в той же мере стали жертвами, как и те, которых навестили звездные цыгане, потому что они так и не научились защищать свои чувства. - Я посмотрел на него. - А ты? Ты сможешь защитить себя?

- Да, - ответил он. - Я собираюсь арестовать их.

С уверенностью не припомню, но почти готов держать пари, что сказал именно эти слова 27 лет назад, до того как постарел и попутно утратил нечто важное.

* * *

Первый шанс на прорыв представился три дня спустя, и исходил он из самого невероятного источника.

Компьютеры департамента были запрограммированы отслеживать и собирать данные и докладывать о любой активности, которая могла бы повлечь за собой появление звездных цыган. Рано или поздно информация доходила, но всегда постфактум, после того как сделки бывали заключены, кажущиеся невинными ценные сувениры

забирались и звездные цыгане возвращались туда, откуда прибыли.

Но в этот раз сведения шли не из компьютерных сетей. Из маленькой новостной организации в колониальном мире Брансон III прошло субпространственное радиосообщение.

Я сидел за столом, просматривая послания из десятка миров на краю звездного скопления, когда Джейми Квамо подошла ко мне со странным выражением лица.

- Что случилось? - спросил я.

- Тут такое дело, думаю, тебе надо это услышать, - сказала она.

- Ладно, что там?

- На 173-м канале.

- Личное? - осведомился я.

- Вряд ли.

- Тогда врубай громкую, чтобы слышали все, - потребовал я. Она постучала по клавишам, и вдруг возник заполненный статическими помехами дрожащий образ женщины средних лет, изображение появилось над каждым столом в офисе. Маленькие вспышки света появлялись и исчезали, но это означало только то, что сигнал был очень слабым. Лицо не особенно запоминающееся - гладкая кожа, темные глаза, черные волосы, собранные в конус, модную прическу в большинстве продвинутых миров ближе к Ядру.

- Привет, - сказала дама, ее голос тоже был забит треском помех. - Надеюсь, что попала в нужное место. Меня зовут Омира Масполи, я работаю на станции «Сигнал Брансона» в местной новостной программе. - Изображение задергалось, мы терпеливо ждали стабилизации. - Наряду с другими обязанностями я возглавляю отдел расследования мошенничеств. Перед тем как перевестись в систему Брансона, я работала на Матусадоне II.

Это известие вызвало в офисе бурную реакцию. В департаменте о Матусадоне ходили легенды.

- Я была там, когда ударила приливная волна и явились звездные цыгане. Разруха от обоих бедствий была ошеломляющей. Планета восстановилась только от приливной волны. - Она выдержала эффектную паузу, потом снова заговорила: - Поэтому я и связалась с вами. Сегодня утром я получила следующий электронный запрос.

Она наклонилась к небольшому настольному экранчику и зачитала:

Дорогая Омира Масполи.

Моя дочь выпускается из Университета Дурастанти IV через 19 стандартных дней. У меня есть корабль, но он сломан. Я не механик и совершенно не представляю, что с ним случилось. Все мои сбережения ушли на образование дочери, и я просто не могу позволить себе купить новый корабль или починить старый, не могу оплатить даже перелет на космолайнере. Я вдова, и моя дочь - единственное, что у меня есть. Сложилась безвыходная ситуация:

оставалось сидеть дома и пропустить самый важный день в жизни моей девочки, но вчера ко мне неожиданно явились некие люди. Они сказали, что слышали о механических поломках в моем корабле, а они как раз странствующие механики, путешествующие от мира к миру в поисках работы. Я объяснила, что у меня очень мало денег, а в косморемонтной фирме насчитали 32 тысячи кредитов за ремонт. Они же предложили починить корабль за 3000 долларов Марии-Терезы, а как вы знаете, это составляет меньше 10 тысяч кредитов. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, но я просто в отчаянии. Я сказала им, что дам ответ позже. Скажите, пожалуйста, есть ли у меня право куда-нибудь легально обратиться за помощью, если они плохо выполняют работу и сбегут в другой мир до того, как я буду готова вылететь в систему Дурастанти?

Журналистка подняла взгляд от текста.

- Если это звездные цыгане, я понимаю, на что они способны, и настаиваю, чтобы вы действовали немедленно. Если нет, извините, что зря потратила ваше время.

Изображение исчезло.

- Сейчас же наладь с ней контакт и выясни, как я могу связаться с той женщиной, автором письма, - распорядился я.

- Есть контакт, - тут же откликнулся Джебедайдя. - Она внесла его в наш компьютер во время передачи.

Имя и код появились одновременно на всех наших экранах.

- Харриэт Микер, - провозгласила Джейми. Она проговорила короткий ряд команд компьютеру. - О'кей, Гейб, говори на передачу.

- Это сообщение для Харриэт Микер, - сказал я, глядя в передающий объектив. - Меня зовут Габриэль Мола, ваше официальное послание Омире Масполи было передано в наш департамент. Прикрепляю к видеописьму свой идентификационный код, который вы можете проверить в любом правительственном учреждении на Брансоне.

Каждое слово я произносил четко и внятно, потому что статические помехи, чем бы они ни были вызваны, обычно мешают в обе стороны.

- Люди, которые предложили починить ваш корабль, - продолжал я, - могут оказаться и теми, кем кажутся, и совершенно другими, нечестными субъектами. Мне необходимо задать вам один вопрос, и если ответ будет утвердительным, не заключайте никаких сделок, не подписывайте никаких договоров и немедленно свяжитесь со мной. Вопрос таков: было ли дополнительно указано, что в счет оплаты будет взята некая вещь, пусть самая обыкновенная, в дополнение к тем 3000 долларов Марии-Терезы, которые вы упомянули в письме к Омире Масполи?

- Это всё? - спросила Джейми.

- Всё.

- О'кей, отправлено. Я продублирую его через минуту и проведу через

нашу станцию на Пинто. Пусть будет хоть какая-то возможность сорвать эту сделку.

- Отлично, - сказал я. - Держите канал открытым круглосуточно и дайте команду всем нашим в радиусе 50 световых лет от Брансона III контролировать этот канал, на случай если статика не позволит ей ответить напрямую сюда. - Я встал и обратился к Джебедаю: - У тебя двадцать минут на сборы, встретимся в космопорту.

- Ты собираешься ехать, не получив ответа? - удивилась Джейми.

- Если мы будем дожидаться, как ты думаешь, что мы обнаружим на месте? - спросил я.

- Ты прав, конечно, - сказала она с гримаской. - Если она ответит, что ей сказать?

- Попроси ее задержать их, пусть скажет, что ждет поступления денег. Она честный человек и не станет заключать соглашение, пока не удостоверится, что будет в состоянии до конца выполнить свою часть сделки.

- А если они еще снизят цену?

- Не снизят, - заверил я, направляясь к двери.

- Почему ты так уверен? - спросил Джебедаю, выходя вместе со мной.

- Такого прецедента не было, - ответил я. - Как ты думаешь, почему обманутых так много? Потому что перед предложением цыган невозможно устоять.

- Некоторые отказываются, - заметил он.

- Немногие, - парировал я. - И, как мы знаем, звездные цыгане не торгуются. Отказался - и они ушли, а тебе остается проводить остаток жизни, сожалея, что отпустил их.

Он проникся иронией ситуации.

- То есть, даже если ты отказываешься, они все равно остаются в выигрыше?

- Точно так.

- Думаешь, твое послание придет вовремя? - спросил Джебедаю, когда мы вышли из здания и прыгнули на бегущую дорожку.

- Возможно.

- А она послушает?

- Конечно, послушает, - заверил я. - Но, как она сказала, это величайший день в жизни ее дочери, а три тысячи долларов Мари-Терезы весьма и весьма умеренная цена...

- Значит, ты не думаешь, что она прогонит цыган? - настаивал он.

- А ты бы прогнал? - горько усмехнулся я.

* * *

Брансон III оказался прекрасной небольшой планеткой с умеренным климатом, тремя пресными океанами, усеянными сотнями островов, и даже парочкой впечатляющих горных кряжей с заснеженными вершинами. Здесь не было местных разумных рас, но эволюция совершила ряд авантюрных вывертов, и изначально планету задействовали как мир сафари. Проект бесславно закончился вместе с дичью (это не заняло много времени), и здесь сразу организовались охраняемые парки для множества вымирающих видов необычных животных. В то же время здесь обнаружили алмазные трубки, и планету заполнили добывающие компании, за ними не заставили себя ждать разнообразные сопутствующие сети поддержки. Копи опустели меньше чем через столетие, но осталось множество городов и поселений; они жили своей обыденной жизнью, делая Брансон III одним из тысяч заурядных миров Республики, который платил почти все налоги, исполнял почти все законы и создавал минимум политических волн. Он казался столь же прекрасным местом для жизни, как любой другой, пока звездные цыгане не проложили через него свой роковой маршрут.

- Как цыгане сумели об этом узнать? - недоумевал Джебедайя, когда мы стояли на паспортном контроле. - Здесь же не было никакой масштабной катастрофы, естественной или какой-то иной, когда компьютер отслеживает информацию о цунами, землетрясении или урагане. Тут же просто одна-разъединственная женщина, которая не может себе позволить починить свой корабль.

- Они всегда знают, - вздохнул я.

- Они не могли это узнать при помощи перехвата послания Омире Масполи, - продолжал он. - Она ничего не посылала до того, как они посетили Хэрриет Микер.

- Такие уж они, звездные цыгане.

Я ступил в паспортную будку.

- Добро пожаловать на Брансон III, - поприветствовал робот-служащий. - Как долго вы намерены пребывать на планете?

- Возможно, меньше чем один день, - ответил я.

- Ваш паспорт прошел скан-контроль, у вас свободные, неограниченные полномочия. Ваше пребывание одобрено, вам дается трехдневная виза. Если вы пожелаете остаться дольше, пожалуйста, поставьте в известность сотрудника иммиграционно-туристической службы, который бесплатно продлит вашу визу еще на шесть дней. Местная валюта - фунты Дальнего Лондона, также имеют хождение доллары Марии-Терезы, рупии Нового Пенджаба и республиканские кредиты. Гравитация составляет 97,28 процента стандартной земной, сутки на планете - 22,17 стандартного часа. У вас имеются какие-либо вопросы?

- Нет.

- Наслаждайтесь пребыванием на Брансоне III, - пожелал робот и обратился с той же самой речью к Джебедаюе, который вошел в кабинку после меня.

Когда мы разобрались с таможей и нас пропустили в главный зал космопорта, ко мне приблизился невысокий элегантный джентльмен.

- Привет, Гейб, - поприветствовал он.

- Привет, Вольф, - откликнулся я. - Джебедаюе, познакомься, это Вольфганг Спора, наш человек в секторе. Вольф, это Джебедаюе Бёрк.

- Рад встрече с вами, Джебедаюе, - сказал Вольф.

- Сколько здесь наших? - спросил я старого приятеля.

- Я расставил 25 человек вокруг космопорта, - сообщил он. - Еще десяток приглядывает за домом Микер. К тому времени как мы добрались до маленького порта, где она держит свой корабль, работа на нем уже была закончена, но я оставил пятерых на случай, если они вернуться за инструментами или чем-то еще, что они могли оставить.

- Ладно, похоже, все тщательно продумано. Микер не знает, что за ней наблюдают?

Он покачал головой:

- Я не хочу, чтобы женщина посматривала на кусты или вглядывалась в соседские крыши, если вдруг начнет нервничать. Если даже я сумею заметить подобные сигналы, то уж звездные цыгане как пить дать смогут.

- Как добраться до ее дома? - спросил я.

- Я подвезу, - предложил Вольф. - У меня транспорт прямо у выхода.

- Нет, - отказался я. - Возможно, они наблюдают и за домом. Я бы поехал на общественном транспорте, причем только вдвоем с Джебедаюе. Она ожидает только нас двоих, и мне не хотелось бы вызывать ее удивление или любопытство, когда мы появимся... так, на всякий случай.

На его лице появилось некоторое разочарование, но он был слишком профессионален, чтобы обсуждать мои приказы.

- После того как выйдете из космопорта, просто подзовите любое транспортное средство общественного гостеприимства, - посоветовал он. - Оно бесплатное. В нем заложены адреса каждого поселенца на Брансоне III. Их здесь немного, гораздо меньше полумиллиона. - Он помолчал. - Вы хотите, чтобы я остался здесь, или мне лучше присоединиться к моим людям, наблюдающим за домом.

- Думаю, тебе следует остаться, - сказал я. - Чем меньше движения будет вокруг ее дома, тем лучше. А если они сбегут от меня, им все еще придется искать способ убраться с планеты. Какие у нас дела с частными портами?

- Их на планете пять. Я поставил людей наблюдать за каждым, и еще мы вывели на орбиту полицейские космокатора, на случай если вдруг им удастся улизнуть от нас на поверхности.

- Кажется, у тебя тут всё под контролем, - похвалил я. - Не могу больше ничего придумать, по крайней мере в данный момент. Если потребуется переговорить, свяжусь с тобой на гамма-частоте.

- Удачи, - пожелал он. - Я стараюсь не горячиться, но такое чувство, что на этот раз мы их поймаем.

- Будем надеяться, - сказал я.

Мы с Джебедаией прошли к выходу, прыгнули в блестящий аэробус и велели доставить нас к дому Хэрриет Микер. Через несколько минут мы планировали над очаровательной маленькой деревушкой, которая походила на те, что когда-то обретались на такой далекой доброй старой Земле. В ней были каменные коттеджи, штaketники и красочные сады. Конечно, камень служил лишь украшением фасадов поверх титановых конструкций, хлипкие на вид заборчики могли превратить в пар любого нежеланного проныру - нарушителя границ собственности, а за садами ухаживали роботы, но с первого взгляда такого не скажешь. Местечко выглядит маленьким, мирным и старомодным.

Через пару минут аэробус сел перед входом на территорию одного из коттеджей и сообщил о прибытии к резиденции Микер. Мы выбрались из салона, подошли к воротам, назвали следящему оку, скрытому в замке, подождали, пока ворота распахнутся, и пошли к двери дома. Там система безопасности отсканировала сетчатку наших глаз и скелеты, немедленно связалась с компьютером космопорта и сверила данные с нашими паспортами, потом оповестила о нашем присутствии владелицу и дождалась приказа впустить нас.

Очень хрупкая женщина, явно на последнем десятке средних лет, стояла в гостиной и приветствовала нас.

- Доброе утро, - поздоровался я. - Меня зовут Гейб Мола, а это мой ассистент, Джебедаия Бёрк. Вы получили сообщение, которое я послал вам вчера с Голденрода?

- Да, мистер Мола, получила, - ответила она. - И нашла его весьма тревожным. Что происходит?

- Надеюсь, что ничего, - сказал я. - Я успел связаться с вами вовремя?

- Если вы имеете в виду, вступила ли я в договорные обязательства со странствующими механиками, то вы опоздали. Если вы имеете в виду, завершили ли они работу и потребовали ли плату, мой ответ: пока нет.

Лицо Джебедаии отражало волнение и азарт. Всего шесть недель на службе, и возможно, он уже сейчас увидит звездных цыган, чего мне не удалось за 27 лет.

- Какую оплату они запросили? Только точно, - спросил я.

- Как я уже сообщила Омире Масполи, они возьмут только три тысячи долларов Марии-Терезы, и я согласилась на эту сумму.

- И что еще?

- Как вы вчера могли узнать, что будет кое-что еще? - удивилась она.

- Всегда бывает.

- Значит, они преступники? -- На лице женщины появилась опасливая тревога. - Это значит, что они не починят мой корабль и я так и не смогу поехать на выпускной к дочери?

- Они починят корабль, - сказал я. - Они всегда делают то, что обещают.

- Какое облегчение! - воскликнула она. - Вам удалось на минутку испугать меня, мистер Мола.

- Вы до сих пор не ответили на мой вопрос, - напомнил я. - Что они еще запросили?

- Ой, нечто маленькое и совершенно обыкновенное, - ответила она. - Какой-то небольшой сувенирчик на память.

- Они его конкретно назвали?

- Нет, - пожала плечами Хэрриет Микер. - Они сказали, что выберут позже, когда закончат работу над кораблем и предъявят счет. Не понимаю, зачем вы проделали весь этот путь от Голденрода. Они даже написали в контракте, что его рыночная стоимость будет не более 50 кредитов.

- И они придут за своей оплатой сюда, в дом?

- Да, они так и сказали, - ответила она. - Я была бы просто счастлива расплатиться с ними в банке или космопорту, но они хотят выбрать себе сувенир, а если не придут в дом, то не смогут этого сделать.

- Вы не возражаете, если мы подождем здесь и познакомимся с ними?

- спросил я.

- Я так и знала! - воскликнула она, и я подумал: сейчас зарыдает. - Они сделали что-то дурное, и вы собираетесь арестовать их, а я никогда не доберусь до Дурастанти!

- Мы собираемся не допустить ничего дурного, - ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал ободряюще.

- Кто они? - осведомилась она. - Что они совершили?

- Вы когда-нибудь слышали о звездных цыганах? - спросил я.

- Только досужие разговоры и легенды. Вы хотите сказать, что они на самом деле существуют?

- Более того, вы заключили с ними контракт.

- Эти милые люди, которые чинят мой корабль? - растерялась она. - Поверить не могу!

- Жаль, - сказал я. - Потому что это они и есть.

- Даже если вы правы, то вы же сами сказали: они всегда выполняют свою обещания, - упорствовала она. - А они дали слово починить мой корабль за три тысячи долларов Марии-Терезы.

- И за сувенир, - добавил Джебедаия.

- Маленький пустячок.

Он посмотрел на меня, словно спрашивая: «Как много ты хочешь»

рассказать ей?».

Вот проблема. Я не хотел скрывать от нее никаких фактов. В конце концов она была их потенциальной жертвой, а мы прибыли защитить ее. Она же была страшно благодарна звездным цыганам за возможность отправиться на Дурастанти, и я опасался, что она может прямо сейчас попытаться предупредить их, если заподозрит нас в серьезном намерении причинить им неприятности. Я рассмотрел все свои возможности и наконец принял решение, которое, как я надеялся, будет всем по нраву.

- Я знаю, вы не хотите, чтобы мы ждали их здесь, и, кажется, знаю почему, - сказал я. - Обещаю, что если они нарушат договор или ваш корабль не будет по какой-либо причине функционировать, мой департамент обеспечит ваше присутствие на выпускном дочери без материальных затрат с вашей стороны.

- Вы серьезно? - спросила она с подозрением.

Я повторил обещание, включив запись на своем карманном компьютере, скрепил его отпечатком большого пальца, переслал копию Омيره Масполи, другую - в штаб на Голденроде и вывел официальный документ, который вручил Хэрриет Микер.

Она внимательно прочла бумагу и подняла глаза.

- Все верно, мистер Мола. Вы и мистер Бёрк можете остаться. Могу ли я предложить вам выпить и перекусить?

- Только чашечку кофе или прохладительные напитки, - согласился я.

- Сама я кофе не пью, - пояснила она. - Мне потребуется несколько минут, чтобы перепрограммировать робоповара.

- Мы никуда не торопимся, - заверил я хозяйку.

Она вышла из комнаты, и я выглянул в окно, но не смог заметить ни единого намека на присутствие ни звездных цыган, ни своих парней.

- Во дворе у нее грязно, да и в доме не помешала бы уборка, - мягко заметил Джебедадя, когда женщина оказалась на кухне. - У нее нет робоповара, по крайней мере исправного. Она будет готовить сама, и сама же после все уберет.

- Да я уже понял, - кивнул я. - Но альтернатива - пойти в ресторан, а я хочу встретить их здесь. - Я тихонько похлопал по импульсному пистолету, который носил под мышкой: нервная привычка, которую я приобрел за годы службы, чтобы удостовериться, что я в действительности не оставил ствол в шкафу или в офисе.

- Он все еще там, - сказал Джебедадя, внимательно глядя на меня.

- А у тебя что? - спросил я его.

- Как обычно: отжигатель и визговик, - ответил он, кивая на лазерный и акустический пистолеты.

В следующее мгновение Хэрриет снова вошла в комнату, неся на подносе две кружки черного кофе.

Каждый из нас сделал по глотку. Напиток напоминал болотную жижу.

- Очень вкусно, - солгал Джебедайка. - Антаресский?

- Брансонианский, мы сами его выращиваем, - ответила женщина с некоторой гордостью. - А вам нравится, мистер Мола?

- Запоминающийся вкус, - честно ответил я, надеясь, что после него не придется проторчать всю ночь в туалете.

- Можно задать вопрос? - спросила она.

- Конечно.

- Что натворили звездные цыгане? Они кого-нибудь ограбили?

- Официально - нет.

Она глубоко вздохнула:

- Как же я устала от вашего бюрократизма и секретов!

«Они пытаются заполучить вовсе не мои секреты», - подумал я. А вслух сказал:

- Сколько их было?

- В первый раз - трое. Потом семеро, когда они вернулись и я согласилась на их условия.

- Все из наших? - спросил Джебедайка.

- Нет, две из них - женщины.

- Я имею в виду человеческую расу.

- Кажется, да.

- Кажется? - уточнил я.

- Они просто, ну... сейчас так много незначительных мутаций... Вы ведь знаете, когда люди расселились по Галактике и целыми поколениями живут в различной окружающей среде...

- А эти как отличались от нас с вами? - спросил я.

- Ну, я не знаю... Ничем, наверное, - сказала она. - Возможно, некоторые минимальные отличия, но теперь, когда я думаю об этом, не могу припомнить ничего, на что бы указала с уверенностью.

- Может, вы заметили что-нибудь необычное в их разговоре? Тембр голоса, манера речи или построение фраз?

Она немного подумала, потом покачала головой:

- Нет, не хочу вводить вас в заблуждение, мистер Мола. Я была в таком напряжении из-за своей отчаянной ситуации, что могла напридумывать какие-то незначительные отличия, которых на самом деле и не существовало.

- Ладно, отличия есть, - сказал я.

- Что вы имеете в виду? - спросила она.

- Я имею в виду, что после многих лет бесконечной погони за этими бродягами мы все еще не знаем, кто они на самом деле.

- Люди...

- Нет, - сказал Джебедайка. - Если и существует что-то, в чем мы абсолютно уверены, так это в том, что они не люди.

- Они были людьми, - пробормотала женщина. Затем: - Думаю, лучше я пойду на кухню и присмотрю за роботом. - Она вышла, чтобы начать

готовить нам обед.

- Мне жаль ее, - сказал Джебедайя. - Приходится разыгрывать весь этот спектакль.

- Не приходится, - сказал я. - Она это выбрала. И тебе было бы жаль ее еще больше, появишься мы после того, как звездные цыгане увезли свою желанную безделицу.

- Знаю, - согласился он. - И все равно...

Вдруг он напрягся.

- Что случилось? - спросил я.

- Я только что заметил кого-то снаружи.

- Ихнего или нашего?

- Очень скоро мы это узнаем, - сказал он и расстегнул форменную куртку, чтобы было проще достать оружие.

Я позвал Хэрриет с кухни и попросил ее приказать двери открыться.

Появились двое мужчин и женщина. Один мужчина был высокий, пепельный блондин, стройный, с пронзительно синими глазами. Другой был плотный и мускулистый, с лысой макушкой, обрамленной седыми волосами, с выдающимся носом и словно срезанным подбородком. Женщине было двадцать с небольшим, короткие черные волосы, узкие внимательные темные глаза, возможно, несколько фунтов лишнего веса, и я не заметил никаких украшений или косметики.

Казалось, они не удивились, увидев нас с Джебедайей.

- Корабль готов, - провозгласил высокий.

- Мы друзья семьи, - я сделал шаг вперед. - Надеюсь, вы не возражаете, если мы внимательно проверим вашу работу, перед тем как заплатить.

- Вы ничей не друг, Габриэль Мола, - ответил он. - Но мы ручаемся за свою работу. Добро пожаловать посмотреть на нее.

- Вы знаете, как меня зовут?

- Мы всё о вас знаем, - кивнул он.

- Определенно больше, чем вы о нас, - добавил второй.

- Вовсе не из-за недостатка усердия, - парировал я. - Слишком долго я ждал встречи с вами.

- Вот и встретились, - проговорила женщина. - Надеюсь, мы не разочаровали вас.

- Обязательно доложу вам об этом после долгой и обстоятельной беседы на Голденроде, - пообещал я.

- Мы не собираемся на Голденрод, - сообщил высокий.

- Я бы не поставил на это свой последний кредит, - сказал я, доставая импульсник и делая знак Джебедайе вытащить лазер.

- Уберите это, - попросила женщина без малейшего намека на страх. - Теперь вы уже знаете, что у нас не бывает оружия.

- Мне гораздо комфортнее, когда я держу его в руке, - ответил я. - Хочу предупредить: даже не думайте о побеге. Дом окружен, мои люди

сидят в каждом общественном и частном космопорту планеты.

- У нас нет намерения уйти, пока нам не заплатят, - заявил высокий. Он обратился к Хэрриет Микер. - Ваш корабль отремонтирован. Вы готовы выполнить свои обязательства?

- Если он функционирует, это будет оплачено, - сказал я. - Можете использовать оплату на аванс хорошему адвокату. Он вам очень скоро понадобится.

- Я говорил не с вами, Габриэль Мола. Мы заключили сделку и полностью выполнили свою часть договора. Вы советуете Хэрриет Микер отказаться от своего обязательства?

- Я сказал вам: в случае исправности корабля она положит деньги на доступный вам депозитный счет, если и когда мы вас отпустим.

- Это лишь часть обязательств, - напомнил высокий мужчина. - Также имеется и сувенир.

- Вы что, вообще меня не слушаете? - возмутился я. - Вернемся к делу. Вы сдаетесь под арест добровольно?

- Конечно, нет, - сказал высокий. - Какие законы мы нарушили?

- Мы обсудим это на Голденроде, - повторил я.

- Я уже говорил вам: мы не собираемся на Голденрод, - заявил он. - По крайней мере в качестве обвиняемых. Возможно, придет день, когда мы решим нанести туда визит, но нескоро.

Такого поворота я предвидеть не мог. У меня были все козыри. Мы с Джебедаией держали негодяев под прицелом. Они должны были понимать, что я не шучу насчет окружения, и, естественно, они были в курсе, что мои люди дежурят во всех космопортах, и все равно они не демонстрировали ни единого признака тревоги. Как будто они совершенно не осознавали своей беспомощности, не понимали ситуации, в которой оказались.

- Нет, это вы неверно оцениваете ситуацию, - сказал высокий, отзываясь на мои невысказанные слова.

- Значит, вы телепаты, - сообразил я, лишь наполовину удивленный. - Вы только улавливаете или также и передаете мысли?

- Либо то, либо другое, - улыбнулась женщина.

- Если вы читаете мои мысли, то знаете, что у вас нет ни единого шанса улизнуть, а потому не усложняйте и без того непростое дело.

Высокий снова повернулся к Хэрриет:

- Я последний раз спрашиваю: Хэрриет Микер, вы готовы исполнить обязательства по нашей с вами сделке?

Она вопросительно посмотрела на меня:

- Что мне делать, мистер Мола?

- Я уже ответил вам, - обратился я к высокому. - Если корабль на ходу, вы получите свои деньги.

- Думаю, вы знаете: нас не интересуют деньги, - сказал высокий.

- А я думаю, вы знаете: мне плевать, что вас интересует, - заявил я и

качнул импульсником: - Пойдемте.

Джебедаия выступил вперед и закрыл собой Хэрриет, на случай если дело выйдет из-под контроля.

- Это ваше последнее слово?

- Так и есть.

- Вы глупец, Габриэль Мола, - проговорил он. - Я был лучшего мнения о вас.

- Нам всем приходится мириться с разочарованиями, - съязвил я.

- Нет, - твердо сказал он. - Только некоторым из нас.

И вдруг высокий мужчина исчез, а передо мной оказалась моя точная копия. Я сильно зажмурился и снова открыл глаза, но ничего не изменилось. Кроме того, что в комнате присутствовали два Джебедаия и две Хэрриет Микер.

Я не знал, метаморфы они или практикуют какой-то метод контроля сознания, но это неважно. Они оказались еще опаснее, чем я думал.

- Гейб, - неуверенно произнес один из Джебедаиев. - Что мне делать?

- Помоги мне, Гейб! - сказал другой точно таким же голосом. - Тебя двое!

- Если не можешь точно определиться, застрели нас обоих, - разрешил я. - Теперь, когда мы знаем, на что они способны, мы не можем позволить им уйти!

- И целься точнее! - добавил мой дубликат моим голосом.

Джебедаия слева от меня попытался поднять пистолет. Я видел, как напряглись его мышцы, как капля пота ползет от виска по щеке, но его рука не поднялась ни на сантиметр. Я понял: придется пристрелить обоих Джебедаиев, и вдруг обнаружил, что тоже не могу пошевелиться.

Мой абсолютный двойник стоял передо мной.

- Вы все еще думаете, что нам отсюда не выйти? - улыбнулся он. Он взял коммуникатор из кармана моей куртки, подключился к гамма-частоте и заговорил: - Привет, Вольф, - его интонации были абсолютно моими собственными. - Ложная тревога. Это действительно группа странствующих механиков. Давай всем отбой, мы подъедем к вам в космопорт через час или около того.

Он отключил связь и положил компьютер к себе в карман, пока я соображал, как он планирует избавиться от наших тел.

- Никто никого сегодня не убьет, Габриэль Мола, - ответил он на мои мысли. - Вы можете быть моей жертвой, но не врагом.

- Черта с два, - проскрипел я.

- Вы знаете нашу историю, - продолжал он. - Хоть один из нас причинил физический ущерб хоть кому-нибудь?

- У вас другие методы.

Он снова улыбнулся, как мне показалось, почти печально.

- Теперь вы меня поняли, - признал он.

Он подошел к Хэрриет, которая тоже была явно не способна

шевелиться.

- А теперь, Хэрриет Микер, пришло время завершить наше соглашение. Я знаю, что вы не хотите причинить нам зла, поэтому я не буду рассматривать присутствие Габриэля Мола и Джебедаи Бёрка как ваши недобрые намерения, но буду настаивать на исполнении обязательств по сделке. Габриэль Мола пообещал нам деньги; мы считаем его человеком чести, умеющим держать свое слово. Позже мы свяжемся с ним и передадим инструкции, касающиеся денежной части контракта. - Он помолчал. - Остается только сувенир ничтожной стоимости.

Он кивнул другой Хэрриет, которая принялась ходить по комнате, прикасаясь к книгам, полкам, вазам, картинам, часам, голограмм-аппарату. Внезапно она быстро прошла в спальню и скрылась в ней, появившись через мгновение со старой поломанной щеткой для волос.

- Нет! - закричала Хэрриет. - Только не это! Возьмите что-нибудь другое!

Лже-Хэрриет вручила щетку моему двойнику, который внимательно изучил находку.

- Даже будь она новой, сомневаюсь, что ее можно было бы продать больше чем за десять кредитов. Да, это вполне погасит вашу задолженность перед нами, Хэрриет Микер.

- Пожалуйста... нет... - со слезами на глазах умоляла она.

- А теперь пришло время откланяться, - продолжал он, отдав сувенир цыганке. Он положил руку на мое плечо и заглянул мне в глаза: - Мы с вами никогда больше не увидимся, Габриэль Мола, но я рад, что нам наконец предоставилась возможность познакомиться. - Он повернулся к Джебедае: - Вы несете тяжкое бремя, Джебедаи Бёрк. Берегите его.

Поначалу я подумал, что это был камень в мой огород: вроде как я - его тяжкое бремя. Но заметив удивление на лице напарника, понял, что есть и кое-что иное, о чем я и не подозревал.

А затем они ушли, так же быстро, как и пришли.

Мы втроем недвижно стояли еще полчаса. Я спросил Хэрриет о щетке, но каждый раз при упоминании вещицы она начинала плакать, и наконец я сдался.

Затем мы снова обрели способность двигаться, и я понял: звездные цыгане покинули планету.

* * *

По возвращении на Голденрод три дня нас мучили вопросами, заставили представить официальные доклады, но это мало помогло. Знание, что они могут появиться в любом облике, не упрощало их

поиск, а способность цыган читать мысли не помогала защищать свои головы. Единственным сдвигом стало удвоение правительственного финансирования департамента, и мы смогли взять в штат дополнительно 75 сотрудников (людей и инопланетян).

Затем последовала серия физических и психических тестов: надо было удостовериться, что звездные цыгане не просочились в департамент. Как я и думал, мы не выявили ни одного.

- Зачем бы им вообще здесь появляться? - размышлял Джебедадя. - Мы никогда не нападали, только противодействовали. У них нет нужды дезинформировать нас.

- Это просто проверка в рамках соблюдения всех мер предосторожности, - пояснил я.

- Понял, - согласился он. - Надо было застрелить одного из них, когда подвернулся такой шанс. В конце концов мы могли бы передать его нашим ученым на изучение, и, может, они нашли бы способ как-то их опознавать.

- Республика осуждает преднамеренные убийства, - напомнил я.

- Республика никогда не противостояла ничему или никому с подобными способностями, - возразил Джебедадя.

- Подумай хорошенько, - посоветовал ему я. - Как ты собираешься убить существо, которое может прочесть твои мысли и знает о твоих намерениях?

- Если я решусь на это на расстоянии метров в шесть-семь от него, он не успеет остановить меня.

- Но если стены не помешают ему читать мысли, то он еще за дверью будет в курсе твоих замыслов, и в этом случае он или вообще не откроет дверь, или уже будет готов к встрече с тобой. Вдобавок, как ни крути, это убийство.

Он глубоко вздохнул.

- Полагаю, ты прав. Мне просто отвратительно видеть страдания несчастных. Факт, что жертвы становятся таковыми добровольно, не имеет значения; они не знают о предстоящих утратах.

- Как бы то ни было, - рассудил я, - единственный способ остановить их когда-нибудь - это определить, зачем они это делают. Даже если департамент санкционирует пару выстрелов, что мы с этого поймеем? Два тела, а возможно, и способ их выявления. Это не заставит цыган отказаться от кочевков с мира на мир в поисках работы.

- Насколько я знаю, они никогда не соглашались работать только за деньги, - сказал Джебедадя. - Значит, все дело в безделушках.

- Конечно, в них! Но почему? Вот вопрос, который я себе задаю с тех самых пор, как ушел с флота на эту работу.

- Ты служил во флоте, да еще и здесь 27 лет работаешь? Ты не выглядишь настолько старым.

- Служил я там недолго, меньше двух лет. Потерял ногу в Сеттской

войне. С тех пор хожу на той, что выдало правительство.

- Никогда не замечал.

- Нет причин, почему бы ты заметил. Это же не дефект, как бывало когда-то. Да, черт побери, в прошлом году самым высокооплачиваемым на планете игроком в убойнобол был Маркус Квинтоби, а у него вместо рук два протеза.

Мы еще поговорили, а затем получили сообщение, что команда звездных цыган снова пошла на дело в системе Коринда. Было уже поздно что-либо предпринимать, но мы по зову долга направились к кораблю и отчалили.

Беладжи с планеты Коринда IV оказались расой разумных сумчатых, трехногих и покрытых от головы до кончиков пальцев ярким оранжевым пухом. В этом мире с течением веков становилось все жарче и засушливее, воду добывали из глубоких колодцев. Колодец, снабжавший местную лечебницу, обрушился. Если его не починить за один солнечный день, пациенты будут страдать от жажды, а если растянуть ремонт дня на три, большинство погибнет.

Звездные цыгане явились, сделали свое великодушное и щедрое на вид предложение и перестроили колодец, укрепив его стенки арматурой повышенной прочности, меньше чем за день. Но они подписали контракт со всем коллективом лечебницы, и ко времени, когда мы туда добрались, было трудно сказать, кто страдает больше, пациенты или врачи.

Мы задали обычные вопросы, получили обычные ответы, провели обычный бесплодный поиск ключей к разгадке, куда звездные цыгане могут направиться дальше, и наконец отбыли, с облегчением покидая место страданий.

Выйдя из стратосферы Коринды IV, мы собирались включить световые скорости, когда приемник уловил подпространственное радиосообщение. Три шахтера человеческой расы застряли в поясе астероидов между шестой и седьмой планетами системы Черчилля. Корабль поврежден, они посылают сигнал SOS. Спасательное судно уже в пути, но ему потребуются стандартные сутки, чтобы добраться до бедствующих, а мы сумеем прийти на помощь за шесть часов. Конечно, мы помогли бы им, если бы смогли, но главное - случай представлялся весьма благоприятной возможностью для звездных цыган. Может, если немножко повезет, мы сможем их здесь подождать?..

Штаб ввел координаты в комп-навигатор, мы достигли многократной скорости света, и оставалось только ждать прибытия на место. Не было смысла залегать в капсулы глубокого сна: «прогулка» обещала продлиться всего шесть часов. Мы проверили оружие, слегка подкрепились и стали ждать окончания полета.

Минут за двадцать до пункта назначения мы получили другое

сообщение. Горняки наконец умудрились заставить корабль двигаться, и он потащился к порту колониального мира Гринвиллоу, который был неподалеку - через две системы.

- Что ты об этом думаешь? - спросил я Джебедаю. - Хочешь все равно попытаться?

- Если они не услышали сообщения, они могут не знать, что корабля здесь уже нет. У нас имеются координаты. Если мы сможем сесть на астероид до их появления, у них не будет причин думать, что мы не шахтеры.

- Пока не приземлятся, - поправил я. - Эта их чертова телепатия! - Я прикинул варианты и понял, что их на самом деле нет. Мы уже почти на месте, и если я не собираюсь подстеречь их, пока они не добрались до моей головы, я их больше никогда не увижу. - Ага, давай!

Мы сбросили скорость до световой за 18 минут и стали вилять, пролетая сквозь астероидный пояс. Затем я взял ручное управление и поймал на экран визуального наблюдения нашу цель, астероид 1783В системы Черчилля. Тут-то все и произошло! Небольшой тонкий обломок солнечной батареи, не больше жестянки, пропорол обшивку и силовую установку корабля. Если бы мы уже приземлились, он бы просто отскочил, но у него была своя орбитальная скорость, мы тоже все еще двигались со скоростью в 75 процентов от световой, поэтому он просто прорвался насквозь, прямо в ядерный реактор и ускорители.

- Черт! - проворчал я, когда корабль вышел из-под контроля и произвольно завертелся.

- Что случилось? - спросил Джебедаю, сжимая подлокотники кресла.

- Кусок космического мусора, - сказал я. - Камешек, ледышка или еще какое барахло...

- Большая поломка?

- Если бы я мог сманеврировать, чтобы приземлиться на один из астероидов, с нами все было бы в порядке. Но если мы будем тут вертеться в поясе, рано или поздно обязательно врежемся во что-нибудь гораздо большее, чем ударившая нас мелочь.

Мне потребовалось около двух минут, чтобы прекратить вращение. 1783В был уже позади, но впереди, в 90 000 миль я увидел еще один астероид и рассчитывал, что смогу достаточно замедлиться, ведь это был наш лучший и, пожалуй, единственный шанс. Тормозная система оказалась «тормозной», и корабль снова было завращался, но как-то мне удалось справиться и взять их обоих под контроль.

- Соберись! - велел я. - Мы сделаем это, но мягкой посадки не обещаю.

Вскоре астероид заполнил все пространство экрана наблюдения. Я попытался посадить нас на хвост, но посадочные контроллеры не отвечали, и я принял решение проскользнуть на пузе. Нам чертовски повезло, что на этом каменном куске не было мелких горошек и

валунов, потому что мы тащились по его поверхности почти три мили, перед тем как окончательно остановились.

- Ты в порядке? - спросил я.

- Не могу ручаться за сердцебиение или давление, но вроде ничего не сломано, - откликнулся Джебедаия.

- Довольствуйся этим. Сорок пять секунд назад я уже держал сам с собой пари, что мы не выживем.

Он улыбнулся:

- Спасибо, что не сообщил мне об этом раньше.

Я проверил приборную панель и сказал:

- Но проблемы у нас все еще есть.

- Ну?

- Связь вышла из строя, и у меня такое чувство, что корпус корабля поврежден. Кислород уходит. Видимо, придется надеть скафандры.

- Какой в них запас кислорода? - спросил он.

- На полдня.

- А в корабле когда кончится?

- При нынешней скорости его потери, может, часа через четыре.

Я знал, о чем он думает. Элементарный расчет. Четыре часа и полдня - всего 16 стандартных часов. Спасательному кораблю требуется 24 часа от старта до финиша, и даже если он не свернул - а какой ему теперь резон сюда тащиться, - то прибудет через два часа после того, как у нас кончится воздух.

- Мы наденем скафандры потом, когда это станет неизбежным, - предложил я. - Это даст нам чуть больше времени сообразить, сможем ли мы починить связь.

Вот такая фантазия. Даже если мы починим радио, тут поблизости нет миров Республики, чтобы вовремя добраться до нас. Да, наш сигнал могли бы принять на пролетающем мимо корабле - на самом деле это была наша единственная надежда, - но шансы ничтожно малы, и с каждой минутой без связи приближались к нулю.

Через час я понял: починить приемник-передатчик мы не сумеем. Возможно, механик получше и справился бы, но ремонт подпространственных радиосистем не входит в число моих специальностей, а Джебедаия понимает в них еще меньше.

- Да ладно, - сказал я, присаживаясь. - Не так уж плоха была эта жизнь, я полагаю. Просто жаль, что она кончается раньше, чем я закончил свою работу.

- У тебя есть дети, Гейб? - спросил Джебедаия.

- Сын, - ответил я. - Мы с ним не виделись уже... лет десять или одиннадцать. Жена ушла от меня... видимо, потому что я не держал в себе все переживания по службе, выплескивал в разговорах разочарование и неверие в свои силы... Сын ушел с ней. - Я помолчал.

- Он был чудесным мальчишкой. Я оставил ему по завещанию почти

все.

- Почему почти?

Я достал маленький сверточек из нагрудного кармана.

- Всё, кроме этого. Это я никому не отдам.

- Ну-ка, покажи...

Развернув, я протянул ему содержимое:

- Медаль за храбрость, с Сеттской войны.

- Это когда ты ногу потерял? - спросил он.

- Ага. Я вытащил семерых из моего отряда, а ногу оставил. Думаю, вполне выгодный обмен. Флот тоже так решил...

- Обалдеть, - изумился Джебедайка. - Я никогда таких медалей не видел.

- Их выдали очень немного.

- Ты, наверное, ужасно гордишься...

- Это было очень давно, - сказал я. - В данный момент это, кажется, не имеет значения... - Я умолк и припомнил свою жизнь. «В целом, я в плюсе. Выигрыш не слишком велик, но все-таки...» - Я по-прежнему ни о чем не жалею, разве что не отловил ни единого цыгана. А ты?

- Да я полным-полно всего запланировал, - сказал он. - Кто-нибудь другой это сделает, наверное...

- Это в будущем, - сказал я. - По прошлому какие-нибудь сожаления есть?

- Только одно.

- И это...

- Сожаление.

Ладно, если не хочет говорить об этом, я не собираюсь настаивать. По расчетам, у нас осталось около 15 часов, чтобы привести мысли в порядок и попытаться уйти из жизни хоть с каким-то чувством собственного достоинства.

Он продолжал вертеть рычаги и ручки приборов. Некоторые работали, некоторые нет. Самая важная - радио - окончательно сдохла. Показалось, что стало теплее. То ли воображение разыгралось, то ли кислород утекал быстрее. Я решил даже не подходить к скафандру, пока совсем не припрет, или вообще в него не забираться. Когда прожил 52 года, что значат какие-то 12 часов, особенно 12 часов медленного удушья.

- Я никогда не писал завещания, - вдруг сказал Джебедайка. - Я просто представить не мог, что оно так скоро понадобится. Полагаю, я должен выразить свою волю, чтобы тот, кто найдет нас, смог доставить его властям. Не то чтобы у меня много чего было...

- Могут пройти века, прежде чем нас найдут, - сказал я. - Система необитаема, и никто не знает, где мы есть.

Тут некая мысль посетила меня, и я усмехнулся.

- Что тут смешного?

- Если у тебя есть какие-то средства на бирже или в банке, то к тому времени, как нас найдут, там могут накопиться миллионы. Жаль, у тебя нет наследников...

- Да уж, при таком условии как-то глупо писать завещание, - согласился он.

- Оставь их своей любимой церкви или политической партии, - предложил я. - Там им найдут применение.

- Скорее всего...

Он повернулся к микрофону, чтобы надиктовать завещание в компьютер. неподвижно поглазев некоторое время на экран у своего кресла, он повернулся ко мне со странным выражением лица.

- Что случилось? - спросил я. Ничего худшего уже не произойдет.

- Ты сказал, что система Черчилля необитаема, так?

- Верно.

- И ты не отправлял никаких сообщений?

- Ты же знаешь, что нет.

- Ну, вообще-то к нам приближается корабль, - сказал он.

- Интересно, какая-нибудь из систем обороны работает, - попытался установить я. - Мы можем выстрелить в пространство, чтобы привлечь его внимание.

- Не надо. Он не мимо летит, а уже замедляет ход.

Я включил главный монитор. Напарник оказался прав: к нам приближался маленький серебристый корабль.

- Не вижу его опознавательных знаков, - пригляделся я.

- Да какая разница!

- Если они обнаружили нас, то наверняка заметили, что мы без связи, - сказал я, вытаскивая импульсный пистолет. - Надеюсь, они летят на помощь, но если для грабежа, то будем готовы и к такому повороту. В этом случае, возможно, нам удастся их обезопасить и взять управление кораблем.

Он вытащил свои отжигатель и визговик и положил перед собой на пульт управления.

- Ты когда-нибудь видел такой корабль? - спросил он, когда суденышко подлетело поближе.

- Нет, - признал я. - Видимо, инопланетяне. В Республике вообще нет ничего подобного.

- Он ужасно маленький, - заметил он. - Выглядит как самоделка.

- В любом случае он не сможет взять нас обоих, даже если у него самые самаритянские намерения, - сказал я.

Корабль завис менее чем в миле над астероидом и начал аккуратно опускаться на поверхность. На мгновение показалось, что он приземлится прямо на нас, но он сел ровнехонько рядышком.

Потом мы услышали, нет, почувствовали, как что-то подсоединяется к шлюзу. И через несколько минут я услышал то, чего никогда не ожидал

услышать в пространстве космоса - кто-то деликатно постучал в дверцу.

Я приказал створкам открыться, но эта часть оборудования тоже не работала. Наведя импульсник на дверь, я жестом велел Джебедайте открыть дверь вручную.

Он открыл и отступил назад, когда откинулась дверца.

В кабину вошла женщина средних лет с чистыми синими глазами, сидящими каштановыми волосами и крепким тренированным телом. Она была в некоем универсальном комбинезоне, а не в скафандре, и я сообразил, что она состыковала наши корабли.

Она быстро осмотрелась и перевела взгляд на меня.

- Я тоже рада вас видеть, - насмешливо проговорила она, кивая на импульсник, нацеленный на нее. Я опустил оружие, но не убрал.

- Кто вы? - спросил я.

- Вам правду или придумать что-нибудь? - усмехнулась она.

- Вы одна из этих, не так ли?

- А вы Габриэль Мола и Джебедайте Бёрк, - утвердительно произнесла она.

- Как вы узнали, что мы здесь?

- Это так важно? - осведомилась цыганка.

- Хотелось бы узнать перед неизбежной смертью.

- Неизбежной. Но вы, я полагаю, предпочли бы жить.

- Вы имеете какое-нибудь отношение к неисправностям на нашем корабле? - спросил Джебедайте.

- Нет, конечно, - ответила она. - Я знаю, вы мне не верите, но мы вовсе не злобные садисты.

- Ваши друзья цыгане знают, что вы здесь?

- Теперь да.

- Вы здесь, чтобы спасти нас?

- Ну, это следует обсудить.

- И сколько же миллионов кредитов это будет стоить? - ядовито ухмыльнулся я.

- На самом деле вы, Габриэль Мола, как разумное существо немного стоите, - сказала она. - Вы охотитесь за нами безо всякой причины, вы подвергаете нас гонениям, даже несмотря на то что мы не нарушили ни единого вашего закона, вы убеждаете людей не вступать с нами в открытые переговоры и не заключать честные сделки. Нет, вы просто никчемный представитель человеческой расы. Думаю, за спасение вашей жизни я назначу плату в размере одного республиканского кредита.

- И в чем подвох? - спросил я.

- Никакого подвоха. Один кредит и сувенир на память о вас. - Она улыбнулась. - Оплата по требованию после выполнения работы.

- Я видел ваш корабль на экране, - сказал я. - Вы абсолютно точно не

сможете взять с собой нас обоих.

- Это было мое предложение лично вам, - сказала она, затем обратилась к Джебедае: - А вас я спасу бесплатно, Джебедае Бёрк. Не возьму ни денег, ни сувенира.

- Почему? - подозрительно спросил он. - Ваши никогда не работают бесплатно.

- У вас есть определенные качества.

- Какие же?

- Мы обсудим их на корабле.

- Тут что-то не так, что-то я упустил, - покачал он головой. - Если вы собираетесь спасти нас по очереди, возьмите Гейба первым.

- Не хочу, - твердо сказала она.

- Я не оставлю его здесь умирать.

- Если он согласится на мои условия, то будет спасен.

- А если нет?

- Тогда он умрет в одиночестве и неоплаканным, - пообещала она. - Его имя забудут, его тело никогда не найдут, словно его никогда и не было. Неужели это действительно та судьба, которой вы желаете своему другу?

- Тогда спасите его первым, - упрямо повторил Джебедае.

- Не будь дураком, Джебедае, - сказал я. - Отправляйся с ней, пока у тебя есть шанс.

- Я тебя не брошу, - ответил он.

Цыганка снова повернулась ко мне:

- Не спорьте с ним. Он пойдет по своей воле, когда настанет час. Мы с вами заключаем сделку, Габриэль Мола?

- Один кредит?

- И сувенир.

- Какого черта! - воскликнул я. - Если я умру здесь, ни единая вещица из моего барахла не доставит мне радости. Да, заключаем. - Я обратился к Джебедае: - Если я не вернусь, раздай все вещи из моей квартиры, или сожги всё скопом, или разложи на атомы, перед тем как эта особа наложит на них свои ручонки.

- Я никуда без тебя не пойду, - упрямо настаивал он.

Она подошла поближе и протянула руку:

- Обычно я заключаю контракт в письменной форме, но в данных обстоятельствах принимаю решение скрепить наш договор рукопожатием. По рукам, Габриэль Мола?

Я пожал ей руку. На ощупь - нормальная женская рука.

- По рукам. И как вы теперь собираетесь вытащить нас отсюда?

- Я возьму с собой Джебедае Бёрка. Это даст вам почти на два часа больше кислорода. Кто-нибудь появится здесь и успеет забрать вас. - Она помолчала. - Не считайте их своими врагами, Габриэль Мола. Ведь они прилетят спасти вам жизнь.

- Это не значит, что я перестану охотиться за вами, - честно предупредил я.

- Видимо, один кредит - слишком высокая цена, - пожала плечами цыганка. - Но сделка есть сделка.

Она прошла к шлюзу и снова повернулась к нам - и вдруг женщина средних лет исчезла. Она превратилась в стройную хрупкую девушку, почти подростка, с темными грустными глазами, длинными волнистыми волосами медового цвета. Она выглядела такой очаровательной, наивной, не тронутой жизнью.

- Пойдем, Джебедайка Бёрк, - проговорила она нежным голосом, совершенно соответствующим ее облику. - Нам пора.

- О боже мой, - пробормотал Джебедайка. - Как вы узнали? Я напрочь выбросил ее из головы.

- Вы обманываете себя, - сказала звездная цыганка. - Она самый значительный образ в вашем сознании.

- Не надо так со мной! Пожалуйста! - взмолился Джебедайка. - Однажды я уже потерял тебя. Сумел примириться с Вселенной. Не заставляйте меня снова...

- Ты потерял меня и снова нашел, - промолвила девушка.

- Кто это? - спросил я.

Мученическое выражение появилось на лице парня:

- Ее зовут Серафина. Мы собирались пожениться. - Он с трудом подбирал слова, не отводя взгляда от девушки. - И я убил ее.

- Это была не твоя вина, - мягко пояснила она. - Полиция привлекла к ответственности владельца другого транспорта.

- Я смотрел только на тебя, а должен был смотреть на дорогу, тогда бы увидел, как оно движется навстречу... - проговорил он. - Моя вина в этом.

Она протянула к нему руку:

- Я прощаю тебя.

Он попытался отвести от нее взгляд, но не смог.

- Пойдем со мной, Джебедайка, - проворковала красавица. - Время уходит.

Он стоял как загипнотизированный.

- Ты не Серафина, - наконец выдавил он.

- Я буду для тебя Серафиной столько, сколько пожелаешь, - сказала она, проходя спиной сквозь шлюз. - Пойдем, Джебедайка.

- Гейб, я... - слова застряли у него в горле.

- Иди, - кивнул я. - Оставаясь здесь, ты ничем не сможешь помочь нам обоим.

Казалось, еще секунду он сопротивлялся. Затем, со звуком, который был наполовину вздохом, наполовину всхлипом, он последовал за девушкой в корабль. Спустя мгновение шлюз закрылся, и я наблюдал на экране, как кораблик отшвартовывается и взлетает.

Следующие два часа я размышлял, выполнит ли цыганка условия сделки. В кабине стало слишком жарко, дышалось с трудом. Я уже был готов забраться в скафандр, когда корабль, больший, чем предыдущий, тихонько опустился прямо рядом с моим. В нем находилось пятеро звездных цыган. Они состыковали корабли, открыли люк шлюзовой камеры и очень вежливо попросили меня пройти на борт.

Через минуту мы взлетели. Мне предложили еду и напитки, которые я отверг, и приятную беседу, которую в данных обстоятельствах посчитал нелепой, если не оскорбительной. Полет занял пару часов на световых скоростях, и мы добрались до Гринвиллоу, где корабль приземлился в маленьком частном космопорту, и меня отпустили.

- Где Джебедаёя Бёрк? - спросил я, оглядываясь на пустом космодроме.

- Он вернется к вам, когда будет готов, - сказал один из бродяг, по-видимому, вожак.

- Откуда я знаю, может, вы убили его?

Он принял удивленный вид.

- Вы знаете о нас больше, чем кто-либо другой. Разве мы хоть раз кого-нибудь убили?

- Нет, - признал я. - Но почему вы делаете то, что делаете?

- Зачем вы принимаете пищу? Зачем дышите?

- Какого черта! Это не ответ! - возмутился я. - Вы что, пытаетесь сказать мне, что вы вынуждены разбивать сердца и сеять страдания повсюду, где пролетаете?

- Мы не враги, Габриэль Мола.

- Кто же вы?

Бесконечная грусть отразилась на его красивом спокойном лице. Потом люк захлопнулся и через некоторое время корабль взлетел.

* * *

Я связался с ближайшим участком нашего департамента, который оказался на Геспорите III, доложил о случившемся и стал дожидаться служебного транспорта.

По возвращении на Голденрод я был почти уверен, что Джебедаёя ждет меня там, но он так и не появился. Я издал приоритетный приказ о розыске и довел его до сведения не только всего нашего департамента, но до каждого участка полицейского управления по всему кластеру Кинелли. Никто не видел моего приятеля, никто не знал никого, кто бы его видел, и через год мне наконец пришлось признать: звездные цыгане совершили свое первое убийство. Я лишь надеялся, что он насладился последними минутами или часами жизни со своей

фальшивой Серафиной.

Казалось, звездные цыгане стали более дерзкими и бесцеремонными. Если не считать моего несчастного напарника, почерк их преступлений не изменился, но казалось, они предвидят каждую ловушку, которую мы для них расставляем. Раньше они пробавлялись на мелких заштатных и колониальных планетках, теперь же стали «работать» также в наиболее густонаселенных мирах. Ситуация всегда складывалась одинаково: дело, требующее выполнения, волшебное появление команды старательных умельцев, договор на невероятно низкую сумму - и в то же время невероятно высокая цена сделки.

Я уже настиг было парочку на Дедале IV и даже вызвал подкрепление, но они просто дождались моих людей, приняли облик двух первых прибывших и в суматохе скрылись. В торговом городе одной из планет внутренней границы миров Договора я даже чуть не подстрелил одного, но он нырнул в заброшенное строение, и больше я никогда его не видел, хотя исследовал там каждый дюйм.

Я направил полсотни поисковиков, чтобы найти их родной мир, но всё без толку. Никто не знал, как они выглядят на самом деле, когда не надевают чужую личину, а потому не было способа точно определить, нашли мы их или нет.

Работа по-настоящему угнетала и раздражала меня, я уже подумывал выйти на пенсию досрочно. Не мог больше выносить вида чужих страданий и ощущения собственной беспомощности. Если бы ежевечерний алкоголь или наркота помогали справиться с подобными сложностями, то я непременно подсел бы на эту дрянь, но я знал: проблема все равно останется.

Как-то вечером в конце лета я зашел на обед в привычный ресторанчик, а после решил прогуляться пешком, а не ехать на одной из движущихся экспресс-дорожек. Когда я наконец добрался до дома, уже стемнело, но на удивление свет у меня в окне горел. Я мог бы поклясться, что выключил электричество, когда уходил на работу.

Привычно сжимая импульсник в ладони, я осторожно подобрался к двери. Пробормотал код доступа, подождал, пока дверь раздвинется, шагнул внутрь и увидел перед собой Джебедаю Бёрка.

- Глазам не верю! - воскликнул я, убирая оружие. - Я уж похоронил тебя года три назад.

- Как ты, Гейб? - просто спросил он.

- Обалдел, - признал я, не делая попыток скрыть свою радость. - Что ты здесь делаешь?

Он оглядел остроугольную гостиную.

- Любуюсь картинами, - сообщил он. - И твоей библиотекой. Прошло много времени, с тех пор как я видел настоящую книгу.

- Черт побери, как ты сюда проник? У меня тут подключено чуть ли не произведение замочного искусства.

- Я многому научился у звездных цыган.
- Как ты от них сбежал? - спросил я.
- Об этом нам и надо поговорить, - ответил Джебедайя.
- Ты кое-что о них узнал, - взволновался я.
- Я узнал о них всё.

Я подошел к своему любимому креслу, велел ему парить на высоте пары дюймов над полом и уселся поудобнее.

- Расскажи, - попросил я.
- Для того и пришел.
- Начни со своего побега, - сказал я.
- Побега не было, - пожал плечами Джебедайя.
- Не понял.
- Сейчас поймешь. - Он поманил стул, подождал, пока тот прилетит из угла и сел рядом, всего в полуметре от меня. - Давай я начну с того, что они тебе никогда не лгали. И никогда не нарушали закон.

- Нет, - сказал я. - Бродяги просто разбивали сердца и крушили воспоминания.

Он кивнул:

- Да. Такое часто случалось. Но тут уж ничего не поделаешь.
- Еще как поделаешь, - парировал я. - Им не требуется грабить своих подопечных.
- Они никого не грабят, Гейб. Они никогда никого не заставляют подписывать соглашение, и они никогда не берут того, что не было им обещано.
- Да брось! - махнул я рукой. - Ты рассуждаешь, как цыган.
- Это неудивительно, - ответил он. Я снова потянулся к импульснику.
- Ты хочешь сказать, что присоединился к ним, - уточнил я.
- Убери пушку, Гейб, - произнес он ровно, без намека на страх в голосе. - Ты жаждешь крови или ответов на вопросы?
- Пока не решил.
- Я не буду говорить, пока ты не выберешь что-нибудь одно.

Джебедайя сложил руки на груди и терпеливо ждал. Он знал, что после трех десятков лет охоты на звездных цыган мне нужны ответы. Наконец я проворчал проклятье и вложил ствол в кобуру.

- Так-то лучше, - кивнул мой бывший напарник.
- Говори, - велел я. - И пусть справедливость восторжествует.
- Первое, что тебе надо понять, Гейб, они инопланетяне в полном смысле этого слова.
- Понял.
- Нет, не понял, - многозначительно подчеркнул он. - Ты так думаешь, но они появляются в человеческом обличье, бегло говорят по-террански, делают ту же работу, принимают оплату в республиканской валюте, и ты думаешь, что они люди. Грубые и бесчувственные - конечно, но люди.

- Они такие и есть, - подтвердил я.
- Я тоже так думал. Но ошибался.
- Продолжай, я слушаю.
- Конечно, слушаешь. Я просто надеюсь, что еще и *слышишь*.
- Избавь меня от игры в слова и продолжай, - велел я.

- Ладно. Звездные цыгане одарены многочисленными способностями. Многие из них ты видел и наверняка догадываешься о других. Но они также несут на себе проклятие в виде одного недостатка, и этот единственный дефект, возможно, перевешивает все их достоинства. - Он помолчал. - У них нет эмоций. Они не могут *чувствовать*.

- О чем ты говоришь?!

- Они не могут вырабатывать эмоции, но способны впитывать чувства других. Звездные цыгане осознали свой изъян и эту способность при первом же контакте с иной расой. Они увидели, насколько пусты были их жизни, и занялись решением проблемы,

- И единственная эмоция, которая им по нраву - это страдание? - съязвил я. - Вот уж чего бы я не взял...

- Нет, Гейб. Им не нужны страдания. Они берут все эти сувениры не для того, чтобы их владельцы страдали, а потому что могут впитывать любовь, счастье, нежность, которые с ними связаны. Как они это делают - даже для меня загадка. Но так оно и есть. Им требуются любовь и радость, пусть даже и заимствованные. Они знают, что приносят боль. Потому и работают столь дешево, стараются хотя бы так восполнить утрату милой вещицы. Они знают: многие люди рано или поздно смогут ее преодолеть. Ты и сам знаешь, что являются они только в самой критической ситуации, чаще всего, когда речь идет о жизни и смерти. И действительно спасают людей, да и другие расы не меньше. Как бы ни был дорог пресловутый сувенир, жизнь на самом деле гораздо дороже. Вы там, в управлении, знаете только о тех случаях, когда люди не оценили по-настоящему того щедрого дара, который им предоставили. Очень многие смиряются с потерей, чтобы обрести нечто новое, соглашаются отдать вещественное отображение воспоминаний, сохраняя их в сердце. Звездным цыганам нужны эти предметы. Без них они сами будут существовать, посвящая жизнь лишь еде, сну, работе, но никогда - чувствам.

Он умолк, и я задумался над сказанным.

- Если это правда, я им сочувствую, - заключил я. - Но не настолько сопереживаю и поддерживаю, чтобы позволять им нести эмоциональные утраты другим расам.

- Неужели альтернатива настолько ужасна?

- Ты говорил с их жертвами, - пожал я плечами. - Как сам-то думаешь?

- Думаю, нет справедливости во Вселенной, - заявил Джебедадя. - И по большому счету лучшее, что можно предпринять - это выбрать меньшее из двух зол.

- Они промыли тебе мозги, - констатировал я.

- Я пошел к ним добровольно, - сказал он. - Я могу жить, где хочу, но... я не хочу.

- Ты думаешь, сынок, что пошел добровольно, но на самом деле это они тебя выбрали, - напомнил я. - Цыганка предстала перед тобой в виде Серафины, потому что они читают мысли. Они нашли в твоей башке не только ее, но и твою молодость и впечатлительность, и полагаю, еще и все твои знания о работе департамента.

- Нет, - настаивал он. - Я присоединился к ним, потому что хотел помочь им.

- Я думал, ты хотел помочь их жертвам.

- Каждому приходится делать выбор, - вздохнул Джебедайка. - И это не всегда легко. Я свой выбор сделал.

- Ты подумал о том, что с тобой станет, когда ты уже не сможешь быть им полезным? - продолжал я. - Ты отвернулся от своей расы. Ты больше не один из нас. Ты примкнул к тем, кто заставляет нас страдать. Мы не примем тебя обратно.

- Я не собираюсь возвращаться, - ответил он. - Поиски жизненной цели были очень долгими. Теперь цель у меня есть. Звездные цыгане стали действовать более грубо и менее осмотрительно. Ты обнаружил их на Брансоне III, потом на Дедале IV, потом на Сувенире. Кто-то должен направлять их.

- Значит, ты не просто к ним присоединился, - предъявил я обвинение.

- Ты еще и возглавил их!

- Кто-то должен был это сделать, иначе рано или поздно департамент санкционировал бы убийства. Ты разумный человек, Гейб, и я на самом деле не думаю, что ты унизишься до убийства, особенно теперь, когда ты знаешь мотивы их поступков. Но другие будут, и однажды начавшись, это не прекратится.

- Тогда что же мы с тобой сейчас делаем? - спросил я.

- Мы завершаем последний пункт сделки и после этого идем каждый своей дорогой.

- Ладно, - сказал я. - Но я буду преследовать тебя.

- Ты никогда меня не найдешь.

- Попытаюсь, - пообещал я ему. - Теперь о какой сделке ты говоришь?

- Четыре года назад звездные цыгане спасли твою жизнь. Соглашение подразумевало расчет после завершения работы. Я пришел получить оплату.

Я вытащил из кармана монету и вручил ему.

- Это пятикредитник, - сказал он.

- Мельче у меня нет. Передай, что они могут оставить сдачу себе.

- Нет, - отказался он, вытащил из кармана четыре кредита и отдал мне. - Сделка есть сделка. Мы никогда не берем больше, чем указано в контракте.

- Ладно, - кивнул я. - Теперь всё. Уходи.
- Еще не всё, - заявил он. - С тебя еще сувенир.
Я обвел рукой помещение:
- Выбирай и проваливай.
- Он не на полке и не в шкафу, Гейб, - сказал он. - Он у тебя в кармане.
- О чем это ты?
- О твоей медали за храбрость. Мы хотим ее на память.
- Иди к черту! - возмутился я.
- Ты заключил сделку, Гейб. Никто тебя не заставлял.
- Возьми что-нибудь другое, и я дам тебе неделю форы, перед тем как начать на тебя охоту.
- Нам не нужно ничего другого. Ты человек чести, Гейб. Мы ожидаем, что ты сдержишь свое слово.
- Я заключал сделку не с тобой, - возразил я, - а с цыганкой, которая была копией девушки, которую знал только ты. Пусть она сама придет и заберет свой гонорар.
На миг я подумал, что он попытается отнять у меня медаль, но он пожал плечами и направился к двери.
- Скажи ей, что я буду ждать, - крикнул я вслед.
Он ушел. Это был последний раз, когда я видел Джебедаю Бёрка. Он расстался со своими надеждами и мечтами, чтобы помочь звездным цыганам похищать таковые для своего бродяжьего племени.
В целом он был славным, порядочным, исполненным идеалов молодым человеком, возможно, лучше многих. Он хотел сделать галактику лучше, и нашел расу, которая умудрилась завербовать его, взять в услужение его доброту и преданность. Но нельзя помочь человеку или расе, навредив другим, особенно когда дело касается таких тонких материй, как связанные с дорогими воспоминаниями очень личные вещицы.
Говоря, что мы никогда не примем его обратно, я откровенно лгал. Надеюсь, когда-нибудь он поймет и вернется. Конечно, мы, люди, простим ему эту слабость, потому что мы так устроены. У звездных цыган есть одно главное преимущество перед нами в этой необъявленной войне: каждый из нас способен принести вред невинной стороне, но только мы раскаиваемся в этом и только мы можем это предотвратить. Странно, никогда раньше не думал о сопереживании как о проблеме.
Не знаю, сможем ли мы выиграть с такой форой, но нам придется постараться.

Перевела с английского Татьяна МУРИНА

Публикуется с разрешения автора.

Николай КАЛИНИЧЕНКО

МЕТОД БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТИ

О космических измерениях НФ мы писали неоднократно. Вроде бы отработали тему вчистую, не оставили без внимания ни один вид разумной и неразумной жизни, населяющей Вселенную. Однако московский критик и писатель предлагает снова вернуться к «инопланетной проблеме» и взглянуть на нее под иным углом: удалось ли многим поколениям фантастов хотя бы раз придумать убедительный образ абсолютно чуждого человеку инопланетянина, того самого Чужого? Или все-таки мы не смогли преодолеть «комплекс зеркала»?

Космос бесконечный и непознанный. В нем великое множество миров. Такое представление о вселенной сложилось у людей сравнительно недавно. Наука только делала первые шаги на пути освоения Внеземелья, а человеческая фантазия уже захватила новые плацдармы, с комфортом разместившись среди звезд и планет.

Одна из самых волнующих грез, связанных с космосом, - мечта о братьях по разуму. Кто же они, наши незнакомые соседи? На что устремлены их помыслы? Люди подняли взгляды к звездам и... увидели себя, облаченных в причудливые костюмы, вооруженных странным оружием, восседающих на необычных животных.

И, несмотря на антураж, идентичность касалась не только внешности, но и внутреннего мира. Чужие в ранних фантастических романах испытывают всю гамму человеческих чувств, от любви до ненависти. По воле писателей, отражающих чаяния общества, за гранью небес нас встретили зеркала. Вековой эгоцентризм гомо сапиенсов ограничил полет творческой мысли. Кроме того, на все это оказала серьезное влияние волна романтизма, охватившая литературные круги в конце девятнадцатого - начале двадцатого века. Еще одним фактором, влияющим на творчество НФ-первопроходцев, являлась духовная близость молодого жанра к приключенческой прозе, а точнее, к той ее части, которая касалась колонизации новых земель. Как бы то ни было, «зацикленность» человека на «себе любимом» долгие годы задавала тон фантастике Контакта.

Были, разумеется, исключения. В романе «Война миров» (1898) великий Герберт Уэллс демонстрирует нам чужих, рассматривающих

человечество как продуктовую базу. Что мы знаем о марсианах Уэллса? Практически ничего. Некие осьминогоподобные существа, операторы чудовищных тренажеров и летательных аппаратов. Должно быть, таким образом персонифицировались в сознании писателя страхи военной агрессии со стороны одной из европейских держав. Например, Германии. Как показывает история, страхи не безосновательные. Тема врага со звезд будет востребована в современной фантастике, покуда человечество не перестанет воевать. Однако для анализа этот образ малоинтересен. Никто не собирается проникать в душу отвратительного агрессора. Хороший слизень - мертвый слизень! *¹²

Итак, с актерами мы разобрались. А что же подмости и декорации? Пока ученые наблюдали планеты в телескопы, писатели населили Солнечную систему причудливой и прекрасной жизнью. На Венере раскинулись пышные джунгли. На Марсе песок заносил величественные руины древней цивилизации. Откуда почерпнули всю эту красоту? К услугам авторов были территории отдаленных европейских колоний. Тут тебе и пески, и джунгли. Нужно только слегка подправить натуру! Причем особым шиком считалось пояснить, что окружающий пейзаж не имеет никакого сходства с земными ландшафтами.

В качестве сюжетной основы часто использовались мифологические источники - от Одиссеи до Нового Завета. Литературный космос бороздили корабли со звучными именами египетских и греческих богов, инопланетный песок топтали сапоги новых Зигфридов и Беовульфов. На этом поприще в первой половине XX века отметились Эдгар Берроуз, Гаррет П. Сирвисс, Роберт Говард, Эдмонд Гамильтон и даже Клайв Льюис.

Фантастическая литература использовалась также для декларации политических идей. Одними из первых в этой области были Алексей Николаевич Толстой с его «Аэлитой» (1923), а также предшествующий ему ученый и фантаст Александр Богданов с романом «Красная звезда» (1908). Земляне в таких книгах являются носителями и проповедниками «правильной» идеологии, в то время как аборигены делятся на два типа: хорошие несознательные и плохие агрессивные.

Таким образом, задачи у контактера весьма простые: плохих - победить, хороших - наставить на путь истинный и организовать по земной калке.

¹² * *Антропоморфный образ космических пришельцев пытались разрушить и французские авторы: Жозеф Рони-старший в повести «Ксипехузы» и Франсис Карсак в «Пришельцах ниоткуда» вывели впечатляющие типы неорганических чужаков. (Прим. ред.)*

Возникновение нового стиля в изображении чужих спровоцировала послевоенная рефлексия пятидесятых. Уверенность белого человека в собственной правоте и непогрешимости пошатнулась. Ведущие авторы англоязычной НФ начинают долгую песнь раскаяния. Люди из носителей верной идеологии превращаются в непоседливых злых детей. Они не ведают, что творят, разрушая тончайшую гармонию иных миров. Если писателей начала века интересовало сходство между землянами и чужими, то фантасты эпохи рефлексии, напротив, принялись искать различия. Инопланетяне в романах этого периода, как правило, сохраняют антропоморфность, но при этом качественно меняются внутренне. Они мудры, прозорливы и могущественны. Их действия непредсказуемы, мотивы сложны для понимания.

Отчего такая перемена? Неужели люди наконец избавились от эгоцентризма? Вовсе нет! Просто в послевоенном обществе мощно выделился нонконформистский культурно-этический пласт. Его ядро составляли неформальные молодежные организации, функционеры которых стремились идти против социального потока, стать непохожими, иными. В рассказе Рэя Брэдбери «Были они смуглые и золотоглазые» (1949) можно увидеть, как обычная человеческая семья постепенно превращается в марсиан, переродившись физически и духовно. Действительно, самый лучший способ стать другим - превратиться в инопланетянина.

Эволюционировали не только образы чужих, изменился сам жанр. Выяснилось, что фантастика может ставить и разрешать масштабные вопросы философской и социально-этической направленности. Авторы начали использовать инопланетян в качестве психологических и экзистенциальных моделей, призванных отразить тот или иной аспект земного бытия. Если следовать аналогии с зеркалами, то перед читателями вместо обыкновенной отполированной поверхности поставили магический кристалл, в котором отразились не только прошлое и будущее, но и глубины человеческой души.

В романе Клиффорда Саймака «Город» (1952) обитатели Юпитера - скакуны, являют собой символ абсолютного чувственного наслаждения и неограниченной личной свободы. Их существование - настоящее библейское искушение для погрязшего в лабиринтах сомнений человечества. «...Примите плод и будете, как боги». В рассказе Джека Вэнса «Последний замок» (1966) на примере поработанного людьми и восставшего народа меков исследуется концепция эволюционной справедливости, позволяющей трудоспособной расе восторжествовать над более развитой, но находящейся в состоянии застоя. Этот же вопрос поднимается и в романе Пьера Буля «Планета обезьян» (1963).

Несмотря на изменившиеся условия игры, на страницах романов люди и чужие продолжают искать и находить точки соприкосновения.

Посылать друг к другу дипломатические миссии, воевать, объединяться в союзы и просто дружить. В романе Роберта Хайнлайна «Звездный зверь» (1954) в обычной человеческой семье живет инопланетное существо. Звездный зверь Ламокс - представитель высокоразвитой цивилизации, но это не мешает ему много лет водить дружбу с земными детьми в качестве домашнего любимца.

В цикле романов Дэна Симмонса «Песни Гипериона» благодаря сотрудничеству различных космических рас становится возможным потрясающий своими масштабами проект Кольца Жизни, созданного вокруг одной из звезд. Примечательно то, что в строительстве автономной биосистемы принимает участие раса Бродяг - переродившихся для жизни в космосе людей, бежавших от условностей и запретов планетарного существования.

В отличие от британских и американских авторов писатели соцлагеря сохранили мажорный тон экспансивистской фантастики. Произведения Ивана Ефремова, Георгия Мартынова, Сергея Снегова живописуют завоевания человечества во Вселенной. Вооруженные коммунистическими идеями космонавты активно осваивают пространство, мужественно преодолевая трудности и невзгоды далекого космоса.

Впрочем, образы инопланетян и схемы взаимодействия цивилизаций постепенно меняются. Никто уже не стремится с ходу организовать революцию на отдельно взятой планете. В повести «Сердце Змеи» (1959) Иван Ефремов описывает встречу между землянами и чужими. Никакого конфликта идеологий здесь нет и в помине. Перед нами диалог двух равноправных путников на звездной дороге. Именно в «Сердце Змеи» открыто декларируется господствующая концепция космической фантастики: «...Может быть, только теперь астролетчики полностью, всем существом поняли, что самое важное во всех поисках, стремлениях, мечтах и борьбе - это человек!»

Начало для серьезных изменений в представлениях авторов о космосе и его возможных обитателях положил научный прогресс. Из статистических данных, расчетов и наблюдений постепенно вырисовывалась безрадостная картина. Джунглей на Венере нет, Марс обезвожен и совершенно лишен признаков разумной жизни. Луна - безжизненный кусок камня. Более того, в Солнечной системе мы одни!

Шансы на контакт вообще, а с гуманоидами в особенности стремительно уменьшались. О планетах с земными условиями продолжали говорить, но выяснилось, что они очень далеко. Другое дело - миры с метановой и азотной атмосферой, космические тела с чудовищным давлением и агрессивной внешней средой. Знания сильно поубавили эгоизма и космического самолюбования. Под воздействием объективных данных образы братьев по разуму в литературных произведениях претерпели существенные изменения.

Фантастические романы начинают походить на шоу уродцев. Карнавальные мотивы, отлично вписавшись в необычный антураж, дали мощный импульс к развитию юмористической фантастики. На этом поприще отличились такие известные писатели, как Роберт Шекли с огромным количеством коротких анекдотичных историй, Кир Булычёв с романами об Алисе и Станислав Лем с «Воспоминаниями Иона Тихого».

Многие авторы по старинке продолжали наделять чуждую форму разумной жизни человеческими качествами. Другие, тяготеющие к научному подходу, задумались о том, что разум насекомого или моллюска будет существенно отличаться от нашего. О чем может думать разумный жук? Вот тут фантасты и зашли в тупик. Увидеть в космосе кого-нибудь, кроме себя, оказалось неожиданно сложно. Большинство попыток сопровождалось хрестоматийным «не верю» со стороны критиков и читателей.

Относительно интересные опыты, конечно, имели место. Самое любопытное заключалось в том, что подчас в несерьезной форме литераторам удавалось легче осмыслить и продемонстрировать искомые различия людей и чужих, добавляя массу интересных штрихов к портрету братьев по разуму. И все же они не могли пробиться к сути. Фундаментальные отличия упорно не желали проявлять себя.

Некоторые авторы поступили проще, ограничившись демонстрацией алогичных и неожиданных поступков инопланетян. А то и вовсе выводили чужих за скобки сюжета. Так, например, поступили братья Стругацкие, породив Странников, и Андре Нортон, создав Предтечей. Интересно, что даже в этих непостижимых существах с замашками богов мы все равно склонны видеть человеческую суть. Герои романов, в которых фигурируют подобные создания, стараются разгадать тайну, сорвать маску с «застенчивых» чужих, а те, в свою очередь, влияют на судьбу молодых рас. Например, ведут прогрессорскую деятельность, как в цикле о Полдне АБС. То есть факт взаимодействия налицо. Нам есть что делить, а значит, имеются общие черты.

Наиболее успешными попытками «создать чужого» можно считать романы, в которых действуют панпланетарные существа, такие, как Пирр Гарри Гарриссона, Хтон Пирса Энтони и, конечно, Солярис Станислава Лема.

Правда, назвать эти колоссальные формы жизни братьями по разуму можно с очень большой натяжкой. Масштаб слишком велик. Понять, почему нам легче верится в разумную биосферу, чем в существо, сопоставимое с нами по значимости, весьма просто. На протяжении всей своей истории человечество старательно порождало разнообразных богов. Разумный океан создает человеческих

двойников и подбрасывает ученым на станцию? Верим. Ибо пути его неисповедимы.

Отчаявшись найти рецепт «инакости» среди звезд, фантасты принялись экспериментировать со своими соплеменниками, порождая монстров и ангелов. К чему тратить время и воображение на долгие поиски в бесконечной вселенной, когда чужих можно выводить дома, в пробирке?

Интересные опыты в этой области осуществляет американский писатель и журналист Пол Ди Филиппо. Его авторские сборники «Рибофанк» (1996) и «Вавилонские сестры и другие постчеловеки» (2002) содержат немало оригинальных НФ-допущений, преобразующих обычного человека до неузнаваемости. Например, в рассказе «Филогенез» мы обнаруживаем людей, уподобившихся вирусам, завоевывающих космос посредством демографического взрыва. В рассказе «Вавилонский вор» часть человечества, подвергнув себя ряду биологических модификаций, объединилась в Симбионарий конгломерат причудливых существ, управляемый огромным сверхмозгом. Чем не пришельцы?

Попытки писателей выделить чужих из собственного окружения, с одной стороны, и технический прогресс - с другой, породили искинов - разумных существ, обитающих в компьютерных сетях. В романе «Река богов» Йена Макдональда (2004) искины, постепенно превзошедшие человечество, покидают нашу реальность, отправляясь в другое измерение: «...В нашем мире, им искать нечего... Здесь просто люди...» Эта короткая фраза, произнесенная одним из центральных персонажей романа, является ключом, открывающим доступ к весьма эффективному и пугающему методу художественного изображения чужих, который можно условно назвать «Методом Бесчеловечности», или, что будет точнее, «Методом Нечеловечности». Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1986 году Станиславом Лемом. Речь идет о расе квинтян, описанной в романе «Фиаско».

Замкнувшись на бесконечный военный конфликт (сферомахию) жители Квинты упорно отказываются от контакта. Все дело в принципиальных различиях между людьми и аборигенами. Польский писатель предполагает, что за счет серьезной разницы в историческом и биологическом развитии две разумные расы могут не иметь никаких взаимных интересов и, встретившись в космосе, проигнорируют, а то и вовсе не заметят друг друга.

Образы космических затворников довольно часто возникают в современной фантастике. Как правило, речь идет о высокоразвитой цивилизации, охраняющей свои границы и совершенно неконтактной по отношению к соседям. Эта интригующая деталь чаще всего не получает дальнейшего развития, являясь не более чем украшением

сюжета. В романах Ларри Нивена из серии «Мир-кольцо» таинственные кукольники прилагают большие усилия, чтобы скрыться от назойливых молодых рас. Можно подумать, будто причина этой добровольной изоляции кроется в глобальной несовместимости кукольников с другими звездными народами. Однако дело в обыкновенной отчужденности, временами напоминающей паранойю. То есть налицо все та же трудность.

В 2006 году идею Лема подхватил и развил канадский писатель Питер Уоттс в романе «Ложная слепота». Здесь также экипаж исследовательского корабля обнаруживает внеземную цивилизацию, упорно избегающую контакта. Кого же встречают герои Уоттса? Зеркало пошло рябью, искривилось и отразило пустоту. По мере того как экипаж «Тезея» анализирует полученные данные, ощущение чуждости, исходящее от инопланетян, не умалается, а, наоборот, возрастает. Исследуя странных существ, обитающих в лабиринтах чужого корабля, астронавты постепенно приходят к пугающему выводу: в эволюционном и технологическом плане инопланетяне куда совершеннее людей. Основная причина - отсутствие у чужих самосознания.

Это заявление чудовищно, потому что правдоподобно. В самом деле: мы тратим массу времени на себя, вместо того чтобы совместно стремиться к развитию цивилизации. Тысячи лет были выброшены впустую на бессмысленные войны, самолюбование и бесконечные утехы. Радость и печаль, наслаждение и гнев, ненависть и любовь - вериги гомеостаза на наших членах. В сущности, измышления Уоттса - это концепция самого настоящего, незамутненного зла. Автор говорит: «Ваш внутренний мир не стоит выеденного яйца. Искусство - глупая трата времени. Душа - неуместная шутка. Ваше существование - противоестественно!».

Вот он - Метод Бесчеловечности в действии. Оказывается, для достижения желаемого эффекта «иности» нужно создать расу чужих, бытие которой вызывает отторжение, резкое неприятие на глубинном уровне. Эта уловка тем не менее является полноправным предположением, имеющим шанс оказаться правдой.

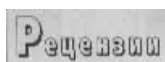
Неужели впервые за многие годы зеркала в небе сделались прозрачными и мы наконец узрели кого-то принципиально иного, несхожего с нами? Или это нечто более страшное? Искажение образа и подобия человека привело авторов и читателей в зеркальный лабиринт, где среди множества химер теряется первоначальный исходный элемент, и читатель начинает думать: «А был ли он?».

В романе Уоттса человеческая цивилизация на борту «Тезея» представлена технологически усовершенствованными существами с усиленными умственными и физическими способностями. Они уже не просто гуманоиды, но некий конгломерат биоэлектронных устройств,

выполняющих разнообразные задачи. Что это, как не предвидение грядущего обезличивания человечества?

Несколько сотен лет, и мы встанем на «верный» путь. На это хочется сказать: «Спасибо, не надо. Мы уж как-нибудь так...».

Сегодняшним людям нечего делить с этими пасынками грядущего. Между нами пропасть, которую не стоит перешагивать. И кто сказал, что путь технологического прогресса единственно возможный для любой цивилизации, а главным мерилom правильности развития является техническое превосходство? Как, должно быть, грустно осваивать Вселенную, не сознавая ее красоты, создавать невероятные машины и удивительные конструкции и не испытывать радости от процесса творения. Нет уж. Пускай Метод Бесчеловечности остается всего лишь уловкой, а мы будем гармонично развивать то, что имеем. Быть может, синтез духовной эволюции и технического прогресса позволит нам однажды оставить зеркала и без страха взглянуть на братьев по разуму.

Рецензии

Леонид КАГАНОВ

ЛЕНА СКВОТТЕР И ПАРАГОН ВОЗМЕЗДИЯ

Москва: АСТ - Астрель, 2010. - 384 с.

4000 экз.

«Лена Сквоттер...», едва появившись, уже выдержала несколько переизданий. Этот роман - редкий (очень редкий) пример обращения к крупной форме одного из самых ярких представителей современной отечественной фантастики. Но если эта книга, безусловно, праздник для поклонников автора, то рецензенту отнюдь не подарок. Поскольку роман построен так, что любой пересказ сюжета неизбежно превратится в серию спойлеров.

Скажу все же, что автор осваивает территорию, на которую отечественные фантасты забираются редко. Закрытый офисный мир внутри крупной корпорации, где нет и не может быть чужаков, мы встречали разве что в «Гельминтах» Игоря Пронина - повести, опубликованной в «Если» в прошлом году (нечто общее у этих двух текстов есть, но если я скажу, что именно, это опять будет спойлер). Постараюсь коротко и аккуратно: книга о том, как смешная, до ужаса самоуверенная и, в сущности, непутевая главная героиня Лена Сквоттер (Сквоттер - это одновременно и род занятий, и фамилия),

гений рекламного дела и, по слухам, ведьма, проходит ряд последовательных квестов, главный результат которых - полная переоценка жизненных ценностей. Поэтому не советую верить всему, чему она на протяжении первой половины романа обучает восторженную и наивную стажерку, изрекая при этом самые разнообразные максимы и афоризмы (как всегда у Каганова, парадоксальные).

В том числе и всем изрекаемым ею максимам и истинам верить не советую: при всей своей отточенности и парадоксальности они не «работают» именно потому, что взывают к логике и здравому смыслу. На самом деле мир, по Каганову, оказывается далеко не таким логичным и удобным к использованию, но гораздо более щедрым на чудеса и гораздо менее предсказуемым, чем поначалу предполагала героиня.

Мария Галина

**Ричард МОРГАН
СТАЛЬ ОСТАЕТСЯ**

Москва - СПб.: Эксмо - Домино, 2010. - 480 с.

Пер. с англ. С. Самуйлова.

(Серия «Черная фэнтези»).

3500 экз.

Империя снова в опасности. Р.Морган, известный прежде романами «чистой» НФ, использовал традиционный почин для большинства фэнтези-романов, но предложил читателю нетрадиционного в смысле сексуальной ориентации героя и снабдил повествование привычными для себя brutalными сценами.

Обратившись к фэнтези, автор, однако, не оставил без внимания острые общественные проблемы: здесь и экономика сексуального рабства, и мигранты, и вынужденные переселенцы, и организованная преступность... Привнесение злободневных примет современности лишает фэнтези ожидаемого магического флера. Да и сам мир книги (первой в запланированной трилогии) можно назвать волшебным лишь условно: наука здесь существует на равных с магией, а герои рассуждают о технологиях и либерализации. Замена Луны Обручем, освещающим ночной небосвод, заставляет подозревать, что действие происходит в далеком будущем Земли.

Словом, автор определенно вдохновлялся не классикой «меча и магии», но произведениями иного направления. В интервью Морган часто упоминает о влиянии кинематографа на свое творчество. Вот и прозвище героя Ангельские Глазки напрямую отсылает к шедевру

вестерна «Хороший, плохой, злой» Серджио Леоне. Да и на всем протяжении романа связь с этим фильмом ощущается вполне отчетливо.

С задачей создания увлекательного сюжета и достоверного мира Морган справился. Но необходимо предупредить читателя о весьма откровенных сексуальных сценах, напоминающих о знаменитом «Пире потаенном» Филипа Фармера. Что ж, если «Видоизменный углерод» с частным детективом Такеси Ковачем позволил критикам назвать Моргана наследником Раймонда Чандлера, то «Сталь остается» характеризует его уже как Микки Спиллейна от фантастики - автора в первую очередь нарочито brutального, и лишь затем изобретательного.

Сергей Шикарев

**Дмитрий КОЛОДАН
ВРЕМЯ БАРМАГЛОТА**

Рига - Москва: Снежный ком - Вече, 2010. - 368 с.

(Серия «Нереальная проза»).

3000 экз.

У «Снежного кома» репутация издательства, чьи книги балансируют на грани фантастики и мейнстрима. Не исключение и новый роман Дмитрия Колодана. На сей раз мы отправимся не в милейший и суматошный городок Спектр, а в странный и страшный город Устриц, к ужасному Плотнику и не менее ужасному Бармаглоту. Уже само название подразумевает отсылку к кэрролловским «Алисам» (плюс к его же «Охоте на Снарка»). Повествование, однако, лишено той логики, которая расцветивает мир «Алисы» суховатой иронией и блестящими парадоксами. «Время Бармаглота», скорее, психоделический триллер: полагаю, именно Колодану (наряду с Данихновым и Хуснутдиновым) принадлежит честь первооткрывателя этого направления в России. Мрачный и жестокий мир, который рисует Колодан, вероятно, запомнится прежде всего своим запредельным эстетством.

Логика сна слишком аморфна, чтобы удерживать конструкции сюжета, поэтому все зависит от того, насколько читатель готов погружаться вместе с автором туда, где вода - одновременно суша, где живет человек-устрица, а роботы-моржи по воле зловещего Плотника охотятся на красоток. К тому же читатель, привыкший к фирменной колодановской мягкой иронии, будет разочарован. Юмор идет рука об руку с рацио, а рацио - это то, что принципиально отсутствует в сконструированном автором мире, так что для иронии здесь места не нашлось...

«Время Бармаглота» обладает той внутренней избыточностью, которая позволяет вчитывать в этот текст самые разные смыслы. Однако какой именно смысл извлечет из этой истории читатель, зависит, скорее, от самого читателя и его культурного багажа. Иными словами, тому, кто готов отправиться в это странное и страшное путешествие, пожелаю счастливого пути, тем же любителям фантастики, кто предпочитает оставаться в границах жанра, лучше заняться чем-нибудь другим.

Мария Галина

Давид ВЕБЕР

ТЕНЬ САГАНАМИ

Москва - СПб: Эксмо - Домино, 2010. - 768 с.

Пер. с англ. К.Кисленковой.

(Серия «Война в Космосе»).

3500 экз.

Читая западные военно-космические сериалы, трудно не заметить, сколь сильно повлияли на это направление стандарты (а точнее - штампы) военно-морских приключений XVIII-XIX веков, вышедших из-под пера британских авторов-военных, вроде С.Скотта Форестера или П.О'Брайена.

Д.Вебер работает по этой же схеме, только вынесенной в далекое будущее. В 1993 году он выпустил в свет роман «Космическая станция «Василиск», в котором начал длиннейшее повествование о судьбе и карьере капитана Звездного королевства Мантикора Виктории Харрингтон. Королевство - облагороженная и романтизированная Британская империя, его старый враг - Народная Республика Хейвен, некий гибрид между революционной Францией и коммунистической Россией.

Постепенно история капитана, а позже адмирала Харрингтон распухла до 12 томов. Роман же «Тень Саганами» является внецикловым (что справедливо, поскольку Харрингтон появляется в книге всего в одном эпизоде). Сам автор отнес свой текст к побочному сериалу «Вселенная Харрингтон», которая насчитывает четыре книги.

В «Тени Саганами» автор рассказывает о злоключениях крейсера космического флота Мантикоры «Гексапума» в планетарном скоплении Талбот, не так давно исключительно мирно присоединенного к Звездному королевству. Командиру крейсера Айварсу Терехову и его команде придется самым жестким образом противостоять интригам соларианских олигархов, пытающихся спровоцировать в скоплении очередную «цветную революцию», направленную против

мантикорского владычества. Финал романа предсказуем: положительные герои неизбежно победили, Добро (с очень б-о-о-о-льшой буквы!) восторжествовало, однако главные злодеи столь же неизбежно сумели улизнуть от возмездия, чтобы продолжить пакостить в последующих томах затянувшегося цикла.

Глеб Елисеев

Максим ХОРСУН
РОЖДЕНИЕ ЮПИТЕРА

Рига - Москва: Снежный ком - Вече, 2010. - 416 с.
(Серия «Настоящая фантастика»).
3000 экз.

Второй роман молодого писателя - это живописное полотно, в котором звезды и планеты играют свою роль наравне с живыми людьми.

Действие книги разворачивается во время одного из самых драматичных и глобальных событий в истории нашей звездной системы. Агония умирающего Солнца - более внушительные декорации для развития сюжета сложно представить.

В неровном свете гбнущей звезды автор размещает причудливое общество наших потомков, отдаленно напоминающее клановую цивилизацию из эпопеи Фрэнка Герберта «Дюна». Люди в полной мере осознают надвигающуюся угрозу и всеми силами пытаются отыскать выход из западни, в которую превратилась Солнечная система. Возможности потомков велики и все же их может оказаться недостаточно перед лицом космической катастрофы.

Это смелый и красивый роман. Смелый - оттого что автор пытается сыграть на поле, которое кажется вспаханным вдоль и поперек целыми отрядами предыдущих поколений отечественных и тем более зарубежных фантастов. Красивый - оттого что Хорсун подходит к описанию созданного им мира со скрупулезностью художника-прерафаэлиты. Он не просто конструирует космос из существующих образных блоков, но тратит силы и воображение на оригинальный метафорический язык.

Художественное начало в романе одновременно создает эффект некоторой камерности происходящего. Периодически возникает чувство, что перед нами и в самом деле театральные подмостки, на которых разыгрывается удивительно правдоподобный, но все же спектакль. То же самое можно сказать и об ощущении времени. Бездна эпох, лежащая между будущей смертью светила и сегодняшним днем в романе, ощущается слабо, словно короткий антракт между актами.

Тем не менее нам предложено увлекательное литературное действо, доставляющее неподдельное удовольствие.

Николай Калиниченко

**Кори ДОКТОРОУ
МЛАДШИЙ БРАТ**

Москва: АСТ - Астрель - Полиграфиздат, 2010. - 382 с.

Пер. с англ. Н.И.Жарова.

4000 экз.

Перед нами нонконформистская НФ ближнего прицела. Маркус Йаллоу вступает в ту незабываемую пору взросления, когда слово «нельзя» действует на молодого человека, как кровь на акулу. Маркус не столько борется с системой, сколько самоутверждается, нарушая школьные запреты. Его деятельность как хакера сводится к преодолению файерволов на школьных компьютерах и взлому систем слежения за учениками. В сущности, все бунтарство героя - следствие гормональной бури.

Взгляды юноши на жизнь резко меняются, после того как терпимый «Большой брат» неожиданно начинает видеть в обычном школьнике врага. Арест по обвинению в терроризме, пытки в застенках службы безопасности выковывают из непоседливого, но безобидного подростка настоящего киберреволюционера.

Роман прост и предсказуем. Однако при этом динамичен и привлекателен. События развиваются стремительно. Описания мест и событий по-репортажному краткие и четкие - сказывается журналистский опыт. Образы подростков показаны ярко и выпукло, в то время как функционеры системы - сплошь схематичные безликие карикатуры на людей. Повествование лишено художественных отступлений и прочих «красивостей», зато изобилует лекциями по основам криптографии, «парадоксу мнимого позитива» и SMTP-протоколам. Автор не стесняется вводить в текст специальную терминологию (которую не всегда расшифровывает). Так что читатель, не относящийся к целевой аудитории, может испытать определенные трудности с восприятием происходящего.

Позиция писателя в отношении поднятой им социополитической проблемы выглядит вполне однозначной. Да и чего еще можно ожидать от антиглобалиста и гринписовца!

Терроризм оказался не настолько идеальным пугалом, как в свое время Советский Союз. Полные недоверия взгляды американских обывателей все чаще обращаются к собственным политическим и общественным лидерам.

ПОГРУЖЕНИЕ В БУДУЩЕЕ

Дэвид МАРУСЕК. СЧЕТ ПО ГОЛОВАМ. АСТ - Астрель

На главной странице официального сайта Дэвида Марусека размещена фотография аляскинского дома писателя. Увы, качество фотографии не позволяет разглядеть на ней какие-либо детали, указывающие на машину времени. Но роман «Счет по головам» не без оснований заставляет подозревать: *time machine* у автора определенно где-то припрятана. Ну, нереально выдумать такие картины будущего. Такое мог написать только очевидец!

Увы, немалое количество НФ-произведений является, будем честными, фантастикой номинальной. Рассказываемые в них истории лишь волей авторов отнесены в будущее, альтернативное прошлое или к звездам. Авторы этих произведений используют не столько инструментарий, сколько глоссарий, наработанный жанром.

Эта мимикрия имеет давние корни. Еще в 1950-х годах журнал «Galaxy», редактируемый Горацио Голдом, писал о «настоящей и ненастоящей» фантастике, демонстрируя, как последняя создается из вестернов путем замены ковбоев на инопланетян, револьверов на бластеры и стука копыт на шум дюз.

Полотно, представленное Дэвидом Марусеком, впечатляет и яркостью красок, и самобытностью узоров, и детальностью проработки, делая будущее полноправным участником повествования.

В основе мира, созданного автором, лежит рассказ «Мы обезумели от счастья», написанный еще в 1995-м и ставший первой частью романа, который вышел в 2005 году. Автор вообще не плодовит: в его библиографии два романа и десяток рассказов. Среди них и опубликованный в «Если» «Свадебный альбом» (№ 8 за 2002), получивший премию Теодора Старджона.

Уже в том давнем рассказе проявились характерные авторские черты: изобретательность и детальность отображаемого будущего, склонность к демонстрации этого самого будущего через призму семьи

и родственных связей.

Каким же .оказывается мир «Счета по головам»? Прежде всего, почти неузнаваемым. Действие происходит в 2134 году, когда трансформировались почти все привычные институты: семья, общество, корпорации, да и сам человек тоже изменился. Это постчеловеческое будущее избежало технологической сингулярности по Винджу и рядится в одежды, имеющие биотехнологическую подкладку.

Клонированные работники, искусственные интеллекты-ментары, работающие на нейрохимической пасте, и нанопроцессоры в человеческих клетках, технологии искусственного генноинженерного деторождения, сделавшие смерть, по выражению одного из героев книги, лишь «отсутствием времени и диапазона». Все это представляет мир грядущего весьма интересным и очень привлекательным местом... если не знать о другой стороне, где существуют микроскопические бомбы и вирусные атаки, контроль генетической целостности и процедуры «прижигания».

Красочный и щедрый на подробности мир делает читателей не гостями, но очевидцами происходящих событий.

Отправной точкой для развития сюжетной интриги служит судьба бизнес-империи могущественных Старков, а значит, и О-кораблей проекта «Земля - сад», готовых перевести поселенцев с Земли в другие миры. После гибели в катастрофе основательницы корпорации Элинор Старк и последующей «корректировки рынка» решающее право голоса остается за ее дочерью Эллен, выжившей в виде головы, отделенной от тела шлемом-криостатом.

Происходящее вовлекает в свою орбиту разные группы лиц, что позволяет автору отобразить социальную структуру общества будущего, экстраполируя современные тенденции. Сподвижники и таинственные враги Старков относятся к классу могущественных аффов, обладающих богатством, властью и сопутствующими привилегиями. Роль персонала и неквалифицированных работников отошла к клонам. Представители среднего класса, переживающего непростые времена, объединены в семейные фракции - чартеры. Автор описывает борьбу за выживание одного из таких семейств.

Роман открывает Марусека как щедрого на выдумки фантазера, способного создать из своих идей детально проработанный, внутренне непротиворечивый мир и представить его читателю через увлекательную историю. В числе возможных недостатков книги можно назвать стремительный финал, водоворотом затягивающий едва ли не всех персонажей романа.

«Счет по головам» погружает читателя в будущее. Тропинки, связывающие его с современностью, оставлены, но не подсвечены. Это делает чтение и восприятие текста непростой работой, требующей

немалых усилий.

А вот действие второго романа, который, надеемся, скоро доберется и до российского читателя, разворачивается в уже знакомом мире и связано с дальнейшим развитием линий «Счета по головам». В интервью Марусек говорил, что у него есть идеи и для третьей книги, но прежде он хочет написать произведение о совсем ином мире, с другими персонажами и темами.

Сергей ШИКАРЕВ

ПИРОГ ДЛЯ ЗВАННЫХ ГОСТЕЙ

Похоже, на этот раз автор опроса несколько не удивлен итогами голосования и читательским выбором. И, основываясь на их коллективном мнении, пытается вычлнить «ингредиенты» эталонной жанровой ленты. А вопрос Аркадия Шушпанова звучал так: «Что для вас важнее в фантастическом фильме?»

Ответы распределились следующим образом:

Непротиворечивая научно-техническая (НФ) или сюжетная (фэнтези) составляющая - 18%;

Нетривиальная идея - 18%;

Специальные эффекты - 2%;

Режиссерские находки - 4%;

Актерская игра - 5%;

Философский смысл - 9%;

Общая атмосфера фантастического мира - 44%.

Всего в голосовании приняли участие 392 человека.

Вряд ли кто-то будет оспаривать, что кино по-прежнему является важнейшим из искусств для массового потребителя. Потому и зрителей жанрового кино в процентном отношении существенно больше, чем читателей той же литературы. Фантастика все еще остается «дойной коровой» кинобизнеса, его авангардом. Даже если мы посмотрим недлинный список картин - «долларовых миллиардеров», то увидим, что пионер этого клуба, некогда прогремевшая мелодрама «Титаник», остался в сиротливом одиночестве среди жанровых фильмов, а рекордные сборы наголову разбиты «Аватаром» того же Камерона.

Обратная сторона этого явления в том, что фантастическое кино в массе своей ориентируется вовсе не на любителя НФ, а на зрителя «неискушенного». Те, кто читает соответствующие книги, лишь один и далеко не самый большой сегмент аудитории. По-видимому, куда

менее многочисленный, чем, например, читатели комиксов.

А потому крайне интересно, как же воспринимает жанровое кино не массовый, но квалифицированный зритель-читатель. И здесь читатель профильного журнала, который в курсе всех новейших веяний в области НФ и фэнтези, будет наиболее репрезентативным. Так что же важнее всего для такого зрителя в самом важном из искусств?

Оказывается, менее всего читателя «Если» интересуют спецэффекты в НФ-картине. При этом вспомним, что список самых популярных НФ-фильмов года, который для журнала регулярно составляет киновед Сергей Кудрявцев, возглавляют картины, где визуальные ухищрения - едва ли не главное их достоинство. Здесь и проявляется расхождение между массовой, «девственной», киноаудиторией и собственно читателями. Можно также заметить, что чисто технологическая сторона воплощения самых невероятных замыслов давно не увлекает профильного зрителя-читателя изолированно, вне остальных элементов фильма (а ведь когда-то будоражила умы и какая-нибудь бутафорская стрела, насквозь протыкающая героя).

Кстати, тенденция снижения интереса к спецэффектам замечена еще в начале 1990-х годов. И это при том, что публика тогда еще во все глаза смотрела на превращения «жидкого» терминатора, а компьютерная графика только начинала свое шествие по экранам.

Не слишком далеко в рейтинге от решений технологических ушли и решения постановочные, так называемые режиссерские находки. Вполне вероятно, из-за того, что мало кто ясно представляет себе, что именно считать находкой. И особенно - чьей. Даже кинорецензенты иногда ошибаются и приписывают, скажем, постановщику экранизации интересный ход, на самом деле придуманный автором книги-оригинала. Между тем кинофантастика становится все более режиссерской, переживая нечто похожее на то, что прошел в своем развитии театр. Ежегодно появляются и становятся предметом культа, обретая армии поклонников, картины, построенные исключительно на какой-либо концепции энтузиаста-режиссера. Это может быть всего лишь удачная стилизация под графический роман или документальную съемку. А может быть открытием нового жанра или направления, как случилось с анимационной лентой Шэйна Эккера «9», породившей ститч-панк. Даже продюсеры, дельцы до мозга костей, сознают возросшую роль постановщика и устраивают из кастинга режиссеров на громкий проект целые рекламные кампании. Следовательно, рейтинг этой составляющей фильма мог быть и выше...

С актерской игрой, напротив, все понятно. Она никогда не была визитной карточкой жанра, хотя нередко за роли в фантастических фильмах лицедеи выдвигаются на «Оскар». Более того, эти персонажи для актеров нередко становились «карьерообразующими». И все же и массовый, и квалифицированный зрители ждут от НФ или фэнтези

совсем иного. Для актера требуется не столько глубоко и ярко раскрыть образ, сколько органично жить в предлагаемых обстоятельствах, заставляя публику верить в реальность вымышленного мира.

Однако и здесь случаются чудеса. Талантливый актер, на все сто вжившийся в образ, становится органической частью фантастического мира. Более того, существует немало жанровых лент, классических и просто популярных, в которых именно яркий, харизматичный артист, по сути, и есть основной «спецэффект», вытягивающий на себе весь фильм. Далеко за примерами ходить не надо, достаточно вспомнить Джека Николсона в «Сиянии» Кубрика, Джонни Деппа в пиратской трилогии или потрясающий актерский ансамбль в «Сталкере» Тарковского. Но развитие визуальных технологий предлагает и более парадоксальные случаи в масштабе всего жанра. Вот скажите: где в наиболее комичных сценах «Маски» заканчивается компьютерная графика и начинается Джим Кэрри? А теперь-то спецэффекты позволяют и вовсе убрать живого человека из кадра, оставив только цифровой «призрак», голос и пластику с чисто виртуальным наполнением. Хотя был бы столь же впечатляющим экранный Голлум без своей «модели»?

Гораздо больше читателей отдадут свои голоса философскому смыслу картины. Любопытно, что и далекие от фантастики люди довольно часто видят в ней беллетризованную философию и морщат носы, сталкиваясь с обилием ярких бластерно-меченосных обложек. И хотя среди зрителей, как показывает наша статистика, таковых не более десяти процентов, признаем: цифра все-таки достаточно весомая и опытный коммерсант не откажется от десятой доли упущенной выгоды.

Довольно близко друг к другу находятся составляющие общей сюжетной идеи фильма, а именно: ее оригинальность и внутренняя непротиворечивость. Однако, как замечено давно, сюжетные нестыковки присущи практически любой динамичной картине или книге. И чем большее воздействие оказывает произведение, тем более эти нестыковки видны. Взять хотя бы «проклятый» вопрос: а что мешало хоббитам с Кольцом Всевластья долететь до пункта назначения на орле, вернувшем их обратно? Или что мешает останавливать страшное заклинание «Авада кедавра!» превентивной блокировкой голосовых связок мага? А то и мешает, что иначе не было бы ни книжных, ни кинематографических саг. Сколь угодно гениальный творец выдуманных миров все-таки не обладает мышлением Творца всего сущего, позволяющим учесть все без исключения системные моменты. Это делает невозможным создание идеального произведения, зато подобное несовершенство позволяет искусству развиваться.

Вот потому оригинальная идея в зрительно-читательских

предпочтениях значимее идеи непротиворечивой. Однако мы снова сталкиваемся с парадоксом, ибо оригинальность возможна только на каком-то фоне. А значит, тривиальных картин, особенно в условиях поточного кинопроизводства, всегда на порядки больше, нестандартная же лента - явление штучное.

Фаворитом в нашем интернет-опросе выступает общая атмосфера фантастического мира. Этот пункт выходит из круга прочих вариантов. Он во многом объясняет, почему техническая сторона и режиссерское новаторство оказались в нижних строчках рейтинга. Нужно сознаться, что сравнение было не вполне корректным и даже в чем-то коварным: все равно что сравнивать аромат готового пирога с его же ингредиентами. Потому что атмосфера мира и создается за счет тех самых спецэффектов (а фантастика, как никакой другой киножанр, зависима от технологического развития) или столь же «непопулярных» режиссерских находок и концептов. А также за счет мастерства художника, гримера, оператора и иже с ними. Просто теперь элементы настолько плотно пригнаны друг к другу, что их участия как бы и не видно. Подобно тому, как на картине не видно мазков художника. Спецэффекты уже не воспринимаются как чудо - они всего лишь создают это чудо. И режиссер не столько демонстрирует свое видение, сколько приглашает в него зрителя. На наших глазах такой же путь начало проходить 3D - от «демонстрации себя» в виде летящих в зал предметов к большей сопряженности с другими элементами фильма и даже некоторому стремлению «замаскироваться». Атмосфера - то послевкусие, которое создается усилиями всей съемочной группы и почти всеми составляющими картины... И все же одновременно и нечто особое, ибо многие фильмы смотрят исключительно ради этого, а вовсе не ради интересной истории.

Проще говоря, мы ценим фантастический мир больше всего за возможность в него поверить.

Если же подняться «выше атмосферы», то мы увидим, что совместными усилиями, с точностью до процента, вывели формулу эталонного жанрового фильма. Разумеется, эталонного для читателей журнала. Заметьте, производство такой картины не потребует грандиозных денежных вливаний. Здесь не нужны навороченные спецэффекты, не столь высокие требования предъявим и к актерской игре и режиссерским изыскам. Но наличие какой-либо явно прочитываемой идеи работу, безусловно, украсит. Лишь бы все это было гармонично связано в единое целое.

Осталось дожидаться, когда такой фильм снимут.

Аркадий ШУШПАНОВ

«Еврокон-2010», хозяевами которого официально считались сразу две страны - Польша и Чехия, проходил с 26 по 29 августа в пограничном городке Тешин. Лауреатами года стали: лучший автор - Стивен Бакстер (Великобритания), лучшее издательство - Newsom Press (Великобритания), лучший промоутер - Роберт Зитнана (Словакия), лучший переводчик - Петр Холева (Польша). Титул гранд-мастера получил Анджей Сапковский (Польша). Призы поддержки молодым авторам по представлениям национальных делегаций были вручены, в частности, Карине Шаинян (Россия) и Наталье Щербе (Украина).

Пещеры Дженолан в Австралии теперь можно посмотреть в сопровождении электронного гида, говорящего на клингонском языке из «Звездного Пути». Они упоминались в одном из фильмов сериала, общая длина пещер, проходов и подземных речек составляет примерно 40 километров. Специально из США, чтобы записать аудиоэкскурсию, в Австралию прилетали «эксперты по клингонскому» - писатели и поклонники сериала Майкл Рони-мл. и Трейси Кэнфилд.

Премия имени А.Грина, вручаемая Союзом писателей России, правительством Кировской области и администрациями городов Кирова и Слободского (родины А.Грина) «за произведения для детей и юношества, проникнутые духом романтики и надежды», досталась Сергею Лукьяненко. Премия основана в 2000 году, в год 120-летия Грина, и лауреат объявляется 11 августа, в день рождения писателя. Лауреатами становились Альберт Лиханов, Владислав Крапивин, Вильям Козлов, Ирина Токмакова и другие. Денежный приз, прилагаемый к премии (45 тысяч рублей), С.Лукьяненко пожертвовал одной из местных детских библиотек.

Тим Бартон полон планов. Для начала он задумал выпустить масштабный римейк своего дебютного фильма - черно-белой короткометражки «Франкенвинни». Эта ироничная лента рассказывает о мальчике, воскресившем методами доктора Франкенштейна любимую собачку, погибшую под колесами машины. Дата премьеры римейка уже названа - март 2012 года. Затем в проектах знаменитого режиссера авторская версия франшизы «Семейка Адамс», которая будет снята в типично бартоновской манере и, по заявлению режиссера, окажется гораздо ближе к оригинальным комиксам середины прошлого века, чем предыдущие киноверсии. Сценарий

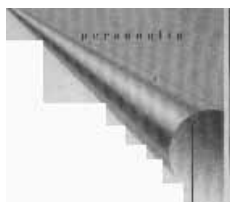
пишут Скотт Александер и Ларри Карашевски.

Объявлены лауреаты премий Sidewise Awards. Название премии позаимствовано из классического рассказа Мюррея Лейнстера, и вручается она за лучшие тексты в жанре альтернативной истории. Лучшим романом на этот раз был признан «1942» Роберта Конроя, рассказом - «Фиксация» Алистера Рейнолдса.

В какие только киножанры не помещали супергероев. Настала очередь и жанра мокьюментари (псевдодокументальное кино). Сын знаменитого режиссера Джона Лэндиса Макс написал сценарий ленты под названием «Хроники», а студия 20th Century Fox решила поучаствовать в проекте и поручила постановку молодому режиссеру Джошу Трэнку. Фильм будет снят как бы любительской камерой и расскажет о судьбе трех подростков, обретших сверхспособности после контакта в лесу с некоей непонятной субстанцией.

Премия «Филигрань», присуждаемая по итогам голосования жанровых критиков лучшим русскоязычным НФ-произведениям года, была вручена в Москве 28 августа. По традиции, церемонии награждения предшествовали литературные Чтения памяти А.Н.Стругацкого; в этом году они были приурочены к 85-летию со дня рождения Аркадия Натановича. После Чтений состоялся круглый стол на тему «Романтизм в фантастике», в котором приняли участие С.Алексеев, Д.Володихин, Г.Елисеев и А.Ройфе. Выступления критиков завершились бурной дискуссией. Затем критики и литературоведы, профессионально занимающиеся фантастикой, вручили свою премию авторам, работающим в жанре. Единственным критерием, по которому присуждается «Филигрань», является литературный уровень произведения. В номинации «Рассказ» награда досталась Олегу Дивову за опубликованную в «Если» новеллу «Стрельба по тарелкам»; в номинации «Повесть» премию получил Эдуард Геворкян за напечатанную в юбилейном выпуске «Если» повесть «Чужие долги»; в номинации «Роман» лучшими оказались Марина и Сергей Дяченко с романом «Цифровой». Кроме того, представитель Карамзинского клуба вручил орден «Долг и честь» журналу «Свой», в течение года публиковавшему в рубрике «Легенды мегаполиса» фантастические рассказы.

Агентство F-пресс

Personalia

АЛИЕВ Тимур (Тамерлан) Магомедович

Чеченский журналист Т.Алиев родился в 1973 году в городе Грозном. Высшее образование получил в Грозненском нефтяном институте, но выбрал профессию журналиста: работал в газетах, на телеканалах, в 2003-2008 годах издавал газету «Чеченское общество», был координатором по Чечне и Ингушетии Лондонского института по освещению войны и мира, экспертом Центра экстремальной журналистики Союза журналистов России. За журналистскую деятельность награжден рядом профессиональных призов и премий. В настоящее время - помощник Президента Чеченской Республики.

По собственному признанию, писать фантастические рассказы начал в возрасте десяти лет. «Когда в 1995-м году стол сгорел, а все наработки превратились в пепел, на долгое время забыл о возможной писательской стезе». Лишь в 2006 году в местной печати и в Интернете опубликовал несколько НФ-рассказов.

БАКСТЕР Стивен (BAXTER, Stephen)

Один из ведущих представителей современной британской научной фантастики Стивен Бакстер родился в 1957 году в Ливерпуле. Он окончил Кембриджский университет с дипломом математика и Саутгемптонский с дипломом инженера. В 1991 году Бакстер записался в отряд космонавтов, возжелав первым из англичан слетать на советскую станцию «Мир». С 1995 года полностью переключился на литературную деятельность.

В научной фантастике Бакстер дебютировал в 1987 году рассказом «Цветок ксили», а широкая известность пришла к нему после публикации первого романа «Плот» (1991). Последующие романы из цикла о галактической цивилизации ксили - «Времениподобная бесконечность» (1993), «Поток» (1993), «Кольцо» (1994), «Вакуумные диаграммы» (1997, Премия имени Филиппа Дика), «Пыль реальности» (2000) и «Верхом на скале» (2002) - составили одну из самых «долгих» историй будущего. Бакстер описывает историю Вселенной от ее рождения (около 20 миллиардов лет назад) до смерти через 10

миллиардов лет, считая от настоящего времени.

Среди других произведений плодовитого английского писателя, опубликовавшего около 30 романов и около полутора сотен рассказов и повестей, выделяется «паропанковый» роман «Анти-Лед» (1993), действие которого разворачивается в альтернативной истории. Роман-продолжение «Корабли времени» (1995) принес Бакстеру Британскую премию по научной фантастике, Мемориальную премию имени Джона Кэмпбелла и Премию имени Филипа Дика. Бакстер еще трижды награждался Британской премией по научной фантастике - за рассказы, входящие в его цикл о ксиле. Также перу Бакстера принадлежат серии «Седловина», «Многообразия», «Мамонт» и другие. В соавторстве с Артуром Кларком он написал трилогию «Одиссея во времени» - «Око времени» (2003), «Солнечная буря» (2005) и «Первенец» (2008).

БЕКЕТТ КРИС (BECKETT, Chris)

Английский писатель и преподаватель Крис Бекетт (родился в 1964 г.) долгое время работал социальным работником в детских лечебных заведениях, а затем переключился на преподавательскую деятельность, получив должность профессора в Университете Англия Раскин (Кембридж). Он опубликовал несколько книг и пособий для социальных работников, после чего - неожиданно для себя - начал писать фантастику.

В жанре Бекетт дебютировал рассказом «Вопрос выживания» (1990) и с тех пор опубликовал еще около трех десятков рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Тест Тьюринга» (2008), а также роман «Священная машина» (2004). Рассказ Бекетта «Человек, живущий на пособие» (1993) был номинирован на Британскую премию по научной фантастике.

ГАРКУШЕВ Евгений Николаевич

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 4 за этот год)

Корр.: Вы уже не в первый раз выступаете в формате творческих дуэтов. Чего вы ждете от подобных союзов?

Е.Гаркушев: Работа в соавторстве - игра. В этой игре проще находить новые решения, легче идет текст. Но если соавтор борется с твоей версией развития событий, настаивает на своих решениях, это бывает весьма и весьма тяжело. Соавторство - всегда компромисс... Еще один немаловажный факт - расстояния сейчас сократились, а круг общения

расширился. Все знают всех. Так почему бы не попробовать написать что-то вместе.

**КРОУЭЛЛ Бенджамин
(CROWELL, Benjamin)**

Американский ученый-физик, популяризатор науки и фантаст закончил Йельский университет и аспирантуру в Университете штата Калифорния в Беркли. В настоящее время преподает физику в одном из колледжей Южной Калифорнии.

В научной фантастике Кроуэлл выступил в 2008 году, опубликовав рассказ «Качество жизни», и с тех пор напечатал еще несколько рассказов и повестей. Помимо этого он написал полтора десятка научно-популярных книг и учебных пособий по физике, математике и космологии.

**МАКХЬЮ Йэн
(McHUGH, Ian)**

Австралийский критик, иллюстратор и писатель Йэн Макхью дебютировал в фантастике в 2004 году рассказом «Алхимический автомат для исполнения блюзов», который завоевал первое место на литературном конкурсе в рамках ежегодной Национальной конвенции.

С тех пор Макхью участвовал в работе американского семинара молодых фантастов Clargon и конкурсе молодых фантастов Writers of the Future, опубликовал еще восемь рассказов; один из них завоевал одну из высших австралийских премий в жанре - Aurealis. В настоящее время Йэн Макхью проживает в Канберре.

**РЕЗНИК Майк
(RESNICK, Mike)**

Один из видных представителей американской фантастики последних трех десятилетий Майкл Даймонд Резник родился в 1942 году в Чикаго (предки его были выходцами из России). Окончив университет, Резник работал клерком в управлении железных дорог, кинологом, редактором в издательстве. Активный поклонник творчества Эдгара Райса Берроуза, Резник дебютировал в литературе романом «Забывтое море Марса» (1965). Однако подобный род беллетристики ему вскоре наскучил, и писатель неожиданно оставил фантастическую литературу (на полтора десятка лет), переключившись на иные жанры, в которых

успел насочинять под множеством псевдонимов более 200 книг.

Возвращение Резника в научную фантастику состоялось в середине 1980-х. Сейчас на счету писателя около 180 рассказов и повестей и около 80 романов. Многие из них объединены в серии - «История будущего», «Рассказы о галактическом Мидуэе», «Хроники дальних миров», «Оракул», «Кириньяга». Он сочинил эротическую тетралогию «Истории бархатной кометы», состоящую из романов «Восход Эроса» (1984), «Эрос в зените» (1984), «Закат Эроса» (1985) и «Эрос в надире» (1986).

Резник восемь раз становился лауреатом премии «Хьюго», по одному разу завоевывал премии «Небьюла» и Skylark (имени Эдуарда «Дока» Смита), а также стал обладателем двух десятков других, рангом пониже. На премии «Хьюго» и «Небьюла» произведения Резника номинировались 50 раз!

Писатель выпустил несколько оригинальных антологий на темы альтернативной истории: «Альтернативные президенты», «Альтернативные полководцы», «Альтернативные преступники», «Альтернативные тираны», «Альтернативные всемирные конвенции». Всего же на его счету более двух десятков антологий.

СИНЯКИН Сергей Николаевич

Волгоградский фантаст Сергей Синякин родился в 1953 году в семье военнослужащего в поселке Пролетарий Мстинского района Новгородской области. В 1965 году семья переехала в Волгоград. После службы в рядах Советской армии Сергей поступил на работу в органы внутренних дел, где прослужил до 1999 года, пройдя путь от рядового милиционера до подполковника милиции, начальника отдела по расследованию особо тяжких преступлений.

Активный участник волгоградского КЛФ, библиофил и знаток советской НФ С.Синякин в 1980-х и сам начал писать. Первой опубликованной работой стала повесть «Шагни навстречу» (1988) в городской газете, а двумя годами позже увидела свет дебютная книга фантаста - сборник рассказов «Трансгалактический экспресс» (1990). Еще через год вышел новый сборник - «Лебеди Кассиды» (1991). Однако после этого Сергей Синякин на десятилетие исчез из жанра.

Возвращение в фантастику оказалось более чем удачным: первая же повесть «Монах на краю Земли» (журнал «Если», 1999) была обласкана критикой и получила престижные жанровые награды - «Сигму-Ф», «Бронзовую улитку», «Интерпресскон», АБС-премию и «Мраморного фавна». В 2002 году к этой коллекции добавилась еще одна «Бронзовая улитка» - за повесть «Кавказский пленник», а в 2010 году премия журнала «Полдень XXI век» за повесть «Младенцы

Медника».

Перу Сергея Синякина принадлежат книги «Монах на краю Земли» (2000), «Владычица морей» (2000), «Вокруг света с киллерами за спиной» (2001), «Злая ласка звездной руки» (2001), «Люди Солнечной системы» (2002), «Операция прикрытия» (2003), «Пространство для человечества» (2004), «Заплыв через реку Янцзы» (2004).

ШИРЛИ Джон (SHIRLEY, John)

Американский музыкант, писатель и сценарист Джон Патрик Ширли родился в 1951 году в Хьюстоне (штат Техас), а детство провел в Портленде (штат Орегон). Его молодые годы прошли в Нью-Йорке и Париже, где Ширли вел богемную жизнь, занимаясь музыкой: он был вокалистом группы *Obsession*, игравшей, по его собственной характеристике, «пост-панк-фанк-рок».

В фантастике Ширли дебютировал в 1977 году рассказом «Слово «средний», умышленно повторенное» и с тех пор опубликовал 33 романа (в том числе новеллизации сценариев известных фантастических фильмов) и около сотни рассказов и повестей, лучшие из которых составили семь сборников. Ширли с одинаковым успехом работает в жанре «твердой» НФ, фэнтези, хоррора и сюрреалистической фантастики, а также пишет сценарии для кино и телевидения.

Успех писателю принес его киберпанковый роман «Закат» (1985, другое название - «Песня по имени Юность»), за который критики наградили автора титулом «Эдгар По эпохи постмодерна». Впоследствии фантаст написал два романа-продолжения - «Полутень» (1988) и «Корона» (1990). Ширли неоднократно номинировался на премию Международной гильдии авторов, работающих в жанре хоррора (*International Horror Guild Award*) и премию имени Брэма Стокера. Он дважды завоевал первую и один раз вторую.

В настоящее время Джон Ширли проживает в окрестностях Сан-Франциско.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Бориса РУДЕНКО
«ОЧЕНЬ ХОЛОДНО»
Адама-Троя КАСТРО
«ПЕРЕСТРЕЛКА НА ТЕМНОЙ СТОРОНЕ»

РАССКАЗЫ

Раджнара ВАДЖРЫ,
Николая КАЛИНИЧЕНКО,
Карла ФРЕДЕРИКА

СТАТЬЯ

Глеба Елисеева:
вестерн и фантастика

ЧИТАЙТЕ НОЯБРЬСКИЙ
ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Объявлена подписка на 2011 год.

Наш журнал вы найдете в объединенном каталоге

«Пресса России»
(том I: газеты, журналы)
и в каталоге «Роспечать»
(газеты, журналы).

Цена подписки
(включая стоимость почтовых услуг)
полугодового комплекта
(индекс 73118) — 520 рублей,
годового (индекс 42918) — 951 рубль.

Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Бориса РУДЕНКО
«ОЧЕНЬ ХОЛОДНО»
Адама-Троя КАСТРО
«ПЕРЕСТРЕЛКА НА ТЕМНОЙ СТОРОНЕ»

РАССКАЗЫ

Раджнара ВАДЖРЫ,
Николая КАЛИНИЧЕНКО,
Карла ФРЕДЕРИКА

СТАТЬЯ

Глеба Елисеева:
вестерн и фантастика

ЧИТАЙТЕ НОЯБРЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»
ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Объявлена подписка на 2011 год. Наш журнал вы найдете в объединенном каталоге «Пресса России» (том I: газеты, журналы)

